СЫНЪ
ОТЕЧЕСТВА.

ИЗДАНІЕ П. Р. ФУРМАННА.

V.

Сынъ Отечества выходитъ каждый мѣсяцъ 1-го числа.

Подписка принимается:

1) Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

2) У Издателя Петра Романовича Фурманна, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, за Аничковымъ мостомъ, въ домѣ Логинова.

3) У книгопродавца Василья Петровича Полякова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ Гостинномъ Дворѣ, въ книжномъ магазинѣ подъ № 17-мъ, гдѣ помѣщается и Контора.

За годовое изданіе *Сына Отечества*, состоящее изъ двѣнадцати книгъ *съ картинками модъ и другими приложеніями* ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ. За почтовую пересылку въ другіе города или за доставленіе въ С.-Петербургѣ прилагается 1 руб. 50 коп. серебромъ.

1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

ВАСИЛІЯ ДЕНОТКИНА, Коммиссіонера Двора Е. И. В. Великой Княгини Маріи Николаевны, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Демидова, противъ Публичной Библіотеки, только что вышли изъ печати и поступили въ продажу:

Цѣны на серебро.

Для фортепіано.

—	Dascha-Polka.	50 »
—	Tarantella neapolitana.	85 »
Lund, Fred;	Caroline-Polka	40 »
—	Alexandre-Polka.	40 »
—	Emma-Polka	
Josse, M,	Frisette-Polka	50 »
—	Mila-Polka	50 »
Titoff, N.	Родные звуки, вальсъ.	85 »
—	Весенній букетъ, вальсъ.	85 »
Gungle, Ioh.,	Najaden-Quadrille	75 »
—	Sophie-Quadrille	75 »
—	Les Parisiennes-Valse	85 »
—	Najaden-Polka	75 »

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ИСТОРІЯ, ПОЛИТИКА, СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.
1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 10 Іюня 1852 года.

Цензоръ *Н. Елагинъ.*
Цензоръ *Н. Пейкеръ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ КНИГИ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Историческія Замѣчанія о городѣ Томскѣ. *А. Латышева.* 1—1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ. Путешествіе Высочайшихъ особъ (*стр.* 1). Высочайшіе Рескрипты (5), Высочайшіе Указы (6), Правительственныя распоряженія: по Министерствамъ Двора (13), Военному (15), Финансовъ (16), Юстиціи (16): Народнаго Просвѣщенія (20), Внутреннихъ Дѣлъ (20); по Вѣдомству Почтоваго Департамента (22); по Вѣдомству Путей Сообщенія (23); Опредѣленіе и назначеніе (24). Производство (25). Пожалованіе: въ званіе къ Высочайшему Двору (26); орденами (26); медалями (28). . . . . 1—28

Извѣстія съ Кавказа. . . . . 29—31

Разныя извѣстія. Истинно-прекрасный памятникъ (31). Торговля (32). Русскіе купеческіе фрегаты (40). Пароходство по Волгѣ (41). Московка, русское изобрѣтеніе, получившее

привиллегію въ Лондонѣ (42). Замѣчательнѣйшіе пожары (42). Странный случай смерти, приписываемый укушенію отъ клопа (43). Отравившійся сырой соленой рыбой (43). Заразившіеся отъ снятой съ вола кожи (43). Несчастіе отъ дѣтской шалости (44). Появленіе саранчи (44). Замѣчательный фактъ въ области метеорологіи (44). Метеорологическія явленія (48). И у Москвы свой Павловскій-воксалъ (49). . . . 31—50

Некрологъ. . . . . 50—52

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Франція (53). Англія (79). Германія (90). Пруссія (96). Австрія (99). Данія (105). Швейцарія (105). Италія (106). Португалія (108). Турція (108). Америка (109). Азія (115). Африка (116). Австралія (118). 53—119

Новости ученаго міра. Географическая новость (120). Успѣхъ электрическаго освѣщенія. . . . . 120—

Желѣзныя дороги и пароходство. . . . . 120—122

Разныя извѣстія. Рѣдкій самородокъ золота (122). Замѣчательная находка (122). Кристальный-дворецъ (123). Самое быстрое путешествіе изъ Китая въ Англію (123). С. Дж. Франклинъ (123). Подводные телеграфы (128). Регуляторъ часовъ по всей Англіи (129). Масло для машинъ (129). Величайшій театръ въ Парижѣ (129). Новая бумажная масса (129). Ливерпульскій и Нью-Іорскій порты (130). Ливерпуль и Лондонъ (130). Надпись надъ гробницею Наполеона (131). Отчетъ лондонской полиціи (132). Трогательный анекдотъ (132). Электрическій телеграфъ. . . . . 122—132

Некрологъ. . . . . 132—134

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Святославъ въ Доростолѣ. *М. Истомина.* . . . . . 1—8

Ночь. *Н. А* . . . . . 8—10

Пустынная Обитель. . . . . 10—12

ЯМЩИКИ. *В. Кривича.* . . . . . 13—54

Послѣдніе дни жизни Жуковскаго. *Священника Іоанна Базарова.* . . . . . 55—66

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Кольцовъ. *В. Стоюнина* . . . . . 1—42

Галванизмъ и практическія его приложенія. *Ф. Петрушевскаго* . . . . . 43—64

ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ СИСТЕМЫ ДОГОВОРОВЪ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЪ ПО НАЧАЛАМЪ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. Соч. АЛЕКСАНДРА ЛАКІЕРА. Статья вторая. . . . . 65—120

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

44. Путеводитель по Императорской Публичной Библіотекѣ. С.Пб. 1852 г.

45. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1851 годъ С.Пб. 1852 г.

46. Кавказскій Календарь на 1852 годъ, изданный отъ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Тифлисъ 1851 г.

47. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турціи. Сост. *М. И. Богдановичъ*. С.Пб. 1852 г.

48. Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній. Сост. инженеръ-полковникъ *Аркадій Телляковскій*. С.Пб. 1852 г.

49. Первоначальныя понятія о гомеопатіи. Соч. доктора *Яра*. Переводъ съ французскаго *В. С.....ва*. Москва 1852 г.

50. Геогностическая карта С.-Петербургской губерніи, профессора *К. Куторги*. С.Пб. 1852 г.

51. Чтенія о предметахъ физики. Сост. *М. Ивельниковымъ*. С.Пб. 1851 г.

52. Дареджана имеретинская, драма въ пяти дѣйствіяхъ, *Я. П. Полонскаго*. Москва 1852 г.

53. Бесѣды матери съ дѣтьми въ праздникъ Святой Пасхи. 1852 г.

54. О молитвѣ христіанина. Сост. священникомъ *Петромъ Цвѣтковымъ*. С.Пб. 1852 г.

СМѢСЬ.

Закулисныя тайны. Статья *Чарльса Диккенса*. . . . . 1—12

О смольной промышленности въ Архангельской губерніи. *В. Чернышова*. . . . . 12—17

Воспоминаніе о Н. П. Гнѣдичѣ . . . . . 17—20

Мысль и улыбка. . . . . 21—33

Моды. . . . . 34—

Приложеніе:

Модная картинка.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

О ГОРОДѢ

ТОМСКѢ.

До начала XVII столѣтія здѣшняя сторона не была зависима отъ Россіи, и на мѣстѣ, занимаемомъ теперь Томскомъ, тогда бродили стада, да одиноко стояли юрты небольшаго татарскаго племени Еушты, которое тутъ жило со своимъ княземъ Таяномъ, и имѣло главное сборное мѣсто и торжище противъ нынѣшняго города, за рѣкою Томью, на острову, до-сихъ-поръ называемомъ «Таяново Городище». Потомки Еушты живутъ въ окрестныхъ деревняхъ, между-прочимъ на первой станціи отъ Томска по московской дорогѣ, въ Калтай-аулѣ, и называются Юштинскими Татарами.

Татарскія племена всегда враждовали между-собою; хотѣлъ ли Таянъ, тѣснимый сосѣдями, для борьбы съ ними, подкрѣпить свои силы союзомъ съ Русскими, или понялъ,

что ему не избѣжать общей участи своихъ единоплеменниковъ,—покорности Бѣлому Царю, какъ бы то ни было, только онъ поѣхалъ въ Москву, представился Царю Борису Федоровичу Годунову, и просилъ принять его, Таяна, со всѣмъ племенемъ въ подданство Россіи, а подлѣ его аула построить крѣпость, подъ защитою которой обѣщалъ, со своей стороны, содѣйствовать покоренію окрестныхъ племенъ; далъ аманатовъ, и выпросилъ для себя и своихъ подданныхъ свободу отъ ясака. Государь видѣлъ, какую пользу можетъ принесть устройство такого внѣшняго пограничнаго пункта, и поручилъ двумъ воеводамъ, Гаврилѣ Писемскому и Василью Тиркову, съ людьми, откомандированными изъ Тобольска, Тюменя, Сургута и Березова, на указанномъ Таяномъ мѣстѣ, на высокомъ и крутомъ берегу Ушайки, близъ впаденія ея въ Томь,—тамъ, гдѣ теперь костелъ,—построить деревянную крѣпость; прежнихъ жителей оставить, окрестныхъ Татаръ покорить, отъ покоряемыхъ брать заложниковъ, и съ принимающими подданство поступать какъ можно ласковѣе и снисходительнѣе.

Такимъ-образомъ въ 1604 году заложенъ здѣсь сначала *острогъ*, т. е. мѣсто, укрѣпленное и обнесенное заостреннымъ палисадомъ. По положенію близъ рѣки Томи, острогъ этотъ названъ *Томскимъ;* вскорѣ внутри его была построена церковь, и за стѣнами, на берегу Томи, при впаденіи въ нее рѣчки Большой-Киргизки, монастырь,—оба зданія деревянныя. Въ Томскѣ до начала нынѣшняго столѣтія, а до 1680 года и во всей Сибири, не было ни одного каменнаго строенія: города и остроги, монастыри и церкви были деревянные и строились безъ всякаго плана и порядка, отъ чего были частые и ужасные пожары, цѣлые города превращались въ груды пепла. Въ 1648 году этой участи подвергся и Томскій-острогъ. Вмѣсто его былъ построенъ уже *рубленый городъ*, и съ этого времени зовется «городъ Томскъ», а у Татаръ «Томъ-Тура». Новая крѣпость была опять деревянная, обведенная деревянною же

стѣною, съ шестью по угламъ башнями; внутри крѣпостныхъ стѣнъ помѣщались: церковь, магазинъ для храненія ясачной мягкой рухляди, канцелярія, хлѣбные и соляные магазины, тюрьма. По мѣрѣ отдаленія на востокъ пограничной черты русскаго владычества, увеличивалась безопасность Томска; скоро жители не были въ необходимости безпрестанно искать убѣжища въ крѣпости, и мало-по-малу стали строиться за ея стѣнами; отъ-этого городъ быстро расширился; но сначала онъ строился, какъ и всѣ сибирскіе города, безъ плановъ, безъ линій, безъ всякаго понятія о городской архитектурѣ: кому гдѣ вздумается, тотъ тамъ и срубитъ домъ, тоже какой вздумается; образцы тогдашнихъ улицъ и домовъ еще можно видѣть въ старыхъ, отдаленныхъ частяхъ города. Устроиваться Томскъ началъ съ 1816 года, но красивымъ и опрятнымъ сталъ въ послѣдніе шесть-семь лѣтъ. Однакоже и въ старину, хотя онъ былъ и некрасивъ, но по своему положенію былъ весьма важенъ, и потому уже въ 1629 году сдѣланъ Разрядомъ, т. е. главнымъ, («велѣно Томску сидѣть своимъ столомъ»), а тогдашніе остроги: Кетскій, Кузнецкъ, Нарымъ, Сургутъ, Енисейскъ и Красноярскъ были ему подчинены; но позднѣе, когда въ восточной сторонѣ Сибири умножились наши поселенія, Разрядомъ сталъ Енисейскъ (1676 г.), а Томскъ подчиненъ Тобольску.

Такъ какъ цѣль построенія Томска была—привести въ подданство сосѣднія племена, то основатель города, Гаврила Писемскій, не замедлилъ сдѣлать первый опытъ надъ ближайшими изъ нихъ—*Телеутами*, или Теленгутами, которые жили тогда на западной сторонѣ Оби, и въ 1605 году звалъ къ себѣ ихъ князя *Абака*. Абакъ очень желалъ быть въ мирѣ съ новымъ острогомъ, но долго не рѣшался идти въ Томскъ, опасаясь вѣроломства. Наконецъ, въ 1609 году, Таянъ и нѣсколько казаковъ остались въ его улусѣ аманатами, а онъ, съ знатнѣйшими изъ своихъ, отправился въ Томскъ, и принялъ присягу подданства. Абакъ сохранялъ

вѣрность до перваго случая, поставившаго Русскихъ въ затруднительное положеніе: въ 1624 году, когда Томску грозила со всѣхъ сторонъ опасность отъ возмущенныхъ Киргизами ясачныхъ племенъ, онъ нечаянно подступилъ съ Телеутами къ самому городу, и сдѣлалъ много вреда; а когда обстоятельства перемѣнились, сталъ извиняться, что все это сдѣлалось безъ его вѣдома, обѣщалъ совершенно покориться Россіи и самъ быть въ Томскъ, чего однакожс не исполнилъ. Въ 1630 году онъ снова напалъ на Томскій уѣздъ, и прежде всего устремился на *Таяновъ-городокъ*, подлѣ Томска; но услыша о посланной туда помощи, пошелъ къ Оби, а потомъ внизъ по ея теченію, и ограбилъ лежащія на пути волости. Для пресѣченія такихъ озарничествъ, изъ Томска былъ посланъ боярскій сынъ *Гаврила Чернцынъ* съ партіею казаковъ и Татаръ. Чернцынъ слѣдилъ за непріятелемъ, спускаясь по рѣкѣ на судахъ, и скоро встрѣтилъ значительное число Телеутовъ, хотѣвшихъ на лодкахъ перебраться черезъ Обь; онъ частію побилъ ихъ, частію потопилъ въ рѣкѣ, а за спасшимися погнался въ степь, и преслѣдовалъ до самаго стана, гдѣ истребилъ ихъ столько, что Телеуты принуждены были, въ 1632 году, смириться; Абакъ прислалъ въ Томскъ внучатъ своихъ *Итегмена* и *Каймака*, и вскорѣ послѣ того кончилъ свою бурную жизнь. Правленіе Телеутами принялъ сынъ его *Кока* (около 1635 г.). Когда въ Томскѣ было получено извѣстіе о смерти Абака, къ сыну его послали атамана Зиновія Амосова, съ требованіемъ явиться въ Томскъ для учиненія присяги; но Кока едва согласился дать присягу, не выѣзжая изъ своего улуса; а для подтвержденія ея послалъ въ Томскъ брата своего *Имеса*. Поступки Абакова преемника доказали, что онъ давалъ присягу, вовсе не намѣреваясь ее исполнять, потому-что не пропускалъ случая вредить Русскимъ, всегда пользовался ихъ затруднительными обстоятельствами, и входилъ въ тайныя сношенія съ врагами Русскихъ, несмотря на неоднократныя къ нему посольства съ напоминаніями о присягѣ и клятвахъ, кото-

рыя онъ часто повторялъ, но такъ же часто и нарушалъ. Наконецъ, тѣснимый съ одной стороны Русскими, съ другой Калмыками, Кока умеръ въ степи, какъ бѣглецъ, а подданные его подпали подъ власть Калмыковъ, кромѣ немногихъ, которые, между 1658 и 1665 годами, по послѣднемъ отпаденіи этого князя, когда онъ принужденъ былъ перебѣгать изъ одной степи въ другую, не имѣя покоя, претерпѣвая всякую нужду, голодъ и ежедневныя опасности, —оставили Коку, искали спокойнаго убѣжища у Русскихъ, и поселились въ уѣздахъ Томскомъ и Кузнецкомъ.

Въ то время, когда Абакъ изъявлялъ желаніе мира съ новозаложеннымъ Томскимъ-острогомъ, *Немча*, князекъ Киргизовъ, жившихъ около рѣки Абакана, впадающей въ Енисей, также показывалъ наклонность быть въ русскомъ подданствѣ; но присланные въ 1606 году, на смѣну Писемскому, новые воеводы испортили все дѣло, и вмѣсто союзниковъ пріобрѣли Томску непримиримыхъ враговъ: Немча послалъ въ Томскъ, для переговоровъ, свою жену; но воеводы, мало заботясь о пользѣ государственной, позволили себѣ стащить съ посланницы соболью шубу, которая имъ слишкомъ нравилась. Немча такъ былъ оскорбленъ этою наглостію, что далъ клятву вѣчнаго мщенія, и на первый разъ предалъ огню и мечу селенія подвѣдомственныхъ Томску Чулымскихъ Татаръ. Воеводы томскіе хотѣли показать видъ, что дѣло о подданствѣ Немчи считаютъ покончennымъ, и на слѣдующій годъ (1607) послали къ нимъ казаковъ для сбора ясаковъ, но Киргизы задержали казаковъ; потомъ опять принялись раззорять чулымскія волости, и многихъ увели въ плѣнъ. Для прекращенія этихъ грабежей, въ Томскѣ снарядили противъ Киргизовъ 300 человѣкъ казаковъ и Татаръ; но томское войско воротилось безъ успѣха, даже съ значительнымъ урономъ, что ободрило непріятелей и привело въ сомнѣніе новопокоренныхъ;—нѣкоторые изъ нихъ даже стали отпадать. Въ это время въ Томскѣ и другихъ сибирскихъ городахъ войска было мало, а изъ Мос-

квы, по причинѣ смутнаго времени, помощи ожидать было нельзя, по этому не могли напасть съ значительною силою на Киргизовъ, которые между-тѣмъ, въ 1614 г., склонили къ отпаденію отъ Россіи всѣхъ татарскихъ народовъ Томскаго уѣзда, какъ обложенныхъ ясакомъ, такъ и находящихся въ службѣ, и вмѣстѣ съ ними, со всею силою, нечаянно подступили къ Томску, побили на полѣ людей, и потопили или пожгли созрѣвшій уже хлѣбъ; однако, будучи неспособны произвести осаду, самому городу не могли сдѣлать никакого вреда, и каждый разъ, какъ подступали, были отбиваемы; а наконецъ, счастливою вылазкою Русскихъ, совсѣмъ прогнаны. Чулымскіе Татары, снисходительностію и ласкою, въ 1615 году опять приведены въ послушаніе; гораздо болѣе труда было съ самими Киргизами, которые раздѣлились на три части и укрѣпили свои станы; Русскіе принуждены были брать ихъ приступомъ одинъ за другимъ, при чемъ побили находившихся въ укрѣпленныхъ станахъ людей; женъ и дѣтей ихъ отвели въ плѣнъ, а отъ оставшихся взяли аманатовъ. Послѣ этого Киргизы присмирѣли, и волею-неволею сдѣлались миролюбивы, дали присягу на вѣрность и уплатили часть ясака. Побѣдоносные казаки съ торжествомъ возвратились въ Томскъ, въ 1616 году. Но недалѣе, какъ въ 1619 году, всегда недовольные Русскими, Киргизы предложили Алтынъ-Хану получать отъ нихъ дань, которую они платили Русскимъ и защищать ихъ противъ Русскихъ. Напрасны были напоминанія томскихъ воеводъ о присягѣ и справедливости, какъ Алтынъ-Хану, такъ и Киргизамъ. Въ 1620 году Киргизы возмутили всѣхъ ясачныхъ; въ тоже время угрожали нападеніемъ и Калмыки, а Томскъ едвали имѣлъ тогда всего гарнизона 280 человѣкъ, да и изъ тѣхъ 50 было отдѣлено въ Кузнецкъ, слѣдовательно, трудно было противиться столь многимъ врагамъ. Когда на другой годъ, Киргизы подступили къ городу, жители сочли за лучшее войти съ ними въ переговоры и употребить для этого живших въ Томскѣ бухарскихъ купцовъ, потомки которыхъ и теперь живутъ въ предмѣстьи, называемомъ

татарскою-слободою, и которыхъ не надо смѣшивать съ потомками Таянова племени, живущими въ окрестныхъ деревняхъ; Бухарцы пришли для торговли, когда Томскъ уже существовалъ, и, съ дозволенія правительства, навсегда остались въ немъ. Посланные, возвратясь отъ Киргизовъ, объявили, что тѣ жалуются на разныя притѣсненія, и особенно на удержаніе аманатомъ ихъ владѣтеля; но что, впрочемъ, они готовы опять покориться, *если аманаты будутъ освобождены*. Конечно въ Томскѣ этому мало повѣрили, и борьба продолжалась до 1628 года, когда недалеко отъ Томска былъ построенъ Красноярскъ и въ немъ поставленъ сильный гарнизонъ,—что̀ устрашило Киргизовъ; они повели переговоры съ красноярскими воеводами и изъясняли причины своего неудовольствія на томскихъ; но видя въ красноярцахъ еще большую притязательность, опять обратились къ Томску, съ обѣщаніемъ платить ясакъ. И дѣйствительно, въ 1630 году томскій пятидесятникъ Дмитрій Копыловъ получилъ отъ нихъ ясакъ, съ обѣщаніемъ и впредь его платить. Это произвело большую зависть между обоими городами; красноярскіе казаки угрожали местію Киргизамъ, если они не станутъ платить ясака въ Красноярскъ; но Томскъ передъ этимъ былъ сдѣланъ *Разрядомъ*, отъ котораго, между-прочимъ, зависѣлъ и Красноярскъ, слѣдовательно, томскіе воеводы имѣли власть, не только запретить красноярскимъ воеводамъ впредь требовать ясака отъ Киргизовъ, но и наказать казаковъ за неприличныя угрозы.

Киргизы же помѣшали вступленію въ подданство и *Кузнецкихъ Татаръ*, которые, вопреки общему татарскому обычаю, жили *осьдло* по рѣкамъ Мразѣ и Кондомѣ, впадающимъ въ Томь. Фишеръ говоритъ, что они плавили желѣзо и дѣлали изъ него разныя вещи, а отъ того и названы сперва *Кузнецами*, а потомъ *Кузнецкими*. Они были свободны, и отъ приходившихъ иногда Киргизовъ откупались своими издѣліями—котлами, таганами, стрѣлами и т. под. Въ

1607 году къ нимъ посланы были изъ Томска казаки, чтобы привесть ихъ въ подданство, и дѣло сначала пошло успѣшно, но потомъ, наущенные Киргизами, Татары-Кузнецы долго упорствовали. Въ 1615 году пришла къ нимъ нечаянно партія стрѣльцовъ и казаковъ, которые, раздѣлясь по ихъ волостямъ, самовольно тамъ жили. Скоро пришли 5,000 Калмыковъ и Киргизовъ, которые, вступясь за Татаръ, со всѣхъ сторонъ окружили Русскихъ. По счастію, предводитель Русскихъ, Иванъ Пущинъ, укрѣпилъ занятое имъ мѣсто палисадникомъ, такъ, что въ расплохъ на него напасть было нельзя; онъ выдерживалъ осаду десять недѣль, отбивая нападенія; наконецъ у Русскихъ истощились съѣстные припасы, и они рѣшились на послѣднее средство: идти на вылазку: побѣдить, или умереть. Казаки, въ числѣ двухъ сотъ, сбивъ съ поля 5,000 враговъ, еще многихъ захватили въ плѣнъ. Послѣ этого случая Русскіе у всѣхъ туземцевъ пришли въ большое уваженіе, и Кузнецкіе-Татары присланныхъ на слѣдующій годъ, для приведенія ихъ къ присягѣ, казаковъ приняли со всевозможнымъ почтеніемъ и услужливостію, и всѣми средствами старались доказать свою покорность. Для удержанія въ повиновеніи этихъ новыхъ подданныхъ, въ 1618 году былъ построенъ, на правомъ берегу Томи, противъ устья Кондомы, острогъ, который скоро сдѣлался городомъ. Въ 1624 году, во-время возмущенія Киргизовъ, получено было въ Томскѣ извѣстіе отъ кузнецкаго воеводы, что и тамошніе Татары, подстрекаемые Калмыками, угрожаютъ отпаденіемъ и дѣлаютъ скопища, какъ бы готовясь къ бою. Но *Гагаринъ,* томскій воевода, не былъ въ состояніи послать просимой помощи, потому-что и томскіе Татары умышляли зло, и скрытная ихъ измѣна обратилась въ явный бунтъ. Впрочемъ эти враги не такъ были опасны Русскимъ, какъ можно подумать: у нихъ не было ни собственныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, ни умѣнья и средствъ вредить русскимъ крѣпостямъ, хотя онѣ всѣ были деревянныя и состояли изъ четырехугольнаго ряда свай, или бре-

венчатыхъ стѣнъ,—потому-что все оружіе Татаръ состояло изъ лука и стрѣлъ.

Мы упоминали объ Алтынъ-Ханѣ, которому передались Киргизы. Этотъ соименникъ Алтынъ-Хана, господствовавшаго лѣтъ за 400 въ сѣверномъ Китаѣ,—владѣлъ въ западной части Монголіи и пребывалъ, бо́льшею частію, у рѣки Кемчука, впадающей въ Енисей. Въ 1616 году, въ-слѣдствіе слуховъ, будто Алтынъ-Ханъ хочетъ покориться Россіи, къ нему проѣзжали черезъ Томскъ послы отъ имени Царя Михаила Феодоровича: Тарскій атаманъ Василій *Тюменецъ* и десятникъ изъ Тюменя *Василій Петровъ*, съ царскими дарами. Томскій воевода Федоръ Васильевичъ *Бабарыкинъ*, по прибытіи пословъ, немедленно послалъ казаковъ къ Киргизамъ, съ повелѣніемъ, чтобы нѣкоторые изъ нихъ ѣхали къ Алтынъ-Хану, съ объявленіемъ о прибытіи русскихъ пословъ, и съ требованіемъ, чтобы ханъ прислалъ нѣсколько своихъ людей навстрѣчу посламъ, для препровожденія ихъ въ его улусъ. Въ ноябрѣ послы возвратились въ Томскъ и привели съ собою двухъ пословъ хана, которые подтвердили, что Алтынъ-Ханъ желаетъ покориться Русскому Царю, и 16 декабря отправились въ Москву. Въ 1619 г. было еще и другое посольство отъ Алтына въ Москву, и возвращавшіеся черезъ Томскъ послы, повидимому, были весьма довольны; однакоже въ 1620 году всѣ сношенія были прерваны, потому-что Алтынъ-Ханъ принялъ подъ свое покровительство Киргизовъ и началъ дѣйствовать за одно со врагами Русскихъ. Въ 1632 онъ самъ возобновилъ сношенія, отправивъ въ Томскъ пословъ, съ предложеніемъ *совершеннаго подданства*, съ обязанностію платить дань и со всею ордою сражаться за Русскихъ,—взаимно прося защиты противъ своихъ враговъ, и чтобы къ нему было отправлено посольство, которому бы Алтынъ-Ханъ могъ дать присягу. Такое внезапное и ничѣмъ невынужденное желаніе подданства со стороны людей, выше всего ставящихъ независимость, было очень подозрительно; но какъ охотно вѣрится тому, чего хо-

чется, то въ 1634 году былъ отправленъ съ дарами къ Алтынъ-Хану, въ качествѣ посла, московскій дворянинъ *Яковъ Тугачевскій*, съ томскимъ приказнымъ, по имени *Дружиною Огарковымъ*, для принятія присяги. Ханъ не отрекся отъ присяги, только не лично ее принялъ, а чрезъ своего племянника *Дурал-Табуна* (Табунъ, чиновникъ въ родѣ визиря); русскіе послы также получили отъ него дары, которые однако были до того ничтожны, что томскій приказный Дружина, бросивъ ихъ, жестоко поносилъ и подателя, и Дурал-Табуна, и самаго хана, и его мать, вдовствующую ханшу *Чечень*. По окончаніи посольскихъ дѣлъ, Тугачевскій съ приказнымъ возвратились въ Томскъ; вскорѣ за ними прибыли и послы Хана, которые, вмѣстѣ съ Тугачевскимъ, поѣхали изъ Томска въ Москву; а поддьячій Дружина за свой поступокъ былъ посаженъ въ тюрьму, впредь до указа. Ханскіе послы привезли дань, состоявшую изъ 200 соболей и нѣкоторыхъ другихъ мелочей, въ замѣнъ чего они просили отъ Государя подарковъ: золота, серебра, крупнаго жемчугу, корольковъ, самоцвѣтныхъ каменьевъ, хорошаго панцыря, сабли, винтовки о семи взводахъ, золотой парчи, тонкихъ суконъ, аргамака, колокола, барабана, музыкальныхъ инструментовъ для отправленія идолопоклонническої службы, зрительной трубы и большихъ часовъ; кромѣ-того: старца, бывшаго въ Іерусалимѣ, чтобы хану видѣть, какъ христіане молятся Богу; толмача, который бы зналъ русскій и монгольскій языки; врача съ лекарствами, серебряника, ружейнаго мастера и скорняка. Государь, щедро одаря пословъ, отпустилъ ихъ съ отвѣтною грамотою, напоминая въ ней, чтобы ханъ предъ послами, которые привезутъ царскіе дары, снова далъ присягу *самолично*, присылалъ дани больше, всѣхъ русскихъ пословъ, къ нему присылаемыхъ, отпускалъ назадъ безъ задержаній и съ надежными проводниками; а какъ ханъ жаловался на томскаго приказнаго Дружину «что бранилъ всякою неподобною лаею,—за то во-

ровство бити его нещадно....» Кромѣ людей, колокола, часовъ и винтовки о семи взводахъ, почти всѣ другія просимыя вещи были посланы. Государь велѣлъ съ монгольскими послами отправить изъ Томска сына боярскаго съ приказнымъ служителемъ для принятія отъ Алтынъ-Хана присяги. Воевода *Никита Ивановичъ Ягуповъ-Черкасскій* назначилъ боярскаго сына *Степана Гречанина* и писаря *Андрея Самсонова;* они поѣхали изъ Томска въ 1636 году, и по пріѣздѣ въ монгольскую землю, по ханскому приказанію, были приняты шуриномъ его *Бабою-Табуномъ*, который, въ воздаяніе за трудъ свой, выпросилъ у Гречанина англійскаго сукна на кафтанъ, серебряный перстень и оловянное блюдо (Монголы обыкновенно ѣдали изъ деревянныхъ корытъ); потомъ его привели къ ханскому жилищу, отвели въ приготовленную для посольства палатку, гдѣ изобильно угощали. Черезъ нѣсколько дней посла позвали къ Хану, который принялъ его довольно надменно, дары взялъ, а *самолично* присягать не согласился. Гречанинъ велъ себя съ достоинствомъ. По окончаніи аудіенціи послы были угощаемы Алтынъ-Ханомъ, а потомъ отведены въ свою палатку. Несмотря на все усердіе, Гречанинъ ничего не успѣлъ сдѣлать по предмету своего посольства, да сверхъ-того принужденъ былъ щедро одарить хана, его братьевъ, мать, трехъ женъ и вельможъ: всѣ нагло требовали подарковъ. Въ заключеніе Алтынъ просилъ у Гречанина всего оружія, говоря, что оно очень нужно ему, по причинѣ предстоящаго нападенія Калмыковъ. Посолъ, по необходимости, все исполнилъ, и былъ отпущенъ домой въ 1637 году; съ нимъ прибыли новые послы хана, ѣхавшіе въ Москву съ данью. Въ числѣ пословъ былъ и Дурал-Табунъ, племянникъ хана. Двое изъ встрѣтившихся на дорогѣ Киргизовъ пошли за Дурал-Табуномъ, посмотрѣть, какъ онъ будетъ принятъ въ Томскѣ. Томскій воевода, князь *Иванъ Ромадановскій,* сдѣлалъ для него великолѣпное угощеніе.

Когда Дурал-Табунъ возвратился съ пира и хотѣлъ лечь спать, одинъ изъ провожавшихъ его Киргизовъ пустилъ ему въ шею стрѣлу; сначала рану сочли смертельною, однако томскій казакъ вылечилъ ее счастливо; а злодѣя Монголы, въ первомъ пылу негодованія, изрубили въ куски; воевода хотѣлъ пытать его товарища, чтобы дознаться, какая причина побудила его къ такому убійству, но Монголы сами просили ему пощады для того, чтобы, по возвращеніи, оправдаться передъ Киргизами его свидѣтельствомъ. Четыре недѣли спустя, Монголы отправились въ дальнѣйшій путь, и по пріѣздѣ въ Москву, были допущены къ Государю. Ханъ просилъ объ отпускѣ 10,000 вспомогательнаго войска, которое бы стояло на готовѣ въ Томскѣ; присланная Ханомъ дань была нѣсколько значительнѣе, за-то требуемые подарки до того чрезмѣрны, что Россія легко могла бы раззориться, еслибы стала покупать дань такою цѣною. Однако съ Монголами поступали все еще бережно; пословъ щедро одарили и отпустили съ отвѣтными грамотами. Въ Томскѣ назначены были проводниками пословъ въ ханскій улусъ боярскіе дѣти *Василій Старковъ* и *Степанъ Невѣровъ;* они отправились въ 1638 году, на пути подвергались опасностямъ, до Хана едва были допущены черезъ три недѣли по прибытіи (9-го *ноября*), и хотя въ это время были угощаемы ханскими приближенными, но дорого расплачивались за обѣды,—отъ нихъ безъ стыда требовали подарковъ. Наконецъ, Алтынъ-Ханъ пригласилъ пословъ; Старковъ и Невѣровъ явились, но долго длилось молчаніе, потому-что Монголы требовали чтобы русскіе послы *первые* спросили о здоровьѣ хана; потомъ завязался споръ; Монголы стали грозить, и наконецъ дошли до насилій: пословъ, съ ихъ свитою и со всѣмъ, что при нихъ было, вытолкали изъ ханской палатки. Старковъ и Невѣровъ всю ночь не спали,—боясь еще бо́льшаго насилія и слыша за своей палаткой страшный шумъ; утромъ они узнали, что ханъ отправился на зимнее свое жилище; а о послахъ не было сдѣлано никакого распоряже-

нія, и они опасались, что ихъ, бросивъ въ горахъ, уморятъ голодомъ; дѣйствительно, не ранѣе какъ на пятые сутки ихъ отвели къ Дурал-Табуну и накормили. На другой день послѣ этого пришелъ самъ Дурал-Табунъ съ казначеями хана и его матери, которые требовали отъ пословъ царскихъ подарковъ; послы отзывались, говоря, что вручатъ ихъ на аудіенціи самому хану. Кончилось тѣмъ, что у пословъ дары отняли, да еще заставили ихъ отъ себя дарить хана, его семейство и приближенныхъ. Послѣ всего этого Старковъ былъ опять допущенъ къ хану, и тотъ первый спросилъ о здоровьѣ Его Царскаго Величества; но какъ онъ при этомъ не всталъ и не снялъ шапки, то опять дошло до ужаснаго спора; грамоту Царя ханъ принялъ, но не распечаталъ. Посольская свита была угощаема такъ худо, что послѣ ханскихъ обѣдовъ должна была кушать дома, и расплачиваться за это очень дорого: ханскіе служители, долженствовавшіе доставлять имъ съѣстные припасы, замѣтивъ, что они, по тогдашнему сибирскому обычаю, не ѣли телятины, — кромѣ телятины ничего имъ не приносили, и только за подарки соглашались доставлять что-нибудь другое. Однако у ханскаго нойона въ Кодузунѣ подчивали Старкова *чаемъ*, и онъ говорилъ о листочкахъ чая, какъ о новой, невиданной прежде вещи. Ханъ и его приближенные совершенно обобрали пословъ, и когда болѣе нечего было взять, ханъ далъ прощальную аудіенцію, распечаталъ царскую грамоту и велѣлъ пересказать себѣ ея содержаніе; жаловался, что дары отъ Царя малы; потомъ толковалъ о предположеніи учредить въ Томскѣ рынокъ, для мѣны русскихъ и монгольскихъ товаровъ, просилъ пословъ забыть нанесенныя имъ оскорбленія, и т. п. Наконецъ Старковъ и Невѣровъ были отправлены въ сопровожденіи ханскихъ пословъ. Они еще не далеко отъѣхали, какъ на нихъ напала шайка монгольскихъ разбойниковъ, и отняла послѣдніе остатки имущества. Проѣзжая черезъ землю Киргизовъ, послы опять бы-

ли въ большой опасности, и Невѣровъ едва не попалъ въ плѣнъ; Киргизы, подстрекаемые Калмыками, объявили на отрѣзъ, что впередъ русскихъ пословъ черезъ свои земли пропускать не будутъ, потому-что Алтынъ-Ханъ за одно съ Русскими, и пересылки между ними клонятся къ погибели Киргизовъ. Это такъ худо принятое посольство было послѣднее; безчестное поведеніе Монголовъ не оставило сомнѣнія, что всѣ ихъ обѣщанія и предложенія только обманъ, чтобы выманить подарки.

Въ 1657 году *Лоджанъ*, или *Лоцзанъ*, сынъ Алтынъ-Хана, который еще при жизни отца правилъ государствомъ, съ 4,000 человѣкъ пошелъ на Татаръ Томскаго уѣзда, и покоривъ ихъ, набралъ между-ними 4,000 молодыхъ, которыхъ и распредѣлилъ между своими войсками. Удвоивъ такимъ-образомъ свои силы, онъ сталъ столько гордъ, что задумалъ въ уѣздахъ Томскомъ, Енисейскомъ и Красноярскомъ вовсе истребить Русскихъ и раззорить ихъ города. Для этой цѣли каждый Монголъ былъ снабженъ четырьмя зажигательными стрѣлами, отъ дѣйствія которыхъ Лоцзанъ ожидалъ вѣрныхъ послѣдствій, потому-что все сибирское строеніе было деревянное, а крыши крылись дранью. Кромѣ-того, онъ успѣлъ склонить на свою сторону телеутскаго князя Коку, и уговорилъ его, чтобы, когда Лоцзанъ нападетъ на Томскъ съ одной стороны, Кока въ тоже время стѣснилъ бы его съ другой. Эта опасность была бо́льшая изъ всѣхъ, какимъ подвергались томскіе жители, и трудно рѣшить, чѣмъ бы кончилось дѣло, какую бы участь имѣлъ Томскъ, еслибы Провидѣніе не воспрепятствовало Лоцзану въ исполненіи его намѣренія: во-время самыхъ приготовленій къ войнѣ, въ 1657 году, онъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца; по этому, бросивъ всѣ замыслы, поспѣшилъ домой, чтобы кто другой, предупредивъ его, не похитилъ правленія. Сдѣлавшись ханомъ, онъ старался, противъ ожиданія, сохранять согласіе съ Русскими.

Въ продолженіе описанныхъ переговоровъ, дѣятельность

Томска не ограничивалась одними сношеніями съ Алтынъ-Ханомъ. Якутскіе жители, при частыхъ и дальнихъ разсылкахъ партій въ окружныя, еще непокоренныя мѣста, имѣя нужду въ людяхъ, просили помощи у томскихъ воеводъ. Эти, много наслышась о богатствѣ новообысканныхъ земель, охотно приняли участіе въ дѣлѣ, и въ 1636 году отправили въ Якутскъ 50 казаковъ съ атаманомъ Дмитріемъ Копыловымъ. Къ сожалѣнію, между вспомоществователями и вспомоществуемыми не было ни согласія, ни искренности,—каждая сторона заботилась о себѣ и не знала о намѣреніяхъ другой; такая скрытность была предписана Копылову въ данномъ ему наказѣ. Копыловъ, по приходѣ своемъ на Лену, въ 1637 году, пошелъ на рѣку Алданъ, и поднявшись къ ея верховью, заложилъ Бутальское зимовье и наложилъ ясакъ на живущихъ въ тѣхъ мѣстахъ Тунгусовъ. Онъ нашелъ еще нѣсколько Якутовъ, живущихъ между Алданомъ и Леною, которые, по собственному ихъ объявленію, еще не были положены въ ясакъ. Копыловъ принялъ ихъ въ число подвластныхъ новоучрежденнаго своего зимовья. Другіе, уже платившіе ясакъ въ Якутскъ, но нехотѣвшіе болѣе ему повиноваться, добровольно подчинились Копылову; они это сдѣлали въ надеждѣ повредить своимъ смертельнымъ врагамъ, сохранившимъ вѣрность Якутску, *Зиланамъ*, тоже якутскаго племени, жившимъ на рѣкѣ Амгѣ, впадающей въ Алданъ; Якуты увѣрили Копылова, что Зиланы живутъ въ независимости, взялись показать путь въ ихъ улусъ, и обѣщали всѣми мѣрами содѣйствовать къ ихъ покоренію. Копыловъ принялъ предложеніе съ удовольствіемъ, и безъ дальнихъ изслѣдованій справедливости показанія, пошелъ съ партіею казаковъ и большимъ числомъ непріязненныхъ Зиланамъ Якутовъ, и поступалъ на берегахъ Амги какъ разбойникъ, имѣющій одну цѣль: заграбить все, что̀ можно. Въ это время ѣхалъ начальникомъ Якутска, посланный изъ Енисейска, боярскій сынъ *Парфенъ Ходыревъ*,

который, объѣзжая свою область, пришелъ на рѣку Амгу въ то самое время, когда Копыловъ разграбилъ Зиланъ. Ходыревъ подстерегъ возвращавшагося съ богатою добычею Копылова; они сразились, и томскіе казаки, бывъ побѣждены, лишились 300 лошадей, да столькихъ же быковъ. Побѣдитель не оказалъ ни умѣренности, ни справедливости: онъ приказалъ изрубить 30 Якутовъ, бывшихъ съ Копыловымъ, а отнятый скотъ удержалъ для себя и своихъ казаковъ; Зиланамъ не было легче отъ того, что ихъ добро перешло отъ Копылова къ Ходыреву. Вскорѣ (1640 г.) пресѣклось томское владычество въ странѣ около Бутальскаго зимовья, и она присоединена къ Якутскому уѣзду.

Въ то самое время, какъ Копыловъ, дѣлалъ поиски на Ленѣ, томскіе воеводы замышляли покорить татарскіе роды, живущіе по берегамъ Біи и Катуни. Въ 1633 году они покушались заложить острогъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ эти рѣки соединяются, но имъ воспрепятствовали живущіе тамъ Телеуты. Томцы въ томъ же году опять пришли въ тѣ мѣста, подъ предводительствомъ боярскаго сына Петра Сабанскаго, и дошли до верховьевъ рѣки Біи, вытекающей изъ озера Алтына, названнаго Русскими *Телецкимъ*, по имени жившихъ около него *Телесовъ*. Телесами тогда управлялъ князекъ *Мандрахъ*, который отважился принять непрошенныхъ гостей вооруженною рукою, но видя, что они сильнѣе его, ударился въ бѣгство, не успѣвъ взять съ собою жену, сына Айдара и невѣсту, которые приведены въ Томскъ плѣнными. На слѣдующій годъ Мандрахъ, въ сопровожденіи телеутскихъ пословъ, самъ явился въ Томскъ, далъ присягу и обѣщалъ платить по десяти соболей въ годъ за каждаго изъ своихъ подданныхъ. Томцы приняли его предложеніе съ удовольствіемъ, но были столь неосторожны, что отпустили Мандраха, со всѣмъ семействомъ, полагаясь на его слово; а онъ, выручивъ семью, забылъ обѣщаніе.

Спустя девять лѣтъ послѣ того, Петръ Сабанскій опять пришелъ къ верховьямъ Біи, въ половинѣ зимы, чтобы, перебравшись черезъ озеро Алтынъ, напасть на Телесовъ въ расплохъ; но, сверхъ чаянія, нашелъ озеро непокрытымъ льдомъ, — южная его часть никогда не замерзаетъ,—потому принужденъ былъ наскоро построить суда, чтобъ переплыть на другой берегъ къ Телесамъ. Между-тѣмъ Мандрахъ успѣлъ укрѣпить мѣсто своего жительства и сдѣлалъ вылазку противъ посланныхъ на него Сабанскимъ 80-ти человѣкъ Татаръ и казаковъ съ кузнецкимъ атаманомъ Петромъ Дорофеевымъ; но Телесы съ урономъ отступили въ крѣпость, и самъ Мандрахъ попалъ въ плѣнъ. Сынъ его Айдаръ твердо стоялъ въ крѣпости, выжидая отъ единоземцевъ помощи, которая и пришла черезъ двѣнадцать дней, водою, слѣдовательно, въ тылъ Русскимъ. Союзники Айдара пришли въ ночь, и тотчасъ напали на войско Сабанскаго; а между-тѣмъ Айдаръ, услыша шумъ сраженія, сдѣлалъ вылазку съ другой стороны. Все обѣщало успѣхъ Телесамъ, но конецъ дѣла не оправдалъ ихъ ожиданій: Айдаръ въ самомъ началѣ сраженія былъ плѣненъ Русскими и бо́льшая часть его людей побита; остальные поспѣшно бросились на свои суда, но въ замѣшательствѣ, и притомъ бу́дучи жестоко тѣснимы Русскими, бо́льшею частію погибли въ волнахъ.

Сабанскій остался на мѣстѣ до весны, потому-что ему было дано и ученое порученіе: изслѣдовать соединеніе Телецкаго озера съ Обью, что́ до того времени было извѣстно только по слухамъ. Чтобы не затрудняться въ продовольствіи большаго числа людей, онъ 60 человѣкъ Русскихъ и 18 Татаръ отправилъ въ Кузнецкъ; съ остальными людьми пошелъ на другой берегъ озера, и тамъ, для своей безопасности, построилъ небольшой острогъ. Ему велѣно было основать у этого озера осѣдлость, для учрежденія тамъ постояннаго гарнизона; но онъ нашелъ указанное мѣсто неудобнымъ для этого, потому-что та страна камениста, а

берегъ крутъ и тѣсенъ; возвратясь послѣ въ Томскъ, онъ предложилъ заложить такой острогъ у рѣки Лебедя, впадающей съ восточной стороны въ Бію, гдѣ земля пространна и съѣстные припасы могутъ быть получаемы въ изобиліи. Но воеводѣ неугодно было, чтобы мысль другаго была приведена въ исполненіе; такимъ-образомъ оба предложенія оставлены. Сабанскій привезъ съ собою, въ качествѣ плѣнныхъ, Мандраха и всю его семью. Самъ Мандрахъ нашелъ было случай уйти съ дороги, но привязанность къ семейству понудила его добровольно явиться въ Томскъ, гдѣ его самаго удержали аманатомъ, а прочихъ членовъ семейства отпустили. Пока Мандрахъ былъ живъ, Айдаръ исправно платилъ ясакъ, но послѣ его смерти, случившейся черезъ три года, не хотѣлъ и слышать ни о какихъ податяхъ. Это понудило, въ 1646 году, снарядить третій походъ противъ Телесовъ. Посланными на нихъ казаками предводительствовалъ сынъ томскаго воеводы *Бориса Зубова*. Опять много Телесовъ побили, много взяли въ плѣнъ, — но плоды успѣховъ были невелики: Телеуты, неизвѣстно почему, присвоили себѣ сборъ дани съ этого народа, и въ 1652 году приняли подъ свою защиту бунтующаго Айдара, котораго увели со всѣмъ народомъ въ свои земли. Хотя послѣ Телеуты и сами подпали подъ властъ Русскихъ, а Телесы возвратились на прежнее мѣсто жительства, но надъ Телесами утвердили свою власть Дзюнгорскіе Калмыки. Однако же они и Русскимъ, въ видѣ дара, опять посылали небольшой ясакъ.

А. ЛАТЫШЕВЪ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЫСОЧАЙШИХЪ ОСОБЪ.

Ея Величество Государыня Императрица изволила, въ десять часовъ утра 15-го апрѣля, отправиться изъ С.-Петербурга въ Варшаву.

Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ С.-Петербурга по варшавскому шоссе въ четвертокъ, 17-го апрѣля, въ восемь часовъ пополудни, и прибылъ въ городъ Райгродъ 20 апрѣля, откуда, того же числа, вмѣстѣ съ Ея Величествомъ Государынею Императрицею и Ея Высочествомъ Княжною Маріею Максимиліановною, изволилъ выѣхать въ городъ Варшаву, куда и прибыли Ихъ Величества и Ея Высочество въ вожделѣнномъ здравіи того же дня, въ восьмомъ часу пополудни.

Государь Императоръ и Ея Величество Государыня Императрица съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Княжною Маріею Максимиліановною изволили выѣхать изъ Варшавы, по желѣзной дорогѣ, 24-го апрѣля, въ 7 часовъ пополудни, и прибывъ въ Скерневице, имѣли тамъ ночлегъ.

На другой день, въ 7 часовъ утра, Ихъ Императорскія Величества и Ея Высочество выѣхали по той же дорогѣ, и въ Мысловицахъ были встрѣчены Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ и Принцами Карломъ и Альбертомъ Прусскими. Доѣхавъ до Козеля, Государыня Императрица, съ Его Величествомъ Королемъ и Принцами, а также Княжною Маріею Максимиліановною, изволила отправиться въ Берлинъ, а Государь Императоръ, по дорогѣ на Вѣну.

На пути, въ городѣ Прерау, Его Величество изволилъ почевать. Рано утромъ 26-го апрѣля (8 мая), прибыли въ Прерау Его Величество Императоръ Австрійскій и Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Вслѣдъ за симъ оба Монарха и Великій Князь изволили отправиться въ Вѣну, куда прибыли того же числа, въ часъ пополудни.

На станціи желѣзной дороги Его Величество былъ встрѣченъ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Александрою Іосифовною и Ихъ Высочествами Ерцъ-Герцогами, Альбертомъ, Фердинандомъ-Карломъ и Людвигомъ, Австрійскими. Государь Императоръ изволилъ остановиться въ Императорскомъ дворцѣ.

27-го апрѣля (9 мая), Его Императорское Величество изволилъ слушать обѣдню въ церкви Императорской Россійской Миссіи въ Вѣнѣ.

28-го апрѣля (10 мая), Государь Императоръ изволилъ быть на парадѣ австрійскихъ войскъ, которыми командовалъ самъ Императоръ Францъ Іосифъ; а 29-го апрѣля (11 мая), Его Величество присутствовалъ на ученьи, бывшемъ тѣмъ же войскамъ.

Ея Величество Государыня Императрица, въ сопровожденіи Е. В. Короля Прусскаго и Принцевъ, изволила прибыть 26 апрѣля (8 мая), въ семь часовъ вечера, въ Берлинъ, изъ Бреславля, по желѣзной дорогѣ. Со станціи Нижне-Силезской дороги Августѣйшіе Путешественники отправились, по соединительной линіи, на станцію Потсдамской желѣзной дороги, гдѣ ожидали Ихъ министры, генералы и высшіе сановники, для привѣтствованія Государыни Императрицы, и гдѣ Король представлялъ Ея Величеству министровъ своихъ, изъ которыхъ президентъ совѣта, г. Мантейфель, послѣдовалъ за Ихъ Величествами въ Потсдамъ.

Въ ночи съ 29 (11) на 30 апрѣля (12 мая) Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Вѣны по желѣзной дорогѣ въ

городъ Прагу, гдѣ Его Величество имѣлъ свиданіе съ Императоромъ Фердинандомъ.

30 апрѣля (12-го) мая передъ отъѣздомъ Его Величества Императора Всероссійскаго изъ Вѣны, всѣ Ерцгерцоги, въ русскихъ мундирахъ, и всѣ генералы собрались на путевомъ дворѣ желѣзной дороги. Въ полночь прибыли Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій и Императоръ Австрійскій, послѣдній также въ русскомъ мундирѣ. Прощаніе между обоими Монархами было самое дружественное.

Его Величество Императоръ Всероссійскій удостоилъ Своимъ посѣщеніемъ Князя Меттерниха и Бана Кроатскаго.

По случаю прибытія въ Вѣну Его Величества Императора Всероссійскаго, Ерцъ-Герцогъ Іоаннъ также пріѣзжалъ на короткое время въ столицу.

1-го (12) мая, Его Величество Императоръ Всероссійскій, со Своей свитою, изволилъ прибыть съ чрезвычайнымъ поѣздомъ изъ Богеміи въ Дрезденъ и принятъ былъ на путевомъ дворѣ Его Величествомъ Королемъ Саксонскимъ, военнымъ министромъ, двумя другими саксонскими генералами и русскимъ посланникомъ, г. Шредеромъ. Вскорѣ потомъ Ихъ Величества, со Своими свитами, отправились въ домъ русскаго посольства, гдѣ Государю Императору благоугодно было остановиться.

Въ тотъ же день, Его Величество Императоръ Всероссійскій изволилъ прибыть въ Веймаръ съ чрезвычайнымъ поѣздомъ изъ Дрездена. Его Королевское Высочество Наслѣдный Великій Герцогъ выѣхалъ навстрѣчу Его Императорскому Величеству до Галле, а на путевомъ дворѣ желѣзной дороги, Государь Императоръ былъ принятъ Великимъ Герцогомъ, съ которымъ и поѣхалъ въ замокъ. Послѣ кратковременнаго пребыванія здѣсь, Государь Императоръ изволилъ отправиться въ Берлинъ.

4 (16-го) мая Его Величество Императоръ Всероссійскій прибылъ въ Магдебургъ, въ половинѣ шестаго пополудни, въ вожделѣнномъ здравіи, и былъ принятъ при входѣ въ садъ Фридриха-Вильгельма главными военными начальствами и ландратомъ Фонъ-Гергардомъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, которыя Его Императорское Величество провелъ въ Магдебургѣ, Государь Императоръ изволилъ, не только разговаривать самымъ милостивымъ образомъ съ командиромъ шестаго корпуса, княземъ Радзивиломъ, и съ другими бывшими тутъ генералами, въ особен-

ности съ полковникомъ Фонъ-Бергомъ, нынѣшнимъ командиромъ седьмой кавалерійской бригады, и бывшимъ командиромъ шестаго кирасирскаго полка, котораго Государь Императоръ изволитъ быть Шефомъ, но сверхъ-того еще сдѣлалъ смотръ двумъ ротамъ 27-го пѣхотнаго полка, выстроеннымъ въ честь ему, въ боевомъ порядкѣ. Музыка этого полка играла во все время пребыванія Государя Императора въ Магдебургѣ.

Государь Императоръ прибылъ въ Потсдамъ того же числа въ 8 часовъ вечера, въ вожделѣнномъ здравіи. На станціи желѣзной дороги, Его Императорское Величество былъ встрѣченъ Ея Величествомъ Государынею Императрицею, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ со всею Августѣйшею Фамиліею.

$^{5}/_{17}$ мая, Государь Императоръ изволилъ быть съ Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ на парадѣ войскъ потсдамскаго гарнизона и кирасирскаго имени Его Величества полка.

$^{7}/_{19}$ мая, Его Императорское Величество изволилъ присутствовать на смотрѣ войскъ берлинскаго и подстамскаго гарнизоновъ, въ окрестностяхъ Берлина.

$^{8}/_{20}$ ч., въ день Вознесенія Господня, Государь Императоръ, Государыня Императрица, Его Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Александрою Іосифовною, изволили слушать обѣдню въ православной церкви Александровской колоніи, близъ Потсдама.

$^{9}/_{21}$ мая, Его Императорское Величество изволилъ присутствовать, съ Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ, близъ г. Берлина, на маневрахъ войскъ, сосредоточенныхъ при семъ городѣ.

Того же числа, Государь Императоръ и Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволили быть на военномъ обѣденномъ столѣ у Его Величества Короля Прусскаго; а ввечеру Ихъ Императорскія Величества и Его Высочество удостоили Своимъ посѣщеніемъ спектакль, данный въ Оперномъ-театрѣ.

$^{10}/_{22}$ мая, произведено было, въ присутствіи Его Императорскаго Величества, кавалерійское ученье, въ окрестностяхъ Берлина.

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ:

На имя Преосвященнаго Митрополита Литовскаго Іосифа.

Преосвященный Митрополитъ Литовскій Іосифъ! Въ отличномъ служеніи вашемъ Церкви и Отечеству Я всегда съ удовольствіемъ видѣлъ непрерывныя доказательства пламенной ревности вашей къ Православію и приверженности къ Престолу. Благоуспѣшными дѣйствіями при возстановленіи Православной Іерархіи въ странѣ древняго достоянія Церкви Нашей, и неутомимыми заботами объ утвержденіи въ духовныхъ паствахъ Праотеческой Вѣры, вы оправдали Мои ожиданія и пріобрѣли право на особенное Монаршее къ вамъ благоволеніе. Уважая сіи заслуги, Я признаю за благо возвести васъ въ санъ Митрополита.

Препровождая къ вамъ бѣлый клобукъ, украшенный крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней, поручаю Себя вашимъ молитвамъ и пребываю всегда вамъ благосклонный.

С.-Петербургъ, марта 30-го дня, 1852 года.

На имя Преосвященнаго Архіепископа Казанскаго, Григорія.

Преосвященный Архіепископъ Казанскій, Григорій! При многолѣтнемъ достойномъ служеніи вашемъ Святой Церкви, преемственно ввѣряемыя вамъ паствы всегда видѣли въ васъ назидательный примѣръ христіанскаго благочестія, и нынѣ съ неусыпными трудами благоустроенія епархіи и въ ней вертограда высшихъ духовныхъ знаній, соединяете вы ревностную заботу о приготовленіи достойныхъ проповѣдниковъ Слова Божія для племенъ, еще неозаренныхъ свѣтомъ Евангелія. Желая ознаменовать особенное Монаршее Мое за сіе къ вамъ благоволеніе, Всемилостивѣйше жалую вамъ препровождаемые при семъ алмазные знаки ордена *Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.* Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю всегда вамъ благосклонный.

С.-Петербургъ, марта 30-го дня 1852 г.

На имя Тайнаго Совѣтника, Князя Дондукова-Корсакова.

Господинъ Тайный Совѣтникъ Князь Дондуковъ-Корсаковъ! Въ ознаменованіе благоволенія Моего къ отличному усердію, съ которымъ вы, въ продолженіе многихъ лѣтъ, исполняли должность Вице-Президента Императорской Академіи Наукъ, Всемилостивѣйше жалую вамъ, препровождаемую при семъ, *украшенную брилліантами табакерку* съ Моимъ портретомъ. Пребываю къ вамъ благосклонный.

С.-Петербургъ, марта 30 дня 1852 г.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*НИКОЛАЙ.*»

На имя супруги Генералъ-Адъютанта, Княгини Ольги Карловны Долгоруковой.

Княгиня Ольга Карловна. Въ ознаменованіе Нашего къ вамъ благоволенія и особеннаго вниманія къ отличнымъ заслугамъ вашего супруга, Мы, съ соизволенія Государя Императора, приняли васъ въ число Дамъ меньшаго креста ордена *Св. Великомученицы Екатерины*, коего знаки при семъ препровождаемъ, съ тѣмъ, чтобы вы ихъ на себя возложили. Пребываемъ впрочемъ къ вамъ благосклонны.

На подлинномъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано:

«*АЛЕКСАНДРА.*»

Марта 29-го дня 1852 года.

ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ.

Въ Высочайшихъ Указахъ, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данныхъ, одинъ Святѣйшему Правительствующему Синоду и три Правительствующему Сенату, марта 21-го, апрѣля 2-го 17 и 21, изображено: Въ

первомъ: «По внесеніи въ роспись Государственныхъ расходовъ на 1852 годъ 100,000 р. сер., въ дополненіе къ назначеннымъ прежде 2,515,000 руб. на содержаніе церковныхъ причтовъ въ разныхъ Епархіяхъ, Повелѣваемъ:

1) Изъ вышеписанныхъ 100,000 руб. сер. назначить производство жалованья сельскимъ причтамъ Томской Епархіи и въ Оханскомъ, Чердынскомъ, Соликамскомъ, Красноуфимскомъ, Осинскомъ, Верхотурскомъ и Кунгурскомъ уѣздахъ Пермской Епархіи.

2) Слѣдующимъ по сему назначенію жалованьемъ удовлетворить означенные причты за вторую половину текущаго года, равно и впредь производить оное, на основаніи правилъ, одобренныхъ нами въ 11 день февраля 1850 г.; касательно же выдачи священникамъ единовременныхъ пособій, при первоначальномъ опредѣленіи ихъ къ сельскимъ церквамъ и переводѣ отъ одной церкви къ другой, и также вычета изъ окладовъ причтовъ по 2% съ рубля, на составленіе особаго капитала для пособій сельскому духовенству и остатковъ отъ некомплекта мѣстъ по штатамъ, руководствоваться правилами 4 апрѣля 1842 года.

3) Получаемое нынѣ нѣкоторыми причтами отъ казны, по прежнимъ положеніямъ, содержаніе, по прекращеніи онаго, за введеніемъ тѣхъ причтовъ въ штаты, а равно и ту сумму, какая можетъ остаться отъ 100,000 р. сер. за распредѣленіемъ на причты, предоставить въ непосредственное распоряженіе Святѣйшаго Синода, на томъ же основаніи, какъ сіе разрѣшено 3-мъ пунктомъ Указа Нашего Святѣйшему Синоду, 29 марта 1851 года.

4) Сумму, долженствующую оставаться отъ 100,000 р. сер. безъ производства съ 1 января по 1 іюля, обратить, по прежнимъ примѣрамъ, въ составъ капитала для пособій сельскому духовенству, въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода.»

Во второмъ: «Обративъ особенное вниманіе на имѣющіяся въ Западномъ краѣ Имперіи древнія актовыя книги, такъ называемыя гродскія, земскія и мѣстскія (бывшія въ мѣстечкахъ Магдебургіи), важныя въ археологическомъ отношеніи и составляющія единственные въ своемъ родѣ матеріалы для отечественной исторіи и для дворянскихъ родовъ, Мы возложили на Министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи и Народнаго Просвѣщенія изысканіе способовъ, какъ къ извлеченію болѣе существенной пользы изъ содержанія означенныхъ книгъ, такъ и къ сохраненію оныхъ.

Нынѣ, одобривъ составленныя вслѣдствіе того и разсмотрѣнныя Государственнымъ Совѣтомъ предположенія, признали Мы за благо учредить въ Кіевѣ, Витебскѣ и Вильнѣ Центральные Архивы для актовыхъ книгъ Западныхъ губерній, подъ ближайшимъ надзоромъ главнаго мѣстнаго Начальства, на слѣдующемъ основаніи:

1) Непосредственное наблюденіе за Центральными Архивами возложить: Кіевскимъ—на Правленіе Университета Св. Владиміра, Витебскимъ—на Генералъ-Губернатора Смоленскаго, Витебскаго и Могилевскаго, и Виленскимъ—на Управленіе тамошнимъ Учебнымъ Округомъ; самые же Архивы образовать по утвержденнымъ Нами и прилагаемымъ у сего штатамъ *.

2) Исчисленные по онымъ на содержаніе Архивовъ расходы, и именно: Кіевскаго 1,500 руб., Витебскаго 1,325 руб. и Виленскаго 2,300 р., производить изъ Государственнаго Казначейства.

3) Изъ сего же источника отпустить единовременно въ распоряженіе: Кіевскаго Военнаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора 2,000 руб., Смоленскаго, Витебскаго и Могилевскаго 1,000 руб. и Виленскаго Военнаго, Гродненскаго, Минскаго и Ковенскаго Генералъ-Губернатора 2,000 руб., на издержки, необходимыя при собираніи актовыхъ книгъ въ разныхъ мѣстахъ и на доставленіе ихъ въ Кіевъ. Витебскъ и Вильну, а равно на первоначальное обзаведеніе Архивовъ.

4) Въ Архивы собрать древнія актовыя книги за прошедшія столѣтія, включительно до 1799 года; при чемъ самый порядокъ отправленія актовъ въ Центральные Архивы предоставляется ближайшему соображенію Генералъ-Губернаторовъ, съ тѣмъ, чтобы о перевозкѣ актовъ за извѣстное время каждый разъ было доводимо до свѣдѣнія мѣстныхъ жителей чрезъ губернскія вѣдомости.

5) Присутственныя мѣста, изъ которыхъ будутъ взяты въ Центральный Архивъ актовыя книги, обязаны для передачи ихъ, составить надлежащія описи, за подписью всѣхъ Членовъ и Секретаря, съ удостовѣреніемъ, подъ собственною ихъ отвѣтственностію, что книгъ за прошедшіе столѣтіе, включительно до 1799 г., болѣе у нихъ нѣтъ.

* Означенные штаты приложены при 34-мъ № Сенатскихъ Вѣдомостей особо.

6) Книги, такъ называемыя мѣстскія (бывшія въ мѣстечкахъ Магдебургіи), которыя остаются въ мѣстечкахъ, гдѣ уничтожены Ратуши, у частныхъ лицъ, собрать и доставить въ Архивы посредствомъ мѣстныхъ полицейскихъ властей. Генералъ-Губернаторамъ вмѣняется въ особенную обязанность имѣть строгое съ своей стороны наблюденіе, чтобы при собраніи находящихся у частныхъ лицъ древнихъ актовыхъ книгъ, которыя должны быть доставлены въ Центральные Архивы, полицейскіе чиновники не дозволяли себѣ никакихъ притѣснительныхъ и противузаконныхъ дѣйствій и ограничивались собираніемъ однѣхъ подлинныхъ актовыхъ книгъ, отнюдь не касаясь выписокъ изъ сихъ книгъ, составляющихъ частную собственность, а равно и указателей и вообще книгъ или рукописей, составленныхъ частными лицами; въ случаѣ же надобности въ сихъ послѣднихъ, для замѣны утраченныхъ подлинныхъ книгъ, входили бы съ представленіемъ къ начальству, отъ котораго будетъ зависѣть пріобрѣтеніе подобныхъ рукописей, по добровольнымъ сдѣлкамъ съ лицами, коимъ оныя принадлежитъ.

7) Книги, которыя собраны будутъ въ Центральныхъ Архивахъ, должны быть раздѣлены на два главные разряда: актовъ токмо явленныхъ и актовъ сознанныхъ. Затѣмъ завѣдывающіе Архивами, вмѣстѣ съ своими Помощниками, имѣютъ составить предварительно краткія описи книгамъ, съ объясненіемъ нумера каждаго документа, краткаго содержанія его, года, мѣсяца и числа, когда оный состоялся а также когда оный явленъ, начавъ съ книгъ, при коихъ описей вовсе не окажется. Описи должны быть напечатаны и разосланы во всѣ губернскія и уѣздныя судебныя мѣста, а также Депутатскія Собранія Западныхъ губерній. По составленіи сихъ описей и по разсылкѣ ихъ, завѣдывающіе Архивами обязаны приступить къ составленію полныхъ и подробныхъ каталоговъ, долженствующихъ заключать въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя для ученыхъ изслѣдованій. Для составленія какъ предварительныхъ описей, такъ и каталоговъ, предоставляется Генералъ-Губернаторамъ, по предварительномъ обозрѣніи предстоящаго труда, назначить опредѣлительные сроки.

8) Книгамъ съ 1800 г., оставляемымъ въ присутственныхъ мѣстахъ, мѣста сіи обязаны составить подобныя вышеозначеннымъ описи, и за тѣмъ самыя книги должны быть перенумерованы и прошнурованы и къ шнурамъ приложена печать.

9) О выдачѣ изъ актовыхъ книгъ, собранныхъ въ Цен-

тральныхъ Архивахъ, выписей частныя лица съ просьбами, а присутственныя мѣста съ требованіями, обращаются къ завѣдывающимъ Архивами, которые по изготовленіи выписи изъ просимаго акта должны приглашать каждый разъ Уѣзднаго Предводителя Дворянства и одного изъ Губернскихъ Стряпчихъ. Лица сіи, сличивъ изготовленную выпись съ подлиннымъ актомъ и постановивъ заключеніе: признается ли оный несомнительнымъ или подлежащимъ сомнѣнію, и въ семъ случаѣ почему именно, обязаны завѣрять, вмѣстѣ съ завѣдывающимъ Архивомъ, вѣрность выдаваемаго документа и объяснять на ономъ со всею подробностію, что̀ оказалось по пересмотрѣ подлиннаго акта. За симъ, по приложеніи къ выписи печати Архива, оная выдается или препровождается по принадлежности. Сей же порядокъ долженъ быть соблюдаемъ и при выдачѣ выписей изъ актовыхъ книгъ съ 1800 года, оставляемыхъ въ присутственныхъ мѣстахъ, съ тою лишь разницею, что возлагаемыя сими правилами обязанности на Губернскихъ Стряпчихъ и завѣдывающихъ Архивами исполняются Уѣздными Стряпчими и присутственными мѣстами, въ коихъ хранятся книги.

10) На возмѣщеніе отпускаемыхъ изъ Государственнаго Казначейства суммъ на устройство и содержаніе Центральныхъ Архивовъ взыскивается съ частныхъ лицъ, за каждую выдаваемую изъ Архивовъ выпись изъ актовыхъ книгъ, по 1 р. 50 к., и для учета въ семъ пошлинномъ сборѣ, Архивы тѣ должны быть снабжены отъ Казенныхъ Палатъ особыми шнуровыми книгами.

11) Подлинныя актовыя книги никакимъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ изъ Архивовъ выдаваемы быть не могутъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ приведенію сего въ исполненіе сдѣлать надлежащее распоряженіе.»

Въ третьемъ. «Въ видахъ скорѣйшаго водворенія въ Сибири прочнаго устройства, вполнѣ соотвѣтствующаго мѣстнымъ и политическимъ обстоятельствамъ сего края, признавая необходимымъ дать болѣе единства и быстроты всѣмъ мѣрамъ, предпринимаемымъ по управленію онымъ въ порядкѣ законодательномъ и исполнительномъ, Повелѣваемъ:

1) Для предварительнаго разсмотрѣнія и соображенія всѣхъ вообще дѣлъ по управленію Сибирью, какъ Восточною, такъ и Западною, подлежащихъ разрѣшенію Нашему, учредить здѣсь,

подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Нашимъ, особый Комитетъ, подъ наименованіемъ *Сибирскаго*.

2) Комитету сему состоять изъ тѣхъ-же Предсѣдателя и Членовъ, изъ коихъ, по указамъ, данным 30 августа 1842 и 22 сентября 1844 годовъ, состоитъ Кавказскій Комитетъ. Сверхъ-сего Членомъ Сибирскаго Комитета быть ревизовавшему, по Нашему порученію, Западную Сибирь, Члену Государственнаго Совѣта, Нашему Генералъ-Адъютанту, Генералъ-Лейтенанту Анненкову 2-му.

3) Дѣла Сибирскаго Комитета производить въ Канцеляріи Кавказскаго Комитета. На этомъ основаніи Управляющему дѣлами Кавказскаго Комитета быть вмѣстѣ съ тѣмъ Управляющимъ дѣлами Сибирскаго Комитета. Означенной Канцеляріи именоваться впредь *Канцеляріею Комитетовъ Кавказскаго и Сибирскаго*, и руководствоваться во всѣхъ вообще отношеніяхъ правилами, формами и постановленіями, изложенными въ ст. 54—200 Св. Зак. Т. I. Учр. Ком. Мин. (изд. 1842 г.) и продолженіяхъ онаго.

4) Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями, сохранивъ на дѣла Сибири, каждому по своему вѣдомству, вліяніе, уставами и учрежденіями имъ присвоенное, вносить въ Сибирскій Комитетъ, какъ всѣ тѣ дѣла по Сибири, кои, въ порядкѣ законодательномъ и исполнительномъ, превышаютъ ихъ власть, для представленія сихъ дѣлъ чрезъ Сибирскій Комитетъ на утвержденіе или разрѣшеніе Наше, такъ и тѣ дѣла по сему краю, кои будутъ разрѣшаемы самими Министрами и Главноуправляющими по присвоенной имъ власти, для свѣдѣнія Комитета, соображенія онаго, сосредоточенія въ Комитетѣ всѣхъ вообще дѣлъ по Сибири въ высшемъ ихъ отношеніи и сохраненія чрезъ это единства въ дѣйствіяхъ по управленію ею. Дѣла вносить въ Сибирскій Комитетъ чрезъ Управляющаго дѣлами онаго, тѣмъ же порядкомъ, какъ оныя вносятся, смотря по роду ихъ, въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ. Положенія Сибирскаго Комитета, по Нашемъ ихъ утвержденіи, сообщать къ исполненію Министрамъ и Главноуправляющимъ по принадлежности. Дѣламъ судебнымъ по Сибири, тяжебнымъ и уголовнымъ, имѣть движеніе въ порядкѣ, нынѣ существующемъ; и

5) Въ Канцеляріи Комитета сосредоточить собраніе полныхъ и точныхъ свѣдѣній: о состояніи Сибири вообще; личномъ составѣ управленія; дѣйствіяхъ онаго; движеніи дѣлъ, представляемыхъ изъ мѣстныхъ въ Сибири Управленій Мини-

стерствамъ и Главнымъ Управленіямъ и т. п. Порядокъ собранія всѣхъ сихъ свѣдѣній и вообще формы и правила отчетности по дѣламъ Сибири имѣютъ быть опредѣлены особымъ положеніемъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащія распоряженія къ приведенію сего въ исполненіе.»

Въ четвертомъ: «Постояннымъ предметомъ желаній Нашихъ было, чтобы Дворянство польскаго происхожденія въ Западныхъ губерніяхъ Имперіи: Ковенской, Виленской, Гродненской Минской, Волынской, Подольской и Кіевской, соревновало великороссійскому Дворянству всѣхъ исповѣданій другихъ губерній Имперіи въ благородныхъ чувствахъ долга вѣрноподданныхъ, служить въ рядахъ побѣдоносныхъ войскъ Нашихъ, или посвящало себя службѣ гражданской.

Къ крайнему Нашему сожалѣнію, надежды Наши не осуществились, кромѣ рѣдкихъ исключеній, тѣмъ болѣе заслуживающихъ похвалы и уваженія. Бо́льшая же часть молодыхъ дворянъ, принадлежащихъ зажиточнѣйшимъ семействамъ, пребываетъ въ праздности, чуждаясь всякой службы.

Столь противныя чувства прямому долгу благороднаго дворянина болѣе терпимы быть не могутъ. Потому повелѣваемъ:

1) Сыновей дворянъ, неправославныхъ помѣщиковъ, вышеупомянутыхъ губерній, у которыхъ за ними или за женами ихъ не менѣе ста душъ крестьянъ, по достиженіи 18-ти лѣтъ, высылать на службу, для зачисленія въ подпрапорщики или юнкера, по экзамену, или, ежели не выдержатъ экзамена, рядовыми, на правѣ дворянъ.

2) Изъ сего изъемлются тѣ, кои явятся добровольно на службу не моложе 16-ти и до 18-ти лѣтъ, коимъ предоставляется право свободнаго выбора, въ какомъ полку или родѣ войскъ служить пожелаютъ, но не иначе какъ по экзамену.

3) Желающіе поступить въ гражданскую службу должны объявить, куда желаютъ опредѣлиться, но непремѣнно въ Великороссійскихъ губерніяхъ.

4) Изъемлются то же тѣ, кои, по личному удостовѣренію Генералъ-Губернаторовъ, окажутся неспособными, по тѣлеснымъ недостаткамъ или слабости здоровья, въ каковомъ случаѣ, осмотръ сей имъ повторять ежегодно, до 25-ти лѣтняго возраста.

5) Изъемлются равномѣрно отъ обязанности служить единственные сыновья въ семействахъ.

6) Осмотръ и высылку на службу исполнять два раза въ году: 1 января и 1 іюля, начавъ съ наступающаго іюля нынѣшняго года.

7) Исполненіе сего во всей точности возлагается на строгую отвѣтственность Генералъ-Губернаторовъ, Губернаторовъ и Губернскихъ Предводителей Дворянства.

и 8) Правила объ экзаменахъ и распредѣленіи на службу въ подробности составлены будутъ въ Военномъ Министерствѣ, и сообщены кому слѣдуетъ».

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ:

По Министерству Двора.

Для образованія сыновей офиціантовъ и ливрейныхъ служителей вѣдомства Придворной Его Императорскаго Величества Конторы, а также и сыновей мастеровыхъ придворнаго же вѣдомства, учреждается Школа, которая, состоя въ управленіи Придворной Конторы, поручается ближайшему по всѣмъ частямъ наблюденію Вице-Президента оной, или исправляющаго сію должность, который, вслѣдствіе того, носитъ званіе Попечителя Школы; постоянный-же мѣстный надзоръ за учебною и хозяйственною частями ввѣряется особому Инспектору.

Предметы, назначенные къ преподаванію въ этой школѣ, слѣдующіе: Предметы общіе: 1. Краткій катихизисъ; изъясненіе Божественной литургіи и Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. 2. Русская грамота, съ практическимъ примѣненіемъ грамматическихъ правилъ. 3. Чистописаніе. 4. Рисованіе и черченіе. 5, Ариѳметика. Предметы частные. а. Для дѣтей Придворнослужителей: 1. Нѣмецкій языкъ. 2. Выправка, посредствомъ обученія маршированію и гимнастическихъ упражненій. б. Для дѣтей мастеровыхъ: 1. Первоначальныя правила геометріи. 2. Практическое ученіе мастерствамъ.

Ученики Школы, раздѣляясь, по цѣли ихъ воспитанія, на два разряда, сообразно сему получаютъ и назначенія при выпускѣ изъ Школы.

Сыновья Придворнослужителей, окончившіе положенный курсъ и отличившіеся хорошими успѣхами и нравственностію, при видной наружности, поступаютъ на службу къ Высочайшему Двору, преимущественно предъ прочими придворнослужительскими дѣтьми, и, смотря по достоинству, опредѣляются даже прямо въ истопники.

Имѣющіе хорошій почеркъ, за недостаткомъ служительскихъ вакансій, помѣщаются въ писцы по вѣдомству Министерства Императорскаго Двора.

Некончившіе въ Школѣ полнаго курса, по неспособностямъ къ наукамъ, но видные собою и хорошей нравственности, опредѣляются ко Двору въ низшія званія, какъ-то: работники, поваренные ученики и проч.; а несовсѣмъ видные, но здоровые, въ полотеры, ламповщики, или въ другія мастерства, согласно примѣчанію къ § 26 положенія этой Школы.

Дѣти мастеровыхъ, окончившіе курсъ ученія съ отличнымъ успѣхомъ, и при благонравномъ поведеніи получившіе достаточныя познанія въ мастерствахъ, замѣщаются на вакансіи въ мастеровую роту, сперва въ подмастерья, а потомъ въ мастера.

Особенно видные собою, хорошаго поведенія и способные къ служительскимъ должностямъ, могутъ быть опредѣляемы въ Штатъ къ Высочайшему Двору; но не иначе, какъ всякій разъ съ разрѣшенія Высшаго Начальства.

Тѣхъ изъ школьниковъ, кои окажутся къ мастерствамъ вовсе неспособными, но будутъ умѣть хорошо читать и писать, опредѣлять въ Канцелярію Конторы Писцами. Срокъ имъ для выслуженія класснаго званія, назначается, со дня зачисленія на службу, 25 лѣтъ. Впрочемъ, если кто изъ таковыхъ школьниковъ окажетъ отличное усердіе, хорошее поведеніе и способности къ письменнымъ дѣламъ до такой степени, что въ состояніи будетъ исправлять какую-либо изъ низшихъ штатныхъ должностей, и Контора опытомъ въ томъ удостовѣрится, то для поощренія таковыхъ, производить ихъ въ первый классный чинъ чрезъ 15 лѣтъ, наблюдая, чтобъ они въ классномъ званіи прослужили еще по вѣдомству Конторы десять лѣтъ.

Дабы достигнуть возможнаго совершенства въ мастерствахъ и художествахъ, Контора, по мѣрѣ надобности и денежныхъ средствъ своихъ, посылаетъ нѣсколько изъ отличныхъ учениковъ: въ Академію Художествъ, для обученія архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и другимъ художествамъ, по усмо-

трѣнію; а также въ Технологическій Институтъ, Ботаническій-садъ и Лисинское Егерское Училище.

По выпускѣ воспитанниковъ изъ упомянутыхъ заведеній хотя они могутъ воспользоваться правами, симъ заведеніямъ предоставленными, но въ замѣнъ употребленнаго на воспитаніе ихъ казеннаго содержанія должны прослужить по вѣдомству Конторы, въ должностяхъ, какія сообразно способностямъ ихъ назначены будутъ, до 45 лѣтняго возраста. Послѣ сего уже получаютъ полную свободу избирать службу и занятія по своему желанію.

Недостигшіе въ Академіи званія художниковъ, а въ прочихъ спеціальныхъ заведеніяхъ неполучившіе аттестатовъ объ окончаніи полнаго курса ученія, обращаются въ мастеровые, сообразно первому о нихъ назначенію.

По Военному Министерству.

ПРИКАЗЪ ВОЕННАГО МИНИСТРА.

С. Петербургъ, апрѣля 26-го 1852 г., № 46.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленія Его Императорскаго Высочества, Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній, Высочайше повелѣть соизволилъ: юнкеровъ и подпрапорщиковъ, выпускаемыхъ сими званіями въ армію изъ Военно-Учебныхъ Заведеній, а равно и тѣхъ, кои по увольненіи изъ помянутыхъ заведеній до окончанія курса наукъ, поступаютъ потомъ на дѣйствительную службу означенными нижними чинами, выдержавшихъ установленный экзаменъ въ наукахъ, производить, по прослуженіи въ тѣхъ званіяхъ положенныхъ сроковъ, въ офицеры Арміи, а невыдержавшихъ таковаго экзамена—въ баталіоны Внутренней Стражи, съ выслугою въ оныхъ, до перевода въ Армію, двухъ лѣтъ.

Объ этой Высочайшей волѣ объявляю по военному вѣдомству, къ надлежащему исполненію и руководству, въ дополненіе 819 ст. ч. I-й кн. III-й и 254 ст. ч. II-й кн. 1-й 6-го продолж. Св. Воен. Постановленій.

Подписалъ: *Генералъ-Адъютантъ князь Чернышевъ.*

Сыновья Придворнослужителей, окончившіе положенный курсъ и отличившіеся хорошими успѣхами и нравственностію, при видной наружности, поступаютъ на службу къ Высочайшему Двору, преимущественно предъ прочими придворнослужительскими дѣтьми, и, смотря по достоинству, опредѣляются даже прямо въ истопники.

Имѣющіе хорошій почеркъ, за недостаткомъ служительскихъ вакансій, помѣщаются въ писцы по вѣдомству Министерства Императорскаго Двора.

Неокончившіе въ Школѣ полнаго курса, по неспособностямъ къ наукамъ, но видные собою и хорошей нравственности, опредѣляются ко Двору въ низшія званія, какъ-то: работники, поваренные ученики и проч.; а несовсѣмъ видные, но здоровые, въ полотеры, ламповщики, или въ другія мастерства, согласно примѣчанію къ § 26 положенія этой Школы.

Дѣти мастеровыхъ, окончившіе курсъ ученія съ отличнымъ успѣхомъ, и при благонравномъ поведеніи получившіе достаточныя познанія въ мастерствахъ, замѣщаются на вакансіи въ мастеровую роту, сперва въ подмастерья, а потомъ въ мастера.

Особенно видные собою, хорошаго поведенія и способные къ служительскимъ должностямъ, могутъ быть опредѣляемы въ Штатъ къ Высочайшему Двору; но не иначе, какъ всякій разъ съ разрѣшенія Высшаго Начальства.

Тѣхъ изъ школьниковъ, кои окажутся къ мастерствамъ вовсе неспособными, но будутъ умѣть хорошо читать и писать, опредѣлять въ Канцелярію Конторы Писцами. Срокъ имъ для выслуженія класснаго званія, назначается, со дня зачисленія на службу, 25 лѣтъ. Впрочемъ, если кто изъ таковыхъ школьниковъ окажетъ отличное усердіе, хорошее поведеніе и способности къ письменнымъ дѣламъ до такой степени, что въ состояніи будетъ исправлять какую-либо изъ низшихъ штатныхъ должностей, и Контора опытомъ въ томъ удостовѣрится, то для поощренія таковыхъ, производить ихъ въ первый классный чинъ чрезъ 15 лѣтъ, наблюдая, чтобъ они въ классномъ званіи прослужили еще по вѣдомству Конторы десять лѣтъ.

Дабы достигнуть возможнаго совершенства въ мастерствахъ и художествахъ, Контора, по мѣрѣ надобности и денежныхъ средствъ своихъ, посылаетъ нѣсколько изъ отличныхъ учениковъ: въ Академію Художествъ, для обученія архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и другимъ художествамъ, по усмо-

трѣнію; а также въ Технологическій Институтъ, Ботаническій-садъ и Лисинское Егерское Училище.

По выпускѣ воспитанниковъ изъ упомянутыхъ заведеній хотя они могутъ воспользоваться правами, симъ заведеніямъ предоставленными, но въ замѣнъ употребленнаго на воспитаніе ихъ казеннаго содержанія должны прослужить по вѣдомству Конторы, въ должностяхъ, какія сообразно способностямъ ихъ назначены будутъ, до 45 лѣтняго возраста. Послѣ сего уже получаютъ полную свободу избирать службу и занятія по своему желанію.

Недостигшіе въ Академіи званія художниковъ, а въ прочихъ спеціальныхъ заведеніяхъ неполучившіе аттестатовъ объ окончаніи полнаго курса ученія, обращаются въ мастеровые, сообразно первому о нихъ назначенію.

По Военному Министерству.

ПРИКАЗЪ ВОЕННАГО МИНИСТРА.

С. Петербургъ, апрѣля 26-го 1852 г., № 46.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленія Его Императорскаго Высочества, Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній, Высочайше повелѣть соизволилъ: юнкеровъ и подпрапорщиковъ, выпускаемыхъ сими званіями въ армію изъ Военно-Учебныхъ Заведеній, а равно и тѣхъ, кои по увольненіи изъ помянутыхъ заведеній до окончанія курса наукъ, поступаютъ потомъ на дѣйствительную службу означенными нижними чинами, выдержавшихъ установленный экзаменъ въ наукахъ, производить, по прослуженіи въ тѣхъ званіяхъ положенныхъ сроковъ, въ офицеры Арміи, а невыдержавшихъ таковаго экзамена—въ баталіоны Внутренней Стражи, съ выслугою въ оныхъ, до перевода въ Армію, двухъ лѣтъ.

Объ этой Высочайшей волѣ объявляю по военному вѣдомству, къ надлежащему исполненію и руководству, въ дополненіе 819 ст. ч. I-й кн. III-й и 254 ст. ч. II-й кн. 1-й 6-го продолж. Св. Воен. Постановленій.

Подписалъ: *Генералъ-Адъютантъ князь Чернышевъ.*

По Министерству Финансовъ.

Высочайше-утвержденнымъ, 13 минувшаго марта, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта разрѣшенъ транзитный провозъ товаровъ изъ Австріи чрезъ мѣстечко Новоселицы въ Одессу и обратно, на томъ же основаніи, на коемъ допущенъ транзитъ изъ Австріи чрезъ Радзивиловъ въ Одессу, съ тѣмъ, чтобы транзитные транспорты подвергались въ городѣ Кишиневѣ установленной въ статьѣ 1567 Уставовъ и Учрежденій Таможенныхъ (Св. Зак. Т. VI-го) повѣркѣ и чтобы весь путь отъ Новоселицы до Одессы или обратно совершали они въ-теченіе не болѣе двухъ мѣсяцевъ, слѣдуя по ближайшему направленію, а именно: чрезъ города: Бѣльцы, Оргѣевъ, Кишиневъ, Дубоссары, Григоріополь и Тирасполь.

По Министерству Юстиціи.

Въ примѣчаніи къ 371 ст. X. Прод. III. Тома Св. Зак., изд. 1842 года, постановлено: обучавшіеся въ Университетахъ и получившіе степень Дѣйствительныхъ Студентовъ молодые люди могутъ быть опредѣляемы (въ числѣ десяти человѣкъ, а впослѣдствіи и въ большемъ числѣ, по мѣрѣ того, какъ позволятъ средства Министерства Юстиціи) при тѣхъ изъ Гражданскихъ и Уголовныхъ Палатъ, въ которыхъ болѣе дѣлъ, съ преимущественнымъ правомъ на занятіе вакансій Столоначальниковъ и съ выдачею, до открытія вакансій, до трехъ сотъ рублей серебромъ содержанія каждому, изъ экономическихъ суммъ Сенатской Типографіи. Сіи молодые люди не обязываются никакимъ срокомъ служенія по миновапіи того, который установленъ для узнанія порядка губернской службы (ст. 369), и не воспрещается имъ тогда переходить въ другія вѣдомства.

Нынѣ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Юстиціи, и въ-слѣдствіе предварительнаго его сношенія съ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ: упразднить осо-

бныя вакансіи въ Судебныхъ Палатахъ, предоставляемыя Студентамъ Университетовъ, съ производствомъ содержанія по 300 руб. сер. въ годъ изъ суммъ Сенатской Типографіи; тѣмъ же изъ нихъ, которые въ настоящее время пользуются сими окладами, продолжить производство оныхъ до 1-го января 1853 года, если до того времени не будутъ они опредѣлены на штатныя должности.

— 29 декабря 1851 г. Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ, чтобы по тѣмъ вѣдомствамъ, гдѣ уменьшены нынѣ штаты, не опредѣлять никого вновь на вакансіи выбывающихъ чиновниковъ, пока оставшіеся за штатомъ не будутъ всѣ пристроены, Всемилостивѣйше предоставляя имъ всѣ вакансіи. 29 января 1852 года Государь Императоръ, въ дополненіе къ сему Высочайшему повелѣнію, приказать изволилъ: объявить тѣмъ же порядкомъ, какъ Министрамъ и Главноуправляющимъ, такъ и Инспекторскому Департаменту Гражданскаго Вѣдомства, что означенное Высочайшее повелѣніе распространяется не только на Министерства и Главныя Управленія, но и на подчиненныя имъ учрежденія въ губерніяхъ, особенно въ отношеніи лицъ, занимавшихъ должности, принадлежащія по росписанію къ тремъ низшимъ классамъ, т. е., до X включительно. За тѣмъ 26-го февраля сего 1852 г. Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: всѣмъ чиновникамъ, оставшимся нынѣ, по случаю упраздненія нѣкоторыхъ должностей за штатомъ, зачислять время, до опредѣленія ихъ на штатныя мѣста, въ дѣйствительную службу, и за тѣмъ увольнять вовсе отъ службы только тѣхъ, кои не поступять на таковыя мѣста въ продолженіе двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ велѣно производить имъ половинный окладъ жалованья. Нынѣ Управляющій дѣлами Комитета Гг. Министровъ сообщилъ Г. Министру Юстиціи, для надлежащаго исполненія и руководства, что Государь Императоръ, въ дополненіе къ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества повелѣніямъ, объявленнымъ 29-го декабря 1851, 29 января и 26 февраля 1852 годовъ, о порядкѣ размѣщенія чиновниковъ, оставшихся за штатомъ, по случаю настоящаго сокращенія оныхъ, согласно положенію Комитета Министровъ, Всемилостивѣйше соизволилъ повелѣть: 1) Тѣмъ изъ оставшихся за штатомъ чиновникамъ, которые будутъ перемѣщаемы на службу въ губерніи, или изъ одной губерніи въ другую, выдавать прогоны по положенію на всякое разстояніе, и сверхъ-того, единовременное пособіе, въ томъ размѣрѣ, въ ка-

комъ, на основаніи ст. 1048 Св. Зак. Т. III Уст. о сл. по опред. отъ Прав. (изд. 1842 года), производятся деньги подъемныя и на путевыя издержки командируемымъ чиновникамъ, съ отнесеніемъ расхода сего на счетъ Государственнаго Казначейства. 2) Силу статьи 356, Св. Зак. Т. III Уст. о сл. по опред. отъ Прав. (изд. 1842 г.), дозволяющей на губернскія штатныя должности опредѣлять лица, состоящія въ чинахъ болѣе чѣмъ двумя степенями ниже опыхъ, распространить и на всѣ штатныя должности по Министерствамъ и Главнымъ Управленіямъ, единственно въ отношеніи чиновниковъ, оставшихся внѣ за штатомъ, и только на то время, доколѣ всѣ они не будутъ опредѣлены къ мѣстамъ, и 3) Дозволить опредѣлять заштатныхъ чиновниковъ, съ ихъ согласія, и въ должности по классамъ ниже тѣхъ, кои они занимали, съ тѣмъ, чтобы такое опредѣленіе не служило для нихъ предосужденіемъ, и чтобы впредь до поступленія на высшія мѣста, они пользовались по чинопроизводству, мундиру и пенсіямъ правами тѣхъ классовъ и разрядовъ, къ которымъ были отнесены тѣ должности, кои они занимали прежде и кои оставили по случаю упраздненія опыхъ.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ поставлено 1) По преступленіямъ, невлекущимъ за собою наказаній уголовныхъ, т. е. лишенія всѣхъ правъ состоянія, не брать подъ стражу женщинъ, имѣющихъ грудныхъ дѣтей, равно беременныхъ, кои могутъ быть поставлены въ необходимость родить во-время самаго пребыванія въ тюрьмѣ, а оставлять ихъ въ мѣстѣ жительства, на порукахъ и подъ ближайшимъ полицейскимъ надзоромъ. 2) Во-время содержанія въ тюрьмахъ женщинъ беременныхъ или съ грудными дѣтьми, не пересылать ихъ съ мѣста на мѣсто къ слѣдствіямъ, разумѣя пересылку изъ одного города въ другой или уѣздъ, а всѣ показанія отъ нихъ отбирать или въ судебномъ мѣстѣ, гдѣ производится дѣло, или въ особой камерѣ въ тюрьмѣ, гдѣ, въ случаѣ надобности, давать имъ и очныя ставки, а за тѣмъ дѣлать повѣрку показаній или производить слѣдствіе на общемъ основаніи. 3) Содержимымъ въ тюрьмѣ женщинамъ беременнымъ, а особенно питающимъ грудныхъ младенцевъ, давать, по возможности, при содѣйствіи тюремныхъ комитетовъ, на счетъ имѣющихся у нихъ средствъ, лучшую противъ другихъ заключенныхъ пищу, а буде можно, и отдѣльное помѣщеніе, гдѣ бы онѣ имѣли лучшій воздухъ; когда же сіе не можетъ быть устроено въ самой тюрь-

мѣ, то стараться заключать ихъ въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ. Правило сіе наблюдать, впрочемъ, въ отношеніи тѣхъ лишь беременныхъ женщинъ, кои, по удостовѣренію акушера или повивальной бабки ожидаютъ скоро родовъ, такъ что оныя могли-бы случиться во-время пребыванія въ тюрьмѣ. 4) Въ случаѣ, если время родовъ застигнетъ женщину въ тюрьмѣ, вслѣдствіе ли непредвидѣннаго продолжительнаго содержанія, или же по тому, что по важности содѣяннаго ею преступленія она не могла быть освобождена изъ заключенія, то давать такимъ женщинамъ нужное пособіе въ самомъ мѣстѣ заключенія.

— Высочайше-утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено: въ дополненіе и поясненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: Въ тѣхъ случаяхъ, когда апелляціонный отзывъ, или частная жалоба по уголовному дѣлу окажутся незаслуживающими уваженія, лицо, принесшее несправедливую жалобу или отзывъ, подвергается взысканію гербовыхъ пошлинъ за бумагу, употребленную на производство, по его просьбѣ, тѣмъ присутственнымъ мѣстомъ, въ которомъ просьба разсмотрѣна.

— Государь Императоръ, по положенію Государственнаго Совѣта, по Департаменту Экономіи, относительно сокращенія съ 1852 г. штатовъ и расходовъ разныхъ вѣдомствъ, 12 ноября 1851 года Высочайше повелѣть изволилъ: А) Упразднить по Министерству Юстиціи должности: 1) двухъ чиновниковъ особыхъ порученій при Департаментѣ сего Министерства, въ 8 классѣ, съ умепьшеніемъ на 718 р. 40 к. сер. суммы, назначенной по штату на содержаніе таковыхъ чиновниковъ вообще, и 2) двухъ Младшихъ Помощниковъ Секретарей Канцеляріи Главнаго Директора Межеваго Корпуса, съ исключеніемъ подлежащей суммы, 571 р. 87 к. сер., изъ отпускаемой Государственнымъ Казначействомъ на сію Канцелярію по штату. Б. Исключить изъ смѣты сего Министерства: а) 7,290 р. 96 к. сер., назначенные по штату семи чиновникамъ за Оберъ-Прокурорскими Столами, тремъ въ С.-Петербургѣ и четыремъ въ Москвѣ; б) 13,891 р. 28 к. сер., положенные по штату Департамента Министерства, на содержаніе пяти Редакторовъ, семнадцати Младшихъ Помощниковъ Столоначальниковъ и Секретарей, и шести Журналистовъ Отдѣленій, съ обращеніемъ сей издержки на доходы Сенатской Типографіи; в) 1,414 р. 50 к. сер., отпускавшіеся на усиленіе Департамента Министерства; г) 6,285 р. 60 к. сер.,

производившіеся на прогоны сенатскимъ курьерамъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; и д) 1,842 р. 90 к. сер., изъ суммы, назначенной на курьеровъ и содержаніе служительской при Правительствующемъ Сенатѣ роты. В) Сумму на производство, по Высочайшему повелѣнію 28 мая 1843 г., столовыхъ денегъ Губернскимъ и Областнымъ Стряпчимъ, ограничить 10,000 р. сер. и Г) 7,205 р. 32 к. сер., отнесенные временно на прибыльныя суммы Сенатской Типографіи по Высочайше-утвержденному 9 мая 1847 года штату докладывающихъ на Консультаціи, состоящей при Министерствѣ Юстиціи, обратить постоянно на означенныя суммы.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія.

По случаю истеченія двухгодичнаго срока, на который, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 13-й день марта 1850 г., учрежденъ былъ Комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 14-й день марта сего 1852 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: оставить этотъ Комитетъ, на прежнемъ основаніи, еще на два года.

По Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Государь Императоръ, по положенію Комитета Гг. Министровъ, вслѣдствіе представленія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: при исполненіи Именнаго Его Величества указа, послѣдовавшаго 27-го декабря 1850 года, о взиманіи съ еврейскихъ обществъ по одному взрослому рекруту за каждыя двѣ тысячи рублей податныхъ недоимокъ, принять въ руководство слѣдующее: 1) Брать съ еврейскихъ обществъ взрослаго рекрута, въ видѣ пени, за тѣ только 2 тыс. руб. сереб., податныхъ недоимокъ, кои будутъ накоплены ими послѣ обнародованія сего закона, не причисляя къ нимъ стараго недоимочнаго долга. 2) Таковое взиманіе рекрутъ въ видѣ пени не относить къ недоимкамъ,

платежъ коихъ былъ, или будетъ разсроченъ, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, пока не кончится время, назначенное сими разсрочками. 3) Изъ накопленныхъ еврейскими обществами податныхъ недоимокъ, за которыя взятъ будетъ, въ видѣ пени, рекрутъ никакого исключеніе за сего рекрута со счетовъ не дѣлать и взысканіе недоимокъ продолжать въ полномъ ихъ количествѣ. Равномѣрно продолжать брать съ обществъ этихъ штрафныхъ рекрутъ, если недоимка на слѣдующій годъ послѣ взятія рекрута, съ присоединіемъ невнесенныхъ за оный податей, будетъ состоять изъ тѣхъ же 2 тыс. руб., которыя были въ истекшемъ году. И 4) Въ пріемѣ рекрутъ изъ Евреевъ за недоимки, по приговорамъ добросовѣстныхъ, согласоваться въ точности съ § 23 положенія 12-го декабря 1851 г. (Сенат. Вѣдом. № 9-й, 1852 г.), то-есть, принимать ихъ только или въ зачетъ будущихъ наборовъ, или въ зачетъ тѣхъ штрафныхъ рекрутъ, коп за неплатежъ недоимокъ будутъ слѣдовать по указу 27 декабря 1850 г. съ еврейскихъ обществъ.

— По случаю неудовлетворительнаго урожая хлѣбовъ въ 1851 году въ Осташковскомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ и вслѣдствіе сношенія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ съ Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ и Статсъ-Секретаремъ Гофманомъ, объ оказаніи помѣщикамъ сказанныхъ уѣздовъ льготы въ платежѣ долговъ по займамъ ихъ изъ Кредитныхъ Установленій, Г. Министръ Внутреннихъ дѣлъ, входилъ съ представленіемъ по этому предмету въ Комитетъ гг. Министровъ, по положенію коего, Государь Императоръ, въ 4-й день марта сего 1852 года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Взносъ слѣдующихъ платежей отъ помѣщиковъ сказанныхъ уѣздовъ, по займамъ ихъ изъ Кредитныхъ Учрежденій, отсрочить до 1-го октября 1852 года, съ причисленіемъ сихъ платежей къ капитальнымъ долгамъ, съ тѣмъ, чтобы помѣщики, которые будутъ имѣть дѣйствительную необходимость въ таковой льготѣ, по случаю постигшаго имѣнія ихъ неурожая, предварительно представляли о семъ свидѣтельства Уѣздныхъ Предводителей Дворянства, Начальникомъ губерніи утвержденныя.

И 2) льготу сію въ равной степени распространить и на владѣльцевъ незаселенныхъ земель, находящихся въ помянутыхъ уѣздахъ и состоящихъ въ залогѣ Тверскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія.

— Вслѣдствіе ходатайства Г. Начальника Смоленской гу-

берніи о пособіи служащимъ въ Смоленской губерніи лицамъ, по случаю неурожая хлѣба, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по сношенію съ Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ, входилъ съ представленіемъ объ этомъ предметѣ въ Комитетъ Гг. Министровъ, по положенію коего, Государь Императоръ, въ 7-й день сего марта Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Въ губерніяхъ Витебской, Могилевской и Смоленской, всѣмъ вообще чиновникамъ и канцелярскимъ служителямъ, кромѣ Предсѣдателей, Членовъ и Секретарей присутственныхъ мѣстъ и другихъ равныхъ имъ лицъ, выдать въ пособіе въ размѣрѣ третныхъ окладовъ жалованья, включая въ то число лекарскихъ учениковъ и Уѣздныхъ Казначеевъ, получающихъ содержаніе по старому штату. 2) По тѣмъ-же губерніямъ и уѣздамъ чиновникамъ и канцелярскимъ служителямъ, кои получаютъ жалованья не болѣе 57 руб. 14 коп. сереб. въ годъ, а также тѣмъ, которые вовсе не получаютъ онаго, выдать единовременно, не въ зачетъ, по 25 руб. сер., каждому; и 3) Таковыя пособія оказывать, по усмотрѣнію Начальниковъ губерніи, а по духовному вѣдомству по усмотрѣнію Епархіальныхъ Архіереевъ, тѣмъ только лицамъ, которыя безъ оныхъ совершенно обойтись не могутъ, и въ тѣхъ собственно городахъ, гдѣ цѣны на хлѣбъ возвысились вдвое противъ обыкновенныхъ.

— Вслѣдствіе представленія Начальника Вятской губерніи, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшилъ учредить въ г. Вяткѣ ярмарку съ 21 по 29 ч. мая.

По вѣдомству Почтоваго Департамента.

Съ разрѣшенія г. Главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ учреждены нынѣ почтовые экипажи для возки пассажировъ между Ригою и Дерптомъ по два раза въ недѣлю, и именно: по понедѣльникамъ и пятницамъ, какъ изъ Риги, такъ и изъ Дерпта.

Цѣны за мѣста опредѣлены слѣдующія: между Ригою и Дерптомъ за внутреннія по 8 руб., за наружныя по 6 р. сер., за каждое мѣсто въ одинъ путь, а за проѣздъ между городами, отъ Риги къ Дерпту лежащими, по особой таксѣ.

Сверхъ-того, за поклажу вещей свыше 20 фунтовъ, дозво-

ленныхъ каждому пассажиру, по 5 к. сер., за фунтъ или по 2 р. за пудъ.

Желающіе получать мѣста въ экипажахъ должны адресоваться къ Гг. Рижскому Губернскому и Дерптскому Уѣздному Почтмейстерамъ.

А какъ сверхъ почтовыхъ экипажей, постоянно слѣдующихъ между С.-Петербургомъ и Ригою, а также между С.-Петербургомъ и прусскою границею и Таурогеномъ, учреждены особые экипажи и между С.-Петербургомъ и Нарвою, и далѣе между Нарвою и Дерптомъ, то новымъ учрежденіемъ почтовыхъ экипажей между Дерптомъ и Ригою сообщеніе всѣхъ городовъ по тракту установлено для путешественниковъ со всѣми возможными удобствами.

По Вѣдомству Путей Сообщенія.

Въ офиціальныхъ газетахъ С-Петербурга напечатанъ слѣдующій Тарифъ на перевозку различныхъ предметовъ по С-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ, на все разстояніе отъ С-Петербурга до Москвы, или отъ Москвы до С-Петербурга.

По 40 коп. съ пуда,

Бумага писчая, вино, портеръ и всякіе напитки, ворсильныя шишки, воскъ, икра зернистая и паюсная, краски, мануфактурные товары: шелковые, шерстяные и бумажные, мебель, минеральныя воды, мѣдь въ издѣлія, мягкая рухлядь, пробки готовыя, пряжа бумажная и шерстяная, рыбій клей, свѣжіе фрукты и проч. табакъ и его издѣлія, шелкъ, устрицы, чай, щетина, юфть.

По 35 коп. съ пуда.

Кожа обдѣланная и кожевенныя издѣлія, кофе, олово, сахаръ въ головахъ, стеариновыя свѣчи.

По 30 коп. съ пуда.

Бакалейные товары вообще, бумага хлопчатая, варшки, кожи сырыя, масло деревянное, машины, москательные то-

вары и проч., полотно и холстъ, посуда фарфоровая и фаянсовая, посуда стеклянная, сахарный песокъ, привозный и свекловичный, стекло, сухія коренья и проч., сыръ, шерсть, волосъ и войлокъ.

По 25 коп. съ пуда.

Дерево орѣховое, ясневое, сандалъ и краспльное, желѣзо въ издѣліи, клей мездряный, мраморъ, свѣчи сальныя, сталь не въ издѣліи.

По 20 коп. съ пуда.

Канаты, веревки и издѣлія изъ пеньки, конопляное и льняное масло, ленъ, мука картофельная, гречневая и гороховая, мука пшеничная и крупчатая, мясо, битое, свѣжее и соленое, огородныя овощи, патоки сахарныя и картофельныя, пенька, поташъ, рисъ и перловая крупа, рыба и рыбій жиръ, сало, свинецъ, сельди, селитра, смола и деготь, сѣра, цинкъ, чугунъ въ издѣліи.

По 15 коп. съ пуда.

Дуги и ободы, каменный уголь, кости, лѣсъ, дрова, мука ржаная , рожъ, овесъ, горохъ и ячмень, пшено, гречневая крупа и солодъ, сѣмя конопляное и льняное, точила, жернова, плита, камень вообще и кирпичъ, чугунъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ.

Товарищу Министра Финансовъ, Сенатору, Тайному Совѣтнику *Броку*, повелѣно вступить въ управленіе Министерствомъ Финансовъ, съ званіемъ Статсъ-Секретаря Управляющаго Министерствомъ Финансовъ.—Исправляющій должность Военнаго Губернатора г. Тулы и Тульскій Гражданскій Губернаторъ, Генералъ-Маіоръ *Дараганъ 1-й*, и состоящій въ должности Виленскаго Гражданскаго Губернатора, Генералъ-Маіоръ *Россетъ*, утверждены: Дараганъ Военнымъ Губернаторомъ г. Тулы и Тульскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ,

а Россетъ Виленскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ, а Исправляющій должность Вятскаго Гражданскаго Губернатора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Семеновъ*, Вятскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ.

Повелѣно быть: Командиру Севастопольскаго порта и Исправляющему должность Севастопольскаго Военнаго Губернатора, Вице-Адмиралу *Хрущову* — Членомъ Адмиралтействъ Совѣта; Директору Департамента Военныхъ Поселеній, Генералу отъ Артиллеріи *Барону Корфу 1-му*, —Инспекторомъ всей Артиллеріи; Начальнику всѣхъ Округовъ пахатныхъ солдатъ Новгородской, Витебской и Могилевской губерній, Генералъ-Лейтенанту *Пиларъ-Фонъ Пильхау 2-му*—Директоромъ Департамента Военныхъ Поселеній; Засѣдающему въ Военномъ Совѣтѣ, съ правомъ голоса, Генералъ-Лейтенанту *Графу Кушелеву*, —Членомъ Военнаго Совѣта; Управляющему Коммисаріатскимъ Департаментомъ, Генералъ-Лейтенанту *Никифорову*,— Генералъ Кригсъ-Коммисаромъ Военнаго Министерства; Вице-Директору Коммиссаріатскаго Департамента Морскаго Министерства, Генералъ-Маіору *Тумило-Денисовичу*,—Директоромъ того Департамента, вмѣсто Генералъ-Лейтенанта *Бровцына*, уволеннаго, по прошенію его, отъ этой должности, съ оставленіемъ въ семъ же Министерствѣ; Начальнику Отдѣленія Канцеляріи Морскаго Министерства, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику *Тимофѣеву*,—Вице-Директоромъ Коммиссаріатскаго Департамента того же Министерства. Состоящему при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и по Инженерному Корпусу, Генералъ-Маіору *Кривцову*,—Исправляющимъ должность Кіевскаго Гражданскаго Губернатора, съ оставленіемъ по Инженерному Корпусу.—Почтъ Инспектора 1-го Округа, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника *Фонъ-Дрейлинга*, повелѣно помѣстить на открывшуюся вакансію штатнаго Члена Совѣта при Главноначальствующемъ надъ Почтовымъ Департаментомъ.

ПРОИЗВЕДЕНЫ:

Изъ Дѣйствительныхъ Статскихъ въ Тайные Совѣтники: Кіевскій Гражданскій Губернаторъ *Фундуклей* и повелѣно ему присутствовать въ Варшавскихъ Правительствующаго Сената Департаментахъ.—Члены Консультаціи Министерства Юсти-

ціи *Цеймернъ* и *Плисовъ* — оба съ назначеніемъ присутствовать въ правительствующемъ Сенатѣ.

ПОЖАЛОВАНІЕ:

Въ званіе къ Высочайшему Двору.

Дѣвицы: Графиня Александра *Клейнмихель*, Амалія *Сталь*, Княжна Екатерина *Львова*, Княжна Наталія *Трубецкая*, и дочь покойнаго Адмирала и Генералъ-Адъютанта Лазарева, дѣвица Татьяна *Лазарева*, Всемилостивѣйше пожалованы во Фрейлины къ Ея Императорскому Величеству, Государынѣ Императрицѣ; а Коллежскіе Ассесоры: Второй Секретарь Канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Графъ Павелъ *Строгановъ*, Старшій Помощникъ Производителя дѣлъ Канцеляріи Статсъ-Секретаря у принятія прошеній, Николай *Гаевскій*, Чиновникъ особыхъ порученій при Московскомъ Почтамтѣ Иванъ *Алябьевъ* и Секретарь Департамента Государственнаго Казначейства Максимъ *Княжевичъ*,—въ званіе Камеръ-Юнкеровъ Императорскаго Двора.

ОРДЕНАМИ:

Бѣлаго Орла.

Московскій Почтъ-Директоръ, Тайный Совѣтникъ и въ званіи Камергера *Булгаковъ*.—Штальмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, Почетный Опекунъ С-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта *Чертковъ*.—Пензенскій Гражданскій Губернаторъ, Тайный Совѣтникъ *Панчулидзевъ*, Директоръ Департамента Сельскаго Хозяйства, Тайный Совѣтникъ *Левшинъ*.

Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-й степени большаго креста.

Сопричисленъ къ этому ордену Іоаннъ, Архіепископъ Донской и Новочеркасскій.—Помощникъ Московскаго Почтъ-Директора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Татищевъ*.

Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-й степени.

Московскій Гражданскій Губернаторъ Тайный Совѣтникъ *Капнистъ*.

Знаками ордена Св. Анны 1-й степени, Императорскою короною украшенными.

Состоящій при III Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи для особыхъ порученій Тайный Совѣтникъ *Сагтынскій*; Директоръ Духовно-Учебнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, Тайный Совѣтникъ *Карасевскій*.

Св. Анны 1-й степени, Императорскою короною украшеннаго.

Членъ Совѣта Министерства Государственныхъ Имуществъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Шульгинъ;* Членъ Совѣта, учрежденнаго при Главноначальствующемъ надъ Почтовымъ Департаментомъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Кожуховъ;* Исправляющій должность Начальника Перваго Округа Корпуса Жандармовъ, Генералъ-Лейтенантъ *Графъ Цукато*, Начальникъ Артиллерійскихъ Гарнизоновъ Кіевскаго Округа, Генералъ-Маіоръ *Калита*. Управляющій дѣлами Императорской Главной Квартиры и Собственнаго Его Величества Конвоя, Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ *Львовъ 2-й*; Начальникъ Артиллерійскихъ Гарнизоновъ Дунайскаго Округа, Генералъ-Маіоръ *Рербергъ 1-й*.

Св. Анны 1-й степени.

Директоръ Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Делинъ*.

Св. Станислава 1-й степени.

Управляющій Динабургскою Коммиссаріатскою Коммиссіею, Генералъ-Маіоръ *Корсаковъ 3-й;* Членъ Совѣта и Ученаго Комитета Корпуса Горныхъ Инженеровъ, Генералъ-Маіоръ *Меньшенинъ;* Директоръ С.-Петербургскаго Технологическаго Института, Генералъ-Маіоръ Корпуса Горныхъ Инженеровъ *Блау*; Членъ Общаго Присутствія Департамента Удѣловъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Ерофѣевъ*. На-

чальникъ Артиллерійскихъ Гарнизоновъ и Западнаго Округа, Генералъ-Маіоръ *Халанскій*; Командиръ Ревельскаго Артиллерійскаго Гарнизона, Генералъ-Маіоръ *Корлевичъ 1-й*; Командиръ Шостенскаго пороховаго завода, Генералъ-Маіоръ *Сипельшиковъ 1-й*; Командиръ Тульскаго оружейнаго завода, Генералъ-Маіоръ *Самсоновъ*; Командиръ С.-Петербургскаго Арсенала, Генералъ-Маіоръ *Поповъ 2-й*; Директоръ Канцеляріи Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, Тайный Совѣтникъ *Казинъ*; Енисейскій Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Падалка*; Членъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Авсѣенко*; Курскій Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, въ званіи Камергера, *Казадаевъ*. Харьковскій Губернскій Предводитель Дворянства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, въ званіи Камергера, *Князь Голицынъ*. Управляющій Астраханскою Палатою Государственныхъ Имуществъ и Главный Попечитель Калмыцкаго народа, Генералъ-Маіоръ *Тагайчиновъ*; Членъ Коммиссіи Прошеній, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Князь Долгорукій*; Старшій Цензоръ С.-Петербургскаго Почтамта, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Ульрихсъ*; Секретарь Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, въ званіи Камергера *Лабенскій;* Помощникъ Директора Императорской Публичной Библіотеки и Завѣдывающій Румянцовскимъ Музеумомъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, въ званіи Камергера *Князь Одоевскій*.

Медалями.

Золотыми, съ надписью за усердіе, для ношенія на шеѣ, на Владимірской лентѣ: Мануфактуръ-Совѣтникъ, Нижегородской 1-й гильдіи купецъ Михаилъ *Рукавишниковъ*; Управляющій дѣлами Астрабадскаго торговаго дома въ Москвѣ, Почетный Гражданинъ Василій *Елизаровъ*.

ИЗВѢСТІЯ СЪ КАВКАЗА.

Генералъ Маіоръ *Баронъ Меллеръ-Закомельскій* сосредоточилъ, 26-го марта, на правомъ берегу Аргуна, близъ кр. Воздвиженской, 3½ батальона Егерскаго Князя Воронцова полка, 6 орудій и 3 сотни казаковъ, съ цѣлью разорить аулъ Талгика и завладѣть находящимися тамъ орудіями.

Того-же числа вечеромъ отрядъ этотъ выступилъ скрытно изъ лагеря, и пройдя около 30 верстъ, приблизился къ прилегающему къ аулу лѣсу, гдѣ непріятельскіе пикеты открыли движеніе нашей колонны, а потому начальникъ отряда предпочелъ, не давая времени непріятелю опомниться, атаковать немедленно селеніе, не взирая на то, что еще была темная ночь. Оставивъ у входа въ лѣсъ Подполковника *Ляшенко*, съ 6-ю ротами, 4-мя легкими орудіями и всѣми казаками, дабы лишить непріятеля возможности поспѣшить на помощь Талгику, Генералъ-Маіоръ *Баронъ Меллеръ-Закомельскій*, съ двумя батальонами, при двухъ горныхъ орудіяхъ, быстро двинулся впередъ.

Неутомимые егеря, пробѣжавъ бѣглымъ шагомъ почти 3 версты по заваленному валежникомъ и срубленными деревьями лѣсу, достигли наконецъ до укрѣпленнаго валомъ и рвомъ аула, ворвались и мгновенно онымъ овладѣли. Маіоръ *Оклобжіо*, пренебрегая открытымъ по нимъ непріятелемъ изъ сакель огнемъ, понесся съ своими храбрыми ротами на штурмъ укрѣпленнаго двора Талгика. Ворота вмигъ были выбиты, и егеря, имѣя впереди 1-ю карабинерную роту и храбраго ея командира, Капитана *Мансурадзева*, переколовъ находящихся тутъ мюридовъ, овладѣли двумя орудіями, именно: 6-тифунтовою пушкою съ передкомъ, и горнымъ орудіемъ съ передкомъ же, и значкомъ Наиба, истребили значительный пороховой запасъ и разорили все укрѣпленіе. Наибъ *Талгикъ* успѣлъ бѣжать.

За тѣмъ отрядъ началъ обратное движеніе, и непріятель, собравшійся въ весьма значительныхъ силахъ, вступилъ въ упорный бой, въ надеждѣ отнять обратно орудія; но благоразумная предосторожность Подполковника *Ляшенко*, который заранѣе занялъ лѣсъ цѣпями отъ резерва, и порядокъ, въ которомъ совершено было отступленіе, не допустили Че-

ченцевъ имѣть гдѣ-либо успѣхъ. Потеря непріятеля должна быть значительна; съ нашей стороны выбыло изъ строя 1 оберъ-офицеръ убитый, 3 тяжело и 5 легко раненыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ; нижнихъ чиновъ убито 16 и ранено 101 человѣкъ.

Въ тоже время, на передовой Кумыкской линіи, жители Замичиковскихъ ауловъ: Мазлыгаша и Гурдали, изъявили желаніе перейти въ наши предѣлы. Дабы содѣйствовать этому переселенію, Полковникъ *Бакановъ* собралъ въ укр. Курпискомъ отрядъ изъ 13-ти ротъ пѣхоты и 6-ти сотенъ казаковъ, при 6-ти орудіяхъ, и 23-го марта, на разсвѣтѣ, быстро двинулся къ этимъ ауламъ и прикрылъ переходъ жителей, съ ихъ имуществомъ и семействами, чрезъ Качкалыковхребетъ. Наибъ *Гехи*, успѣвъ собрать весьма значительную партію, настигнулъ колонну на самомъ хребтѣ, въ густой чащѣ лѣса. Завязался жаркій и упорный бой, продолжавшійся около 4-хъ часовъ. Удачнымъ дѣйствіемъ орудій, ракетъ и ружейнымъ огнемъ, отражены были всѣ натиски непріятеля. Въ 3 часа пополудни отрядъ благополучно возвратился въ укрѣпленіе Курпинское, приведя туда 258 душъ обоего пола, со всѣмъ скотомъ и имуществомъ ихъ. Въ этомъ успѣшномъ дѣлѣ съ нашей стороны ранено: 3 оберъ-офицера; убито 10 и ранено 87 нижнихъ чиновъ.

Другіе Мичиковскіе аулы намѣреваются также переселиться къ намъ. Такое расположеніе умовъ племени, доселѣ враждебнаго, доказываетъ какъ измѣнилось въ пользу нашу положеніе Большой-Чечни.

— Прибѣгнувъ, осенью минувшаго года, къ покровительству нашему, бывшій наибъ Аварскій, *Гаджи-Муратъ*, не могъ вывести семейства своего изъ горъ.

Всѣ усилія его въ продолженіе зимы, чтобы выручить жену и дѣтей остались тщетны; съ наступленіемъ весны испросилъ онъ разрѣшеніе отправиться въ Нуху, откуда представлялось ему болѣе удобствъ дѣйствовать къ спасенію семейства.

Но оказавъ ему это снисхожденіе, мѣстное начальство приняло всѣ мѣры предосторожности, требуемыя обстоятельствами; за *Гаджи-Муратомъ* учрежденъ былъ ближайшій надзоръ, необходимость коего оправдалась вскорѣ.

22-го апрѣля, выѣхавъ передъ вечеромъ гулять за городъ, съ 4-мя товарищами, подъ конвоемъ, онъ вдругъ, выстрѣломъ изъ пистолета, смертельно ранилъ сопровождавшаго его

Квартальнаго Надзирателя города Нухи; въ тоже мгновеніе одинъ изъ его нукеровъ убилъ конвойнаго урядника и измѣнники пустились бѣжать.

Управляющій Нухинскимъ Уѣздомъ, Подполковникъ *Коргановъ*, немедля поднялъ мѣстную милицію, къ которой присоединились Елисуйская и Карабахская, и чрезъ нѣсколько часовъ *Гаджи-Мурать* былъ настигнутъ, окруженъ и, послѣ отчаянной защиты, убитъ съ двумя нукерами. Остальные два нукера на другой день взяты въ плѣнъ и преданы военному суду.

Этотъ случай служитъ новымъ доказательствомъ преданности туземныхъ милицій и готовности ихъ исполнять всѣ распоряженія начальства.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИСТИННО-ПРЕКРАСНЫЙ ПАМЯТНИКЪ. С.-петербургское биржевое купечество, движимое признательностію къ неусыпнымъ о пользахъ отечественной торговли и промышлености попеченіямъ покойнаго Министра Финансовъ, графа Вронченко, изъявило желаніе почтить память его постоянною благотворительностію; вслѣдствіе чего постановило:

1) Изъ поступающихъ съ собственнаго капитала С.-Петербургской Биржи процентовъ, а при возможности и изъ текущихъ доходовъ оной, отчислять ежегодно, на вѣчныя времена, по шестисотъ руб. сер., съ тѣмъ, чтобы на сіи деньги содержать постоянно двухъ воспитанниковъ въ С.-Петербургскомъ Коммерческомъ Училищѣ, или же (въ случаѣ упраздненія онаго) въ другомъ спеціальномъ заведеніи, для образованія свѣдущихъ въ коммерціи людей.

2) Обучаемымъ на жертвуемыя нынѣ деньги воспитанникамъ присвоить навсегда наименованіе: «*Пансіонеръ С.-Петербургской Биржи въ память графа Ф. П. Вронченко.*»

3) Всѣ распоряженія, какъ при первоначальномъ опредѣленіи сихъ пансіонеровъ, такъ и при дальнѣйшемъ замѣщеніи вакан-

сій, предоставить ближайшему и непосредственному завѣдыванію С.-Петербургскаго Биржеваго Комитета, съ соблюденіемъ токмо правила, чтобы призрѣніе это оказываемо было преимущественно бѣднымъ сиротамъ изъ сыновей купцовъ, производившихъ торговлю въ С.-Петербургской Биржѣ, но пришедшихъ въ несостоятельность по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ.

— Предсѣдатель С.-Петербургскаго Биржеваго Комитета, баронъ Штиглицъ, представя билетъ Коммерческаго Банка, въ 25 т. р. сер., просилъ, во изъявленіе признательности и искренняго уваженія его къ памяти покойнаго Министра Финансовъ, графа Вронченко, обратить означенный капиталъ въ неприкосновенный фондъ, на вѣчныя времена, для постояннаго, на счетъ процентовъ съ онаго содержанія въ Коммерческихъ Училищахъ, или другихъ учебныхъ заведеніяхъ, трехъ пансіонеровъ: одного—изъ сиротъ чиновниковъ, служившихъ въ Министерствѣ Финансовъ, по назначенію начальства; другаго—изъ сиротъ бывшихъ биржевыхъ купцовъ бѣднаго состоянія, и третьяго—изъ бѣдныхъ дѣтей прочихъ сословій вообще; послѣднихъ двухъ по назначенію его (барона Штиглица) ,или, посмерти его, по избранію предсѣдателя Биржеваго Комитета, съ тѣмъ, чтобы пансіонеры сіи именовались: «*Пансіонеръ барона Штиглица въ память Графа Ф. П. Вронченко.*»

На докладныхъ по этому предмету запискахъ г. Управляющаго Министерствомъ Финансовъ, Государь Императоръ собственноручно изволилъ написать: «Съ удовольствіемъ согласенъ».

ТОРГОВЛЯ. Изъ генеральнаго прейсъ-куранта, сообщеннаго Коммерческимъ Судомъ, видно, что въ 1851 году при Архангельскомъ портѣ чрезъ биржевыхъ маклеровъ продано: пшеницы 2,250, ржи 76,482, овса 153,495 и ячменя 3,000 четвертей; льна отборнаго: въ сортахъ 3,100, перваго сорта 1,855, втораго 6,340 и третьяго 7,600 пудовъ; льна крона: въ сортахъ 8,250, перваго сорта 7,025, втораго 21,087 и третьяго 41,348, забрака или 4-го сорта 56,822 пуда; пакли льняной кудельной: перваго и втораго сорта пополамъ 8,300 пуд., отдѣльно перваго сорта 26,885 и втораго 21,548 пудовъ, чесанной 2-го сорта 11,078 и 3-го 12,784 пуда, мукй ржаной 155,500 пудовъ; рогожъ 174,350 штукъ; сѣмени льняпаго 57,404 четверти; смолы жидкой 7,600 бочекъ и густой, или пека 31,000 пудъ; желѣза

полосоваго 3,500 пудовъ и досокъ сосновыхъ разныхъ мѣръ, 12,400 численныхъ дюжинъ.

Противу 1850 года продано болѣе: ржи, овса, отборнаго льна 3-го сорта и льна крона 1-го сорта, муки ржаной, рогожъ, смолы густой и досокъ; прочихъ же товаровъ продано менѣе.

— Въ навигацію 1851 г. чрезъ маріупольскую таможенную заставу отпущено въ иностранные порты товаровъ на 544,992 р. сер., противъ 1850 г. менѣе на 196,594 р.—Главныхъ статей вывезено:

	Въ 1850 г.	Въ 1851 г.
	четв.	четв.
Пшеницы	110,908	80,671
Сѣмени льняного	4,574	13,116
» сурѣпнаго	3,400	1,485
	пудъ	пудъ
Шерсти	1,100	900

Привозныхъ товаровъ оплачено пошлиною въ 1851 г. на 153 р. Монеты русской и иностранной привезено изъ-за границы на 47,599 р., противъ 1850 г. менѣе на 1,842 руб.

Судоходство открылось при Таганрогскомъ портѣ въ первый день Пасхи прибытіемъ до 40 судовъ; суда эти грузятся теперь пшеницею, для отправки за границу. 2-го апрѣля поднялась здѣсь ужасная буря съ снѣгомъ, вслѣдствіе которой нѣсколько лодокъ выброшено на берегъ и нѣсколько судовъ потерпѣли поврежденіе; тоскапскій бригъ «Нина» сорванъ былъ съ якорей и выброшенъ на мель близъ дачи барона Франка. Морозъ доходилъ до 6 градусовъ; съ нѣсколькихъ домовъ сорваны были крыши. Наконецъ, вѣтеръ нѣсколько стихъ. Р. Донъ освободилась отъ льда. Погрузка въ Ростовѣ началась, но таможняя торговля еще мало оживлена, по недостатку запасовъ къ продажѣ на мѣстѣ и по дороговизнѣ цѣнъ: за льняное сѣмя, съ поставкою въ іюнѣ, требуютъ 6 руб. 57 к., за гирку 4 р. 57 к., рожь 2 р. 43 к. сер. за чет., за шерсть бѣлую, мытую, 5 р. сер. за пудъ.—Изъ Старобѣльска писали отъ 24-го марта, что тамъ еще ѣздили на саняхъ.

Изъ г. Борисоглѣбска (Тамб. губ.) извѣщаютъ, что тамъ, въ ожиданіи большаго половодья, строится до 50 барокъ изъ осиноваго и сосноваго лѣсу; первый взятъ изъ подгородной рощи, а послѣдній привезенъ изъ Тамбова, Моршанска, Балашова и Саратова, въ разныхъ видахъ. Грузъ состоять будетъ изъ льня-

наго сѣмени (40 т. четвертей), пшеницы гирки (30 т. чет.), мукй и ржи (30 т. чет.), овса (3 т. чет.), пшена 3 т. чет., крупы 1 т. чет. и наконецъ, изъ бондарныхъ матеріяловъ: тростей и обручей, также колесъ и необдѣланныхъ, по заготовленныхъ для нихъ изъ лѣсу штукъ разныхъ; цѣнность всего товара полагаютъ болѣе 400 тыс. руб. сер. (полтора милліона на ассигн.); для застрахованія груза (клади) пріѣхалъ въ Борисоглѣбскъ повѣренный отъ Общества и проситъ по 7 к. сер. съ рубля преміи, а купцы даютъ только по 5 к., но сойдутся ли—невзвѣстно, потому-что всѣ надѣются на благополучный сплавъ, какъ это было доселѣ. Поговариваютъ, что нѣкоторые изъ богатыхъ негоціантовъ, имѣющихъ конторы въ Таганрогѣ и Ростовѣ на Дону, намѣреваются учредить отдѣленія конторъ въ г. Борисоглѣбскѣ, гдѣ можно закупать льняное сѣмя и пшеницу разныхъ сортовъ, также пшено и ржаную мукѹ или рожь, въ огромномъ количествѣ и по сходнымъ цѣнамъ. Такъ наша отпускная торговля сельскихъ произведеній годъ-отъ-году видимо развивается и увеличивается; дай Богъ, чтобъ это движеніе все быстрѣе постепенно возрастало, тогда землевладѣльцы будутъ получать хорошіе доходы съ имѣній; до этого времени хлѣбъ былъ дешевъ и сбытъ его труденъ.—Въ надеждѣ на это—борисоглѣбскіе купцы пріобрѣтаютъ по набережной усадебныя мѣста, на коихъ и хотятъ устраивать постоянные магазины для складки хлѣба.

ЯРМАРКИ: *Ирбитская.* Въ нынѣшнемъ году на этой ярмаркѣ (съ 1-го февраля по 1-е марта) товаровъ было:

	Привезено.	Продано.
	р. сер.	р. сер.
Россійскихъ на	22.331,000	18.164,250
Иностранныхъ:		
Европейскихъ и колоніальныхъ	4.326,200	3.295,600
Азіятскихъ	4.162,400	3.872,600
Лошадей приведено . . .	35,200	30,500
Всего на	30.854,800	25.362,950

Въ сравненіи съ торговлею 1851 г. привезено менѣе на 4.675,800 руб. и продано также менѣе на 3.378,450 руб.

Значительнѣйшія статьи привоза и сбыта товаровъ составляли, какъ и прежде: а) Русскія мануфактурныя издѣлія, шерстя-

ныя, шолковыя и бумажныя; ихъ было доставлено всего на 8.350,800 р. сер., а продано, преимущественно въ Сибирь, на 7.050,000 р.; б) мѣха и мягкая рухлядь: привезено на 4.250,000 р., продано на 4.200 000 р.; в) чая доставлено на 2.950,000 р., продано на 2.890,000 р.; г) фруктовые, бакалейные и овощные товары и съѣстные припасы разнаго рода, коихъ привезено на 2.700,000 р., а продано на 1.900,900 р.; д) сахаръ, котораго доставлено на 1.800,000 р., продано на 1.200,000 р.; е) хрустальныя, фарфоровыя и фаянсовыя издѣлія русскихъ фабрикъ: привезено на 800,000 р., продано на 470.000 р.; ж) кожи и кожевенныя издѣлія: привезено на 610,000 р., продано на 494,000 р.; з) виноградныя вина, русскія и иностранныя, доставлено на 487,000 р., продано на 401,000 р. сер.

Успѣшнымъ сбытомъ въ нынѣшнюю ярмарку отличалась торговля шерстяными, бумажными и шолковыми издѣліями, сахаромъ, кожевенными товарами, проданными въ Сибирь почти безъ остатка, а также торговля саломъ, кофе, льномъ и пенькою; послѣднихъ трехъ предметовъ продано все привезенное на ярмарку количество безъ остатка.

Вообще ходъ ярморочной торговли былъ, какъ и въ прежніе годы, весьма успѣшенъ и не встрѣчалъ затрудненій ни въ количествѣ наличныхъ капиталовъ, ни въ платежахъ, ни въ соразмѣрности требованій съ доставленными на ярмарку товарами. Въ этомъ отношеніи представляютъ исключеніе только высшіе сорты мягкой рухляди и бѣлки. Торговля ими была невыгодна для сибирскихъ купцовъ, по причинѣ сравнительно мѣньшихъ требованій, что̀ произошло отъ застоя мѣховой торговли на Лейпцигской ярмаркѣ въ 1851 г., куда было доставлено много мѣховъ и мягкой рухляди англійскими и сѣверо-американскими торговцами по сходнѣйшимъ цѣнамъ.

Цифры привоза и сбыта всѣхъ вообще товаровъ на нынѣшней Ирбитской ярмаркѣ, сравнительно съ прошлогодней, уменьшились единственно по той причинѣ, что вслѣдствіе усиленія хлѣбопашества въ Восточной-Сибири значительно упали тамъ цѣны на хлѣбъ, а вмѣстѣ понизилась задѣльная плата рабочимъ на золотыхъ пріискахъ.

Сборная въ Симбирскѣ.—Изъ Симбирска пишутъ: «Въ нынѣшнемъ году, на первой недѣлѣ Великаго-поста, какъ обыкновенно, началась сборная-ярмарка. У насъ ярмарка эта играетъ весьма важную роль: нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ купцовъ она доставляетъ единственный, можно сказать, случай сбывать свои

товары. На сборной-ярмаркѣ производится закупка нѣкоторыхъ предметовъ ежедневнаго потребленія на цѣлый годъ. Съ средины масляницы или даже ранѣе, здѣшніе купцы начинаютъ перевозить свои товары за Казанскую заставу, въ устроенные для ярмарки ряды, такъ что въ началѣ первой недѣли нѣкоторые торговцы вовсе закрываютъ свои лавки, другіе же оставляютъ въ нихъ своихъ прикащиковъ, съ небольшимъ количествомъ товара. Въ началѣ первой недѣли Великаго-поста купцы только разбирали и сортировали свои товары; съ четверга же, когда, по совершеніи молебствія, поднятъ былъ флагъ, ряды запестрѣли, оживились, и тогда открылось широкое поле дѣятельности для торговцевъ. Въ срединѣ недѣли, по улицѣ, ведущей къ ярмарочнымъ рядамъ, толпится весьма много простаго народа; когда же ярмарка достигнетъ полнаго развитія, тѣснота на этой улицѣ увеличивается до того, что съ трудомъ можно по ней проѣхать. Простаго народа собралось нынѣшній годъ на ярмарку до 11,000 человѣкъ. Торгъ лошадьми, приведенными съ разныхъ заводовъ, также и крестьянскими, начался ранѣе, и окончился на первой же недѣлѣ. Для покупки лошадей пріѣзжаютъ на ярмарку ремонтеры; нынѣшній годъ собралось ихъ болѣе прошлаго, а потому и лошади продавались дороже. Всего пригнано было въ семъ году лошадей на 28,000 р. сер.; изъ нихъ продано на 7,280 р. сер. Въ числѣ покупателей крестьянскихъ лошадей встрѣчаются Татары, которыхъ пріѣзжаетъ сюда изъ ближнихъ мѣстъ весьма много. По общему отзыву торговавшихъ купцовъ, ярмарка прошла посредственно. Съѣздъ дворянъ былъ невеликъ. Товаровъ всего привезено было на 1.999,145 руб. сер.; продано на 545,499 р. сер. Главные предметы привоза: бумажные товары (привезено на 426,000 р., продано на 163,000 руб.); шолковыя издѣлія (привезено на 660,000, продано на 80,000 р.); чугунъ и желѣзо (привезено на 100,000 р., продано на 40,000 р.), галантерейные товары (привезено на 86,000 р., продано на 11,000 р.); сахаръ (привезено на 50,000 р., продано на 30,000 р.), чай (привезено на 45,000 р., продано на 35,000 р.) Сюда много также привозится колонистами *серпянки*, которую простой народъ покупаетъ весьма охотно. Товаръ этотъ занимаетъ особый рядъ, въ которомъ помѣщается шестнадцать лавокъ. Изъ иногородныхъ купцовъ пріѣзжаютъ сюда по бо́льшей части казанскіе, нижегородскіе и другіе. Изъ Москвы и С.-Петербурга ихъ бываетъ здѣсь очень мало. Въ нынѣшнемъ году посѣтилъ насъ г. Бастидъ изъ С.-Петер-

бурга, цѣны котораго хотя и были, какъ онъ самъ говоритъ, extraordinaires, однако онъ торговалъ очень хорошо. Изъ Москвы были у насъ Ейхель, Гайдуковъ, и проч., которые также не раскаяваются, что къ намъ пріѣзжали. Лавокъ въ нынѣшнемъ году занято было 369 (изъ нихъ бо́льшая часть бумажными товарами), съ которыхъ собрано въ городской доходъ 13,081 руб. 98 к., менѣе прошлаго года на 121 р. 13 к. сер. Ярмарка окончилась въ среду на второй недѣлѣ, или по-крайней-мѣрѣ, послѣ въ рядахъ никого уже не было. Отсюда нѣкоторые купцы отправились въ Самару, гдѣ ярмарка, по причинѣ большаго съѣзда торговцевъ, какъ говорятъ, не удалась.

Вологодская. На нынѣшнюю вологодскую, бывшую въ январѣ ярмарку привезено было товаровъ на 271,540 р., поступило въ продажу на 88,500 р.; за отданныя торговыя городскія помѣщенія получено въ пользу города 3,657 р. Если привозъ товаровъ на нынѣшнюю ярмарку въ сравненіи съ нѣкоторыми предшествовавшими годами былъ и менѣе, то количество продажи, принимая въ этомъ разѣ среднее число, остается ежегодно почти одинаково, и только 1842 годъ составляетъ исключеніе въ лучшую для сбыта сторону. Впрочемъ и сумма ежегоднаго привоза, несмотря на замѣтное, въ иные годы, колебаніе цифръ, въ сложности ихъ за нѣсколько сряду лѣтъ, даетъ число, близкое къ ежегодной суммѣ привоза. Общая сумма ежегодныхъ цифръ привоза и продажи товаровъ даетъ сложную годовую сумму: привоза 274,503 р. сер., а продажи 89,316 р. 50 к. Изъ этого видно, что выведенныя сложныя за 12 лѣтъ числа, если и дѣлаютъ разницу съ годовыми, то самую незначительную, а это служитъ доказательствомъ, что ярмарочные обороты остаются безъ измѣненія въ теченіе нѣсколькихъ сряду лѣтъ. Такой фактъ можетъ быть надежнымъ ручательствомъ за успѣхъ торговли купечества, посѣщающаго нашу ярмарку; соображаясь съ этимъ фактомъ, каждый купецъ можетъ разсчитать заблаговременно, какимъ количествомъ товаровъ онъ долженъ запастись, отправляясь въ январѣ въ Вологду. Наша январская ярмарка выгодна для купцовъ въ томъ еще отношеніи, что они, по окончаніи ея, съ остатками своихъ товаровъ, дополненными новымъ ихъ подвозомъ, переѣзжаютъ изъ Вологды въ весьма недальній отъ насъ Ростовъ, на бывающую тамъ извѣстную годовую ярмарку. Вологодскую ярмарку посѣщаютъ постоянно по преимуществу купцы московскіе и ярославскіе, а съ недавняго времени начали появляться и петербургскіе.

Крещенская, въ Харьковѣ. На Крещенскую въ городѣ Харьковѣ ярмарку 1852 года привезено было разныхъ товаровъ и приведено лошадей на 11,186.679 р. 50 коп., продано на 7.635,935 р., осталось непроданныхъ на 3.744,500 руб. 50 коп. сер.

Мензелинская. На здѣшнюю ярмарку въ 1852 году съѣхалось посѣтителей до 5,516-ти человѣкъ; товаровъ привезено было на 1.673,651 р. сер., продано на 1.101,938 р. (главный сбытъ товаровъ былъ кубовой краски, чая, сахару, бумажныхъ товаровъ и проч.); въ Городовую Ратушу сдано ярмарочнаго дохода 9,206 р. 87 коп.

Благовѣщенская, въ г. Пинегѣ. На эту ярмарку, бывшую въ минувшемъ мартѣ, привезено разныхъ товаровъ на 35,470 р., продано на 27,490 р., въ томъ числѣ: шерстяныхъ на 370 р., бумажныхъ на 3,600 р., льняныхъ и пеньковыхъ на 900 р., шолковыхъ и полушолковыхъ на 3,700 р., металлическихъ на 1,020 р., кожевенныхъ на 2,600 р., мягкой рухляди на 600 р., фаянсовой и стекляной посуды на 210 р., разныхъ крестьянскихъ издѣлій на 1,440 р., хлѣбныхъ припасовъ и лакомствъ на 2,240 р., чаю на 1,000 р., кофе на 160 р., сахару на 700 р., винъ на 100 р., рыбы на 1,000 р., мяса на 1,800 р., сала говяжьяго на 2,000 р., масла коровьяго на 800 р., мыла на 200 р., пуху на 250 р., полупушья на 500 р., пера на 1,200 р., бумаги писчей и пр. на 100 р., и лошадей на 1,000 р.; осталось непроданныхъ товаровъ на 7,980 рублей.—Въ пользу города поступило отъ ярмарки до 114 р. 50 к., а въ пользу обывателей до 400 р.; стеченіе народа простиралось до 1,163 человѣкъ обоего пола, въ томъ числѣ изъ другихъ губерній 11, мѣстныхъ жителей Пинежскаго уѣзда 8,600, а остальные изъ прочихъ уѣздовъ здѣшней губерніи.

Устройство Ильинской ярмарки въ Полтавѣ. Государь Императоръ въ 18-й день января Высочайше повелѣть соизволилъ, сушествующую въ г. Ромнахъ Ильинскую ярмарку перевести въ г. Полтаву съ 20 іюля сего 1852 года.

Вслѣдствіе сей Высочайшей воли, по распоряженію мѣстнаго начальства полтавскій ярмарочный комитетъ извѣстилъ, что:

Ильинская ярмарка, помѣщавшаяся нѣсколько десятковъ лѣтъ въ балаганахъ и деревянныхъ, бо́льшею частію уже ветхихъ временныхъ помѣщеніяхъ г. Ромна, нынѣ найдетъ въ центрѣ г. Полтавы три обширныя площади, соединенныя въ одну, на коей, по Высочайше-утвержденному плану, предназначено 22 корпуса для ярмарочнаго гостинаго-двора.

Для пріема Ильинской ярмарки въ семъ году на сей площади существуетъ уже пять каменныхъ корпусовъ, подъ желѣзными крышами, въ коихъ 126 нумеровъ лавокъ и нѣсколько подваловъ и погребовъ.

Семнадцать временныхъ корпусовъ, деревянныхъ, подъ желѣзными крышами, воздвигнутся къ іюлю мѣсяцу сего года, для удобнаго и безопаснаго помѣщенія товаровъ, какъ на продажу, такъ и для складовъ.

Къ симъ 22-мъ корпусамъ прилегаютъ внутренніе дворы, для удобной свалки товаровъ.

Каждая лавка, длиною 15 аршинъ и шириною 8½, имѣетъ на верху палатку.

По линіямъ лавокъ существуютъ крытыя галереи.

Всѣ корпуса гостинаго-двора расположены такъ, что по всѣмъ линіямъ лавокъ, кромѣ пѣшеходныхъ галерей, существуютъ свободные проѣзды въ экипажахъ по широкимъ улицамъ площади.

Линіи лавокъ раздѣлены на ряды, которые именуются соотвѣтственно товарамъ, коими займутся.

Цѣнность найма лавокъ раздѣлена на 4 разряда, сообразно цѣнности товаровъ.

Для избѣжанія чрезвычайнаго стѣсненія, существовавшаго въ Ромнахъ, для иногороднаго купечества отъ монополіи промышляющихъ наймомъ лавокъ, желающій нанять одну или нѣсколько лавокъ, для собственнаго торга долженъ адресоваться въ полтавскій ярмарочный комитетъ, который дѣйствуетъ на основаніи данныхъ на сей предметъ правилъ.

Цѣны найма лавокъ понижены противу нормальныхъ цѣнъ въ Ромнахъ.

На ярмочной гостинодворской площади, для торгу разнымъ товаромъ, въ 22 корпусахъ, назначено всего до 375 подъ желѣзною крышею лавокъ.

Если же сего числа лавокъ будетъ недостаточно, то дозволится на ближайшей огромной площади строить балаганы, коихъ можетъ помѣститься до 150, съ платою поземельнаго акциза.

Для болѣе удобнаго и безопаснаго размѣщенія торговли произведеніями, требующими значительнаго пространства мѣстности, назначена площадь, заключающая въ себѣ 90 десятинъ городскаго выгона, твердо-задернѣлаго, по правому берегу рѣки Ворсклы, прилегающая къ почтовому тракту изъ Харькова.

Эта обширная площадь раздѣлена на кварталы широкими ули-

цами; каждый кварталъ именуется званіемъ того произведенія, которое будетъ въ немъ складываться и продаваться.

Кварталы для продажи, какъ заводскихъ, такъ и степныхъ лошадей, отведены преимущественно по берегу рѣки, для удобнаго водопоя.

Кварталы для шерсти назначены на мѣстахъ, болѣе возвышенныхъ, для сохраненія опой отъ сырости во-время сильныхъ дождей.

Кварталы съ съѣстными припасами и харчевыя галереи,— по протяженію харьковскаго почтоваго тракта.

Кварталы горючихъ матеріаловъ, какъ-то: сала, смолы, дегтю, масла, скипидару, селитры и проч.,—на концѣ площади, ограниченной рукавомъ Ворсклы.

Кварталы рыбные, рогожные, щепетильные, хомутные и сырыхъ кожъ отдѣльно отъ прочихъ товаровъ, которымъ могли бы вредить своимъ запахомъ.

Городскіе выгоны, по лѣвому берегу Ворсклы и по правую сторону почтоваго тракта изъ Харькова, предназначены для порожнихъ подводъ, прибывающихъ съ товаромъ и ожидающихъ отправленія.

Въ окрестностяхъ г. Полтавы, весьма населенныхъ, не будетъ недостатка въ пріютѣ и продовольствіи пріѣзжаго народа.

РУССКІЕ КУПЕЧЕСКІЕ ФРЕГАТЫ. Изъ Евпаторіи извѣщаютъ, что туда съ открытіемъ навигаціи прибыли два купеческіе трехъмачтовые фрегата: Россія и св. Харлампій; они пришли изъ Ливерпуля и Ньюкестля съ каменнымъ углемъ и нѣкоторыми товарами. Фрегаты эти наши русскіе, съ русскими шкиперами и матросами; они принадлежатъ извѣстному торговому дому *братьевъ Савиныхъ*. Одинъ изъ фрегатовъ, «св. Харлампій», былъ въ прошломъ году съ грузомъ въ Америкѣ, возвратился оттуда въ Ньюкестль, и принявъ грузъ каменнаго угля, привезъ его нынѣ въ евпаторійскій портъ; оба нагружаются теперь тамъ крымскою солью и частью виномъ и орѣховымъ деревомъ, привезеннымъ сюда каботажными судами съ восточныхъ береговъ нашего моря. Вино и соль слѣдуютъ въ Петербургъ, а часть орѣховаго дерева въ Англію. Почтенному дому Савиныхъ принадлежитъ честь открытія непосредственнаго торговаго сообщенія крымскихъ портовъ съ Петербургомъ и всѣми европейскими портами, предъ которыми развѣвается ихъ торговый флагъ, на прекрасныхъ судахъ, имъ-же принадлежащихъ; они пытаются воспроизвесть постоянные торговые обороты, разными предметами, береговъ

Невы съ берегами Тавриды; начало сдѣлано, и, конечно, при благословеніи Божіемъ, полезныя ихъ усилія увѣнчаются успѣхомъ.

Нельзя не упомянуть и о шкиперахъ этихъ двухъ русскихъ мореходныхъ судовъ,—это отецъ и сынъ: Николай Анапьевъ и Андрей Николаевъ *Тюлевы*, осташковскіе (Тверской губерн.) урожденцы.—Плавая съ грузомъ на ввѣренныхъ имъ судахъ по всѣмъ извѣстнымъ морямъ и океанамъ, отецъ и сынъ часто не видятся по нѣскольку лѣтъ.

ПАРОХОДСТВО ПО ВОЛГѢ. — Правленіе Высочайше-утвержденнаго пароходства общества «Меркурій» довело до всеобщаго свѣдѣнія, что въ настоящемъ году будутъ ходить по рѣкѣ Волгѣ семь пароходовъ, принадлежащихъ этому обществу, отправляясь, приблизительно, въ слѣдующія числа: 1-й пароходъ, въ двѣсти силъ, немедленно по вскрытіи рѣки, выйдетъ изъ Нижняго-Новагорода въ Камышинъ, и обратно пойдетъ до Рыбинска, куда долженъ прійти около 7-го іюня; потомъ отправится въ Астрахань, куда прибудетъ къ 1-му іюля; а потомъ возвратится въ Нижній, гдѣ долженъ быть къ 1-му августа.—2-й пароходъ, въ двѣсти силъ, по открытіи навигаціи, выйдетъ изъ Астрахани около 15-го апрѣля, и прибудетъ въ Саратовъ къ 22-му апрѣля, откуда пойдетъ въ Камышинъ, и въ теченіе мая прибудетъ въ Нижній; въ концу мая возвратится въ Камышинъ, а потомъ, въ-началѣ іюня, въ Нижній.—Въ іюнѣ отправится на Толчковскую-пристань, а изъ оной обратно въ Нижній-Новгородъ. —3-й пароходъ, въ двѣсти силъ, по открытіи судоходства пойдетъ изъ Нижняго въ Самару и обратно до Рыбинска, а къ 1-му іюля долженъ быть на Толчковской-пристани, и къ 1-му августа снова въ Нижнемъ. —4-й пароходъ, въ двѣсти силъ, по вскрытіи Волги, пойдетъ изъ Нижняго въ Самару до Саратова, а въ половинѣ іюля прибудетъ въ Рыбинскъ, откуда пойдетъ на Толчковскую-пристань, и возвратится въ Нижній въ-теченіе августа. — 5-й пароходъ, въ сто-двадцать силъ, по вскрытіи навигаціи пойдетъ изъ Нижняго въ Екатериновку и обратно до Рыбинска; къ 1-му же іюня долженъ быть въ Балаковѣ, а къ 1-му іюля опять въ Рыбинскѣ.—6-й пароходъ, въ сто-двадцать силъ, по открытіи судоходства пойдетъ изъ Нижняго въ Саратовъ, а къ 1-му іюня прибудетъ въ Рыбинскъ. Пароходы эти, буксируя баржи для кладей, будутъ принимать и пассажировъ. — Кромѣ-того будетъ ходить и 7-й пароходъ, въ пятдесятъ силъ, буксируя особо устроенное собственно для пассажировъ судно на сто-двадцать особъ

МОСКОВКА, РУССКОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ, ПОЛУЧИВШЕЕ ПРИВИЛЛЕГІЮ ВЪ ЛОНДОНѢ.—Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», г. Ершовъ, въ письмѣ къ редактору, сообщилъ слѣдующее извѣстіе: Въ мартовской тетради текущаго года «The Practical Mechanic's Journal» помѣщена статья; «Московка, вращательная паровая машина». Ученый издатель журнала замѣчаетъ, что ему въ первый разъ представляется случай извѣщать о русскомъ изобрѣтеніи, на которое взята привиллегія въ Лондонѣ, 3-го ноября 1851 года. Это извѣщеніе сопровождается тремя политипажами и описаніемъ главныхъ частей новаго механизма. Мнѣ давно уже было извѣстно объ изобрѣтеніи вращательной машины извѣстнымъ нашимъ литераторомъ Алексѣемъ Степановичемъ Хомяковымъ; но нельзя было говорить объ этомъ прежде взятія привилегіи. А между-тѣмъ, всякая попытка изобрѣсти вращательную паровую машину должна возбуждать живое сочувствіе. Кому неизвѣстно, что бо́льшая часть фабричныхъ машинъ имѣетъ вращательное движеніе, что оси паровозовъ и колесные валы пароходовъ также должны вертѣться постоянно въ одну сторону, и что наконецъ качательное движеніе поршня обыкновенныхъ паровыхъ машинъ принуждены преобразовать въ вращательное, посредствомъ особенныхъ механизмовъ, болѣе или менѣе сложныхъ? Дѣло чрезвычайно упростилось бы, еслибъ мы заставили паръ прямо производить круговое движеніе, какъ мы это дѣлаемъ съ водою, и получаемъ водяныя колеса. Много было предложено проектовъ по этому случаю, но ни въ одномъ изъ нихъ мы не находимъ такой простоты, такой правильности и постоянства въ дѣйствіи пара, какъ въ машинѣ г. Хомякова, какъ въ его Московкѣ, переселившейся такъ неожиданно на берега Темзы.»

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЕ ПОЖАРЫ. 25 января. Владимірской губерніи Шуйскаго уѣзда, въ сельцѣ Краснóмъ, сгорѣлъ домъ помѣщика Алалыкина, при убыткѣ на 25,000 руб. сер.; пожаръ произошелъ отъ ветхости печи.

2—3 февраля. Минской губерніи Бобруйскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Глускѣ, отъ неизвѣстной причины, произошелъ пожаръ между лавками, построенными въ квадратъ, и при этомъ сгорѣло: купеческихъ лавокъ съ краснымъ товаромъ—7, складочныхъ, съ сахаромъ — 8, мѣщанскихъ, съ разными съѣстными припасами—26, сверхъ-того—15 амбаровъ съ разнымъ хлѣбомъ и солью и 10 пустыхъ; убытокъ отъ этого пожара простирается до 26,450 руб. сер.

5 февраля, въ губернскомъ городѣ Могилевѣ, въ 2 часа пополудни, загорѣлась деревянная крыша каменнаго театральнаго

зданія, которое, при сильномъ вѣтрѣ, и сгорѣло, съ находившимися подъ нимъ 11 лавками, харчевней и вѣсовымъ амбаромъ; настоящая причина этого пожара еще неизвѣстна, но полагаютъ, что онъ произошелъ отъ сдѣлавшейся гдѣ-либо трещины въ печи, при усиленной, по-случаю сильныхъ морозовъ, топки, помѣщавшимися въ театральномъ домѣ актерами.

9 февраля, костромской губерніи, въ городѣ Нерехтѣ, сгорѣла бумажная фабрика, принадлежавшая купцамъ: Сыромятникову, Брюханову и Дьяконову; убытокъ отъ этого несчастнаго случая исчисленъ на 21,590 руб. сер.

Въ продолженіе февраля и апрѣля мѣсяцевъ, въ окрестностяхъ города Вильно сгорѣли два завода, а именно: 28—29 февраля. въ имѣніи Кучкуришкахъ, помѣщика Пусловскаго, первѣйшій въ здѣшнемъ краѣ бумажный заводъ, съ принадлежавшими къ нему строеніями, находившаяся вблизи римско-католическая часовня, и 120 четвертей разнаго хлѣба въ зернѣ; убытку отъ этого пожара полагается до 100,000 руб. сер.; а 11 числа сего мѣсяца, въ Замечковской бѣлильнѣ вспыхнулъ пожаръ, истребившій все въ-продолженіе двухъ часовъ. Чрезвычайно порывистый вѣтеръ уничтожалъ всѣ средства къ спасенію. Много полотенъ частію повреждены, частію совершенно сгорѣли. Убытка считаютъ на 10.000 руб. сер. Однако же владѣлецъ этой фабрики немедленно приступилъ къ возобновленію ея, и увѣряетъ, что бѣленіе и въ нынѣшнемъ году будетъ продолжаться безостановочно.

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ СМЕРТИ, ПРИПИСЫВАЕМЫЙ УКУШЕНІЮ ОТЪ КЛОПА.— Это произошло Тульской губерніи Епифанскаго уѣзда, въ принадлежащемъ князю Горчакову селѣ Мышенкѣ, съ крестьяниномъ того села Николаемъ Пантелеевымъ. Крестьянинъ этотъ, какъ самъ онъ разсказывалъ, былъ укушенъ въ щеку клопомъ, котораго онъ въ тоже время и раздавилъ; но укушенное мѣсто начало пухнуть, опухоль перешла на шею и горло, и черезъ два дня больной умеръ отъ воспаленія дыхательнаго горла и зева.

ОТРАВИВШІЙСЯ СЫРОЙ СОЛЕНОЙ РЫБОЙ.—Тульской губерніи и Тульскаго же уѣзда, въ деревнѣ Уваровкѣ, помѣщика Маркова, крестьянинъ Осипъ Васильевъ умеръ скоропостижно отъ употребленія въ пищу сырой соленой рыбы.

ЗАРАЗИВШІЕСЯ ОТЪ СНЯТОЙ СЪ ВОЛА КОЖИ. — Виленской губерніи въ Вилейскомъ уѣздѣ, крестьянинъ помѣщика Неморшанскаго, Василій Ваньковичъ—70, и сынъ его Андрей—12 лѣтъ, послѣ снятія кожи съ издохшаго вола, получили на рукахъ нарывы,

на подобіе карбуркуловъ, и оттого первый изъ нихъ умеръ въ тотъ же день, а послѣдній—чрезъ два дня.

НЕСЧАСТІЕ ОТЪ ДѢТСКОЙ ШАЛОСТИ. — С.-Петербургской губерніи въ Ямбургскомъ уѣздѣ, крестьянскій мальчикъ Тимофей Герасимовъ, проживавшій въ деревнѣ Домашевой, у крестьянина Андрея Кузьмина, въ отсутствіе домохозяина и его жены, добылъ у сосѣдняго крестьянскаго же мальчика ружье, досталъ гдѣ-то пороху, положилъ зарядъ и выстрѣлилъ на дворѣ, крытомъ соломой. Въ-слѣдствіе того произошелъ пожаръ, отъ котораго домъ Кузьмина сгорѣлъ весь, съ дворомъ и хлѣвами.

ПОЯВЛЕНІЕ САРАНЧИ.—Изъ Севастополя отъ 1 апрѣля пишутъ, что въ деревнѣ Карани и селеніяхъ Кадыковкѣ и Камарахъ Балаклавскаго Округа, Ялтинскаго уѣзда, зашевелилась саранча (Gryllus migratorius). Она появилась съ 15 февраля изъ земли; это сѣмяна прошлаго года. Съ изумительною скоростію она увеличивается, какъ въ ростѣ, такъ и въ количествѣ, и угрожаетъ хлѣбамъ и всѣмъ вообще растеніямъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ФАКТЪ ВЪ ОБЛАСТИ МЕТЕОРОЛОГІИ.—Послѣдніе дни марта мѣсяца въ С.-Петербургѣ были красные и теплые—настоящая весна, а первыя числа апрѣля сырые и холодные—настоящая осень.—Это не рѣдкость не только для Петербурга, но и для другой какой-либо мѣстности, лежащей и въ болѣе благопріятномъ климатѣ; но вотъ что замѣчательно: это же самое явленіе произошло чуть ли не по всей Россіи, по-крайней-мѣрѣ, такъ-сказать полосою, по протяженію съ сѣвера на югъ. Сообщаемъ слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ, собранныя изъ Губернскихъ Вѣдомостей:

Устюгъ. Отъ 6-го апрѣля пишутъ, что и здѣсь нынѣшняя весенняя погода не благопріятствуетъ здоровью, и по отзывамъ медиковъ, въ-особенности свирѣпствуетъ лихорадка въ разныхъ ея видахъ. Съ 2-го по 3-е апрѣля, при сильной мятели, выпало здѣсь снѣгу почти на футъ, и при холодномъ воздухѣ вновь устроилась санная дорога. Утромъ 6-го апрѣля было холоду 9, 5° по Реом. Горизонтъ воды въ рѣкахъ низокъ.

Ростовъ. Въ Свѣтлый-праздникъ не было у насъ и признаковъ весны, на которую мы такъ положительно разсчитывали, обнадеженные теплымъ и яснымъ мартомъ. Съ понедѣльника Пасхи пошелъ мелкій снѣгъ, и каждодневно потомъ усиливался, почти не перемежаясь, до вторника Фоминой-недѣли. На аршинъ въ это время нанесло сугробы на открытыхъ мѣстахъ, а у домовъ и притыновъ снѣжныя горы. О колесахъ и лѣтнихъ платьяхъ нельзя было и

подумать. Особенно много выпало снѣгу во вторникъ и въ субботу на Святой-недѣлѣ и въ первые три дня на Фоминой. Субботній снѣгъ можно назвать необыкновеннымъ: къ вечеру туча до того сгустилась, что совершенно помрачила воздухъ, сдѣлалось темнѣе самой темной ночи и отъ густоты крупнаго снѣга невозможно было въ двухъ шагахъ различить предмета. Это продолжалось около часа. Въ обѣ недѣли паденіе снѣга сопровождалось большимъ, порывистымъ вѣтромъ, который гналъ тучи и разметалъ снѣгъ съ разныхъ сторонъ, въ понедѣльникъ праздника съ запада, въ три слѣдующіе дня съ сѣвера, въ пятницу съ юга, въ субботу и воскресенье съ востока, въ Фоминъ-понедѣльникъ опять съ запада, наконецъ, во вторникъ съ востока. Вода въ рѣкахъ въ-теченіе Святой-недѣли, отъ пониженія температуры, значительно упала въ берегахъ.

Умань. Отъ 19 до 29 марта днемъ и ночью погода стояла, ясная, тихая, теплая и даже жаркая, доходившая въ полдень до 15° теплоты, только по утрамъ легкій морозецъ убѣлялъ нѣсколько поверхность земли, какъ это бываетъ въ началѣ сентября; въ городѣ даже вездѣ просохли дороги и улицы; словомъ, началась самая теплая, тихая и благопріятная для здоровья и посѣвовъ весна. Пчеловоды, если не 17 марта, въ день такъ-называемаго теплаго Алексѣя, какъ бывало въ старые годы, то, по-крайней-мѣрѣ, съ 20 марта рѣшились вынимать изъ темниковъ пчелъ своихъ, между коими многія, къ сожалѣнію, оказались замерзшими, вѣроятно, по причинѣ необыкновенной засухи прошедшаго лѣта. Всѣ радовались прекрасной весенней погодѣ, которая во-время Свѣтлаго-праздника обрадовала бы каждаго еще болѣе. Но уже ночью на 29 марта погода значительно измѣнилась: цѣлую ту ночь и цѣлый день 29 числа пролежалъ снѣгъ, и дулъ пронзительный вѣтеръ, при пасмурной погодѣ. Ночью на 30 и днемъ 30 марта падалъ снѣгъ, то мокрый, то крупообразный. А ночью на 31 и днемъ 31 марта, при сѣверномъ порывистомъ вѣтрѣ и сильномъ морозѣ, свирѣпствовала такая вьюга снѣжная, какую едва ли кто изъ старожиловъ помнитъ на Свѣтлый-праздникъ,—не проглядывало даже сквозь тучи солнце на первый и на второй день Свѣтлаго-праздника; только на второй день, отъ яркой бѣлизны снѣга, покрывшаго вездѣ землю и крыши домовъ, погода казалась довольно свѣтлою. Такъ несбыточно повѣрье простонародное, что какая погода была въ день Благовѣщенія, такая будетъ и на Свѣтлое Христово Воскресеніе! 25 марта погода была ясная, тихая, су-

хая и теплая, а 30 и 31 марта—слякоть, снѣгъ, вѣтръ и стужа; ночью на 1 и днемъ 1 апрѣля небо прояснилось совершенно, но морозъ и вѣтеръ не прекращались; трое сутокъ сряду погода была какъ-будто рождественская или крещенская!

Хотинъ. 14 апрѣля.—Недолго наслаждались мы пріятною погодою. Съ 22 числа прошедшаго марта стали показываться по утрамъ бѣлые приморозки, но еще при солнечныхъ дняхъ, и термометръ показывалъ до 13 градусовъ тепла по Реомюру. 28 числа понахмурилось и перепадалъ минутный дождь; 29 пустился съ сѣвера снѣгъ, и вдругъ похолодѣло. Всю Свѣтлую-недѣлю и до 9 апрѣля продолжались порывистые и холодные,съ сѣверо-запада,вѣтры, которые наносили почти каждый день понемногу снѣгу; теплота понижалась попеременно отъ 5 градусовъ къ самой точкѣ замерзанія, а 6 и 7 апрѣля были морозы до 3 градусовъ; 9 числа нагнало, съ сѣверо-запада, болѣе противу прежняго снѣгу; а 10 и 11 числа посыпалъ такой густой и мокрый снѣгъ, съ сѣверозапада, что препятствовалъ даже сообщеніямъ и покрылъ землю толщиною въ аршинъ, перемежаясь нѣсколько и дождемъ, при 5 градусахъ тепла. 12 числа, поутру, пересталъ снѣгъ, замѣнившійся дождемъ, при 10 градусахъ тепла; 13 числа простояло пасмурно при теплотѣ отъ 4 до 7 градусовъ, и снѣгъ началъ обращаться въ воду, а 14 числа, послѣ утренняго приморозка, днемъ, по обогрѣніи солнцемъ и при 14 градусахъ теплоты, снѣгъ началъ сходить, и повсюду зашумѣли сильныя воды, которыя, по толстому еще на полѣ слою снѣга, угрожаютъ значительнымъ наводненіемъ. Итакъ, сверхъ чаянія, повторилась у насъ въ такое время года незапамятная зима. По-случаю истощенія въ окружности у жителей запасовъ сухаго корма, скотъ много пострадалъ отъ голода. За недостаткомъ сѣна, котораго можно было купить зимою стогъ отъ 4 до 7 руб. сер., теперь вздорожало оно почти втрое. На хлѣбъ удерживаются цѣны посредственныя; въ удобное время на рынкѣ продается кило (2½ четверти) пшеницы по 6 руб., ржи по 4 руб., гречи, ячменя, овса и кукурузы по 3 руб. 50 коп. сер., не взирая на то, что хлѣбъ, въ-особенности рожь и кукуруза, закуплены въ значительномъ количествѣ въ Австрію, и по выгоднѣйшимъ даже цѣнамъ, съ доставкою лишь продавцами на границу въ Новоселицу.—Фруктовыя деревья, которыя по здѣшнему климату должны бы уже были отцвѣсти, вовсе еще и не распускаются, и вообще лѣсъ чернѣетъ, какъ зимою.—Впрочемъ снѣжная, обильная мокрота благопріятна хлѣбнымъ посѣвамъ и вообще растительности.

Керчь: 1-го и 2-го апрѣля свирѣпствовала здѣсь сильная буря, при жестокомъ западномъ вѣтрѣ; барометръ показывалъ 1-го ч. 29′, 3, и 2-го, 29′ 6,30: термометръ 1-го ч, — 1°, а 2-го—3°. Можно опасаться извѣстій о бѣдствіяхъ на морѣ, говорятъ, что греческое судно «Евангелистрія», шкип. П. Марторано, потеряло свои мачты, паруса и руль.—Сегодня потеплѣло и ртуть въ термометрѣ поднялась до+9°

Севастополь. — Едва успѣли мы извѣстить, 31 марта, о наступленіи весны, какъ она на другой же день, 1-го апрѣля, скрылась отъ насъ, и вмѣсто безоблачнаго голубаго неба, надъ нами носятся сѣрыя густыя тучи, вмѣсто солнечныхъ лучей, падаютъ на насъ крупныя хлопья снѣга, градъ и дождь; вмѣсто теплоты, наступилъ порядочный холодъ, сопровождаемый сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ; словомъ, зима, со всѣми непріятностями, возвратилась къ намъ. 1-го числа съ утра дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, было пасмурно и цѣлый день шелъ снѣгъ, при точкѣ замерзанія; въ ночь термометръ Реомюра опустился до 2° град. мороза. 2-го числа шелъ снѣгъ и дулъ чрезвычайно сильный порывистый сѣверный вѣтеръ; снѣгъ измѣнялся то въ градъ, то въ дождь; мѣстами снѣгу нанесло до аршина; термометръ цѣлый день стоялъ ниже точки замерзанія, въ ночь опустился до 3° мороза. 3-го числа тоже шелъ снѣгъ. 5-го числа утромъ былъ небольшой туманъ; потомъ цѣлый день было пасмурно; къ вечеру сталъ дуть сильный сѣверный вѣтеръ, при 1½ градуса морозу; 6-го, 7-го и 8-го чиселъ было все пасмурно и дулъ попеременно, то южный, то сѣверный вѣтеръ, а по временамъ шелъ мелкій дождь; термометръ въ ночь спускался до точки замерзанія. Всѣ наши фіялки и цвѣтъ деревьевъ пропали: виноградники тоже пострадали, въ особенности, тѣ которые уже открыты и обрѣзаны. Впрочемъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, этотъ морозъ и снѣгъ могутъ имѣть имѣть и благодѣтельный результатъ; по словамъ старожиловъ, саранча должна вся истребиться: дай Богъ чтобы это было такъ. Вслѣдствіе жестокой бури, погибло много молодыхъ ягнятъ. Много купеческихъ судовъ, болѣе или менѣе поврежденныхъ зашли въ севастопольскій рейдъ для исправленія. — Въ Балаклавской-бухтѣ рыбная ловля удачно продолжается.

Одесса, 5 апрѣля. Начало апрѣля ознаменовалось здѣсь самою необыкновенною и самою непріятною погодою. Послѣдніе

дни марта, на прошедшей недѣлѣ, были теплы и обѣщали, казалось, по дувшему нѣсколько времени южному вѣтру, пріятную и умѣренную погоду на Свѣтлой-недѣлѣ. Но въ самое Свѣтлое Воскресенье вѣтеръ перемѣнился и поворотилъ съ сѣвера; термометръ, показывавшій на прошедшей недѣлѣ, днемъ отъ 10 до 12, а по утрамъ и вечерамъ отъ 5 до 6 град. тепла, опустился къ вечеру въ воскресенье до 3° тепла. Къ ночи пошелъ дождь, а на другой день, 31-го марта, съ утра поднялась, при сѣверо-западномъ порывистомъ вѣтрѣ, ужаснѣйшая буря, продолжавшаяся во весь день и нанесшая, послѣ полудня, снѣговую мятель; термометръ опустился ниже 3° морозу. Во вторникъ, 1-го апрѣля, продолжался тотъ же вѣтеръ, и день былъ совершенно зимній, холодный; утромъ термометръ опускался до 4°. Къ ночи стихло, а къ разсвѣту 2-го апрѣля, въ среду, опять поднялся сильный ураганъ, и по утру мы увидѣли улицы и крыши покрытыя снѣгомъ: подобнаго явленія въ такое время года давнымъ-давно не запомнимъ въ Одессѣ. Вчера вѣтеръ поворотилъ съ юга и было теплѣе, но сегодня опять вѣтрено и пасмурно; словомъ, эта недѣля въ Одессѣ вовсе не была похожа на весеннюю—Свѣтлую, а скорѣе на зимнюю Рождественскую. Сколько намъ извѣстно, буря съ 31-го марта по 2-е апрѣля не причинила бѣдствій судамъ въ одесскомъ портѣ, но можно опасаться за бывшія въ это время въ морѣ. Къ сѣверу отъ Одессы, какъ слышно, выпало много снѣгу.

8-го апрѣля. Наступившая съ начала прошедшей недѣли ненастная зимняя погода продолжалась по вчерашній день. Въ минувшую пятницу вечеромъ, въ субботу и даже въ воскресенье, 6-го апрѣля, шелъ еще здѣсь снѣгъ; не далѣе какъ со вчерашняго дня, этотъ необыкновенный, по времени года, холодъ замѣнился сыростью; сегодня, при западномъ вѣтрѣ, ощутительно потеплѣло и можно, кажется, надѣяться на наступленіе нетерпѣливо ожидаемой весны. По доходящимъ сюда свѣдѣніямъ, бури съ 31 марта по 2-е апрѣля охватили весь почти нашъ край; изъ Бердянска и Новомиргорода пишутъ намъ, что зима возвратилась тамъ въ то самое время, какъ и въ Одессѣ; снѣговыя мятели причинили, какъ слышно, значительные убытки въ деревняхъ, и особенно въ стадахъ овецъ.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ. $^{8}/_{20}$ марта, въ десять часовъ вечера, многіе жители Улеоборга видѣли, при сильномъ сѣверномъ сіяніи, огненный шаръ дюйма три въ поперечникѣ, спускавшійся

къ сѣверозападному горизонту почти перпендикулярно. Въ-продолженіе этого времени, метеоръ издавалъ красный и синій отблескъ, который, смотря по колебаніямъ шара, былъ сильнѣе или слабѣе, подобно пламени, раздуваемому вѣтромъ. Склоненіе къ горизонту было весьма медленное, иногда едва замѣтное, пока, въ три четверти одиннадцатаго часа, огненный шаръ не скрылся изъ вида. Спустя пять минутъ, онъ показался вновь, и неоднократно поднимался; надъ горизонтомъ разлился яркій свѣтъ, но вскорѣ опять пропалъ. $^{11}/_{23}$-го марта замѣченъ былъ другой огненный шаръ, часовъ въ десять, на югозападѣ, похожій видомъ на прежній, и также медленно исчезавшій. Невооруженному глазу онъ казался весьма отдаленнымъ.

— 10 апрѣля въ Ярославлѣ замѣчено необыкновенное явленіе на небѣ. Въ урочный часъ, вечеромъ, на безоблачномъ небѣ показался молодой мѣсяцъ, въ видѣ тонкаго серпа. Чрезъ нѣсколько времени, серповидная линія стала ясно обрисовываться, постепенно по всей окружности луны, и очертила наконецъ полный кругъ, въ видѣ свѣтлаго кольца. Мало-по-малу началъ послѣ того являться свѣтъ и на самой площади круга, сперва чуть замѣтный и сумрачный, потомъ все яснѣе и яснѣе; наконецъ освѣтился весь дискъ луны, но не столь яркимъ свѣтомъ, какъ абрисъ окружности, а изсѣра, какъ-будто сквозь тонкій флеръ облака. Дѣйствительность этого явленія не подлежитъ никакому сомнѣнію, потому-что оно наблюдаемо было не однимъ лицомъ, а многими вмѣстѣ. Долго ли продолжалось это явленіе, неизвѣстно. Днемъ было тогда малооблачно, тихо и очень тепло, но на другой день пасмурно, а вечеромъ и во всю слѣдующую ночь шелъ большой дождь.

И У МОСКВЫ СВОЙ ПАВЛОВСКІЙ-ВОКСАЛЪ. Давно уже завидовали Москвичи прогулкамъ жителей Петербурга, по желѣзной дорогѣ и на пароходахъ, на самыя отдаленныя загородныя гулянья, напримѣръ въ Павловскъ, Петергофъ, и проч. Въ предстоящее же лѣто и у нихъ устроивается прекраснѣйшее гулянье, въ семнадцати верстахъ отъ Москвы, на первой станціи по желѣзной дорогѣ, въ селѣ Химкахъ. Нельзя не обратить вниманія и на то, что Химки лежатъ у самаго шоссе, стало-быть можно отправиться туда въ собственномъ экипажѣ. Въ Химкахъ мѣстоположеніе гористое; тѣнистый лѣсъ и быстрая рѣчка освѣжаютъ воздухъ. Тамъ устроивается прекрасный воксалъ, кото-

рый можетъ вмѣщать въ себѣ до 1,500 человѣкъ. Отлично-устроенный садъ наполненъ густыми аллеями изъ огромныхъ деревьевъ. На срединѣ сада, въ самомъ красивомъ его мѣстѣ, возвышается изящный павильонъ, въ которомъ будетъ играть старый знакомый и любимецъ московской публики, г. Зейденштехеръ. Въ наступающее лѣто онъ будетъ играть со вновь прибывшимъ изъ Германіи оркестромъ, состоящимъ изъ 30-ти артистовъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Русская литература понесла незамѣнимую потерю. Василій Андреевичъ Жуковскій скончался въ Баденѣ, поутру 12 го апрѣля. Чувствуя приближеніе кончины, онъ за четыре дня пригласилъ къ себѣ священника православной церкви въ Штутгартѣ, который пробывъ у одра его болѣзни двое сутокъ, причастилъ его Святыхъ Таинъ, и напутствовалъ въ лучшую жизнь.

20 апрѣля скончался въ С.-Петербургѣ Комендантъ Санктпетербургской Крѣпости, Генералъ-Адъютантъ, Генералъ отъ Инфантеріи Иванъ Александровичъ *Набоковъ*.

15-го мая, супруга Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Сенатора, Екатерина Осиповна *Гоголи*.

МОСКВА. 7-го числа сего апрѣля скончался Начальникъ управленія московскихъ водопроводовъ, Инженеръ Генералъ-Маіоръ Павелъ Васильевичъ Максимовъ, на 60 году своей многодѣятельной и полезной жизни. Смерть постигла его внезапно, среди занятій, которымъ посвящено было все почти его существованіе. Не болѣе какъ за часъ до своей кончины, присутствуя въ Правленіи IV Округа Путей Сообщенія, онъ съ восторгомъ говорилъ всѣмъ, что долговременные труды его теперь осуществились вполнѣ, что водопроводы столицы, устройство которыхъ возложено было на него довѣріемъ высшаго начальства, готовы окончательно, и уже начали снабжать жителей Москвы свѣжею водою.... Съ обычною дѣятельностію принялся онъ за разсмотрѣніе текущихъ дѣлъ по ввѣренной ему части—и черезъ нѣсколько минутъ его не стало.

Не распространяясь здѣсь подробно о служебномъ поприщѣ покойнаго, скажемъ только, что имя его тѣсно связано со многими улучшеніями, введенными въ устройство столицы попечительнымъ Правительствомъ. Исправленіе московскаго водопровода, производство фашинныхъ плотовъ и мостовъ на Москвѣ-рѣкѣ, устройство водоподъемнаго зданія съ паровыми машинами и самаго водопровода съ резервуаромъ и фонтанами въ столицѣ, устройство Москворѣцкой набережной (подъ руководствомъ Генералъ-Маіора Яниша), снабженіе водою зданій Воспитательнаго Дома, театровъ и рядовъ Гостинаго-двора (для предохраненія послѣднихъ отъ пожара), и наконецъ, обширная система водопроводовъ, обнимающихъ всю Москву—вотъ главные труды покойнаго Максимова, къ исполненію которыхъ онъ былъ призванъ довѣріемъ начальства, и умѣлъ оправдать его вполнѣ. Назовемъ также занятія его по должности Предсѣдателя Архитекторскаго Совѣта при Коммиссіи построенія храма Христа Спасителя, и какъ Члена Комитета, учрежденнаго при управленіи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, для надзора за фабриками и заводами.—Вообще онъ былъ чрезвычайно искуснымъ производителемъ гидравлическихъ сооруженій, чему особенно помогала его многолѣтняя опытность, соединенная съ ясностію взгляда.

Отдавъ справедливость покойному, какъ ревностному исполнителю своего долга, помянемъ его и какъ добраго человѣка. Сослуживцы, подчиненные и всѣ знавшіе Павла Васильевича имѣли много случаевъ оцѣнить прямоту и добродушіе его характера.... Миръ его праху! да будетъ общимъ сердечнымъ выраженіемъ печали объ отшедшемъ въ вѣчность....

ОДЕССА. 11-го апрѣля, скончался въ Одессѣ, на 61-мъ году отъ роду, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, нидерландскій генеральной консулъ г. *Тетбу-де-Мариньи*, пользовавшійся искреннимъ уваженіемъ и привязанностью всего здѣшняго общества, какъ по свѣтлому и образованному уму, такъ и по добротѣ характера и по пріятности сношеній въ общежитіи. Бо́льшую часть жизни и ученыхъ занятій своихъ г. Тетбу-де-Мариньи посвятилъ изслѣдованію и описанію береговъ Чорнаго и Азовскаго морей, въ археологическомъ и гидрографическомъ отношеніяхъ, издалъ по этому предмету нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій, и оставилъ послѣ себя множество драгоцѣнныхъ, неизданныхъ, къ сожалѣнію, матеріаловъ.

Одесское общество понесло и другую прискорбную утрату, смертію одесскаго 1-й гильдіи купца и почетнаго гражданина Ивана Марковича *Рубо*, скончавшагося на 67-мъ году жизни и извѣстнаго во всей Южной Россіи обширными дѣятельными своими торговыми оборотами. И. М. Рубо прибылъ въ Одессу изъ Марсели въ 1803-мъ году, и основавшись здѣсь съ-тѣхъ-поръ пользовался, въ теченіе 38-ми лѣтъ, какъ постояннымъ расположеніемъ главныхъ начальниковъ здѣшняго края, Адмирала де-Рибаса, герцога Ришелье, графа Ланжерона и князя Воронцова, такъ и довѣріемъ своихъ согражданъ, избиравшихъ его постоянно въ разныя городскія должности. Онъ былъ украшенъ медалями «за полезное» и «за прекращеніе чумы». Къ искренности и честности въ дѣлахъ онъ присоединялъ и искреннюю доброту душевную; своимъ соотечественникамъ онъ дѣлалъ много добра.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Франція.

Судя по ходу дѣлъ и состоянію народа, какъ въ предшествовавшее время, такъ и въ настоящій его промежутокъ, во Франціи теперь какъ-будто бы водворилось совершенное спокойствіе. Правительство, подъ вліяніемъ Принца-Президента, продолжаетъ водворять повсемѣстно порядокъ и тишину, дѣйствуя съ осторожностію и неусыпно. Самъ Принцъ-Президентъ съ отмѣннымъ успѣхомъ и съ примѣрною умѣренностію принимаетъ всевозможныя мѣры къ возстановленію благоденствія управляемой имъ націи. Только одно обстоятельство подобно мрачной тучѣ носится по просвѣтлѣвающему горизонту Франціи, — это возстаніе нѣсколькихъ умовъ противъ секвестрованія имуществъ Орлеанскаго дома и присяга теперешней главѣ государства, обстоятельство, крайне огорчающее Людовика Наполеона, но остающееся безъ всякаго видимаго вліянія на Францію вообще. Легитимисты, правда, говорятъ сильно, но, кажется, только *говорятъ*. Демократія едвали не совсѣмъ подавлена. Что̀ будетъ впередъ, увидимъ; а можемъ ожидать, что Франція уже опять не падетъ такъ низко, какъ падала прежде, особенно въ двѣ злощастныя для нея революціи, въ прошедшемъ и настоящемъ вѣкѣ.

Мы сейчасъ упомянули о присягѣ; вотъ въ чемъ дѣло: Всѣ должностныя лица во Франціи должны присягнуть въ вѣрности главѣ государства. Судьи, какъ и правитель-

ство, понимаютъ всю важность присяги и все ея значеніе. Присяга приносится не главѣ государства вообще, но принцу, который управляетъ всѣмъ. Принося присягу Президенту Республики, всякое должностное лицо обязывается, не только не измѣнять ему открыто, но и не дѣлать, не говорить ничего такого, чтобы могло прямо или непрямо вредить силѣ верховной власти и ослаблять ея обаяніе.

Во-время кратковременной диктатуры, которою Принцъ, при общихъ рукоплесканіяхъ Франціи, принужденъ былъ овладѣть чтобы спасти всѣхъ, онъ могъ принять мѣры, обнародовать декреты, непонравившіяся нѣкоторымъ партіямъ; но судебное сословіе можетъ заниматься этими декретами только для того, чтобы заставить уважать ихъ; эти декреты имѣютъ силу закона, а судебныя мѣста не разбираютъ законы, а только примѣняютъ ихъ.

Судьи, офицеры и вообще всѣ чиновники должны принести законную присягу.

Обязанность принесенія присяги, требуемая отъ членовъ генеральныхъ и общинныхъ совѣтовъ, послужила поводомъ къ переговорамъ и конференціямъ легитимистской партіи. При выборахъ въ законодательную палату, Графъ Шамборъ гласно выразилъ приверженцамъ своимъ желаніе, чтобы они въ нихъ не участвовали. Поступившіе иначе писали объ этомъ объяснительныя письма, по которымъ происходили разныя толкованія. Инструкціи изъ Фросдорфа были тогда ясны. Въ нихъ формально запрещали легитимистамъ принимать всякую должность, сопряженную съ жалованьемъ (кромѣ арміи), но не разрѣшали затрудненія, возникшаго нынѣ по генеральнымъ и общиннымъ совѣтамъ. Теперь опредѣленная и истолкованная самимъ Президентомъ присяга произвела сильную оппозицію. Мнѣнія раздѣлены: прежніе фузіонисты-охранители наиболѣе противятся присягѣ; гг. Молле, Монтебелло, Гизо, Пажо, де-Лаферте не хотятъ о ней и слышать, и ссылаются на благородное поведеніе легитимистовъ при Людовикѣ-Филиппѣ. Гг. Сенъ-При, Декаръ, Сюрвиль, Шапо того же мнѣнія. Послѣдній прибылъ изъ Венеціи, и говорилъ, что Герцогъ Бордосскій противится всякой присягѣ. Съ другой стороны гг. Беррье, Пасторе, Фаллу и другіе совѣтуютъ друзьямъ своимъ участво-

вать во всѣхъ должностяхъ по выбору, несопряженныхъ съ жалованьемъ, не стѣсняясь произнесеніемъ присяги и не оставляя избирательныхъ совѣтовъ. Г. Монти, служащій при Графѣ Шамборѣ, объявлялъ въ Нантѣ, что члены генеральныхъ совѣтовъ могутъ принесть присягу, а г. де-Лаферроне-Жиберъ, желающій состоять при Герцогѣ Бордосскомъ, утверждаетъ, что они недолжны присягать. Извѣстно, что Герцогъ Бордосскій распустилъ Комитетъ Двѣнадцати. Теперь только гг. Декаръ и Сенъ-При получаютъ инструкціи изъ Фросдорфа, чрезъ гг. де-Лаферроне, Сюрвиля, Декара и Бартелеми (сочинителя висбаденскаго циркуляра). Между-тѣмъ сліяніе не сдѣлало ни шагу впередъ. Опытные люди говорятъ, что оно уже состоялось, но что въ эту минуту нельзя обнаружить и утвердить его поѣздкою въ Фросдорфъ: эта поѣздка могла бы быть принята Людовикомъ-Наполеономъ за враждебное противудѣйствіе, и побудить его къ провозглашенію себя Императоромъ; но лишь только имперія будетъ провозглашена, принцы Орлеанскіе отравятся въ Фросдорфъ.

Таково странное положеніе дѣлъ, которыя запутались еще болѣе, вслѣдствіе письма Графа Шамбора, слѣдующаго содержанія: «Со времени декабрскихъ событій неоднократно выражалъ я своимъ друзьямъ мои чувства, желанія и намѣренія. Но по поводу словъ, произнесенныхъ недавно главою французскаго правительства, и намѣреній его, ежедневно проявляющихся болѣе и болѣе, нахожу нужнымъ обратиться еще разъ ко всѣмъ тѣмъ, которые пребыли до сихъ-поръ и пожелаютъ впредь пребыть вѣрными тому началу, котораго я представитель, и которое одно можетъ обезпечить спокойствіе, счастіе и свободу Франціи. Искренно и прямодушно укажу я имъ путь, котораго они должны держаться въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не скрывая отъ нихъ пожертвованій, которыхъ поведеніе ихъ будетъ имъ стоить. Первый долгъ роялистовъ — не принимать никакаго званія или обязательства, несогласнаго съ политическими ихъ правилами. Будучи твердо увѣрены, что спасеніе Франціи заключается въ возстановленіи законной монархіи, они прежде всего обязаны сохранять правила, на которыхъ законность сія основана. Слѣдственно, какую бы выгоду они ни находили въ занятіи мѣстъ и званій, они должны отказываться отъ нихъ, если отъ нихъ потребуютъ

обязательствъ, несогласныхъ съ сими правилами и съ собственными ихъ убѣжденіями. Впрочемъ, если честь, совѣсть и благородство чувствъ заставятъ роялистовъ отказываться отъ публичныхъ должностей, у нихъ еще остается много обязанностей къ Франціи и обществу. Пусть они живутъ, какъ я не переставалъ просить ихъ, посреди народа, на который имѣютъ вліяніе; пусть стараются пріобрѣтать ежедневно болѣе правъ на довѣренность его и благодарность; они могутъ, они даже должны помогать правительству въ борьбѣ его противъ анархистовъ и демагоговъ. Еслибъ, по несчастію, возникли новыя волненія, они должны быть самыми усердными и дѣятельными защитниками общественнаго порядка. — По всему видно, что во Франціи вскорѣ произойдетъ перемѣна въ образѣ правленія. Приверженцы монархіи не будутъ насильственно сопротивляться этой новой попыткѣ, потому-что, слѣдуя моему примѣру, они никогда не захотятъ нарушить спокойствія Франціи; но они обязаны будутъ протестовать всѣми силами и миролюбивыми средствами противъ перемѣны, могущей имѣть только печальныя послѣдствія, подвергая Францію новымъ переворотамъ и опасностямъ, отъ которыхъ она была спасена законною монархіею. Повторяю еще что̀ не разъ говорилъ друзьямъ моимъ: будемъ непоколебимы въ своихъ правилахъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ будемъ спокойны, терпѣливы и всегда умѣренны и миролюбивы со всѣми. Да будутъ ваши ряды и сердца, какъ мое, доступны для каждаго. Можетъ-быть, нѣкоторые изъ нихъ, удерживаемые разными причинами, невдругъ послѣдуютъ указанному мною пути; но опытность и ходъ событій убѣдятъ ихъ: они обратятся къ намъ непремѣнно, и тогда мы примемъ ихъ съ разверстыми объятіями. Будемъ же съ усердіемъ и радушіемъ принимать всѣхъ людей другихъ партій, которые ежедневно съ нами сближаются, и которыхъ усердіе, опытность и патріотизмъ будутъ намъ большимъ пособіемъ. Преставляя Франціи успокоительное зрѣлище тѣснаго союза всѣхъ монархическихъ силъ, мы убѣдимъ ее наконецъ отказаться отъ всѣхъ безполезныхъ попытокъ, и сознаться, въ чемъ именно заключается лучшая и вѣрнѣйшая ея будущность. Всѣ мы живемъ во времена испытаній и пожертвованій. Друзья мои не забудутъ, что я, въ изгнаніи изъ отечества, взываю къ постоянству ихъ и преданности. Я вполнѣ увѣренъ, что настанутъ лучшіе дни для Франціи и для насъ.

Въ пламенной любви моей къ Франціи и въ надеждѣ вновь увидѣть ее и служить ей, почерпаю я силы и мужество, нужныя для исполненія великаго долга, возложеннаго на меня Провидѣніемъ. — Эти инструкціи, написанныя и подписанныя мною собственноручно, должны быть сколь можно скорѣе сообщены всѣмъ моимъ друзьямъ, чтобы никто не жаловался на несвоевременное объявленіе имъ моихъ намѣреній и желаній. Венеція, 27-го апрѣля 1852 года. *Генрихъ*

Это письмо произвело въ Парижѣ глубокое впечатлѣніе, увеличенное еще рѣзкими письмами генераловъ-изгнанниковъ, отказавшихся отъ присяги.

Отвѣтъ генерала Шангарніе военному министру, на приказъ его принести присягу новому правительству, написанъ въ смѣлыхъ и даже неумѣренныхъ выраженіяхъ. Замѣчательно, что правительство менѣе соглашается на обнародованіе письма Графа Шамбора, хотя оно несравненно умѣреннѣе писемъ генераловъ-изгнанниковъ. Письмо Графа Шамбора произвело чрезвычайное раздраженіе въ Елисейскомъ-дворцѣ, потому-что оно можетъ имѣть важное дѣйствіе на легитимистовъ.—И генералъ Ламорисіеръ написалъ жаркое письмо къ военному министру, по поводу требованія присяги.

Въ газетѣ Constitutionnel,извѣстный Гранье-де-Кассаньякъ напалъ на генераловъ-изгнанниковъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Г. Шангарніе и г. де-Ламорисіеръ». Въ ней сказано между-прочимъ: Въ ноябрѣ 1850, во-время процеса въ Але (Alais), генералъ Шангарніе созвалъ въ Тюльерійскомъ-дворцѣ, въ комнатахъ, данныхъ ему Президентомъ вмѣстѣ съ начальствомъ надъ парижскою арміею, кругъ политическихъ лицъ, которымъ онъ предложилъ арестовать Людовика-Наполеона и посадить его въ Венсенскій-замокъ, закрыть Зак. Пал., распустивъ собраніе на шесть мѣсяцевъ, и принять на себя диктатуру. Въ числѣ приглашенныхъ особъ, бывшихъ въ Тюльери, находился графъ Моле: онъ не хотѣлъ принять участія въ этой измѣнѣ, и немедленно предупредилъ о томъ главу государства.

Графъ Моле написалъ по поводу сего слѣдующее письмо редактору газеты le Constitutionnel:«Парижъ,18-го мая 1852. М. Г.! Я прочиталъ въ нынѣшнемъ нумерѣ вашего журна-

ла статью, въ которой имя мое самымъ недостойнымъ образомъ смѣшано съ показаніями, которыя я объявляю совершенно ложными. Я никогда не участвовалъ въ сходбищѣ въ Тюльерійскомъ-дворцѣ, о которомъ сказано въ сей статьѣ, и объявляю, что ничего такого, сколько я знаю, вовсе не было. Что̀ касается до роли доносщика, которую заставляютъ меня играть по выходѣ изъ сего сборища, скажу одно слово: это гнусная клевета, для опроверженія которой достаточно всей моей жизни. Сверхъ-того прибавлю, что такая дерзость въ оскорбленіяхъ, такое изступленное ругательство вредитъ тому дѣлу, которому хотятъ служить. Франція никогда не забудетъ услугъ, оказанныхъ ей, но еслибъ перестала воспоминать ихъ, то необузданное оскорбленіе и огорченіе въ одну минуту возбудило бы воспоминаніе о нихъ въ ея памяти и въ сердцѣ. Увѣряю васъ, что говорю такимъ образомъ не о собственномъ моемъ поприщѣ. Эти размышленія возбуждены во мнѣ чтеніемъ статьи, подъ заглавіемъ: «Г. Шангарніе и г. де Ламорисіеръ.» Прошу васъ напечатать сіе письмо въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ вашей газеты. Имѣю честь и проч. *Моле.*»

Вотъ что̀ отвѣчаетъ г. Гранье де-Кассаньякъ:

«Въ этомъ письмѣ двѣ вещи: брань и запирательство. Г. Моле находится въ такомъ положеніи, въ которомъ должно сносить съ его стороны всѣ преувеличенія брани. По этому кажется, что онъ напрасно позволяетъ себѣ употребленіе ихъ. Что̀ же касается до запирательства, то очень было бы легко отвѣчать на это: назвать то лицо, которому г. Моле сдѣлалъ свое донесеніе, и сказать, въ который день и часъ и въ какой комнатѣ сдѣлано это донесеніе. Публика разсудитъ, которое показаніе и которое лицо заслуживаетъ болѣе вѣроятія. Но мы думаемъ, что есть еще средство, очень простое и достойное для отвѣта графу Моле: сказать ему, что у него память слишкомъ слаба».

Но г. Гранье де-Кассаньякъ не называетъ этого лица, и такъ остается рѣшить, кто заслуживаетъ болѣе вѣроятія, г. Моле или г. Гранье де-Кассаньякъ. Въ этомъ случаѣ публикѣ нечего колебаться.

Какъ письмо графа Шамбора, такъ и другія, имѣли сильное вліяніе. Болѣе 12 легитимистовъ сложили съ себя зва-

ніе членовъ генеральныхъ совѣтовъ. Кромѣ-того, 6 членовъ городоваго совѣта въ Сенъ-Жан-д'Анжели подали просьбы объ увольненіи, а изъ 29 членовъ мецкаго городоваго совѣта присягнули только 17.

— Три депутата дромскаго департамента публично объявили своимъ избирателямъ, что они не въ состояніи выполнить порученій, данныхъ имъ вѣрителями ихъ. Въ оправданіе свое сообщаютъ они отвѣтъ одного министра, который, на просьбу депутатовъ сихъ, отозвался, что просьба должна быть препровождена на разсмотрѣніе мѣстнаго начальства, которое донесетъ о ней министру.

Профессоръ французскаго коллегіума Бартелеми-Сентъ Илеръ, извѣстный физикъ Пулліе и знаменитый математикъ Коши не согласились присягать, и потому оставили свои мѣста. Два знаменитѣйшіе ученые мужа Франціи, профессоръ краснорѣчія по факультету словесности г. Вильменъ, и профессоръ исторіи и философіи того же факультета г. Кузенъ, также отказались отъ своихъ мѣстъ во французскомъ коллегіумѣ, чтобы не присягать.

Въ «Монитерѣ» помѣщено письмо министра просвѣщенія къ г. Араго: Милостивый Государь! Полагая, что 9-го мая, по случаю вашей болѣзни, вы не могли явиться со всѣми прочими вашими сочленами для принесенія присяги, я думалъ, что вы не откажетесь отъ обязанности, предписанной уложеніемъ всѣмъ должностнымъ лицамъ. Второе письмо ваше отъ того же числа, полученное мною уже потомъ, не оставляетъ мнѣ никакой надежды. Не говоря о замѣченной мною въ письмѣ этомъ перемѣнѣ выраженій, которыя меня удивили, я не могъ согласиться на увольненіе ваше, не испросивъ разрѣшенія Президента. Онъ разрѣшилъ сдѣлать исключеніе изъ правила въ пользу ученаго мужа, котораго труды прославили Францію, и котораго правительство неначѣрено огорчать. Обнародованіе перваго вашего письма не измѣнитъ рѣшенія, которое я имѣю честь вамъ передать. Примите увѣреніе и пр. *Г. Фортуль.*

Предписаніемъ того же министра Гг. Вильменъ и Кузенъ также назначены почетными профессорами французскаго коллегіума.

Вся эта оппозиція крайне непріятна Президенту.

Много толковъ возбудилъ проектъ закона о возстановленіи добраго имени несправедливо осужденныхъ, составленный въ государственномъ совѣтѣ. Онъ внесенъ въ законодательную палату. Въ сводъ уголовныхъ законовъ, право возстановленія принадлежало главѣ государства, по свидѣтельствамъ о добромъ поведеніи отъ мѣстныхъ властей, и по утвержденіи судебной власти. Временное правленіе, декретомъ 18-го апрѣля 1848 г., даровало министру юстиціи, бывшему членомъ правленія, право упомянутаго возстановленія по свидѣтельству начальствъ и мнѣнію генералъ-прокурора. Въ случаѣ отказа, осужденный могъ подавать апелляцію по прошествіи пяти лѣтъ, и тогда пересматривали дѣло обыкновеннымъ уголовнымъ порядкомъ. Просьбу о возстановленіи добраго имени могли подавать осужденные къ исправительнымъ наказаніямъ и торговой казни Въ нынѣшнемъ проектѣ закона сохраняется право апелляціи осужденнымъ на исправительныя наказанія. Но только глава государства будетъ имѣть право возстановленія за поручительствомъ мѣстныхъ властей; вся же система имѣетъ цѣлію избѣгать столкновенія между судебною и исполнительною властями, предоставляя право возстановленія сей послѣдней, какъ обладающей правомъ помилованія.

Въ настоящихъ обстоятельствахъ очень интересны донесенія Президенту трехъ коммиссаровъ, отправленныхъ въ провинціи для пересмотра рѣшеній смѣшанныхъ коммисій, генерала Канробера, полковника Эспинаса и г. Кентеня-Бошара. Генералъ написалъ къ Президенту, съ выраженіемъ сожалѣнія, что онъ не можетъ помиловать бо́льшаго числа подсудимыхъ демократовъ. Вѣроятно, ни въ чужихъ краяхъ, ни въ Парижѣ не знаютъ состоянія французскихъ провинцій, а именно: что съ 1830 г. Франція сдѣлалась жертвою безбожія, и что цѣль воспитанія состояла въ исторженіи изъ сердецъ народа послѣдняго корня религіи; потому-то есть департаменты, гдѣ пять восьмыхъ народонаселенія состоитъ изъ демократовъ. Во Франціи два милліона демократовъ, которые всѣ заслужили отправленіе въ сылку. Теперь они малодушны, и ползаютъ предъ жандармами, но не признаютъ ни религіи, ни Бога, ни правительства, ни правъ имущества. Несмотря на бдительность полиціи, бываютъ многія тайныя сходбища злодѣевъ. Доказательствомъ тому служатъ послѣдніе пожары отъ поджиганія. Правительство

сперва хотѣло сослать нѣсколько сотъ тысячъ этихъ негодяевъ, но принуждено было отказаться и отъ плана выслать шесть тысячъ коноводовъ ихъ. Ему недостаетъ на это денежныхъ средствъ. Каждый изъ сыльныхъ, за отправленіе свое, прокормленіе, построеніе ему дома и снабженіе его орудіями земледѣлія, стоитъ нѣсколькихъ тысячъ франковъ. Ссылка немногихъ обошлась въ шесть милліоновъ. Слѣдственно, многочисленныя помилованія происходятъ не отъ желанія оказывать милосердіе, а отъ недостатка въ деньгахъ. Помилованіе было бы государственною ошибкою. Ни одинъ изъ этихъ злодѣевъ не обратился бы на путь истины: всѣ они только помышляютъ о мщеніи. Франція не имѣетъ колоній, куда можно было бы отправлять этихъ людей безъ дальнѣйшихъ издержекъ. По этой причинѣ многимъ и выдаютъ паспорты въ чужіе краи, чтобы они сами снискивали себѣ пропитаніе. Въ Ламбессѣ климатъ лучше, нежели во Франціи, однако же отправленіе демократовъ туда стоитъ очень дорого, потому-что эти люди ничего не хотятъ дѣлать. Послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ въ ссылкѣ, они сочиняютъ водевили, составляютъ новыя утопіи и заговоры противу своихъ надсмотрщиковъ. Никто не ожидаетъ ничего хорошаго отъ этой колоніи развратныхъ негодяевъ.

Въ заключеніе генералъ Канроберъ довелъ до свѣдѣнія Президента, что изъ 579-ти осужденныхъ въ Кламеси, онъ могъ освободить только 52 человѣкъ, и въ числѣ послѣднихъ нѣкоторые получили только смягченіе приговора, потому-что всѣ заражены тамъ духомъ буйства и непокорности.

Полковникъ Эспинасъ также представилъ донесеніе, въ которомъ говоритъ между-прочимъ: «Отъ Тура до Бордо, отъ Бордо до Монпеліе и Перпиньяна, я нашелъ общественный духъ, какого нельзя лучше желать. Всѣ до того убѣждены въ услугѣ, оказанной обществу твердостью Правительства, что всякій слухъ о всепрощеніи принимается неблагопріятнымъ образомъ. Въ департаментахъ Обѣихъ Севръ, Жирондскомъ, Верхне-Гаронскомъ и Одскомъ (сказано далѣе въ донесеніи), смѣшанныя коммиссіи ошибались въ приговорахъ только излишнею снисходительностью. Желательно, чтобъ онѣ не раскаялись въ томъ, что упустили единственный, можетъ-быть, случай къистребленію анар-

хіи. Въ этихъ департаментахъ приговоры пали на людей, которые давно уже извѣстны въ общественномъ мнѣніи, какъ закоренѣлые нарушители спокойствія. Въ департаментахъ Лотъ-и-Гаронскомъ, Восточно-Пиренейскомъ и Героскомъ, гдѣ мятежники покусились на возстаніе, и забраны были подъ стражу, открыты вѣтви тайныхъ обществъ». Собравъ самыя вѣрныя справки, г. Еспинасъ доноситъ, что изъ 4,000 приговоренныхъ онъ могъ смягчить наказанія только ста подсудимыхъ, и совершенно простить двѣсти человѣкъ. Въ заключеніе онъ говоритъ:

«Частное помилованіе, дарованное вами, Принцъ, вообще произвело въ странѣ неблагопріятное впечатлѣніе: имъ воспользовались одни настоящіе предводители анархіи, потому-что они одни могли добиться рекомендацій, и такимъ-образомъ случилось то, чего вы въ особенности хотѣли избѣжать: люди, пользующіеся вліяніемъ, избавились отъ наказанія, а слѣпыя орудія платятъ, въ изгнаніи, за преступленія настоящихъ виновниковъ. Желательно, чтобы впредь, и еще долго, ваше милосердіе руководствовалось представленіями мѣстнаго начальства: оно одно можетъ вполнѣ оцѣнить благовременность помилованія и искренность раскаянія; оно не побоялось навлечь на себя ненависть многихъ семействъ, участвуя въ чрезвычайныхъ судилищахъ, и потому справедливость требуетъ, чтобы оно могло укротить эту ненависть, сдѣлавшись необходимымъ посредникомъ милосердія».

Донесеніе же г. Кентеня-Бошара, обнародованное также въ Constitutionel, гораздо пространнѣе представленныхъ товарищами его, генераломъ Капробером и полковникомъ Еспинасомъ. Такъ-какъ первый изъ этихъ трехъ коммиссаровъ облегчилъ судьбу весьма многихъ осужденныхъ и немалое число ихъ совершенно освободилъ отъ наказанія, то само-собою-разумѣется, что донесеніе его не можетъ быть написано въ такомъ же духѣ, какъ донесенія его товарищей.

10-го апрѣля два чиновника государственныхъ имуществъ отправились для принятія въ вѣдѣніе казны Нёльи и Монсо, согласно декрету 22-го января. Управители сихъ имѣній протестовали отъ имени Орлеанскаго дома. Протестъ ихъ записанъ былъ въ протоколъ. Эти затрудненія воспрепят-

ствовали принятію во владѣніе, и оно отложено было до 12-го числа. Агентъ правительства сдѣлалъ однако же попытку и прежде. Онъ снова явился въ Нёльи съ полицейскимъ коммиссаромъ, многими агентами и общиннымъ меромъ. Дѣло это пошло теперь въ судъ. Тѣ же самыя явленія произошли и въ Монсо. Тамъ съ коммиссаромъ и полицейскими агентами былъ меръ перваго округа. Меръ изъ Нельи былъ очень огорченъ, когда его позвали къ этому дѣлу: онъ нотаріусъ Орлеанской фамиліи, и былъ нѣкогда ею облагодѣтельствованъ.

Всеобщее вниманіе возбуждено въ Парижѣ рѣшеніемъ суда первой инстанціи по дѣлу объ имуществѣ Орлеанскаго дома. Органъ правительствaa, помощникъ прокурора г. Декутюръ, доказывалъ, что судъ не имѣетъ права разсматривать дѣла о взятіи въ казенное управленіе Нёльи и Монсо. Несмотря на это сопротивленіе, судъ, подъ предсѣдательствомъ г. де-Болейма, по выслушаніи рѣчей гг. Беррье и Палье, рѣшилъ, что онъ считаетъ себя въ правѣ произнести приговоръ по этому дѣлу, и отложилъ производство его на двѣ недѣли.

Рѣчь г-на Палье и возраженія г-на Беррье на рѣчь помощника прокурора произвели величайшее впечатлѣніе. Протестъ представленъ былъ префектомъ Сенскаго департамента, г-мъ Берже, отъ имени управленія государственныхъ имуществъ. Онъ можетъ теперь перенесть дѣло въ апелляціонный, а потомъ въ кассаціонный судъ. Онъ можетъ также подать жалобу въ государственный совѣтъ, который и долженъ будетъ рѣшить, можетъ-ли это дѣло быть предоставлено судебному разсмотрѣнію. Ни одинъ парижскій журналъ не позволяетъ себѣ ни малѣйшихъ разсужденій объ этомъ дѣлѣ; но всѣ, за исключеніемъ только министерскихъ, сообщаютъ болѣе или менѣе подробный отчетъ о засѣданіи суда первой инстанціи. Наконецъ дѣло о конфискеціи Орлеанскаго дома внесено на разсмотрѣніе въ государственный совѣтъ.

Нѣкоторыя иностранныя правительства (какъ, напримѣръ, Испанія, Бельгія и пр.), потерпѣвшія убытки отъ секвестрованія имуществъ Орлеанскаго дома декретомъ 22-го января, объявили, чрезъ своихъ представителей требованія о

вознагражденіи. Нынѣ отвѣчали имъ, что декреты сіи будутъ исполнены въ точности, безъ обращенія вниманія ни на выгоды Орлеанскаго дома, ни на права фамилій, которыя могли бы потерпѣть отъ того. Это можно было предвидѣть.

9-го мая были проданы съ публичнаго торга въ Ренси, въ частномъ имуществѣ Орлеанскаго дома, рѣдкая коллекція померанцовыхъ деревъ и камелій. Правительство приказало забрать деньги, вырученныя продажею книгъ, оставшихся послѣ Людовика Филиппа.

Въ аукціонной залѣ продавали мебель и фарфоръ покойнаго Короля Людовика-Филиппа, и все продано гораздо дороже дѣйствительной цѣны. Нѣкоторыя вещи долго были оспариваемы и поднялись до значительныхъ цѣнъ. Маленькій стулъ, стоившій новый не болѣе пятидесяти франковъ, проданъ былъ за двѣсти. Онъ обыкновенно стоялъ на половинѣ королевы Маріи-Амаліи, и служилъ Принцессѣ Маріи, которая пріобрѣла всеобщую любовь и почтеніе благородствомъ своего характера и высокимъ образованіемъ.

Издержки дома принца-Президента значительно сокращены На свои собственные расходы онъ предоставляетъ себѣ 8,000,000; остальные назначаетъ на пособіе членамъ своей фамиліи, на благотворенія и на поощреніе наукъ и искусствъ. Онъ твердо рѣшился ничего не сберегать изъ своихъ доходовъ. Долги его, простиравшіеся до 4-хъ милліоновъ, всѣ уплачены; сверхъ-того онъ заплатилъ еще долги нѣкоторыхъ своихъ приверженцевъ.

Переходимъ къ засѣданіямъ законодательныхъ палатъ.

3-го мая происходили первыя важныя пренія. Рѣчь шла о законѣ касательно возстановленія чести осужденныхъ. Замѣчательно, что при этихъ преніяхъ говорили въ первый разъ двое изъ редакторовъ Constitutionnel, состоящіе въ числѣ членовъ засѣдательнаго корпуса, гг. Веронъ и Гранье де-Касаньякъ, и притомъ одинъ въ пользу закона, а другой противъ него: ясное доказательство *единства мнѣній* редакторовъ этаго журнала. Рѣчь г. Верона выслушана была съ удовольствіемъ, а г. Гранье де-Кассаньякъ дебютировалъ неудачно, и нѣсколько разъ возбуждалъ ропотъ между слушателями. Многіе другіе ораторы также прини-

мали участіе въ общихъ преніяхъ, и потомъ собраніе перешло къ разсмотрѣнію статей этого проекта.

Въ проектѣ разсматриваемаго закона была отвергнута 623 статья, вслѣдствіе чего законъ надобно было снова передать государственному совѣту. Тамъ онъ вторично разсмотрѣнъ и отосланъ опять въ законодательный корпусъ.

Проектъ бюджета 1853 года, присланный въ законодательный корпусъ, не представляетъ значительной разности съ бюджетомъ 1852, который составленъ и обнародованъ мѣсяца два назадъ правительствомъ. Доходы означены въ немъ рядомъ съ расходами, а не составляютъ, какъ прежде, отдѣльнаго бюджета.

Вся сумма расходовъ простирается до 1,486,000,000 фр: но изъ этой суммы слѣдуетъ исключить 436 мил. расходовъ постоянныхъ, уравновѣшиваемыхъ доходами и внесенныхъ въ бюджетъ только для порядка, каковы напримѣръ: недоимки, издержки взиманія податей и налоговъ, добавочные и мѣстные сантимы и проч. Такимъ-образомъ настоящая сумма расходовъ простирается до 1,060,000,000 въ томъ числѣ обыкновенныхъ 981 мил, чрезвычайныхъ 79.

Въ сравненіи съ бюджетомъ 1852 г. бюджетъ 1853 представляетъ уменьшеніе въ 27 мил., несмотря на увеличеніе окладовъ жалованья и на то, что на публичныя работы, вмѣсто 73 мил. назначено 79.

Это уменьшеніе происходитъ отъ того, что во-1) вслѣдствіе пониженія процентовъ государственнаго долга, въ нынѣшнемъ году будетъ 9 мил. экономіи, въ слѣдующемъ, 18; 2) что бюджетъ военнаго министерства уменьшенъ 6 мил. и 3) что бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія уменьшится тремя мил., если законъ о народномъ обученіи, представленный зак. соб., будетъ принятъ.

Еще сбереженіе произойдетъ отъ уничтоженія министерства торговли и земледѣлія.

Въ бюджетѣ предполагается, что государственные доходы доставятъ въ будущемъ году 22 мил. болѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ. Косвенные налоги и доходы исчислены не въ 781, а въ 803 мил.

*

Обыкновенные доходы пополняются капиталами кассы погашенія долговъ и суммами, слѣдующими къ полученію отъ обществъ желѣзныхъ дорогъ. Превращеніе рентъ замѣнило погашеніе долговъ, пріостановленное уже нѣсколько лѣтъ. Суммы, слѣдующія отъ обществъ желѣзныхъ дорогъ и простирающіяся на 1853 г. до 40.000,000, должны быть причислены къ доходамъ, въ счетъ 79 мил. назначенныхъ на чрезвычайныя работы.

Доходы въ сравненіи съ расходами представляютъ недочетъ въ 48,000,000; но предполагается, что онъ будетъ покрытъ уничтоженіемъ разныхъ кредитовъ, которое можетъ простираться среднимъ числомъ до 50,000,000, Такимъ-образомъ бюджетъ 1853 г., какъ и бюджетъ 1852, не будетъ представлять дефицита.

Что̀ касается до общаго финансоваго положенія, то дефицитъ простирается до 630 мил., и эта сумма увеличивается 38 мил., употребленными на уплату по пяти-процентнымъ государственнымъ облигаціямъ. Эта сумма въ 668 мил. не превышаетъ средствъ долга. Двѣ трети этого долга состоятъ изъ капиталовъ, которые казначейство обязано принимать, суммъ, принадлежащихъ общинамъ, сберегательнымъ кассамъ, кассѣ залоговъ, суммъ, внесенныхъ впередъ генеральными сборщиками податей и проч. Изъ остальной суммы, 76 мил., должные банку, имѣютъ быть уплачены, какъ извѣстно, въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Наконецъ, въ банкѣ хранятся еще сто мил., принадлежащихъ казначейству. Таково общее состояніе финансовъ.

Сообщаемъ нѣкоторыя любопытныя подробности о состояніи земледѣлія во Франціи, основанныя на новѣйшихъ статистическихъ свѣдѣніяхъ. «Во Франціи всего 53 милліона эктаровъ земли *. Такъ какъ валовой доходъ земли составляетъ около 6 милліярдовъ, то эктаръ даетъ едва 113 фр. Извѣстно что при добромъ хозяйствѣ, земля должна давать валоваго дохода около 10^0_0 со своей цѣны; изъ этого 6, 7 или 8_0 составляютъ издержки удобренія, обработки и пр., равно какъ дохода фермера и подать, а 2, 3 или 4^0_0 доходъ владѣльца земли. Во Франціи хорошія зем-

* Эктаръ немногимъ менѣе нашей казенной десятины, именно онъ равняется 0,913,33 десятины.

ли стоятъ среднимъ числомъ 3,000 франковъ эктаръ, и дѣйствительно даютъ 300 фр. валоваго дохода. Есть и такія земли, которыя даютъ 500 и 600, не говоря уже о земляхъ, занятыхъ садами, огородами и проч.; эти не могутъ идти въ разсчетъ. Земля, которая не даетъ 10%, или безплодна, или дурно воздѣлывается, или куплена дороже своей настоящей цѣны. Такимъ-образомъ, если, какъ мы сказали вначалѣ, земля во Франціи даетъ не больше 113 франковъ то очевидно, что почти двѣ трети Франціи заняты землей очень плохою, часто даже совершенно безплодною.

Зак. Соб. 14-го мая продолжало, въ отдѣленіяхъ, разсмотрѣніе бюджета; при этомъ произнесены были многія рѣчи, весьма энергическія. Многіе депутаты нападали на огромные оклады жалованья и предлагали выразить, въ докладѣ коммиссіи желаніе, чтобы правительство ввело бюджетъ въ нормальные его предѣлы. Затѣмъ произведенъ былъ выборъ комиссаровъ, и коммиссія составлена изъ лицъ, знакомыхъ съ финансовыми дѣлами и вполнѣ способныхъ подвергнуть бюджетъ внимательному разсмотрѣнію. Она состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: г. Уврара, сына знаменитаго наполеоновскаго поставщика, который тщательно изучалъ финансы; г. Гуэна, который нѣсколько разъ былъ президентомъ финансовыхъ коммиссій въ прежней палатѣ; г. де-Монталамбера, который, повидимому, будетъ играть въ зак. соб. значительную роль; г. Лувe, который составилъ въ зак. соб. нѣсколько замѣчательныхъ докладовъ; г. Шаселу-Лоба, бывшаго министра и государственнаго совѣтника; г. де-Флавиньи, бывшаго пера и посланника; г. де-Бюссьера, члена бывшей палаты депутатовъ, гдѣ онъ только финансовыми дѣлами и занимался; герцога де-Муши, одного изъ лучшихъ директоровъ желѣзныхъ дорогъ; г. Апселя, который долгое время былъ меромъ въ Гаврѣ; г. Галле-Клапареда, бывшаго рекетмейстера и депутата, и проч. Оппозиція, или лучше сказать та партія, которая хочетъ придать нѣкоторую важность дѣйствіямъ зак. соб., имѣетъ въ этой коммиссіи многихъ представителей, именно гг. де-Монталамбера, Лувe, Гуэна, герцога д'Юзеса, де-Муши, Апселя, де-Беллейма, Галле-Клапареда и проч. Въ прежніе времена подобный составъ коммиссіи имѣлъ бы большое значеніе, пото-

му-что палата депутатовъ имѣла право дѣлать въ бюджетѣ какія угодно измѣненія, могла отвергнуть любую статью и даже наконецъ самый бюджетъ и тѣмъ низвергнуть министерство и привести правительство въ большое затрудненіе. Нынче дѣло совсѣмъ другое; всякое измѣненіе въ какомъ-либо проэктѣ закона, сдѣланное зак. соб., должно быть разсмотрѣно государственнымъ совѣтомъ, который имѣетъ полное право отвергнуть его, и тогда оно уже не можетъ быть представлено зак. соб.; кромѣ-того; еслибы и государственный совѣтъ принялъ измѣненіе, предложенное зак. соб. то Президентъ Республики можетъ его отвергнуть. Назначенная нынче коммиссія можетъ измѣнить цифры нѣкоторыхъ расходовъ, неимѣющихъ политическаго значенія; но вотъ и все.

Въ бюджетѣ текущаго года, обнародованномъ 17-го марта, на первыя три государственныя вѣдомства назначено: Сенату 1,414,050 ф., государственному совѣту 1,947,800, зак. соб. 701,500 фр. Жалованье сенаторамъ простирается до 770,400 фр., содержаніе высшихъ сановниковъ 205,000 государственный совѣтъ получаетъ 1,860,600 фр. президентъ зак. соб. 82.200, оба квестора 15,400

Въ Монитёрѣ обнародовано обозрѣніе сбора косвенныхъ налоговъ въ первые три мѣсяца нынѣшняго года, въ сравненіи съ тѣмъ же временемъ 1850 и 1851 г.

Въ первые три мѣсяца косвенные налоги доставили:

Въ 1850	г.	—	174,688,000
Въ 1851	—	—	179,111,000
Въ 1852	—	—	185,266,000

Поэтому, въ нынѣшнемъ году собрано 13,587,000, болѣе, чѣмъ въ 1850 г. и 6,156,00 фр. болѣе, чѣмъ въ 1851.

По вопросу о финансахъ разсказываютъ довольно любопытный анекдотъ. Прежде нежели г. Гуэнъ былъ членомъ бюджетной коммиссіи, встрѣтился онъ съ Президентомъ, и расхваливалъ неоспоримое искусство съ какимъ онъ придумалъ и совершилъ уменьшеніе процентовъ, при содѣйствіи умнаго своего министра финансовъ.

— Лудовикъ Филиппъ (прибавилъ г. Гуэнъ) не осмѣлился бы предпринять этой операціи, хотя бы и хотѣлъ.

— На мѣстѣ Лудовика Филиппа, отвѣчалъ Президентъ, и я не захотѣлъ бы этого сдѣлать. Мѣра эта была бы принята слишкомъ враждебно нѣкоторыми партіями средняго сословія, на которыя опиралась власть этого короля. У меня другія опоры, и я могъ сдѣлать то, чего бы онъ не былъ въ состояніи совершить.

Въ послѣднее время предпринято столько публичныхъ работъ, что многіе опасаются, какъ бы это огромное требованіе капиталовъ не произвело финансоваго кризиса, подобнаго тому, который былъ въ 1846 г.

Въ настоящее время надобно собрать слѣдующій капиталъ.

Во-первыхъ, 50,000,000 займа для города Парижа; потомъ на желѣзныя дороги:

По акціямъ желѣзной дороги изъ Парижа въ Ліонъ.	120,000,000
По облигаціямъ той же дороги.	80,000,000
По облигаціямъ Сѣверной желѣзной дороги.	26,000,000
По облигаціямъ Страсбургской желѣзной дороги.	25,000,000
По облигаціяиъ Орлеанской желѣзной дороги.	120,000,000
По облигаціямъ желѣзной дороги изъ Страсбурга въ Базель и Виссембургъ.	12,000,000
По акціямъ дороги изъ Ліона въ Авиньонъ.	30,000,000
По облигаціямъ той же дороги.	50,000,000
По акціямъ западной желѣзной дороги. . .	50,000,000
По акціямъ изъ Дижона въ Безансонъ. . .	12,000,000
По облигаціямъ той же дороги.	4,000,000
По акціямъ желѣзной дороги изъ Блома въ Сентъ-Дизье.	16,000,000 16,000,000
По дорогѣ вокругъ Парижа, для соединенія путевыхъ дворовъ разныхъ желѣзныхъ дорогъ.	11,000,000
Наконецъ заемъ города Парижа.	61,000,000
Итого. . .	648,381,000 фр.

Обнародованъ законъ о перечеканкѣ мѣдной монеты. Это первый законъ, обнародованный въ силу уложенія 15-го января. Сперва изложено рѣшеніе зак. пал., подписанное президентомъ и секретарями; потомъ заключеніе сената о допущеніи сего закона, подписанное также президентомъ, и наконецъ, декретъ Президента Республики, съ обнародованіемъ закона, контрасигнированный государственнымъ министромъ и министромъ юстиціи по званію великаго хранителя печати.

Таможенное управленіе издало табель привоза и отвоза, за первые три мѣсяца нынѣшняго года, въ сравненіи съ тою же четвертью 1850 и 1851 г. Въ 1850 г. привезено всего на 27, 854, 999 фр., въ 1851 на 26,759,125 фр. въ 1852 на 32,528,647 фр. Вывозъ въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ январѣ и февралѣ.

Въ «Монитерѣ» между-прочимъ обнародованъ любопытный документъ: пятилѣтнее перечисленіе народа, съ 1846 по 1851 г. Изъ этой таблицы видно, что число жителей во Франціи въ 1851 г. простиралось до 35,781,628 душъ. Въ эти пять лѣтъ оно увеличилось 381,142,000 или 76,228 въ годъ, что̀ составляетъ 1,08 процентовъ за всѣ пять лѣтъ или немного болѣе 0,21 на сто въ годъ. Это увеличеніе гораздо менѣе того, которое замѣчено въ предыдущихъ періодахъ. Такъ, напримѣръ, возьмемъ 1830 г. Въ 3 пятилѣтніе періода, протекшіе съ того времени, народонаселеніе умножалось въ слѣдующей пропорціи: съ 1831 по 1836 г. 3,00 на сто во весь этотъ періодъ, или 0,60 на сто въ годъ; съ 1836 по 1841—2,02 на сто во весь періодъ, или 0,41 на сто въ годъ; съ 1841 по 1846—3,42 на сто во весь періодъ, или 0,68 на сто въ годъ. Изъ этого видно, что разница весьма невыгодна для послѣдняго періода, который кончился съ 1851 г. Трудно было бы объяснить подобный результатъ какою-нибудь одною причиною, и потому министръ внутреннихъ дѣлъ, въ своемъ докладѣ Президенту, весьма благоразумно объясняетъ этотъ результатъ разными причинами. Въ числѣ этихъ причинъ находится то, что съ 1846 по 1850 г., весьма многіе переселились изъ департаментовъ въ чужіе края, что̀, конечно, происходитъ отъ революціи 1848 г. отъ коммерческаго кризиса, который былъ ея послѣдствіемъ, и отъ неизвѣстности, которая тяготѣла надъ всею Францію. Усиленію эми-

граціи способствовало, между-прочимъ, открытіе калифорнскихъ золотыхъ розсыпей и успокоеніе Алжиріи. Но еще важнѣе эмиграціи, уменьшеніе числа браковъ и, вслѣдствіе того, числа родившихся. Съ 1841 по 1845, число браковъ простиралось до 282,000, съ 1846 по 1850 понизилось до 266,000. Въ первомъ изъ этихъ періодовъ, число родившихся перевышало число умершихъ 918,512, а во второмъ, только 512,000. Впрочемъ эта разность происходитъ не только отъ уменьщенія числа браковъ но также и отъ того, что въ 1849 свирѣпствовала холера.

Вотъ въ какомъ духѣ составляется декретъ о новой организаціи генеральныхъ совѣтовъ. Главная цѣль новой организаціи состоитъ въ томъ, чтобы устранить отъ этихъ избирательныхъ сословій всякое политическое вліяніе и сохранить правительству ту власть, отъ которой оно не можетъ отказаться, не ослабивъ себя. Вслѣдствіе этого, члены генеральныхъ совѣтовъ будутъ назначаемы на основаніи общаго права избирательства; но число членовъ каждаго совѣта будетъ опредѣлено и соразмѣрно количеству народонаселенія. Избиратели будутъ выбирать трехъ кандидатовъ, а Президентъ назначать изъ нихъ совѣтниковъ.

Президентъ Республики изъявилъ желаніе, чтобы каждый изъ маршаловъ Франціи носилъ военную медаль, учрежденную имъ для унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Извѣстно, что Наполеонъ одинъ имѣлъ право носить и первую степень почетнаго легіона, и солдатскій крестъ. Исключеніе было сдѣлано только для Эрцгерцога Карла, главнокомандующаго австрійскою арміею.

Въ недавно изданной Annuaire militaire показано, что число офицеровъ французской арміи простирается до 18,304 Главный начальникъ арміи Принцъ-Президентъ; подъ его начальствомъ находятся 5 маршаловъ, 78 дивизіонныхъ генераловъ и 152 бригадныхъ генерала.

Нѣсколько словъ о газетахъ. Правительство строго наблюдаетъ за ними. И въ Парижѣ и въ департаментахъ дѣлаютъ имъ замѣчанія: послѣ двухъ замѣчаній министръ имѣетъ право запретить журналъ, не подвергая редакторовъ суду, и не донося о томъ президенту. Одинъ изъ редакторовъ легитимистской газеты l'Union, ректоръ Версальской академіи, Ано де Мезіеръ, отставленъ отъ службы за подписанную имъ статью въ этой газетѣ о новомъ образо-

ваніи обученія въ гимназіяхъ.—И за театрами смотрятъ неослабно. Директоры парижскихъ театровъ получили циркуляръ за подписаніемъ г. Ромьё, съ объявленіемъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ желаетъ ихъ видѣть. Когда они явились, г. Персиньи произнесъ рѣчь съ обыкновеннымъ своимъ жаромъ, и объяснилъ намѣренія правительства касательно театровъ. Вотъ существо этой рѣчи:

«Правительство полагаетъ, что театры должны быть не только забавою для публики, но и школою нравственности. Нѣкоторые изъ театровъ (и даже бо́льшее число, слишкомъ часто забываютъ, что получая отъ правительства привилегію, они обязаны содѣйствовать ему въ усиліяхъ къ сохраненію правилъ благонравія и порядка. Нѣкоторые театры ищутъ успѣховъ въ безнравственности) развратѣ, развитіи дурныхъ правилъ и въ возбужденіи ненависти низшихъ сословій къ высшимъ. На сихъ театрахъ, выставляя на сценѣ бѣднаго и богатаго, дворянина и работника, низшему сословію даютъ всѣ добродѣтели, а высшему всѣ пороки. Эти піесы имѣютъ самыя гибельныя послѣдствія. Работникъ, выходя изъ подобнаго спектакля, не ощущаетъ удовольствія и спокойствія, внушаемыхъ благонамѣренными произведеніями; сердце его наполняется отчаяніемъ и злостью на устройство общества, въ которомъ будто бы злымъ людямъ даны всѣ преимущества и богатство, а добрымъ нищета и горе. Отъ возникновенія этихъ мыслей до преступныхъ замысловъ одинъ шагъ. Правительство не дозволитъ впредь представленія подобныхъ піесъ. Цензурѣ предписано запрещать ихъ, и никакое личное уваженіе не понудитъ ея дозволить піесу, которую она почтетъ вредною народной нравственности или общественной безопасности. Сверхъ-того, правительство желало бы, чтобъ директоры театровъ воспользовались своимъ вліяніемъ на авторовъ, для убѣжденія ихъ оставить пагубное поприще, которое они теперь избрали для пріобрѣтенія успѣха. Правда, это порученіе очень щекотливо. Министръ понимаетъ всю его затруднительность, и потому будетъ благодаренъ директорамъ, которые хотя попытаются исполнить его желаніе.» Чтобъ вознаградить директоровъ за эту первую, непріятную часть рѣчи, министръ внутреннихъ дѣлъ сказалъ, что правительство искренно желаетъ процвѣтанія театровъ; что оно знаетъ всѣ тягости

положенія директоровъ, и съ величайшимъ удовольствіемъ будетъ стараться о облеченіи ихъ.

Что́ касается до переговоровъ о мѣрахъ для прекращенія контрафакціи, они еще далеко неокончены. Правительства французское и бельгійское согласились между собою на счетъ началъ, но далеко еще несогласны въ примѣненіяхъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, маркизъ де-Тюрго, который очень заботился объ этомъ дѣлѣ, призывалъ къ себѣ недавно всѣхъ главныхъ представителей типографскаго искусства во Франціи и убѣждалъ ихъ согласиться на нѣкоторыя уступки, чтобы ускорить рѣшеніе этого дѣла. Надѣются, что французское правительство скоро достигнетъ своей цѣли.

Коммиссары, назначенные французскимъ, прусскимъ и бельгійскимъ правительствами для заключенія конвенціи о телеграфахъ, уже согласились между собою на счетъ всѣхъ спорныхъ пунктовъ, такъ что конвенція можетъ быть подписана, какъ скоро правительства утвердятъ предварительныя условія. Этотъ договоръ будетъ имѣть весьма важное значеніе, потому-что къ нему впослѣдствіи могутъ присоединиться и другія государства.

По словамъ газеты Constitutionnel, въ рукахъ иностранцевъ было пяти-процентныхъ рентъ на капиталъ въ 500,000,000 фр; по минованіи срока, назначеннаго живущимъ въ чужихъ краяхъ, уплаты потребовано по облигаціямъ, капиталъ которыхъ простирается до 35,000,000. Эти 35 мил. будутъ немедленно уплачены. Весь капиталъ пяти-процентныхъ рентъ простирается до 3,600 мил. По случаю пониженія процентовъ, уплата потребована по облигаціямъ, которыхъ капиталъ составляетъ только 74 мил.

Правительство поручило шести іезуитамъ духовное управленіе въ ссылочныхъ колоніяхъ. Трое изъ нихъ уже отправились, остальные вскорѣ послѣдуютъ за ними. Они поселятся въ Кайеннѣ, и оттуда будутъ посѣщать колоніи каторжниковъ. Это еще первое офиціальное порученіе, сдѣланное іезуитамъ. За четыре года предъ этимъ не было ни одного іезуита во Франціи. Въ послѣдніе годы царствованія Лудовика Филиппа закрыты были остальныя ихъ заведенія.

Сообщаемъ извлеченіе изъ описанія большаго парада, бывшаго въ Парижѣ 10-го мая. «Обширная площадь Мар-

сова-поля имѣетъ до двухъ километровъ (верстъ) окружности. Въ югозападной сторонѣ находится зданіе военнаго-училища, превращенное издавна въ казарму; на сѣверо-востокѣ течетъ Сена, чрезъ которую въ этомъ мѣстѣ идетъ Іенскій-мостъ. Поутру, съ семи часовъ толпы любопытныхъ начали собираться въ этихъ мѣстахъ. Съ простымъ народомъ показались ряды экипажей, имѣвшихъ пропускные билеты.

Все это медленно подвигалось къ Сенъ-Жерменскому предмѣстію, мимо инвалиднаго-дома, по пути, заблаговременно назначенному полиціею, чтобы дать просторъ пѣшеходамъ. Мѣста, устроенныя для высшихъ государственныхъ сословій и лицъ, примыкали къ военному-училищу. Средняя трибуна, назначенная для Принца-Президента, шла вдоль всего средняго павильона училища; галерея соединяла комнаты зданія съ главными ложами; изъ каждаго окна сдѣлана была дверь. На главную трибуну всходили по лѣстницѣ, устроенной со стороны Марсова-поля, съ тремя площадками. У нижнихъ ступеней лѣстницы стояли два колоссальные вызолоченные льва, подобные мраморнымъ львамъ дворца дожей въ Венеціи. На верхнихъ площадкахъ устроены были трофеи. Вдоль главной трибуны, по фронтону, на голубомъ полѣ, усѣянномъ звѣздами, высился огромный орелъ въ лентѣ почетнаго легіона. Внутренность главной трибуны обита была краснымъ бархатомъ. Надъ зданіемъ школы развѣвались нѣсколько флаговъ и трехцвѣтныхъ знаменъ. Аллегорическія статуи украшали нижнюю часть ложъ. Въ средней трибунѣ отведены были мѣста для министровъ, маршаловъ, адмираловъ, членовъ дипломатическаго корпуса, фамиліи и свиты Президента, женъ министровъ и первыхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Въ крытыхъ галереяхъ, соединявшихъ среднюю ложу съ боковыми павильонами, помѣстились, по лѣвую сторону Президента, зак. пал. и судебныя мѣста; направо сенатъ и государственный совѣтъ. Далѣе назначена была ложа для національной гвардіи. По обѣимъ сторонамъ Марсова-поля устроены были многія мѣста для разныхъ присутственныхъ мѣстъ, сословій и пр. Все остальное пространство около Марсова-поля предоставлено было жителямъ Парижа и любопытнымъ странникамъ. Насупротивъ ложи Президента и почти въ срединѣ Марсова-поля воздвигнутъ былъ алтарь, въ двадцать метровъ вышины, съ огромнымъ

балдахиномъ подъ крестомъ. Полиція охраняла всѣ улицы до девяти часовъ, и до-тѣхъ-поръ публика входила въ ложи только изъ зданія военнаго-училища. Около 11 час. собрались всѣ должностныя лица, члены судебныхъ мѣстъ, академій, высшихъ училищъ, префекты, главный штабъ національной гвардіи, кассаціоннаго суда, аппеляціоннаго, гражданскихъ судовъ (въ новыхъ своихъ мундирахъ), коммерческой палаты, мирные судьи, управленія путей сообщенія и горнаго вѣдомства. Въ главѣ городоваго совѣта былъ префектъ сенскій, г. Берже. За нимъ префектъ полиціи г. Піетри, полицейскіе коммиссары и пр. Далѣе консисторія не-католическаго духовенства, и густая толпа офицеровъ арміи и флота съ своими штабами. Еще далѣе нотаріусы въ чорныхъ фракахъ, синдики биржевыхъ маклеровъ, экзекуторы и пр. Одна изъ красивѣйшихъ ложъ назначена была для иностранныхъ офицеровъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго всѣ мѣста были наполнены. Сенатъ залитъ былъ золотомъ, государственный совѣтъ серебромъ. Члены дипломатическаго корпуса были въ мундирахъ, звѣздахъ и лентахъ. Тогда духовенство выступило изъ лѣвой аллеи, сопровождаемое республиканскою гвардіею, и направилось къ алтарю. Зрѣлище было великолѣпное.

День былъ прекрасный, весенній. Войска было собрано до 60,000 человѣкъ. Войска, по-мѣрѣ вступленія на Марсово-поле, составляли двѣ параллельныя линіи вдоль всего поля. Пѣхота стала вправо отъ Іенскаго-моста; конница влѣво. Пространство въ шестдесятъ метровъ раздѣляло обѣ линіи. Пѣхота стала по-баталіонно; кавалерія, густыми колоннами, по-эскадронно. Подойдя къ алтарю, обѣ линіи остановились въ двухъ стахъ метрахъ отъ трибуны Президента.

Съ 10 часовъ поставили на площадкѣ Президента новыя знамена. Знамена эти шелковыя, шириной въ полтора метра, съ бахрамою, и надъ ними орелъ. На каждомъ знамени надпись съ одной стороны: Лудовикъ-Наполеонъ такому-то полку, а съ другой буквы *R. F.* (Республика Французская). По угламъ знаменъ вензель Президента попеременно съ орломъ, въ лентѣ почетнаго легіона. Раздался барабанный бой; всѣ стали по мѣстамъ. Духовенство расположилось противъ ложи Президента. Въ двадцать минутъ перваго раздался пушечный выстрѣлъ. На Іенскомъ-

мосту показался Президентъ. Барабаны ударили походъ; трубы зазвучали; свита его прискакала съ Гренельской стороны. Онъ былъ въ мундирѣ дивизіоннаго генерала, въ лентѣ почетнаго легіона и съ медалью, имъ установленною. Его сопровождали маршалы и адмиралы, и въ томъ числѣ дядя его Іеронимъ, военный министръ и нѣсколько лицъ, особенно приглашенныхъ; тутъ же было около двадцати предводителей арабскихъ племенъ въ разноцвѣтныхъ бурнусахъ. Въ свитѣ его былъ и персидскій Принцъ Мирза-Али-Ханъ, путешествовавшій по Австріи, и пріѣхавшій въ Парижъ именно къ этому дню. Президентъ, со всею своею свитою, проѣхалъ вокругъ Марсова-поля, при крикахъ войскъ: «да здравствуетъ Наполеонъ!» Послѣ этого подъѣхалъ онъ къ алтарю, поклонился, и потомъ поскакалъ къ своей площадкѣ, и сошелъ съ лошади, какъ и вся свита. Вся военная музыка заиграла старинный романсъ временъ Наполеона: Partant pour la Syrie. У подножія площадки встрѣтили Президента всѣ министры. Онъ вошелъ, сѣлъ въ высокія кресла; нѣсколько ниже его маршалъ Іеронимъ. Его окружили министры и свита. Началась божественная служба. Всѣ полковники и подполковники арміи, какъ парижской, такъ и присланные прочими корпусами, взошли на площадку, взяли свои знамена, сошли опять и стали внизу лѣстницы. Президентъ произнесъ рѣчь.

«Воины! Исторія народовъ есть, бо́льшею частію, исторія армій. Отъ ихъ успѣховъ или отъ ихъ неудачъ зависитъ участь образованности и отечества. За пораженіемъ слѣдуетъ непріятельское нашествіе или безначаліе; за побѣдою слава и благоустройство. Вотъ почему націи, какъ и народы, питаютъ благоговѣйное уваженіе къ симъ знакамъ военной чести, съ которыми сопряжены воспоминанія о минувшихъ битвахъ и торжествахъ. Римскій орелъ, принятый императоромъ Наполеономъ въ началѣ текущаго столѣтія, былъ блистательнѣйшимъ знаменіемъ возрожденія и величія Франціи: онъ исчезъ при нашихъ бѣдствіяхъ. Онъ долженъ былъ возвратиться въ то время, когда Франція, оправившись отъ своихъ неудачъ, возстановивъ свою независимость, перестала отрекаться отъ прежней своей славы.—Воины! И такъ примите вновь сіи орлы, не въ угрозу чужимъ краямъ, но символомъ нашей независимости, воспоминаніемъ геройской эпохи, знаменіемъ доблести каждаго полка. Примите сіи орлы, неоднократно водившіе

отцевъ нашихъ къ побѣдамъ, и поклянитесь умереть, если должно, для защиты ихъ.» Замѣтимъ, что дѣйствія политическаго почти вовсе не было. Зрѣлище было великолѣпное, волшебное, неизобразимое; толпа была несмѣтная, но казалось, что она руководилась однимъ чувствомъ—любопытства, такъ что, несмотря на возгласы войскъ, все было холодно, и восторга не было видно. Самыя войска, вѣроятно, въ-слѣдствіе данныхъ предварительно приказаній, не предавались громогласнымъ изъявленіямъ. Они проходили мимо Президента, восклицая: да здравствуетъ Наполеонъ! но безъ усилій и безъ выразительности. Такимъ-образомъ опровергнуты были всѣ слухи и предсказанія о провозглашеніи имперіи.

Послѣ рѣчи Президентъ сѣлъ опять въ свои кресла, а полковники двинулись со знаменами къ алтарю. Архіепископъ сошелъ съ духовенствомъ, благословилъ ихъ, и прочиталъ имъ рѣчь. Послѣ этого взошелъ онъ опять по ступенямъ алтаря, а знамена стали по бокамъ. Раздались пушечные выстрѣлы, барабанный бой, звуки трубъ. Началась обѣдня, въ сопровожденіи громкой музыки, которая слышна была всѣмъ зрителямъ.

Въ часъ и двадцать минутъ снова раздались выстрѣлы пушекъ, ружей, барабаны и трубы. Войско преклонило колѣни. Толпа зрителей сняла шляпы. Архіепископъ вновь сошелъ внизъ, и благословилъ каждое знамя. Каждый полкъ, при полученіи знамени, встрѣчалъ оное радостными кликами. По окончаніи духовнаго обряда, Президентъ сѣлъ опять на лошадь со всею свитою. Онъ казался веселѣе обыкновеннаго. Войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, предводимые генераломъ Маньяномъ.

Надобно отдать справедливость, что правительство ничего не пощадило, чтобъ сдѣлать это празднество великолѣпнымъ. Со всѣхъ концовъ Франціи явились депутаціи; были даже представители племенъ Африки; вся Европа прислала своихъ любопытныхъ туристовъ. Мундиры всѣхъ націй блистали на этомъ праздникѣ. Тридцать хоровъ музыки, тысяча барабановъ, сто пушекъ гремѣли въ этомъ день. Всѣ должностныя лица, вся свита Президента, фамилія его, министры, армія, все, наконецъ сама погода содѣйствовали великолѣпію этого праздника.

Этотъ великолѣпный парадъ кончился въ три часа пополудни. Биржа въ этотъ день была закрыта.

Начальство приняло всѣ мѣры для сохраненія общественнаго порядка по случаю наступившихъ празднествъ. Всѣ люди, извѣстные безпокойнымъ нравомъ въ предмѣстіи Св. Антонія, взяты были подъ-арестъ. Бывшій президентъ Руазенскаго-клуба, Лонетъ, посаженъ въ мазасскую тюрьму. И Г. Рекюръ, бывшій революціонный префектъ полиціи, обратившійся къ своимъ медицинскимъ занятіямъ, долженъ былъ на время праздниковъ отправиться въ провинцію. На всякій случай полиція наняла большое число временныхъ городовыхъ сержантовъ, для содѣйствія штатнымъ. Еслибъ бунтовщики рѣшились на какую-нибудь попытку, они были бы жестоко наказаны.

Празднества въ Парижѣ кончились 22-го числа. Президентъ давалъ 11 ч. въ Тюильери большой банкетъ на восемь-сотъ приборовъ, за которымъ послѣдовало театральное представленіе въ дворцовомъ-театрѣ; при чемъ было читано стихотвореніе г. Мери, на этотъ случай написанное. Во всемъ этомъ, впрочемъ, ничего политическаго не было. Наконецъ 13-го числа празднества довершены были огромнымъ фейерверкомъ.

Министръ публичныхъ работъ, въ сопровожденіи двухъ инженеровъ, отправился въ Анжеръ, для изслѣдованія причинъ новаго несчастія, случившагося съ тамошнимъ мостомъ. Вмѣсто цѣпнаго моста, который за нѣсколько лѣтъ предъ симъ обрушился, при чемъ погибло нѣсколько сотъ солдатъ, начали строить каменный, который и былъ уже почти готовъ; вдругъ одна арка обрушилась, но на этотъ разъ, по счастію, никто не погибъ.

Сватьба г. де-Персиньи съ дочерью князя Нея назначена 22-го мая, и онъ немедленно отправился въ замокъ Фонтенбло, который Президентъ предоставилъ ему на первый мѣсяцъ его брачной жизни. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ завѣдываетъ г. Фортуль.

Морозы 19 и 20-го апрѣля имѣли во всей Франціи самыя неблагопріятныя послѣдствія. Во всѣхъ департаментскихъ газетахъ сообщаютъ объ ущербахъ, причиненныхъ этими морозами: фруктовыя деревья пострадали такъ, что̀ исчезла всякая надежда на сборъ нѣжныхъ плодовъ. Что же касается до винограда, полагаютъ, что потеря его будетъ нетакъ сильна, какъ фруктовыхъ деревъ, потому-что растительность была еще неочень развита, однако же будетъ потеряно около пятой части всего винограднаго сбо-

ра. Въ Парижѣ, на цвѣточномъ рынкѣ, цѣны, возвысившія-ся послѣ морозовъ, съ-тѣхъ-поръ не упадали.

Англія.

Пренія въ англійскихъ палатахъ были весьма важны.

30 марта г. д'Израели въ Ниж. Пал. представилъ обозрѣніе положенія Англіи въ финансовомъ отношеніи. Въ началѣ своей рѣчи, напомнивъ, что срокъ, на который было разрѣшено взиманіе налога на доходы, кончился, онъ сказалъ:

Есть три способа увеличить доходы государства: обложить пошлиною или привозныя, или туземныя произведенія, или, наконецъ, учредить новые прямые налоги. Доказавъ потомъ неудобства первыхъ двухъ способовъ возвышенія государственныхъ доходовъ, потому-что одна партія безпрерывно требуетъ пониженія пошлинъ на привозные товары, а другая пониженія пошлинъ на выпущенныя произведенія, онъ заключилъ, что нѣтъ другаго средства пополнить дефицитъ, какъ возобновить еще на нѣкоторое время налогъ на доходы. Потомъ онъ приступилъ къ обозрѣнію нынѣшняго положенія государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Прежній канцлеръ казначейства исчислилъ доходы съ 5-е апрѣля 1850 г. по 5-го апрѣля 1851 г. въ 52,140,000 ф. ст.; но получено 52,468,317 ф. ст., такъ-что, несмотря на пониженіе разныхъ пошлинъ, собрано около 340,000 болѣе предположеннаго. Расходовъ предполагалось 50,247,000 ф. ст., а дѣйствительно издержано 50,291,000. Новое министерство исчислило расходы 1852 и 1853 гг. въ 51,163,979 ф. стерлинговъ.

Въ томъ числѣ:

На уплату процентовъ государственнаго долга	30,550,000 ф. ст.
На армію	6,491,893 — —
Флотъ	6,493.000 — —
Артиллерію	2,437,000 — —

Гражданское управленіе	4,182,086 — —
На войну съ Кафрами	660,000 — —
Милицію	250,000 — —
Итого . .	51,163,976 ф. ст.

Предполагаемые доходы будутъ составлять 48,983,500 ф. стерлинговъ. Въ томъ числѣ:

Таможен. пошлины	20,572,000 ф. ст,
Акцизъ	14,604,000 — —
Гербовой пошлины	6,339,000 — —
Налоги (Taxes)	7,090,000 — —
Налогъ на собственность, на 6 мѣсяцевъ	2,041,000 — —
Почты	938,000 — —
Лѣса	235,000 — —
Разные другіе доходы	660,000 — —
Итого . .	48,983,500 — —

Такимъ-образомъ дефицитъ будетъ простираться до 2,180,479 ф. ст. Для покрытія его г. д'Израели предложилъ продолжить налогъ на доходы еще на годъ.

Гг. Юмъ, Берингъ и Гладстоунъ хвалили министерство за то, что оно не измѣняетъ финансовой системы, освященной десятилѣтнимъ опытомъ, и предложеніе министра было принято.

Дѣло г. Саломона, избраннаго въ Гриничъ, все еще продолжается. Онъ, явясь въ ниж. пал., произнесъ присягу, выпустивъ въ ней слова «какъ добрый христіанинъ»; несмотря нато, занялъ свое мѣсто и вышелъ только тогда, когда палата опредѣлила, что онъ не можетъ присутствовать въ засѣданіи. Въ-слѣдствіе этого одинъ протестантъ, г. Миллеръ, завелъ съ нимъ процессъ, подавъ жалобу въ канцлерскій судъ, и потребовалъ, чтобы г. Саломонъ присужденъ былъ къ штрафу зато, что онъ подавалъ въ палатѣ голосъ, не исполнивъ предписаннаго закономъ обряда. Дѣло это рѣшено 19-го апрѣля. Одинъ изъ судей, баронъ Мертинъ, объявилъ, что, по его мнѣнію, законъ требуетъ измѣненія; но какъ онъ обязанъ только принять законъ и не имѣетъ права измѣнять его, то и подалъ голосъ въ пользу г. Миллера. Другой судья, баронъ Парке, основываясь на точныхъ словахъ закона, также подалъ голосъ въ

пользу истца. Наконецъ, первый баронъ, с. Ф. Паллокъ, изложивъ весь ходъ преній, объявилъ, что онъ принужденнымъ находится согласиться съ другими судьями и рѣшить дѣло въ пользу истца, потому-что, при нынѣшнемъ состояніи законодательства, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Евреи не могутъ присутствовать въ палатѣ, если не соглашаются принять установленную присягу, и такимъ-образомъ отказаться отъ своей вѣры.

Этотъ приговоръ возбудилъ жаркія пренія во всѣхъ журналахъ.

На праздники Пасхи парламентъ былъ закрытъ; засѣданія возобновились 19-го апрѣля.

Въ палатѣ перовъ лордъ Гренвилль требовалъ отъ правительства объясненій насчетъ пріема, сдѣланнаго генералу Розасу. Графъ Мальмесбюри отвѣчалъ, что на этотъ счетъ не было дано никакихъ приказаній ни отъ казначейства, ни отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Правительство только даровало бывшему диктатору право спокойно жить въ Англіи. Въ пріемѣ, слѣланномъ плимутскими начальствами Розасу, не было ничего оффиціяльнаго; это было только знакомъ признательности за расположеніе, которое бывшій диктаторъ оказывалъ британскимъ подданнымъ, пріѣзжавшимъ въ его владѣнія. Теперь не время упрекать Розаса въ прежнемъ его поведеніи. Правительство оказало ему неважную милость, дозволивъ безъ пошлины ввезти свои пожитки. Онъ совсѣмъ не такъ богатъ, какъ многіе утверждаютъ; онъ принужденъ былъ бѣжать, не успѣвъ ничего взять съ собою. Герцогъ Нортумберландъ прибавилъ, что Розасъ былъ принятъ на англійскій корабль, какъ обыкновенный бѣглецъ, потому-что приказано было принимать всѣхъ, кто будетъ искать убѣжища на англійскихъ судахъ. Графъ Мальмесбюри окончилъ эти пренія, объявивъ, что занятіе Монтевидео бразильскими войсками есть мѣра временная.

5-го мая, Линдгорстъ представилъ верх. пал. билль объ отмѣнѣ различныхъ ограниченій, постановленныхъ въ статутѣ шестаго года царствованія Георга I (о присягѣ Евреевъ). Кобденъ и другіе противники билля о милиціи потерпѣли въ ниж. нал. сильное пораженіе. Предложеніе перваго изъ нихъ объ отсрочкѣ разсмотрѣнія билля о милиціи до представленія множе ства разныхъ документовъ, отвергнуто 285 гол. пр. 76; послѣ-чего министерское пред-

ложеніе о томъ, чтобы палата образовалась въ генеральный комитетъ, принято 219 гол. пр. 85. Затѣмъ билль подробно и съ бо́льшею живостію разсмотрѣнъ былъ въ генеральномъ комитетѣ.

Въ засѣданіи ниж. пал. 23-го апрѣля, по вопросу о второмъ чтеніи билля о милиціи, с. Леси-Эвансъ предложилъ отсрочить его на три мѣсяца. Это почти тоже, что̀ отвергнуть проектъ закона. Мнѣніе это было поддержано гг. Ричемъ, Вельшемъ и Пилемъ, почитающими этотъ билль безполезнымъ или недостаточнымъ. С. Робертъ Пиль оспаривалъ законъ въ отношеніи къ государственной экономіи и совершенно безопасному положенію Англіи. При этомъ случаѣ объявилъ онъ, что будучи приверженцемъ свободной торговли, онъ однакоже готовъ поддерживать министерство л. Дерби, если послѣдній откажется отъ протекціонистской системы. С. Робертъ Пиль, вмѣсто учрежденія милиціи, предпочитаетъ усиленіе регулярнаго войска десятью тысячами человѣкъ; онъ полагаетъ, что учрежденіе милиціи для внѣшней политики составляетъ болѣе угрозу войны, нежели залогъ мира. Л. Дж. Россель, въ свою очередь, воспротивился второму чтенію билля, потому-что предложенный имъ билль о милиціи основывался на добровольномъ вербованіи, а теперь онъ сдѣлался обязательнымъ. Л. Пальмерстонъ, напротивъ-того, защищалъ билль, объявляя, что дѣлаетъ это въ доказательство совершеннаго своего безпристрастія. При отходѣ почты, только с. Дж. Пакингтонъ защищалъ проектъ, и дальнѣйшія пренія были отложены до 26-го числа, и тогда кончились не такъ занимательно, какъ ожидали: въ нихъ не участвовалъ ни одинъ изъ первоклассныхъ ораторовъ. Одного г. Вальполя было достаточно для защиты министерскаго проекта. Число голосовъ изумило всѣхъ: 315 пр. 165-ти рѣшили допустить второе чтеніе. Это рѣшеніе произведетъ большое впечатлѣніе, и будетъ новымъ ударомъ для оппозиціи, въ главѣ которой находится с. Дж. Россель. Ниспровергнувъ министерство его по этому биллю, парламентъ принялъ теперь билль огромнымъ большинствомъ голосовъ, въ пользу кабинета, который, однакоже, не имѣетъ полной его довѣренности. Слѣдственно, рѣшеніе это направлено болѣе противу возмутительной оппозиціи л. Дж. Росселя, нежели въ пользу нынѣшняго министерства. Такъ разсуждаютъ всѣ лондонскія газеты.

Засѣданіе ниж. пал. 30-го апрѣля было торжествомъ для памяти С. Роберта Пиля. Г. д'Израели, бывшій сильнымъ и ожесточеннымъ его противникомъ, самъ громогласно возвѣстилъ, что нельзя не только опровергнуть, но даже сколько-нибудь измѣнить системы этого великаго государственнаго человѣка. Всѣ въ Англіи съ нетерпѣніемъ ожидали финансоваго плана новаго канцлера казначейства. Припоминая отзывы партіи тори, когда она была оппозиціонною, ожидали, что она, взявъ власть въ свои руки, произведетъ важныя измѣненія. Теперь изъ рѣчи г. д'Израели оказывается, что финансовая политика послѣднихъ десяти лѣтъ оправдана вполнѣ. Система протекціонистовъ, какъ тори понимали ее и защищали, рѣшительно прекратилась въ Англіи. Защитники ея сами, предъ лицомъ парламента, возвѣстили объ этой кончинѣ. Они знаютъ, что при первой попыткѣ ихъ возвратиться къ этой системѣ, они будутъ низвергнуты, и со дня вступленія ихъ въ управленіе, они всякій день стараются успокоить умы по этому вопросу, объявляя, что никакъ не будутъ вводить тѣхъ мѣръ, которыя защищали въ оппозиціи, и стараясь тѣмъ отклонить грозу, которая разразилась бы надъ ними при малѣйшемъ подозрѣніи въ противномъ. Рѣчь г. д'Израэли составляетъ вѣрнѣйшій документъ въ этомъ отношеніи.

1-го мая, въ засѣданіи ниж. пал., продолжавшемся до ночи, г. д'Израели представилъ свой финансовый планъ, объяснивъ притомъ, что прошлогодняя политика кабинета не даетъ ему права на введеніе ввозной пошлины. Онъ предложилъ оставить пошлину съ доходовъ и имуществъ еще на одинъ годъ. Оппозиція удовлетворена была этими объясненіями, и предложеніе было принято.

Вопросъ о сохраненіи кристальнаго дворца обсуждаемъ былъ въ засѣданіи ниж. пал., по предложенію г. Гейвуда, требовавшаго назначенія слѣдственной по сему предмету коммиссіи. Большинствомъ 221 пр. 103 гол. рѣшено не назначать коммиссіи. Главною причиною къ сломкѣ дворца объявлено было то, что еслибъ онъ предполагался быть постояннымъ, его никогда не построили бы на нынѣшнемъ мѣстѣ. Вслѣдствіе сего рѣшенія, зданіе тотчасъ же было продано частнымъ лицамъ за 70,000 ф. ст. Сломка началась 1-го мая, въ день прошлогодняго открытія всемірной выставки.

4-го мая, Шефтсбюри объявилъ въ верх. пал., что гигіе-

ническое состояніе города Лондона довольно неблагопріятно, и требуетъ посредничества правительства.

Можетъ-быть, сказалъ онъ, слишкомъ пугаютъ насъ погребеніемъ мертвыхъ тѣлъ среди столицы, застоемъ гніющихъ водъ и недостаткомъ воздуха въ нѣкоторыхъ кварталахъ, но все-таки я предлагаю учредить, отъ имени правительства, агентство для совершенія всѣхъ погребеній и снабженія столицы водою. Я желалъ бы, чтобъ управленіе города было сосредоточено.

Въ отвѣтѣ л. Шефтсбюри, графъ Дерби призналъ его показанія справедливыми. Это было сдѣлано для того, чтобъ не придать имъ слишкомъ большой важности, и пріискать дѣйствительнѣйшія мѣры къ отвращенію зла. Л. Шефтсбюри, какъ кажется, хотѣлъ дать кабинету какое-нибудь занятіе и прекратить его бездѣйствіе. Л. Гароби замѣтилъ, что жители города должны оберегать себя сами. Слѣдственно, публика должна принять во вниманіе и опасность нынѣшнихъ дѣйствительныхъ злоупотребленій, и неудобство центральнаго управленія.

Засѣданіе ниж. пал. 11-го мая было продолжительное и занимательное. Г. Спунеръ требовалъ назначенія особенной коммиссіи, для изслѣдованія системы воспитанія въ католическомъ мейнутскомъ училищѣ (въ Ирландіи). Это было косвеннымъ средствомъ, избраннымъ правительствомъ для объявленія своихъ намѣреній касательно пособія, дарованнаго этому заведенію министерствомъ с. Роберта Пиля въ 1848 г. Въ этомъ засѣданіи только г. Вальполь говорилъ отъ имени кабинета. Онъ сказалъ, что пособіе это имѣло цѣлію воспитать честныхъ и благопріятныхъ членовъ католическаго духовенства, споспѣшествовать ихъ образованію и разрушить враждебный союзъ, составившійся въ Ирландіи противу правительства; что ни одной изъ этихъ цѣлей правительство не достигло; что Англія имѣетъ право жаловаться на это, и что должно предписать изслѣдованіе сего дѣла. Г. Енсти сказалъ еще болѣе: онъ предложилъ прекратить производство пособія. Ирландскіе депутаты, разумѣется, оспаривали это предложеніе, равнокакъ гг. Граттанъ, Юмъ и лордъ Пальмерстонъ.

Такимъ-образомъ министерство претерпѣваетъ пораженія, которыя, конечно, не повлекутъ за собою его паденія, но принудятъ его, какъ можно скорѣе, распустить парламентъ.

Л. Дж. Россель взялъ назадъ, въ ниж. пал., предложеніе свое о парламентской присягѣ. Это отступленіе приписываютъ тому, что въ собраніи, бывшемъ у г. Ротшильда, рѣшено не предлагать л. Росселя въ депутаты Сити.

Въ засѣданіи ниж. пал., 17-го мая, герцогъ Аргайль предложилъ министрамъ запросъ о приговореніи къ смерти г. Муррея въ Римѣ. Графъ Мальмесбюри отвѣчалъ, что при самомъ вступленіи своемъ въ министерство узналъ онъ, что Муррей, схваченный по обвиненію въ сообщничествѣ съ бандитами, будетъ преданъ суду, и написалъ тогда же англійскому консулу г. Фриборну о требованіи правильнаго и гласнаго суда. Симъ дѣло и кончилось. Герцогъ Аргайль прибавилъ только, что если Муррей тридцать мѣсяцевъ просидѣлъ въ тюрьмѣ безъ всякаго суда, то это была вина предшествовавшаго министерства.

Въ Times напечатаны слѣдующія двѣ статьи:

«Если сравнить нынѣшнее состояніе пауперизма съ тѣмъ, что было прежде, то нельзя не сказать, что мы сдѣлали большіе успѣхи въ этомъ отношеніи. Теперь въ Англіи есть убѣжища для бѣдныхъ, рабочіе домы для бѣдныхъ, кухни для бѣдныхъ. Но свойство пауперизма таково, что всѣ средства, употребляемыя для искорененія его, всегда будутъ недостаточны. Какъ же не подумать объ Австраліи, въ которой есть то, чего недостаетъ Англіи, именно работы, между-тѣмъ, какъ въ Англіи слишкомъ много того, чего мало Австраліи,—людей? Зачѣмъ въ Лондонѣ кормить безплатно десять тысячъ человѣкъ, когда эти люди были бы приняты въ Сиднеѣ съ распростертыми объятіями? Эмиграція, конечно, имѣетъ свою дурную сторону; но въ Австраліи англійскіе нравы, англійское законодательство, Австралія—новая Англія. Между-тѣмъ, можно подумать, будто Австралія не существуетъ, будто она принадлежитъ не Англіи, а Японіи,—такъ объ ней мало думаютъ. Содержаніе бѣднаго семейства въ Лондонѣ стоитъ не менѣе того, во что бы обошлась перевозка его въ Австралію. Станемъ надѣяться, что правительство приблизитъ, наконецъ, Сидней къ Ливерпулю. Остальное сдѣлается само-собою.»

«Всѣ новѣйшія открытія наукъ слѣдовало бы предоставить въ распоряженіе нашей индѣйской арміи, если мы не хотимъ платить каждые четыре года или пять лѣтъ страшную цѣну за пользу или честь, которыя будто-бы приносятъ намъ наши индѣйскія владѣнія. Войска, погибающія

посреди лѣсовъ южной Африки, цѣлыя гекатомбы британской инфантеріи, которыя будутъ принесены въ жертву войнѣ на берегахъ Ирравадди или предъ укрѣпленіями между Рангуномъ и Авою,—вотъ штрафъ, который мы должны будемъ заплатить за предразсудки и безразсудность нашей военной администраціи. Недавно случилось происшествіе, которое доказываетъ справедливость нашихъ словъ. Въ Верхней Индіи былъ небольшой фортъ, занятый англійскими солдатами, которые были вооружены ружьями съ пистонами. Туземныя племена собирались въ окрестностяхъ форта, дѣлали насмѣшливыя демонстраціи и убивали всякаго солдата, который показывался изъ-за стѣнъ. Ихъ аркебузы брали далѣе, чѣмъ наши пистонныя ружья. Слѣдствіемъ этого было то, что мы не только лишились многихъ людей, но что сверхъ-того могущество англійскаго войска подверглось презрѣнію. Къ-счастію, нашелся одинъ офицеръ, у котораго было порядочное ружье. Съ этимъ однимъ ружьемъ онъ перестрѣлялъ множество Морнандовъ, всякой разъ, какъ они появлялись, и возстановилъ честь британскаго имени. Что-жъ было бы, если бы каждому солдату дать ружье, которое брало бы такъ же далеко, какъ ружье этого офицера.

«Въ Пруссіи молодой мальчикъ, взятый изъ-за прилавка или плуга, тотчасъ получаетъ ружье, которое ставитъ его наряду со всякимъ солдатомъ непріятельской арміи, наилучшимъ-образомъ вооруженнымъ. А мы, имѣя въ Азіи имперію, сохраненіе которой зависитъ единственно отъ усилій и успѣховъ нашихъ войскъ, посылаемъ ихъ на поле битвы съ вооруженіемъ, которое въ-началѣ нынѣшняго столѣтія показалось бы невозможнымъ. Посреди болотъ Ирравадди у нашихъ солдатъ ружья съ кремнями! Отчего бы ужъ не дать имъ луки, стрѣлы и пращи; отчего не взять изъ лондонской башни старинные трофеи испанской армады? Эти оружія были бы также полезны, но гораздо живописнѣе. Они производили бы большое дѣйствіе, если не на ряды, то, по-крайней-мѣрѣ, на воображеніе непріятелей».

Въ другой газетѣ напечатано:

«Никто не станетъ отрицать, что со времени составленія новаго кабинета и порученія министерства иностранныхъ дѣлъ графу Мальмесбюри, наши сношенія съ иностранными державами приняли несравненно болѣе благопріятный оборотъ. Мы съ самаго начала говорили, что одна изъ глав-

ныхъ выгодъ назначенія кабинета графа Дерби будетъ состоять въ твердости, съ которою онъ будетъ разсматривать (и дѣйствительно разсматриваетъ) важные вопросы нашей иностранной политики. Этимъ результатомъ мы обязаны нестолько принятію новыхъ правилъ, какъ личному вліянію новыхъ министровъ.

«При прежнемъ министерствѣ сношенія Англіи съ иностранными державами приняли характеръ недовѣрчивости, которая вскорѣ превратилась бы въ непріязнь.

«Этотъ характеръ совершенно исчезъ, какъ-скоро новые министры вступили въ управленіе дѣлами. Стоитъ только напомнить послѣднюю рѣчь графа Мальмесбюри и депеши, обмѣненныя съ Австріею, Пруссіею, Франціею и другими державами по вопросу о политическихъ выходцахъ, чтобы доказать, что возстановленіе дружескихъ отношеній съ этими великими державами, столь необходимыхъ для сохраненія всеобщаго мира, произведено безъ малѣйшаго пожертвованія со стороны Англіи какими-либо основными началами нашей политики. Съ другой стороны, договоры, на которыхъ основывается нынѣшняя система европейскихъ государствъ, снова утверждена тѣмъ, что въ управленіе дѣлами вступили люди, которые, какъ всѣмъ извѣстно, не допустятъ ни малѣйшаго нарушенія этихъ договоровъ, могущаго повлечь за собою разстройство европейскаго равновѣсія».

Въ-заключеніе статьи сказано:

«Назначеніе графа Буоля Шауэнштейна австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ есть обстоятельство весьма счастливое для насъ. Графъ Буоль совершенно ознакомился съ англійскими законами и мнѣніями; онъ находился ежедневно въ дружескихъ сношеніяхъ съ членами нынѣшняго кабинета, и это обстоятельство, конечно, весьма благопріятное для сохраненія мира въ Европѣ».

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нынѣшняго времени есть возобновленіе хартіи остъ-индской компаніи. Слѣдственная коммиссія, назначенная вер. пал., уже приступила къ своимъ дѣйствіямъ. ниж. пал. положила назначить коммиссію. Въ-теченіе пятидесяти лѣтъ хартія остъ-индской компаніи была возобновляема только два раза, въ 1818 и въ 1838 г. При первомъ возобновленіи, торговля Индіи была открыта для частныхъ предпріятій, между-тѣмъ, какъ прежде эта торговля и вообще индѣйскія владѣнія находились

исключительно подъ властію компаніи. Монополія предоставлена была ей только въ сношеніяхъ съ Китаемъ. Въ 1833 г. и эта привиллегія, въ свою очередь, исчезла, и торговый характеръ остъ-индской компаніи былъ почти совсѣмъ уничтоженъ. Этому могущественному сословію дозволено было заниматься торговыми дѣлами только для окончанія тѣхъ, которыя уже были начаты. Товары, конторы, магазины, купеческія суда, принадлежащіе компаніи, были проданы и такимъ-образомъ уничтожено было коммерческое общество, существовавшее двѣсти-тридцать-два года и учрежденное въ 1631 г. королевою Елизаветою, подъ предсѣдательствомъ графа Кумберланда. По актомъ 1833 г. компаніи сохранена была и политическая власть, и послѣднія двадцать лѣтъ она этимъ ограничивалась. Коммиссія должна будетъ разсмотрѣть, увѣнчались ли успѣхомъ усилія, дѣланныя въ прошлое время, и что надобно предпринять на будущее время. Въ этомъ отношеніи существуютъ двѣ партіи. Одна, вмѣстѣ съ г. Энсти, охуждаетъ систему, которой правительство слѣдовало съ 1833 г.; другіе, и они составляютъ большинство, утверждаютъ, что Индійцы счастливѣйшій народъ въ мірѣ. Это послѣднее мнѣніе, вѣроятно, и превозможетъ, и хартія остъ-индской компаніи, безъ-сомнѣнія, будетъ возобновлена на основаніяхъ, принятыхъ въ 1833 году.

Директоры англійскаго банка положили понизить учетъ коммерческихъ векселей съ 2 на 2% процента. Это доказываетъ несправедливость мнѣнія, будто-бы деньги сдѣлались дороже. Въ Ломбардъ-стритѣ съ самыхъ надежныхъ векселей требовали $1^{3}/_{4}$ и 2%. Ссуды подъ публичныя облигаціи производились 1% до-тѣхъ-поръ, пока эта перемѣна, постановленная банкомъ, не была извѣстна.

Постановленіе это можетъ показаться событіемъ весьма важнымъ; и дѣйствительно, оно обличаетъ въ этомъ учрежденіи кризисъ не безъ соотношенія къ монетнымъ дѣламъ страны. Однакожъ ненадобно думать, чтобы въ другихъ мѣстахъ нельзя было учитать векселя дешевле, чѣмъ за 2 процента. Еще недавно главные негоціанты производили учетъ по $1^{1}/_{2}$ % на годъ. Многіе полагали, что такъ-какъ въ Австралію отправлено много совереней, въ обмѣнъ на золото, то въ цѣнности монетъ послѣдуетъ вскорѣ сильное пониженіе, такъ же какъ въ цѣнности золота и серебра. Между-тѣмъ, ввозъ золота продолжался безпрерывно и былъ довольно значителенъ для того, чтобы убѣдить благоразум-

ныхъ людей, что съ этой стороны банку ожидать нечего. Легко можетъ случиться, что металлическій резервъ банка навремя уменьшится; но это еще не доказываетъ, чтобы ввозъ золота всегда превосходилъ количество вывезенной монеты, какъ бы оно значительно ни было.

Англійскій королевскій пароходъ «Конфликтъ» прибылъ 5-го апрѣля въ Квинстоунъ; на немъ находились генералъ Розасъ, семейство его и свита. На переѣздѣ случилось несчастное происшествіе: лопнулъ котелъ, и убилъ четырехъ человѣкъ. На этомъ же пароходѣ привезены дополнительныя извѣстія о событіяхъ въ Лаплатѣ. Во всѣхъ частныхъ письмахъ хвалятъ умѣренность генерала Уркисы послѣ побѣды. Правда, что онъ сдѣлалъ сперва исключенія изъ всепрощенія, но потомъ эти исключенія были отмѣнены. Послѣ сраженія при Санто-Лугаресѣ, городъ Буеносъ-Айресъ былъ нѣсколько часовъ въ величайшемъ волненіи. Солдаты побѣжденной арміи предавались своеволію и грозили городу грабежемъ, но жители его успѣли составить милицію, и вспомоществуемые войсками Уркисы, наказали многихъ злодѣевъ. Экипажи двухъ французскихъ военныхъ судовъ сдѣлали высадку, и содѣйствовали къ возстановленію порядка. Полагаютъ, что разстрѣляно до трехъ-сотъ грабителей. Французскіе солдаты охраняли банкъ, таможню и разныя депо.

Генералъ Розасъ, съ семействомъ прибылъ въ Плимутъ и былъ принятъ коммодоромъ Сеймуромъ. Остановился онъ въ Девонпортѣ, въ Hôtel-Royal, гдѣ его посѣтили адмиралъ порта, сиръ Джонъ Оммани, и другіе высшіе сановники; начальникъ войскъ Дж. Рольтъ, не могъ пріѣхать по причинѣ болѣзни. Розасъ здоровъ и не упалъ духомъ; ему отъ роду 60-й годъ. Онъ намѣренъ поселиться въ окрестностяхъ Плимута. По извѣстію же изъ Лондона, отъ 28-го апрѣля, Розасъ, съ обѣими дочерьми своими, доннами Мануэлою и Мерседесъ, обоими сыновьями, донъ-Жуаномъ и донъ-Жуанъ-Мануэлемъ, двумя служителями, однимъ бригаднымъ генераломъ, тремя полковниками, трубачомъ и слугами прибылъ, 27-го апрѣля, изъ Фальмута въ Девонпортъ. Когда пароходъ бросилъ якорь, таможенные чиновники явились къ Розасу, и объявили ему, что получили предписаніе лордовъ казначейства пропустить безпошлинно всѣ его пожитки. Это вниманіе англійскаго правительства было очень пріятно бывшему диктатору.

Эмиграція въ Англіи доходитъ до колоссальныхъ размѣровъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ изъ одного ливерпульскаго порта отправилось 20,460 эмигрантовъ. На перевозку ихъ употребляется 54 корабля, и цѣны за перевозку чрезвычайно возвысились. Въ январѣ нынѣшняго года число эмигрантовъ простиралось до 7,749, въ февралѣ до 11,849. Въ-теченіе 1851 года общее число эмигрантовъ доходило до 196,890, и на перевозку ихъ употребилось 606 кораблей; въ 1850 было 166,090 эмигрантовъ и 568 кораблей; въ 1849 году 147,776 эмигрантовъ—565 кораблей. Въ 1848 году 125,504 эмигранта и 519 кораблей.

Нѣсколько сотъ англійскихъ опицеровъ просились на прошедшей недѣлѣ въ отпускъ, желая быть на церемоніи раздачи орловъ въ Парижѣ. Герцогъ Веллингтонъ отвѣчалъ, что не препятствуетъ сей поѣздкѣ, но начальство желало бы, чтобъ офицеры были на этомъ торжествѣ не въ мундирахъ, дабы присутствіе ихъ на праздникѣ не имѣло ничего политическаго.

Маркизъ Лансдоунъ, старый другъ и благодѣтель Томаса Мура, сынъ его, лордъ Шельбурнъ, ученикъ Мура, и книгопродавцы Моррей и Лонгманъ составили комитетъ для сооруженія въ Дублинѣ памятника умершему поэту.

Совѣтъ общества художествъ подалъ просьбу лордамъ казначейства о безпошлинномъ привозѣ въ Англію всѣхъ иностранныхъ книгъ, напечатанныхъ не на англійскомъ языкѣ.

Германія.

Вѣнскія конференціи кончились; начинаются конференціи берлинскія, а между-тѣмъ, въ Дармштадтѣ происходили еще министерскія конференціи о томъ же предметѣ. Нѣмцы вообще охотники подумать, поразсудить и часто дѣлаютъ въ нѣсколько пріемовъ то, что можно бы сдѣлать сразу. Какъ бы то ни было, вотъ краткое обозрѣніе всѣхъ этихъ совѣщаній, довольно важныхъ, не только для Германіи, но и для смежныхъ съ нею странъ.

Въ Вѣнѣ, Баварія, Саксонія, Виртембергъ, Баденъ, оба Гессена и Нассау приготовили, вмѣстѣ съ Австріею, про-

екты торговаго и таможеннаго договоровъ между Австріею и Таможеннымъ Союзомъ. Срокъ послѣдняго кончается въ январѣ 1854 г. и Пруссія, послѣ ратификаціи своего договора съ Ганновером, отъ 7-го сентября 1851 г., объявила о прекращеніи Таможеннаго Союза по истеченіи срока; но, по ея словамъ, сдѣлано это только для формы. Правительства, которыхъ уполномоченные подписали окончательный протоколъ вѣнскихъ конференцій, обязались принять эти договоры, если Пруссія согласится на то безъ всякихъ условій—чего, конечно, не будетъ,—или поддерживать всѣми силами начала этихъ договоровъ, если Пруссія и другія государства Таможеннаго Союза не согласятся принять ихъ вполнѣ. На вѣнскихъ конференціяхъ составлено два проекта договоровъ; одинъ изъ нихъ, коммерческій и таможенный договоръ между Австріею и Таможеннымъ Союзомъ, долженъ вступить въ свою силу 1-го января 1853 г. и служить приготовленіемъ къ другому договору о соединеніи, съ 1-го января 1859 г., австрійскихъ таможенъ съ таможнями Союза.

Пруссія отказалась отправить уполномоченнаго на вѣнскія конференціи. Ганноверъ отправилъ туда своего уполномоченнаго, но онъ отказался подписать окончательный протоколъ и принять на себя какое-либо обязательство, потому-что Ганноверъ связанъ своимъ договоромъ съ Пруссіею. Это замѣчаніе совершенно справедливо, но какъ оно было неменѣе справедливо и до вѣнскихъ конференцій, то спрашивается: зачѣмъ же Ганноверъ посылалъ въ Вѣну своего уполномоченнаго. Брауншвейгъ и Франкфуртъ, не принимая на себя никакого формальнаго обязательства, объявили, что они будутъ поддерживать въ Берлинѣ Австро-Германскій Союзъ. Ганзеатическіе города и Ольденбургъ изъявили свое расположеніе къ этому Союзу, но не сказали ничего рѣшительнаго; небольшія тюрингенскія владѣнія не принимали участія въ конференціи.

Берлинскій кабинетъ созвалъ уполномоченныхъ государствъ, входящихъ въ составъ Таможеннаго Союза, для совѣщанія о преобразованіи этого Союза на основаніяхъ договоровъ, заключенныхъ съ Ганновером и Ольденбургомъ и заключенныхъ притомъ безъ согласія другихъ членовъ Союза. Баварія, Саксонія, Виртембергъ, оба Гессена, Баденъ, Нассау соглашаются участвовать въ этихъ конференціяхъ вмѣстѣ съ представителями Ганновера и Ольденбурга,

но хотятъ, чтобы вопросъ о присоединеніи Австріи къ Союзу былъ подвергнутъ разсмотрѣнію вмѣстѣ съ вопросомъ о преобразованіи его. Пруссія, напротивъ-того, настаиваетъ на своемъ: она хочетъ, чтобы прежде всего рѣшено было дѣло о преобразованіи Союза, а потомъ уже приступлено къ совѣщаніямъ о присоединеніи къ нему Австріи, и весьма вѣроятно, что она прервала бы всѣ переговоры, еслибы другіе члены Союза потребовали допущенія на конференціи австрійскаго уполномоченнаго. Предвидя это, и не рѣшаясь принять на себя отвѣтственность за разстройство Таможеннаго Союза, центральныя государства, какъ кажется, согласились между-собою въ Дармштадтѣ уступить въ этомъ отношеніи Пруссіи. Но это не подвинетъ дѣла ея впередъ, потому-что при разсмотрѣніи каждой статьи союзнаго договора и самаго тарифа, Баварія, Саксонія, Виртембергъ и другія государства, будутъ, по всей вѣроятности, предлагать измѣненія, постановленныя въ Вѣнѣ. Всѣ они, на совѣщаніи, происходившемъ въ Дармштадтѣ, рѣшились не утверждать результатовъ берлинскихъ совѣщаній, пока не будутъ совершенно увѣрены, что Пруссія вмѣстѣ съ ними заключитъ съ Австріею коммерческій и таможенный договоръ, служащій приготовленіемъ къ соединенію въ-послѣдствіи времени обѣихъ таможенныхъ линій, на основаніи постановленій, принятыхъ въ Вѣнѣ.

Апрѣля 22-го было второе полное засѣданіе таможеннаго конгресса. Баварскій уполномоченный представилъ записку, въ которой содержатся рѣшенія, принятыя въ Вѣнѣ, и выразилъ желаніе, чтобы при открывающихся совѣщаніяхъ они, по возможности, были приняты въ соображеніе и чтобы не было постановлено никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, пока съ Австріею не будетъ заключено соглашенія, основаннаго на этихъ рѣшеніяхъ. Впрочемъ баварскій уполномоченный не сдѣлалъ никакого формальнаго предложенія, которое могло бы подать поводъ къ собиранію голосовъ. Виртембергскій уполномоченный также присутствовалъ въ

этомъ засѣданіи. Протоколы засѣданія положено издавать во всеобщее свѣдѣніе.

1-го мая происходило третье засѣданіе таможеннаго конгресса, который занимался опять прусско-ганноверскимъ договоромъ 7-го сентября.

Ганноверъ, Ольденбургъ и Бременъ отказались управлять, отъ имени Германскаго Союза, мѣрами, необходимыми для уничтоженія, такъ-называемаго, германскаго флота. Главныя суда будутъ проданы не иначе какъ Нѣмцамъ.

По этому случаю журналы сообщаютъ наименованіе составляющихъ его судовъ, съ назначеніемъ ихъ цѣнности. Всѣ они стоютъ до 4,161,500 флориновъ, считая въ томъ числѣ корабли Barbarossa и Eckernförde, которые уже переданы Пруссіи. 100,000 талеровъ, уплаченные Пруссіею въ счетъ слѣдующей за нихъ суммы, уже издержаны, такъ-что теперь Германскій Сеймъ долженъ пріискивать новыя средства для содержанія своего флота.

Военная коммиссія представила свой докладъ о дальнѣйшихъ мѣрахъ для уничтоженія германскаго флота, и Германскій Сеймъ занимался разсмотрѣніемъ этого доклада. Коммиссаръ, г. Фишеръ, отправился въ Бременъ. Суда будутъ проданы съ публичнаго торга, а въ-случаѣ нужды и безъ того. Сверхъ-того, отъ военной коммиссіи зависитъ продать въ иныхъ случаяхъ эти суда съ полнымъ вооруженіемъ, какъ военные корабли. Наконецъ, чтобы имѣть основаніе для производства торговъ, морская коммиссія сдѣлала переоцѣнку судовъ, и теперь всѣ они оцѣнены въ 3,121,765 флориновъ.

Мюнхенъ. 2-го апрѣля, Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій прибылъ сюда изъ Венеціи, въ 6 часовъ пополудни.

Карлсруэ. По кончинѣ великаго Герцога Леопольда, второй сынъ его, Принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ-Людвигъ, обнародовалъ слѣдующую прокламацію, которою онъ принимаетъ на себя управленіе государствомъ:

«Мы, Фридрихъ, Божіею милостію, Принцъ и правитель Баденскій, Герцогъ Цюрингенскій, и проч.

«Сегодня, въ-половинѣ седьмаго утромъ, Всевышнему угодно было отозвать изъ сего міра Свѣтлѣйшаго Принца и Государя Леопольда, Великаго Герцога Баденскаго и проч. Скорбь, возбужденная его кончиною, усиливается еще тѣлеснымъ и душевнымъ недугомъ Е. К. В. Людвига, нынѣ царствующаго великаго Герцога Баденскаго, которая по единогласному рѣшенію ея свѣтлости нашей родительницы и агнатовъ нашего дома, поставляетъ его въ невозможность принять бразды правленія, къ которому призываютъ его законы нашего дома и нашей страны, и пещись объ исполненіи проистекающихъ изъ того обязанностей. Вслѣдствіе сего, на основаніи нашего права и долга, мы приняли на себя управленіе великимъ герцогствомъ со всѣми правами и преимуществами владѣтельныхъ особъ, и будемъ исполнять обязанности этого сана, вмѣсто нашего нѣжно-любимаго брата, до-тѣхъ-поръ, когда Божественному Провидѣнію благоугодно будетъ избавить его отъ страданій. Мы никогда не измѣнимъ нашей вѣрности къ Великому Герцогу, ожидаемъ такой же вѣрности отъ нашихъ подданныхъ и приглашаемъ ихъ засвидѣтельствовать оную присягою. Взамѣнъ сего обѣщаемъ поддержать уложеніе великаго герцогства, и содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, возрастанію благоденствія государства».

Подпис. «Фридрихъ».

«По высочайшему повелѣнію Е. К. В.

«Карлсруэ, 24 апрѣля 1852».

Войска, составляющія гарнизонъ Карлсруэ, присягали, 25-го числа, въ вѣрности Принцу Фридриху.

Перемѣна, происшедшая въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ, весьма важна. Нынѣшній Великій Герцогъ Людовикъ II, родившійся 15-го августа 1824 года, нѣсколько лѣтъ уже одержимъ жестокою болѣзнію, впервые обнаружившеюся во-время путешествія его по Италіи, и ослабившею какъ тѣлесныя, такъ и умственныя его силы. Болѣзнь состоитъ въ поврежденіи спиннаго мозга. Цѣлыя недѣли и мѣсяцы пользуется онъ наилучшимъ здоровьемъ, и вдругъ подвергается страннымъ видѣніямъ, отъ которыхъ впадаетъ въ безпамятство. Очнувшись, онъ не помнитъ ничего, что̀ съ нимъ случилось. Принцъ Фридрихъ, принявшій бразды правленія, родился 9-го сентября 1826 года. Полагаютъ, что при немъ партія монархическая пріобрѣтетъ большое вліяніе, и что званіе президента совѣта, можетъ-быть, ввѣрено будетъ барону Андлаву, предводителю этой партіи, враждебному парламентской системѣ управленія.

Бременъ. 15-го апрѣля отправилось отсюда не менѣе 6,000 эмигрантовъ; многіе удивляются, что переселеніе изъ Германіи безпрерывно усиливается. Одна изъ причинъ этого состоитъ въ томъ, что водвореніе переселившихся въ новомъ-свѣтѣ облегчается. Частная промышленость въ этомъ отношеніи поступаетъ разсчетисто и придумываетъ замѣчательные способы. Такъ, напримѣръ, въ Америкѣ приготовляютъ фермы, разной величины, для продажи ихъ Европейцамъ, которые туда переселяются. Ихъ продаютъ совсѣмъ готовыя, снабженныя всѣмъ нужнымъ, съ воздѣланными полями, съ скотомъ, съ запасами въ амбарахъ, съ земледѣльческими орудіями, мебелями и проч. Такія фермы бываютъ отъ сорока до пятисотъ экровъ и стоютъ отъ четырехъ до двадцати-пяти долларовъ за экръ, смотря по величинѣ строеній, качеству земли и проч. Подобныя фермы нерѣдко покупаются заочно, черезъ знакомыхъ, такъ-что семейству, переселившемуся въ Америку, сто́итъ только приняться за работу;

оно находитъ уже готовое заведеніе, достаточное для того, чтобы вполнѣ обезпечить его существованіе.

Пруссія.

7-го мая Ея Величество изволила ночевать въ Бреславлѣ, куда выѣхалъ къ ней навстрѣчу Принцъ Прусскій, и обѣдать въ Кольфуртѣ. Въ семь часовъ вечера Государыня Императрица изволила прибыть въ особенномъ поѣздѣ къ Берлину и по соединительной дорогѣ на потсдамскую желѣзную дорогу, гдѣ ожидали Ихъ министры, генералы и высшіе сановники для привѣтствованія Государыни Императрицы, и гдѣ Король представлялъ Ея Величеству министровъ своихъ, изъ которыхъ президентъ совѣта, г. Мантейфель, послѣдовалъ за Ихъ Величествами въ Потсдамъ.

Отъ крайнихъ домовъ Берлина до противоположности города, вся дорога наполнена была несмѣтною толпою, сопровождавшею Государыню Императрицу радостными кликами, которые смѣшивались со звуками военной музыки. Женщины усыпали путь цвѣтами; мужчины бросали на воздухъ шляпы. На многихъ окнахъ выставлены были портреты покойнаго Короля Фридриха-Вильгельма III, обвитые цвѣтами. Словомъ, нельзя представить себѣ ничего восторженнѣе пріема, сдѣланнаго Государынѣ Императрицѣ жителями Берлина. На станціи въ Потсдамѣ, Ея Величество была встрѣчена Принцами и Принцессами Королевскаго Прусскаго Дома, а также Нидерландскою Принцессою Фридерикою. Выраженія восторга, оказанныя въ Берлинѣ, повторились и въ Потсдамѣ. Народъ проводилъ Ея Величество до дворца, и долго оставался на площади, въ надеждѣ увидѣть Государыню Императрицу. Но Ея Величество, утомившись путешествіемъ, отправилась въ свои аппартамен-

ты. Вчера утромъ, на площади передъ окнами Государыни Императрицы, происходилъ парадъ перваго гвардейскаго полка и баталіона гвардейскихъ егерей. Ея Величество необыкновенно скоро отдохнула отъ утомительнаго путешествія, которое нисколько не повредило Ея здоровью. На другой день Государыня изволила прогуливаться въ каретѣ до Санъ-Суси.

— Засѣданія палатъ были снова открыты 19-го числа. первая палата занималась въ этотъ день разсматриваніемъ прошеній; во второй министръ торговли представилъ проектъ закона о налогѣ на желѣзныя дороги; потомъ палата занималась, между прочимъ, предложеніемъ депутата Рейтера о пониженіи совершеннолѣтія, которое было отвергнуто; отрѣшеніемъ депутата Гордкарта за нарушеніе закона о тисненіи; наконецъ договоромъ, заключеннымъ, 27-го января, съ Ганновером, по предмету предполагаемыхъ къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ.

Вторая палата, въ засѣданіи своемъ 23-го апрѣля, приступила къ разсмотрѣнію предложенія своей коммиссіи, касательно закона о пошлинѣ на журналы. Коммиссаръ правительства, г. Куель, въ длинной рѣчи защищалъ этотъ проектъ во всѣхъ его частяхъ, и, между-прочимъ, замѣтилъ, что въ Англіи, Швеціи и Голландіи журналы также обложены пошлиною, съ тою только разницею, что тамъ она соразмѣряется съ количествомъ листовъ, а не съ величиною ихъ, и что сверхъ-того въ Англіи журналы несутъ тройную пошлину, потому-что, кромѣ штемпельной, на нихъ падаетъ также пошлина на бумагу и съ объявленій, такъ-что газета Times одна уплатила въ 1849 году до 640,000 талеровъ. Результатомъ преній было то, что одна часть заключенія коммиссіи, въ пользу которой объявилъ себя наканунѣ президентъ совѣта, г. Фонъ-Мантейфель, принята 153 гол. пр. 113.

Въ засѣданіи 24-го апрѣля вторая палата приняла, между-прочимъ, предложеніе депутата Крійса о пониженіи на $25\frac{0}{0}$ съ подписной цѣны пошлины, которою должны быть обложены иностранные журналы.

28-го апрѣля, министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ новый проектъ закона, слѣдующаго содержанія: «Мы, Фридрихъ-Вильгельмъ, и проч., повелѣваемъ, съ согласія палатъ, слѣдующее: Ст. 1. Статьи 65—68 Уложенія 31-го января 1850 года, съ 7-го августа 1852 отмѣняются. Ст. 2) Съ этого времени первая палата имѣетъ быть составлена на основаніи королевскихъ повелѣній. Проектъ переданъ той же коммиссіи, которая занималась прежде этимъ предметомъ. Въ то же самое время, г. фонъ-Мантейфель представилъ этотъ проектъ закона второй палатѣ, которая и назначила для разсмотрѣнія его коммиссію изъ двадцати одного члена. Потомъ, перейдя къ своимъ очереднымъ дѣламъ, палата занималась еще общими преніями о проектѣ наказаній за проступки.

30-го апрѣля вторая палата разсматривала и приняла законъ о почтахъ. Потомъ президентъ объявилъ, что для разсмотрѣнія королевскаго посланія касательно состава первой палаты назначена коммиссія подъ предсѣдательствомъ г. Бодельшвинга.

19-го апрѣля происходило открытіе таможенныхъ конференцій, въ присутствіи президента совѣта г. Мантейфеля, министровъ коммерціи и финансовъ. Присутствовали уполномоченные Пруссіи, Саксоніи, Баваріи, Ганновера, обоихъ Гессенскихъ владѣній, Великаго Герцогства Саксонскаго, Тюрингенскихъ и Брауншвейгскихъ областей. Ольденбургскій уполномоченный не являлся по причинѣ болѣзни. Виртембергскаго, баденскаго, нассаускаго и франкфуртскаго ожидали. Г. Мантейфель открылъ конгресъ приличною рѣчью, по извѣстной уже программѣ, а баварскій уполномоченный отвѣчалъ, что правительство его искренно желаетъ сохраненія таможеннаго союза и распространенія его не только къ сѣверу, но и въ видахъ согла-

шенія съ Австріею, для заключенія одного общаго таможеннаго и коммерческаго трактата. Баварское правительство (прибавилъ уполномоченный) надѣется, что переговоры, производимые съ сею цѣлію, приведутъ къ удовлетворительному результату, и будетъ съ своей стороны стараться о содѣйствіи къ сей цѣли. По предложенію баварскаго уполномоченнаго, избранъ президентомъ конференціи прусскій коммиссаръ, директоръ главнаго управленія податей, г. Поммеръ-Эше.

Весьма вѣроятно, что таможенный конгресъ протянется долгое время: по-крайнѣй-мѣрѣ правительства, участвовавшія въ дармштатскихъ конференціяхъ, предписали своимъ уполномоченнымъ не принимать на себя никакихъ рѣшительныхъ обязательствъ ни съ одной стороны, ни съ другой. Эти правительства хотятъ такимъ образомъ выиграть время и объявить свои рѣшительныя намѣренія на счетъ таможеннаго союза только тогда, когда приблизится срокъ его существованія, если только какія-нибудь важныя обстоятельства не принудятъ ихъ поступить иначе.

Офицеры прусской арміи, достигшіе шестидесяти лѣтъ не будутъ впредь производимы въ слѣдующіе чины. Изъ этого правила министерство не будетъ исключать и самыхъ отличныхъ офицеровъ, а взамѣнъ производства будутъ награждать ихъ высшею степенью орденовъ.

Австрія.

14-го апрѣля министры и члены государственнаго совѣта были неожиданно потребованы къ Императору. Е. В. произнесъ имъ Императоръ рѣчь. Съ видимымъ душевнымъ волненіемъ изложилъ имъ всѣ услуги, оказанныя покойнымъ княземъ Шварценбергомъ, и твердость, съ какою онъ всегда исполнялъ свои обязанности, и объявилъ, что ожидаетъ того же усердія, какъ отъ министровъ, такъ и отъ членовъ государственнаго совѣта. Потомъ присовокупилъ, что очень хорошо знаетъ о происках нѣкоторыхъ партій, старающихся, въ провинціяхъ, противопоставлять преграды предписаннымъ мѣрамъ, но что онъ твердо рѣшился заставить себѣ повиноваться, и имѣетъ на это всѣ средства. Созва-

ніе этого собранія было собственною мыслію Императора, и слова его доказываютъ непремѣнную его волю къ исполненію всѣхъ своихъ высокихъ намѣреній.

Управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, барономъ Вернеромъ, разослана всѣмъ посольствамъ циркулярная депеша слѣдующаго содержанія:

Гг. Посланники! прискорбное извѣстіе о кончинѣ президента совѣта министровъ, князя Шварценберга (послѣдовавшей вчера, въ шесть часовъ вечера, вслѣдствіе апоплексическаго удара), конечно дошло уже до васъ прежде этого письма. То, чего лишились въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ монархъ и государство—скажетъ, въ своихъ безпристрастныхъ лѣтописяхъ, исторія; то, чѣмъ онъ былъ для своихъ подчиненныхъ—навсегда запечатлѣно въ сердцахъ ихъ.

«Его Величество, собственноручнымъ повелѣніемъ, даннымъ вчерашняго числа, благоволилъ ввѣрить мнѣ, до назначенія новаго министра, управленіе дѣлами министерства иностранныхъ дѣлъ. Поэтому прошу васъ, впредь до новаго распоряженія, адресовать всѣ ваши сообщенія ко мнѣ. Излишнимъ почитаю прибавлять, что эта столь прискорбная кончина не произведетъ никакихъ измѣненій въ иностранной политикѣ Австріи. Какъ ни ясенъ, ни оригиналенъ былъ умъ покойнаго нашего начальника, какъ ни сильна была его воля, но онъ употреблялъ всѣ свои способности единственно на добросовѣстное исполненіе воли своего Государя, и дѣйствовалъ неиначе, какъ убѣдившись, что поступаетъ совершенно сообразно съ волею нашего Государя. Эта воля осталась неизмѣнною, и слѣдственно, мысль, управлявшая иностранными дѣлами, все та же.

«Примите, и проч.

Под. Помощникъ статсъ-секретаря
баронъ Вернеръ».

Повидимому, званіе министра-президента совсѣмъ уничтожается, потому-что Буоль-Шайуенштейнъ просто предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ, какъ старшій изъ тайныхъ совѣтниковъ. На этомъ основаніи, до прибытія его, предсѣ-

дательствовалъ г. фонъ-Бахъ. Новымъ доказательствомъ того, что Императоръ не намѣревается назначить преемника князю Шварценбергу въ званіи министра-президента, можетъ служить, между-прочимъ, назначеніе особой коммиссіи организаціи, состоящей, подъ предсѣдательствомъ президента государственнаго совѣта г. фонъ-Кюбека, изъ министровъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи, и изъ членовъ государственнаго совѣта, гг. фонъ-Гриве, фонъ-Крауса и фонъ-Буркгарда. Этотъ составъ коммиссіи очевидно доказываетъ, что Императоръ не намѣренъ измѣнять утвержденныхъ имъ началъ, по которымъ правительство дѣйствовало при жизни князя Шварценберга.

Газета L'loyd говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: Покойный министръ-президентъ не будетъ имѣть преемника въ главномъ своемъ званіи. Теперь нѣтъ президента министерства, и потому первое мѣсто между гражданскими чиновниками будетъ занимать президентъ государственнаго совѣта. Графъ Буоль-Шауенштейнъ, какъ министръ императорскаго двора, будетъ предсѣдательствовать только въ министерскихъ конференціяхъ. Изъ этого надобно заключить, что прежнее наименованіе министерскаго совѣта оставлено, и въ этомъ не одна перемѣна имени: дѣло въ томъ, что надъ министрами не будетъ еще министерскаго совѣта, который рѣшалъ всѣ важнѣйшія дѣла, по большинству голосовъ. Министерскій совѣтъ былъ политическій корпусъ, который произносилъ рѣшенія, а министерскія конференціи будутъ имѣть только совѣщательный характеръ. Рѣшеніе будетъ зависѣть отъ самаго Императора. Таково значеніе этаго важнаго измѣненія наименованія.

Въ Вѣнѣ учреждено верховное управленіе полиціи, состоящее подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ самого Императора. Начальникомъ его назначенъ военный губернаторъ Вѣны, баронъ фонъ-Кемпенъ. Слышно, что книгопечатаніе и театры будутъ подчинены сему вѣдомству.

Верона. 29-го апрѣля, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ изволили прибыть сюда изъ Ровередо, и были встрѣчены Фельдмаршаломъ графомъ Радецкимъ. Съ часу на часъ ожидаютъ здѣсь прибытія изъ Монцы Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

Венеція. 23-го апрѣля, ввечеру Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ

Николаевичъ изволили прибыть сюда изъ Вероны, и встрѣчены были Эрцъ-Герцогомъ Францомъ Карломъ. Его Императорское Высочество Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій тотчасъ же посѣтилъ ихъ. Площадь Св. Марка была иллюминована.

Сообщаемъ письмо изъ Венеціи отъ $^{1}/_{13}$ апрѣля 1852 года.

Для насъ Русскихъ, живущихъ теперь въ Венеціи *, день Свѣтлаго Христоваго Воскресенія въ нынѣшнемъ году останется навсегда памятнымъ. Присутствіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго Князя Константина Николаевича и Государыни Великой Княгини Александры Іосифовны придало этому дню необычайную здѣсь для него торжественность.

Столь умилительное празднованіе его въ Россіи проходило здѣсь донынѣ почти незамѣтно. Ночное служеніе издавна вывелось изъ обычаевъ здѣшней православной общины. Завѣтно-радостное «*Христосъ воскресе!*» возглашалось здѣсь только въ Свѣтлое-Воскресенье утромъ, за позднею обѣдней. Но Великій Князь изволилъ высказать свое желаніе провести Свѣтлый-праздникъ по-русски, и, къ восхищенію всѣхъ здѣшнихъ единовѣрцевъ нашихъ, они увидѣли наконецъ истинно-торжественное празднованіе его. За нѣсколько дней предъ тѣмъ разнесся слухъ о намѣреніи Великаго Князя, и всѣ ожидали чего-то новаго, невиданнаго. И вотъ наконецъ, узнали, что дѣйствительно пасхальная утреня, съ согласія австрійскаго начальства, назначена въ 3 четверти двѣнадцатаго ночи, Насталъ назначенный часъ, и впервые, съ давнихъ временъ, православной храмъ во имя Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія (San Giorgio dei Greci) наполнился толпами усердныхъ богомольцевъ. Нѣкогда богатый, храмъ сей утратилъ нынѣ свое великолѣпіе; все въ немъ скудно, но размѣры его, характеръ зодчества и остатки старины гласятъ о прежней его пышности. Одно обстоятельство утѣшаетъ въ немъ православнаго: храмъ св. Георгія не украдкой, такъ-сказать, сзываетъ своихъ прихожанъ къ богослуженію, но въ силу древнихъ правъ, вопреки Риму дарованныхъ ему Венеці-

* Русская семья увеличилась здѣсь всѣмъ населеніемъ пароваго фрегата «Владиміръ», привезшаго сюда Высокую Чету изъ Тріеста, и оставшагося здѣсь въ распоряженіи Великаго Князя.

янскою Республикой, колокола его громко звучатъ надъ римско-католическою Венеціею, гласомъ надеждъ и вѣчныхъ правъ православія.

Тѣсно, но свѣтло и радостно было въ пасхальную ночь въ греческой церкви въ Венеціи.

Въ присутствіи Высокихъ Путешественниковъ и всей свиты Ихъ, благолѣпно совершалась утреня и вслѣдъ за нею литургія, при особенно устроенномъ пѣніи преосвященнымъ Венедиктомъ Кралевичемъ, архіепископомъ далматскимъ, истрійскимъ и бокка-ди-катарскимъ.

Тутъ нельзя было не замѣтить, съ какимъ почтительнымъ любопытствомъ присутствовавшая толпа устремляла взоры свои на Сына Державнаго Властителя православной Руси.

Въ толпѣ узнали мы не одно любопытствовавшее лицо римско-католическаго исповѣданія, привлеченное новостью и необычайнымъ благолѣпіемъ торжества. Не разъ подслушали мы толки о вліяніи и усердіи, которымъ греческая община обязана этимъ возстановленіемъ пришедшей въ упадокъ святыни.

По окончаніи богослуженія, Великій Князь и Великая Княгиня отправились въ Своей гондолѣ на пароходъ «Владиміръ», куда, по милостивому приглашенію Ихъ Высочествъ, съѣхались нѣкоторые изъ Русскихъ, находящихся въ Венеціи. Можно сказать, что пароходъ «Владиміръ» въ эту ночь истинно являлъ идеальное совершенство военнаго корабля новѣйшаго устройства. Только-что окрашенный къ празднику, во всѣхъ мельчайшихъ своихъ частяхъ, онъ былъ чистъ, красивъ и щеголеватъ въ высшей степени. Каждый шагъ на немъ являлъ отличное командованіе и превосходный порядокъ, и знатоки со всѣхъ европейскихъ флотовъ едва ли могли бы сдѣлать хоть одно невыгодное замѣчаніе. Въ каютъ-компаніи, гдѣ собрались Ихъ Императорскія Высочества и всѣ приглашенные, накрытъ былъ столъ и приготовленъ завтракъ для разговѣнья. По первымъ движеніемъ Высокаго Генералъ-Адмирала было перейти на переднюю часть парохода, гдѣ собрана была команда. Здѣсь, милостію и иждивеніемъ Великой Княгини, устроенъ былъ для матросовъ, на висячихъ ихъ столахъ, обильный и сытный завтракъ. Открылось зрѣлище, истинно трогательное. Какъ странепъ и вмѣстѣ умилителенъ долженъ казаться, думали мы, обрядъ сей для всякаго не Рус-

скаго! какъ святъ и дорогъ онъ, въ своей патріархальной простотѣ, для каждаго истиннаго сына Россіи! Великій Князь изволилъ привѣтствовать всю команду радостнымъ «Христосъ воскресе»; затѣмъ по три раза христосовался съ каждымъ безъ исключенія матросомъ. Наблюдательный свидѣтель этого умилительнаго обряда могъ бы подмѣтить не одну черту сильно высказывающагося русскаго чувства и непритворной чувствительности нашего добраго народа. Не разъ матросъ, въ спѣхѣ неполучившій сполна третьяго поцѣлуя, тянулся еще за нимъ, и какъ-бы налету похищалъ эту драгоцѣнную свою собственность. Одинъ же, вѣроятно никогда невоображавшій, что ему придется христосоваться съ Царскимъ Сыномъ, былъ долого встревоженъ, что принялъ Великаго Князя въ свои объятія, и прижалъ Его къ вѣрной русской груди! Удостоивъ затѣмъ троекратнаго христосованія каждаго изъ приглашенныхъ Русскихъ, Великій Князь изволилъ слушать пропѣтые хоромъ, составленнымъ изъ матросовъ: Христосъ воскресе! и нѣкоторые изъ пасхальныхъ гимновъ. Стройные, знакомые съ дѣтства звуки еще глубже проникали, на дальней чужбинѣ, въ сердце слушателей. По окончаніи пѣнія, Высокая Чета возвратилась въ ярко-освѣщенную каютъ-компанію. По нѣкоторомъ ожиданіи, на пароходъ пріѣхало приглашенное греческое духовенство, и по благословеніи преосвященнымъ трапезы, всѣ приступили къ разговѣнью; причемъ Ихъ Высочества изволили отвѣдывать пасху матросовъ, и пили за здравіе всей команды «Владиміра». Затѣмъ лишь-только Ихъ Императорскія Высочества изволили занять свои мѣста за столомъ, звучное венеціянское пѣніе раздалось на водахъ лагуны, у самыхъ траповъ парохода. Нѣкоторые городскіе баркаролы, какъ оказалось, узнавъ, что на пароходѣ «Владиміръ», въ присутствіи Высокихъ Путешественниковъ, справляется русскій народный праздникъ, собрались, чтобы украсить его лучшими своими пѣснями. Но въ этомъ случаѣ, какъ нерѣдко бываетъ, доброе намѣреніе не соотвѣтствовало причинѣ торжества. Какъ ни благозвучно было пѣніе Венеціянцевъ, среди ночи, въ виду усѣяннаго звѣздами неба, но время для него было выбрано неудачно. Пѣвцамъ объяснили, что на русскомъ пароходѣ совершается торжество религіозное, и что при всемъ благозвучіи ихъ пѣнія, «Sorriso d'amor» и «La Biondina in gondoletta» производятъ несовсѣмъ пріятное впечатлѣніе.

Пѣвцы Біондины удалились—и пробужденная лагуна снова заснула. Вскорѣ окончился и пиръ на пароходѣ. Ихъ Императорскія Высочества, обласкавъ каждаго милостивымъ привѣтомъ, изволили возвратиться въ городъ, благословляемые экипажемъ парохода, и сопровождаемые благодарностью каждаго за доставленное имъ счастіе.

Данія.

8-го мая уполномоченные державъ, участвовавшихъ въ лондонскомъ договорѣ, подписали протоколъ, которымъ наслѣдство датскаго престола упрочивается за Принцемъ Фридрихомъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Глюксбургскимъ и его потомками мужеска пола отъ нынѣшней супруги. Кавалеръ Бунзенъ также подписалъ этотъ протоколъ отъ имени Пруссіи. Въ немъ сказано, что сохраненіе неприкосновенности датскихъ владѣній было бы весьма желательно.

Дѣло вознагражденія Герцога Аугустенбургскаго за недвижимыя имущества его въ датскихъ герцогствахъ, кончено. Герцогъ принялъ за эти имущества 2,250,000 талеровъ курантъ, предложенныхъ ему Королемъ Датскимъ.

Швейцарія.

Извѣстно, что радикалы требовали удаленія отъ должности нынѣшняго охранительнаго верховнаго совѣта Швейцаріи. Требованіе ихъ подписано было слишкомъ восемью тысячьми лицъ, и на основаніи закона надлежало рѣшить его всѣмъ міромъ. День поданія голосовъ назначенъ былъ на 18-е апрѣля. Всѣ честные и благонамѣренные люди съ трепетомъ видѣли наступленіе этого дня. Къ-счастію, опасенія ихъ не сбылись: изъ 82,755-ти голосовъ оказалось 44,636 въ пользу охранителей, а 38,119 за радикаловъ, итакъ, большинствомъ 6,517-ти голосовъ, удержано нынѣшнее правительство. Результатъ этотъ очень важенъ. Кантонъ Бернъ теперь въ главѣ правленія всей Швейцаріи, и успѣхъ радикаловъ могъ бы причинить неисчислимыя бѣдствія

Положеніе швейцарскихъ дѣлъ совершенно измѣнилось по случаю торжества охранительной партіи, при рѣшеніи вопроса о возобновленіи бернскаго большаго совѣта. Такъ-какъ это самый важный кантонъ во всемъ Союзѣ, то событія, происходящія въ Бернѣ, не могутъ не имѣть вліянія на политику союзнаго правительства. Въ Фрибургскомъ кантонѣ охранители, ободренные успѣхомъ своихъ единомышленниковъ въ Бернѣ, начинаютъ уже дѣйствовать противъ своего кантоннаго правительства, которое состоитъ изъ радикаловъ, и намѣреваются ниспровергнуть свое чисторадикальное уложеніе. Надобно ожидать, что бернскіе охранители также захотятъ измѣнить свое уложеніе. Бернское правительство уже представило большому совѣту весьма строгій проектъ закона о тисненіи.

Все это поставляетъ въ весьма затруднительное положеніе союзный совѣтъ, который, какъ извѣстно, есть исполнительная власть всего Союза. Большинство этого совѣта состоитъ изъ членовъ умѣренно-радикальной партіи, которые не одобряютъ ни излишествъ своей собственной партіи, ни реакціи, могущей быть слѣдствіемъ торжества бернскихъ охранителей.

Италія.

Болонья, 28-го апрѣля. Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ изволили прибыть сюда, и осматривали публичныя зданія.

Въ телеграфическихъ депешахъ изъ Рима отъ 3-го и 4-го мая, полученныхъ въ Берлинѣ, было сообщено, что Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ прибыли ввечеру 2-го мая въ Римъ, и посѣщали Папу.

Римъ, 5-го мая. Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ изволили, съ своею свитою, вторично посѣтить Ватиканъ для осмотра библіотеки и разныхъ ея рѣдкостей. Въ куполѣ церкви св. Петра приготовленъ былъ завтракъ. По выходѣ оттуда, Ихъ Высочества изволили посѣтить мастер-

скую мозаикъ. Изъ Ватикана Августѣйшіе Путешественники отправились въ сиротское заведеніе св. Михаила, гдѣ встрѣчены были кардиналомъ Торти. Ихъ Высочествамъ представлены были издѣлія воспитанниковъ.

9-го мая, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ изволили отправиться въ Неаполь.

Папа учредилъ постоянную коммиссію, подъ предсѣдательствомъ кардинала-викарія, для розысканія и сохраненія христіанскихъ древностей. Коммиссія рѣшила: 1) Прежде всего списать копіи съ замѣчательнѣйшихъ фрескъ, находящихся въ римскихъ катакомбахъ, потому-что эти картины чрезвычайно портятся отъ сырости; 2) издавать еженедѣльный журналъ, чтобы сообщать публикѣ отчеты о дѣйствіяхъ коммиссіи и свѣдѣнія обо всемъ, что́ касается до христіанской археологіи. Коммиссія предложила Папѣ учредить въ Римѣ музеумъ христіанскихъ древностей, и допускать публику посѣщать каждое воскресенье, въ-теченіе двухъ часовъ, знаменитыя катакомбы св. Каликста и св. Агнессы, куда до-сихъ-поръ нельзя было входить безъ особеннаго дозволенія правительства. Папа утвердилъ оба проекта.

Флоренція, 8-го мая. Сегодня обнародована прокламація Герцога, въ которой изложена недостаточность парламентской системы, и зетѣмъ декретъ изъ семи пунктовъ, которымъ окончательно отмѣняется уложеніе 15-го февраля 1848 года, возстановляется самодержавіе, и объявляется, что министерство обязано отвѣтственностью одному Великому Герцогу. Законъ о свободѣ тисненія будетъ передѣланъ, для охраненія выгодъ благоустройства, нравственности и религіи. Гражданская гвардія упраздняется повсюду. Юстиція будетъ преобразована по правиламъ 1847 года. Государственный-совѣтъ отдѣленъ будетъ отъ министерскаго, и права каждаго будутъ обозначены особымъ декретомъ. Временной законъ объ общинахъ, 29-го ноября 1849 года, будетъ преобразованъ по требованію обстоятельствъ.

Генуа. Съ острова Сардиніи пишутъ, что осадное положеніе тамъ соблюдается строго. Генералъ Дурандо дѣятельно продолжаетъ обезоруженіе Сассарійской области. Зданіе тамошняго университета превращено въ казармы, для помѣщенія гарнизона.

Неаполитанское правительство запретило въѣздъ въ королевство всѣмъ лицамъ, изгнаннымъ въ послѣднее время изъ Франціи, къ какой бы партіи они ни принадлежали.

При пересмотрѣ коллекцій, находящихся при ватиканской библіотекѣ, открыто значительное похищеніе. Украдено пять ящиковъ, наполненныхъ древними камеями и другими разными рѣдкими камнями.

Португалія.

Королева съ супругомъ своимъ, путешествуя по разнымъ областямъ Португаліи, была принимаема вездѣ съ изъявленіемъ величайшаго восторга. Въ Кальдасѣ прогуливалась она одна съ своимъ супругомъ, безъ всякой свиты. Августѣйшая чета ходила по улицамъ, садамъ и паркамъ вмѣстѣ съ толпою.—28-го числа была она на пути въ Леиру. Они намѣревались изъ Леиры отправиться въ Порто и Віану, а 15-го мая пріѣхать обратно въ Синтру. Герцогъ Салданья сопровождаетъ Ихъ Величества. Итакъ путешествіе Королевы продолжается при величайшемъ восторгѣ жителей. Во всѣхъ рѣчахъ видѣнъ враждебный духъ противу Мигелистовъ, которые осуждены даже приговоромъ суда въ лицѣ мигелистской газеты Лакаи. Герцогъ Терсейра отправился моремъ въ Опорто, для ожиданія тамъ Королевы. Это было поводомъ къ слуху, что Кабралисты готовятъ возстаніе. Такой слухъ не заслуживаетъ вниманія при незначительности этой партіи, и при восторгѣ, съ какимъ повсюду встрѣчаютъ дворъ. Въ Тагѣ остался теперь только одинъ англійскій пятидесяти-пушечный корабль «Фаэтонъ» и два французскіе линѣйные корабля.

Турція.

Данное Фуаду-эфенди порученіе окончилось такъ, какъ всѣ того ожидали, т. е. совершеннымъ подчиненіемъ Аббаса-паши повелѣніямъ Турецкаго Султана. Введеніе танзимата не встрѣтитъ болѣе никакого затрудненія, такъ-

какъ въ немъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, сообразныя мѣстнымъ условіямъ страны. Въ то же время высокая Порта предоставила намѣстнику египетскому право смертной казни въ-теченіе трехъ, или, по другимъ слухамъ, семи лѣтъ.

Америка.

Изъ Южной-Америки пишутъ: По отъѣздѣ Розаса, соединенная армія генерала Уркисы вошла въ Буэносъ-Айресъ 19-го февраля, и тотчасъ же было учреждено временное правленіе подъ предсѣдательствомъ дона Винцента Лопеса, президента палаты представителей. Онъ человѣкъ пожилой, умѣренныхъ мнѣній и пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Надѣются, что онъ обуздаетъ страсти побѣдителей. Объявлено было всепрощеніе, но, по письму въ Daily-News, кажется, что оно было средствомъ къ составленію списка лицъ, непоименованныхъ въ немъ, и названныхъ измѣнниками. Частное имущество генерала Розаса конфисковано въ пользу казны. Онъ самъ, съ дочерью своею Мануэлитою и нѣсколькими преданными друзьями, отправился въ Англію на пароходѣ «Конфликтъ», который заходилъ, 4-го марта, въ Бахію, и вѣроятно, скоро придетъ въ Европу. Зять его, генералъ Мансилья, прибылъ въ Лиссабонъ на пароходѣ «Тей», и отправляется, какъ говорятъ, въ Испанію. Коммерческія извѣстія, послѣ столькихъ революцій, разумѣется, неблагопріятны. Политическія новости также не подаютъ большой надежды, и, кажется, предвѣщаютъ новыя затрудненія».

По послѣднимъ извѣстіямъ, генералъ Уркиса находится въ Палермѣ, близъ Буэносъ-Айреса. Кажется, что онъ не довѣряетъ жителямъ. Прокламаціею изъ Палермо, напечатанною 27-го марта въ British-Packet, генералъ сей совѣтуетъ имъ стараться, чтобъ тисненіе не превратилось въ орудіе анархіи. Но до-сихъ-поръ никто не знаетъ о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ генерала Уркисы. Никто не думаетъ, чтобы онъ хотѣлъ сдѣлаться губернаторомъ; но полагаютъ, что онъ постарается доставить это мѣсто полковнику Галану, который долгое время былъ его министромъ въ

Энтре-Ріосѣ, а самъ потомъ сдѣлается президентомъ Республики. Вотъ что̀ пишутъ въ частномъ письмѣ изъ Буэносъ-Айреса, отъ 4-го апрѣля: «Слухъ о явномъ разрывѣ между правительствами бразильскимъ и Восточной Республики, по поводу исполненія послѣднихъ трактатовъ, заключенныхъ и ратификованныхъ президентомъ Суаресомъ, болѣе и болѣе подтверждается. Переговоры были прерваны, и бразильскій посланникъ писалъ въ Ріо-Жанейро, чтобъ ему прислали новыя инструкціи. Говорятъ даже, что домъ бразильскаго посольства въ Монтевидео подвергся нападеніямъ. Дѣла вообще здѣсь весьма шатки, и Восточная Республика имѣетъ на своей сторонѣ большинство общественнаго мнѣнія.

«Генералъ Уркиса, обнаружившій столько умѣренности и способностей въ послѣднемъ своемъ удачномъ походѣ, родился въ Буэносъ-Айресѣ, и служилъ при Розасѣ. Собственными заслугами возвысился онъ до званія президента энтро-ріосскаго штата; онъ начальствовалъ дивизіею этой провинціи, когда, въ 1842 году, Орибе вторгся въ Восточную Республику (Banda oriental). Уркиса поддерживалъ партію Розаса, доколѣ не видѣлъ, что система его основана на войнѣ и угнетеніи. Тогда онъ сбросилъ съ себя иго Розаса, соединился съ Бразиліею, принудилъ снять осаду Монтевидео, и двинулся наконецъ къ Буэносъ-Айресу, гдѣ и низвергъ Розаса. Теперь Уркиса находится въ главѣ Аржентинскаго Союза. Онъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ домомъ Карлосомъ Лопесомъ, нынѣшнимъ президентомъ Парагвая. Надѣемся, что эти правители вскорѣ возвратятъ восточнымъ берегамъ Южной-Америки приличную форму правленія, и откроютъ устья рѣкъ своихъ для торговли всѣхъ націй».

Нью-Іоркъ. Получено извѣстіе съ западныхъ береговъ Америки объ экспедиціи Флореса противу Экуадора. Флоресъ навербовалъ отъ 2,000 до 2,500 Нѣмцевъ и Ирландцевъ, и купилъ пароходъ. Въ тѣхъ странахъ такія силы очень значительны. Часть экспедиціи отправилась изъ Каллао на четырехъ или шести парусныхъ судахъ. Къ нимъ присоединилось одно судно съ двумя стами Чилійцевъ. Самъ Флоресъ со штабомъ хотѣлъ вскорѣ выступить изъ Каллао, и присоединиться къ своимъ товарищамъ на берегахъ Гваякиля, чтобы условиться въ планѣ нападенія на столицу. Не сомнѣваются, что Перу его поддерживаетъ.

Подъ его начальствомъ служатъ многіе англійскіе и сѣверо-американскіе офицеры. Адмиральскимъ кораблемъ командуетъ нѣкто г. Смитъ; высадными войсками г. Джаксонъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ своею неустрашимостію при послѣднемъ возстаніи въ Чили. Въ Чили все спокойно. Разработка серебра и мѣди удовлетворительна.

Предложеніе президента о японской экспедиціи теперь напечатано, но о цѣли ея сказано въ немъ не болѣе того, что̀ уже извѣстно. Если судить по письму президента къ японскому императору, дѣло идетъ только о заключеніи дружественнаго и торговаго трактата. «Посылаю къ вамъ, сказано въ этомъ письмѣ, избраннаго мною посла, неучаствующаго ни въ какой религіозной миссіи. Ему поручено представить вамъ искренній мой поклонъ, и приложить стараніе о заключеніи между нашими народами дружественнаго и торговаго союза. Вы знаете, что Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты простираются теперь отъ одного океана до другаго, что Орегонъ и Калифорнія вошли въ составъ ихъ, и что изъ сихъ странъ, обильныхъ золотомъ и серебромъ, пароходы наши могутъ приходить въ двадцать дней къ счастливымъ берегамъ вашей земли. Многіе изъ нашихъ кораблей будутъ впредь ходить между Китаемъ и Калифорніею, можетъ-быть еженедѣльно. Корабли сіи ходятъ мимо вашей имперіи. Буря и вѣтеръ могутъ ихъ бросить на ваши берега, а потому требуемъ и ожидаемъ отъ вашей милости и великодушія, что вы примете ихъ и людей нашихъ дружески, охранивъ и имущество ихъ. Желаемъ, чтобы народу нашему дозволено было вступать въ сношенія съ вашимъ съ тѣмъ, чтобъ наши люди никогда не нарушали узаконеній вашей страны. Цѣль наша миролюбивая—она касается однихъ торговыхъ сношеній, и ничего больше».

Для сооруженія кристальнаго дворца въ Нью-Іоркѣ, собрано по подпискѣ только 30,000 доллеровъ, а нужно 200,000 доллеровъ. Вообще это предпріятіе не возбуждаетъ никакого сочувствія.

Важнѣйшимъ современнымъ событіемъ въ эльдорадо Тихаго-Океана можетъ почесться походъ Французовъ противъ Соноры. Говорятъ, что множество Французовъ отправились въ сію область съ явнымъ намѣреніемъ провозгласить ея независимость. Главная экспедиціонная колонна отправи-

лась, нынѣшнею зимою, изъ Санъ-Франсиско; она многочисленна, хорошо вооружена и вся состоитъ изъ Французовъ. Извѣстно, что область Сонора, богатая золотомъ, лежитъ къ юго-востоку отъ Калифорніи, на восточномъ берегу Калифорнскаго-залива. Жители Санъ-Франсиско намѣрены, съ своей стороны, отправить экспедицію въ тысячу человѣкъ Американцевъ, для изгнанія Французовъ и для присоединенія этой мексиканской области къ Соединеннымъ-Штатамъ. Они съ негодованіемъ говорятъ о французскихъ переселенцахъ, которые думаютъ дать этой области другую форму правленія. Но ни та, ни другая партія не одобряются правительствами своихъ націй. Притомъ же, если экспедиція изъ Калифорніи нападетъ на Французовъ въ чужой области (мексиканской), не пришлетъ ли Франція войска для поддержанія своихъ соотечественниковъ, и если эта калифорнская экспедиція произойдетъ съ вѣдома начальствъ Соединенныхъ-Штатовъ, то не потребуютъ ли отъ нихъ затруднительныхъ объясненій касательно народнаго права? Любопытно, что это извѣстіе пришло въ одно время съ письмомъ изъ Парижа, напечатаннымъ въ Ledger, гдѣ французское правительство выражаетъ сильное желаніе пріобрѣсть колонію съ золотыми розсыпями.

Въ американскихъ газетахъ напечатана слѣдующая инструкція, данная комодору Перри, начальствующему эскадрою, которая должна открыть сношенія съ Японіею: «Вашингтонъ, 10-го іюня 1851 года. Приближается минута для утвержденія послѣдняго звѣна пароходныхъ сообщеній. Изъ Китая и Остъ-Индіи въ Египетъ, оттуда Средиземнымъ-моремъ и Атлантическимъ-океаномъ въ Англію, потомъ изъ Англіи къ нашимъ берегамъ и въ другія части нашего великаго материка, изъ нашихъ гаваней къ южной части перешейка, соединяющаго обѣ Америки, а отъ перешейка, по берегамъ Тихаго-океана, къ сѣверу и къ югу до предѣловъ образованнаго міра, наши и иностранные пароходы перевозятъ извѣстія, богатства всего земнаго шара и тысячи путешественниковъ. Президентъ полагаетъ, что слѣдуетъ принять мѣры для доставленія предпріимчивымъ нашимъ негоціантамъ возможности составить послѣднее звѣно цѣпи, соединяющей народы всего земнаго шара, именно учрежденіемъ пароходной линіи изъ Калифорніи въ Китай. Для облегченія этого предпріятія желательно, чтобы японскій императоръ дозволилъ намъ по-

купать у своихъ подданныхъ запасы угля, необходимые для поѣздки пароходовъ туда и обратно. Извѣстная недовѣрчивость, побудившая японскую имперію отвергать въ послѣднія два столѣтія всѣ предложенія, дѣлаемыя оной къ открытію гаваней для всемірной торговли, препятствуетъ всѣмъ новымъ попыткамъ къ убѣжденію Японіи отказаться отъ этой исключительной политики. Выгоды торговли и даже всего человѣчества требуютъ, впрочемъ, чтобы мы сдѣлали послѣднее воззваніе къ государю сей страны о позволеніи продавать нашимъ пароходамъ не издѣлія своихъ работъ или земледѣлія, но дары природы, находящіеся въ нѣдрахъ земли, для пользъ всемірной семьи народовъ, По приказанію президента, препровождаю къ вамъ письмо, написанное имъ къ японскому императору; вы представите оное въ столицу его Іеддо, на адмиральскомъ вашемъ кораблѣ и въ сопровожденіи всей вашей эскадры, которую можете употребить при семъ случаѣ. Китайскій переводъ съ письма сего доставленъ вамъ будетъ посольствомъ нашимъ въ Кантонѣ, или присланъ на Гонгъ-Конгскій или Макаоскій рейды. На одномъ изъ нихъ встрѣтите вы, безъ сомнѣнія, корабль нашъ изъ эскадры Тихаго-океана, который сдастъ вамъ нѣсколько японскихъ моряковъ, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и спасенныхъ недавно судномъ нашимъ Ауклендомъ. Вы отвезете ихъ также въ Іеддо и сдадите японскимъ начальствамъ, выразивъ имъ, чрезъ переводчика, увѣренія, что сѣверо-американское правительство всегда будетъ дружески поступать съ Японцами, которыхъ бури загонятъ къ нашимъ берегамъ, и что оно надѣется того же самаго для своихъ согражданъ, которые будутъ брошены на берега Японіи. Письмо президента къ японскому императору передадите вы тѣмъ высшимъ сановникамъ, которымъ будетъ поручено принять его. Вы объясните имъ истинную цѣль вашего прибытія. Земляного угля въ Японіи такъ много, что правительство ея не можетъ отказать намъ въ отпускѣ сего необходимаго для торговли матеріяла, за условленную цѣну. Для этого лучшимъ пунктомъ была бы одна изъ восточныхъ гаваней острова Нифона. Впрочемъ, если японское правительство будетъ упорствовать въ своей исключительной системѣ, вы можете убѣдить его, чтобы уголь былъ перевозимъ на японскихъ судахъ на какой-нибудь сосѣдственный островъ, къ которому удобно приставать, и гдѣ пароходы будутъ

имъ запасаться, избѣгая непосредственной торговли съ туземцами. При всѣхъ вашихъ свиданіяхъ съ японскими начальствами постарайтесь внушить имъ, что правительство Соединенныхъ-Штатовъ не имѣетъ никакого вліянія на религію своихъ гражданъ, и слѣдственно, нельзя опасаться, чтобъ оно захотѣло имѣть малѣйшее вліяніе на религію другихъ странъ. Хотя президентъ совершенно знаетъ отвращеніе японскаго правительства къ вступленію въ переговоры съ другими націями, но надѣясь, что вамъ удастся побѣдить это отвращеніе, уполномочиваетъ васъ, на случай этого благопріятнаго событія, вступить въ переговоры и подписать дружественный и коммерческій трактатъ между Соединенными-Штатами и японскою имперіею. Къ сему прилагается и означенное полномочіе, а равно копіи съ трактатовъ, заключенныхъ Соединенными-Штатами съ Китаемъ, съ Сіамомъ и Маскатомъ, которыя могутъ, до нѣкоторой степени, служить вамъ образцами. Весьма нужно, чтобы вы исходатайствовали для кораблей нашихъ право входить въ одну, или двѣ японскія гавани, для склада тамъ своихъ товаровъ на продажу и размѣнъ, не подвергаясь слишкомъ тягостнымъ пошлинамъ. Еще нужнѣе, чтобы японское правительство обязалось защищать американскіе корабли и собственность лицъ на японскихъ берегахъ; а какъ вамъ извѣстно, что всякій трактатъ долженъ быть ратификованъ сенатомъ, то, по причинѣ разстояній и непредвидимыхъ затрудненій, полезно было бы, чтобъ въ случаѣ успѣха вы назначили трехъ-годичный срокъ для размѣна ратификацій».

Донъ Хуавъ-Джиро, выбранъ весьма значительнымъ большинствомъ въ президенты Восточной Республики.

Изъ Ріо-Жанейро, отъ 14-го апрѣля, пишутъ, что между начальствами Бразиліи и Восточной Банды возникли важныя несогласія по случаю неутвержденія новымъ собраніемъ въ Монтевидео договоровъ о свободномъ судоходствѣ по Паранѣ и Уругваю. Опасались, чтобы Аргентинскій Союзъ не вздумалъ поддерживать Монтевидео противъ Бразиліи.

Въ Гаваннѣ происходила кровопролитная драка между англійскими и сѣверо-американскими матросами. Принуждены были употребить военную силу, чтобъ прекратить ихъ ссору.

Республиканская чума господствуетъ на островахъ Ти-

хаго-океана. Извѣстная королева Помаре, на островѣ Раятея (на островахъ Дружества) должна была уступить президенту, избранному на два года.

Азія.

Бомбей, 1-го апрѣля. Бирманы начинаютъ дѣйствительную войну съ Англіею. Нерѣшительность лорда Далузи возбудила ихъ смѣлость. Когда полковникъ Бойль объявилъ мульмаинскому коммиссару послѣднія условія генералъ-губернатора, коммиссаръ отвѣчалъ, что и они готовы на все, и что притомъ вся Азія знаетъ, какъ храбры Англичане на словахъ. Послѣ того они объявили полковнику Бойлю, что если до 1-го апрѣля Англичане не нападутъ на нихъ, то они сами перейдутъ чрезъ границы. То же самое сообщено и коммодору Ламберту отъ рангунскаго губернатора. Несмотря на эту смѣлость, ждутъ скораго взятія Рангуна. Тогда предстоитъ вопросъ, что̀ будутъ дѣлать до мансуна (мая). Мѣсяцъ уже прошелъ въ переговорахъ, и Бирманы имѣли время приготовиться. Въ самомъ Рангунѣ Англичане не могутъ оставаться по нездоровому климату; должно будетъ идти до Донебыо или Проне (сто англійскихъ миль далѣе). Изъ прежней бирманской войны научились, что не слѣдуетъ заключать мира слишкомъ поспѣшно. На сей разъ, вѣроятно, принудятъ Бирмановъ къ совершенному покорству, и потребуютъ у нихъ сильной военной контрибуціи, а какъ они не въ состояніи будутъ заплатить ее, то вся Ирравадійская Дельта будетъ присоединена къ индо-британскимъ владѣніямъ. Изъ трехъ президенствъ одно Бомбейское выставило до-сихъ-поръ свой участокъ войскъ въ надлежащее время. Мадрасскія войска были готовы только въ концѣ марта. Съ слѣдующею почтою получено будетъ извѣстіе о результатѣ похода. Съ другой стороны подтверждается, что одержанныя до-сихъ-поръ побѣды на пешауерской границѣ были только мнимыя, и что войну должно начинать снова.

Африка.

Египетъ. По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Каира, отъ 19-го числа, право жизни и смерти дано окончательно Султаномъ пашѣ египетскому еще на семь лѣтъ. Въ парижской газетѣ Presse напечатано письмо изъ Александріи, отъ 22-го апрѣля, которымъ увѣдомляютъ, что турецко-египетскія несогласія окончены. Фуадъ-Эффенди (сказано тамъ) оправдалъ всѣ надежды. Онъ вполнѣ согласился съ египетскимъ правительствомъ, видя его благонамѣренность и прямодушіе. Аббасъ-Паша принимаетъ танзиматъ, но съ измѣненіями, требуемыми положеніемъ Египта и принятыми уже египетско-турецкими коммиссарами во-время константинопольскихъ конференцій Съ своей стороны, Порта даруетъ пашѣ право казнить за преступленія смертію, не требуя утвержденія Дивана.

По извѣстіямъ же, полученнымъ изъ Каира до 4-го мая, а изъ Александріи до 6-го, подтверждается, что дѣло о танзиматѣ совершено окончено. Аббасъ-Паша, покорившійся волѣ Порты, подъ условіемъ временной уступки, слѣланной ему касательно тѣлесныхъ наказаній, которыя остаются въ его власти до извѣстной степени. Смертные приговоры должны быть произносимы египетскими уголовными судами, и только по убійствамъ и по принесеннымъ на то жалобамъ. Фуадъ-Эффенди немедленно донесъ Дивану объ окончаніи сего дѣла, и ежедневно ожидалъ изъ Константинополя фирмана, для представленія его намѣстнику, касательно введенія танзимата въ Египтѣ.

Алжирія. Здѣсь всѣ жители поражены были удивленіемъ, когда узнали, что уважаемый всѣми марабутъ верхней Джурджуры, Сиди-эль-Джуди, съ главнѣйшими предводителями Зуауасовъ, явился, чтобъ предаться во власть Французовъ. Его сопровождали девяносто два предводителя. Они явились представителями всѣхъ могущественныхъ племенъ Кабиліи, и сознались, въ разговорахъ, что на нынѣшній

поступокъ ихъ наиболѣе имѣли вліяніе экспедиціи генерала Пелиссіе противу Маатковъ, и генерала Боске, а равно работы, производимыя для устройства дорогъ, которыя дозволятъ французскимъ колоннамъ проникать во внутренность ихъ страны; въ особенности же, наконецъ, блокада, принуждающая ихъ уже нѣсколько мѣсяцевъ скрываться въ горахъ, подвергаясь разнымъ нуждамъ и лишеніямъ. Однако же въ первый день Сиди-эль-Джуди хотѣлъ высокомѣрно предлагать условія, какъ равный равному, но вскорѣ надменность эта исчезла. Губернаторъ, генералъ Рандонъ, доказалъ ему, что вопросъ состоитъ не въ заключеніи мира между Французами и Зуауасами, а просто въ покорности ихъ французскому владычеству. Убѣдясь въ этомъ, Сиди-эль-Джуди и прочіе предводители стали просить *аманъ* (помилованія) съ условіемъ платить ежегодную подать. Это счастливое событіе измѣнитъ теперь всѣ планы весенней кампаніи. Условясь съ Сиди-эль-Джуди и съ прочими предводителями о количествѣ ежегодной подати съ каждаго племени, заключатъ конвенцію о присоединеніи области Зуауасовъ къ Алжиріи. Потомъ французскія колонны обойдутъ эту область, и назначатъ мѣста для проведенія дорогъ. Сиди-эль-Джуди и другіе предводители обязуются быть при этомъ проводниками. Присутствіе его въ рядахъ французскихъ будетъ вѣрнымъ залогомъ въ успѣхѣ. Составленъ будетъ корпусъ въ семь тысячъ человѣкъ для этой миролюбивой экспедиціи. Покореніе Зуауасовъ дозволитъ учредить прямыя сообщенія между Алжиромъ и Бужіею. Впрочемъ, до совершеннаго окончанія этого дѣла, блокада области снята не будетъ. По уплатѣ годовой дани, Кабилы получатъ позволеніе посѣщать французскіе рынки. Что-же касается до Бу-Багерлы, онъ принужденъ былъ выѣхать изъ Бени-Себкской области съ остатками своей деиры, когда Зуауасы рѣшились покориться. Лишенный всякой помощи, онъ блуждаетъ теперь въ Бени-Меликушскихъ горахъ, стараясь пробраться на югъ, въ Сахару. Въ Омальскомъ округѣ стерегутъ, его, чтобъ захватить.

Мысъ-Доброй-Надежды. Королевскій фрегатъ Амазонка, прибывшій въ Портсмутъ 29-го апрѣля, привезъ извѣстія съ Мыса-Доброй-Надежды, по 7-е марта, заключавшіяся въ томъ, что война съ Каффрами прекратилась было на время, по случаю просимаго ими мира; но какъ, по

требованію сера Гарри-Смита, они не хотѣли отдаться на произволъ побѣдителей, то Англичане готовились къ новому, сильному походу. Въ день отплытія этого фрегата еще не было никакихъ извѣствій о пароходѣ-корветтѣ «Гидрѣ», которая вышла изъ Англіи въ январѣ и повезла на Мысъ-Доброй-Надежды новаго губернатора, генералъ-маіора Каткарта. Не было также никакихъ извѣстій о пароходѣ-фрегатѣ «Мегерѣ», который повезъ туда же егерскій полкъ; но этому никто не удивлялся, потому-что самое отплытіе этого парохода сопоовождалось обстоятельствами, которыя не дѣлаютъ чести дѣятельности и предусмотрительности англійскаго адмиралтейства, и подали поводъ къ жаркой полемикѣ, которую еще оживили извѣстія о стоянкѣ этого фрегата у острова Мадеры. Сильное впечатлѣніе произвело, между-прочимъ, то обттоятельство, что на пути изъ Плимута въ Мадеру, уголь въ трюмѣ этого парохода три раза загорался. «Амазонка» привезла между-прочимъ въ Англію немногихъ спасшихся пассажировъ съ парахода Birkenhead. Теперь, къ несчастію, подтвердилось, что число погибшихъ при этомъ несчастіи дѣйствительно простирается до 250 человѣкъ.

Серъ Гарри-Смитъ хотѣлъ выступить 8-го марта, и переправиться чрезъ Кеи со всѣмъ своимъ войскомъ. Полковники Мичель и Эйръ произвели удачный поискъ въ область Аматоласовъ; истребили жатву, захватили много стадъ, и убили двадцать человѣкъ, потерявъ только трехъ человѣкъ ранеными и убитыми. На сѣверо-восточной границѣ было жаркое сраженіе между отрядомъ маіора Дильфиллана и значительнымъ корпусомъ Тамбукисовъ. Послѣдніе потеряли сто человѣкъ и тысячу головъ скота; у Англичанъ убито и ранено пять человѣкъ. Макомо находится въ Ватерклуфѣ съ своимъ племенемъ и 2,800 человѣкъ союзниковъ. Мало надежды прогнать ихъ съ этой позиціи. Полковникъ Коль съ 12-мъ уланскимъ полкомъ истребилъ всѣ непріятельскія жатвы въ Кабусской области.

Австралія.

Первымъ результатомъ золотыхъ розсыпей въ Австраліи было то, что жители ея обѣднѣли и развратились. Обѣднѣ-

ли оттого, что работа во многихъ мѣстахъ прекращена, произведенія земли уменьшились и вывозъ товаровъ оскудѣлъ; развратились потому, что народонаселеніе, составленное бо́льшею частію изъ ссыльныхъ, исправляемыхъ работою, бросилось къ розсыпямъ съ жадностью людей, желающихъ обогатиться быстро и безъ труда, и впало опять въ порочныя привычки, сильно развиваемыя легко пріобрѣтаемымъ золотомъ. Жители, оставившіе работу, чтобы скорѣе обогатиться, окружены толпами праздношатающихся, которые хотятъ нажиться еще скорѣе. Они воруютъ съ неимовѣрною дѣятельностью и дерзостью, а какъ золотопромышленики, недовѣряющіе другъ-другу, не составили еще обществъ взаимной защиты, какъ въ Калифорніи, гдѣ они страшны злодѣямъ, то воры и увѣрены въ безнаказанности. Они очищаютъ съ удивительнымъ искусствомъ золотые пріиски и окрестности ихъ. Всѣ вещи, лошади и даже отдѣльные люди похищаются съ изумительною ловкостью лондонскихъ пикъ-покетовъ, которые и у антиподовъ дѣйствуютъ съ прежнимъ своимъ искусствомъ. Нѣкоторые воры пріобрѣли здѣсь даже большую извѣстность. Старикъ Петеръ Руни отличается удивительными хитростями. Здѣшнее начальство, зная его воровства, но не имѣя возможности уличить его, рѣшилось изгнать его изъ округа, для всеобщей безопасности, и сообщило о томъ прочимъ округамъ. Въ сходбищахъ золотопромышленниковъ бываютъ ссоры, бѣшеная игра, развратъ и убійства. Слѣдственно, если розсыпи здѣсь дѣйствительно такъ богаты, то колонизація Австраліи, уже нѣсколько установившаяся, рѣшительно пострадаетъ. Судьба колоній походитъ на судьбу нѣкоторыхъ людей, которые не въ состояніи перенести слишкомъ быстраго обогащенія. Австралія подвергнется тому же. Скудость и трудъ очищали ее, и привлекали къ ней уваженіе, но приманка золота слишкомъ сильна для народонаселенія, въ которомъ такъ много ссыльныхъ преступниковъ. Въ Калифорніи золотыя розсыпи послужили къ развитію благосостоянія страны, а въ Австраліи онѣ будутъ причиною ея упадка.

НОВОСТИ УЧЕНАГО МІРА.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НОВОСТЬ. Въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій лондонскаго географическаго общества, было читано донесеніе о послѣднемъ путешествіи доктора Ре (Roe), уже извѣстнаго своими изысканіями въ странахъ сѣвернаго-полюса. Изъ донесенія видно, что островъ-Викторія и Волластонова-земля не были, какъ до-сихъ-поръ думали, два отдѣльные острова, но что они составляютъ части одной и той же земли, можетъ-быть, соединяющейся на сѣверѣ съ землею-Банкса. Корабельные обломки дубоваго дерева, которые нашелъ г. Ре въ полярныхъ-моряхъ, принадлежатъ, по всѣмъ признакамъ, королевскому великобританскому флоту, но ни въ какомъ случаѣ недолжно заключать, что они остались отъ кораблей Франклина: послѣдніе никогда не были въ этихъ странахъ, но взяли направленіе къ Веллингтонову-проливу. Обломки эти замѣчательны собственно потому, что они плыли съ восточной стороны, и изъ этого должно заключить, что сѣверо-западный проходъ останется загадкою для будущихъ вѣковъ.

УСПѢХЪ ЭЛЕКТРИЧЕСКАГО ОСВѢЩЕНІЯ. Въ Minning-Journal сообщаютъ, что электрическій свѣтъ примѣненъ къ практическому употребленію. Общества желѣзныхъ дорогъ Ланкастерскаго и Іоркскаго графствъ намѣрены освѣтить этимъ огнемъ всѣ тоннели своихъ линій. Это уже не опытъ, а система постояннаго употребленія, при которой будутъ устранены всѣ затрудненія, встрѣчавшіяся до-сихъ-поръ.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ И ПАРОХОДСТВО.

ФРАНЦІЯ. Въ проектѣ закона о наложеніи пошлины на желѣзныя дороги, обнародованномъ 24-го апрѣля, сказано, что она будетъ взимаема съ чистаго дохода, и въ слѣдующей про-

порціи: Съ дохода въ 4% и менѣе взимаема будетъ сороковая часть; съ дохода отъ 4 до 5-ти процентовъ, двадцатая часть; съ дохода отъ 5-ти до 6-ти процентовъ, десятая; съ дохода отъ 6-ти до 7-ми процентовъ, пятая, а съ дохода выше семи процентовъ, три десятыхъ. Законъ вступитъ въ силу и дѣйствіе въ 1854 году, въ которомъ взыскана будетъ узаконенная пошлина съ дохода за 1853 годъ.

АВСТРІЯ. Валовой доходъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ увеличичился 33$^{10}/_{30}$, а чистый доходъ почти 100%, если сравнить періодъ съ ноября 1850 по мартъ 1851 съ тѣмъ же періодомъ 1851—1852 годовъ. Отчетъ компаніи пароходства по Дунаю представляетъ результатъ далеко нестоль благопріятный: доходы въ 1851 году понизились противъ 1850 года слишкомъ 120,000 флориновъ.

— Въ общемъ собраніи акціонеровъ сѣверной желѣзной дороги, такъ называемой Императора Фердинанда, происходившемъ 26-го апрѣля, положено собрать 18,000,000 флориновъ для продолженія этой дороги до Галиціи, и именно до Освечина или даже далѣе, до Бохни.

ГЕРМАНІЯ. Современи недавняго открытія желѣзной дороги изъ Франкфурта въ Кассель, устроено теперь прямое сообщеніе Франкфурта съ Берлиномъ. Первый поѣздъ, украшенный цвѣтами, прибылъ оттуда въ Берлинъ 28 апрѣля.

ДРЕЗДЕНЪ. 19-апрѣля торжественно открытъ новый мостъ, называемый Маріинскимъ (по имени Ея Величества Королевы), послѣднее дополненіе желѣзной дороги, соединяющей Саксонію съ Богеміею. Король и Королева присутствовали при этомъ торжествѣ.

НЬЮ-ІОРКЪ. Въ одной газетѣ напечатано исчисленіе пароходовъ, погибшихъ здѣсь, въ-теченіе одной недѣли, отъ взрывовъ: «Гленковъ», близъ Санъ-Луи, погибло сто пятьдесятъ человѣкъ; «Редстонъ», на Огайо, шестьдесятъ пять; «Саладъ», на Миссури, сто человѣкъ; «Пакагонтасъ» на Миссиссипи, восемь, всего же триста двадцать три человѣка. Непостижимо легкомысліе, съ какимъ въ Сѣверной Америкѣ играютъ жизнію людей для ускоренія сообщеній!

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. 2 (14) апрѣля открыто регулярное пароходное сообщеніе, по одному разу въ недѣлю, между Константинополемъ и Варною; на-дняхъ откроются и сообщенія съ Требизондомъ, по два раза въ недѣлю, а съ островами Мраморнаго-моря ежедневно.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

РѢДКІЙ САМОРОДОКЪ ЗОЛОТА. До 19-го августа 1851 года привезено изъ Сиднея золота на 70000 фунт. стерл. Цѣнность его одинакова съ калифорнскимъ, т. е. по 3 фунт. стерл. 18 шиллинговъ 4 пенса за унцію. Докторъ Керръ изъ Валлавы представилъ въ австралійскій банкъ величайшій самородокъ золота, вѣсомъ во сто шесть фунтовъ. Онъ найденъ былъ негромъ, служащимъ у г. Керра, и находился въ глыбѣ кварца, имѣвшей одинъ футъ въ поперечникѣ, ожидая столько тысячъ лѣтъ рукъ человѣческихъ для извлеченія его изъ кристаллизированной оболочки! Негръ г. Керра и братъ его, въ награду за важную свою находку, получили два стада барановъ, двухъ верховыхъ лошадей, нѣсколько съѣстныхъ припасовъ и упряжъ быковъ, для разработки участка земли, для посѣва маиса и картофеля. Оба они весьма довольны этою наградою. Золотопромышленники, среднимъ числомъ, получаютъ по одному фунту стерлинговъ въ день. Прибыли рудокоповъ нельзя исчислить такъ вѣрно. Съѣстные припасы въ Австраліи дешевы. Человѣкъ можетъ прожить недѣлю девятью или десятью шиллингами.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ НАХОДКА. Въ американской газетѣ Richmond Times сообщаютъ, что при взрывѣ известняка, въ окрестностяхъ Буканау, въ Виргиніи, найдена пещера со входомъ, вышиною отъ шести до восьми, а длиною въ двѣсти футовъ, съ двумя комнатами или углубленіями. Въ первомъ углубленіи рабочіе нашли земляной сосудъ и большой каменный крестъ, съ рѣзьбою, но до того испорченою отъ времени, что едва можно

было узнать ее. Нѣсколько человѣкъ пошли съ фонаремъ во вторую комнату и увидѣли тамъ скелетъ, сидѣвшій на огромномъ желѣзномъ сундукѣ, прислонившись плечами къ стѣнѣ. По открытіи сундука, въ немъ оказались золотыя монеты, совершенно гладкія съ одной стороны и съ изображеніемъ креста и какими-то буквами или знаками на другой. Золото оцѣнено, на вѣсъ, въ семьсотъ восемьдесять восемь долларовъ.

КРИСТАЛЬНЫЙ-ДВОРЕЦЪ по рѣшенію нижняго парламента былъ немедленно проданъ частнымъ лицамъ за 70,000 ф. стерл.;—и 1-го мая, въ то самое число, въ которое въ прошломъ году была открыта выставка, нынѣ приступлено къ его разломкѣ. Послѣднія вещи, принадлежавшія къ зданію всемірной-выставки, проданы 10-го, съ аукціона, въ томъ числѣ огромное зеркало, висѣвшее на западной сторонѣ средняго корридора. Зданіе, гдѣ помѣщались паровыя машины, уже срыто, а 12-го числа начали ломать и главный фасадъ. Говорятъ, что спекуляторы, пріобрѣтшіе кристальный-дворецъ, купили также, чтобы выстроить его снова, мѣсто близъ площади Принцевъ, жители которой сильно противились тому, чтобы кристальный-дворецъ остался на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Такимъ-образомъ это зданіе будетъ еще ближе прежняго къ вилламъ англійской аристократіи, а жители этой части Лондона будутъ не менѣе прежняго терпѣть отъ съѣзда публичныхъ и другихъ экипажей и отъ множества пѣшеходовъ.

САМОЕ БЫСТРОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ КИТАЯ ВЪ АНГЛІЮ, совершенное американскимъ судномъ Witch of the Vave, по окончаніи своей кампаніи пришедшимъ въ Блаквелль, можно назвать безпримѣрнымъ. Грузъ этого судна весьма значителенъ: онъ состоитъ изъ 19,000 ящиковъ. Этотъ корабль, въ 1400 тоннъ, построенъ въ прошломъ году въ Салемѣ, близъ Нью-Іорка; онъ пошелъ въ Калифорнію, а оттуда въ Хонхъ-Конгъ. Изъ Кантона онъ вышелъ 5-го января; въ двадцать девять дней дошелъ до мыса Доброй-Надежды, и совершилъ все путешествіе изъ Китая въ Блаквелль въ девяносто дней. Такимъ-образомъ этотъ корабль обошелъ вокругъ свѣта въ десять мѣсяцевъ съ половиною, считая въ томъ числѣ и время нагрузки и выгрузки въ разныхъ мѣстахъ.

С. ДЖ. ФРАКЛИНЪ. До-сихъ-поръ въ Англіи ревностно принима-

ются всевозможныя мѣры къ отысканію этого неизвѣстностію своей участи замѣчательнаго мореходца.

Въ Morning Chronicle сообщаютъ слѣдующія извѣстія, полученныя съ послѣднею остъ-индскою почтою, о кораблѣ «Энтерпрейсъ», посланномъ для отысканія сера Дж. Франклина: «Въ прошедшемъ іюлѣ «Энтерпрейсъ» находился у мыса Принца Валлійскаго, и употребилъ двадцать-шесть дней на достиженіе Ллойдовой-гавани на Бонинскихъ-островахъ. Корабль сей окруженъ былъ льдами, 31-го мая, при мысѣ св. Фаддея, и до 3-го іюня покорялся ихъ движенію, которое унесло его къ сѣверу. Тамъ нашелъ онъ, 1-го іюля, море открытымъ, и присоединился, у мыса Принца Валлійскаго, къ Пловеру, который много пострадалъ отъ трехъ зимовокъ. На послѣднемъ находились докторъ Адамсъ и штурманъ съ «Энтерпрейса», оставленные на рѣкѣ Дарабинѣ, для обозрѣнія ея теченія, потому-что Индѣйцы говорили о бѣлыхъ людяхъ, которыхъ тамъ видѣли въ бѣдственномъ положеніи. По донесенію г. Адамса, упомянутые бѣлые люди, видѣнные Индѣйцами, вѣроятно, были офицеры Гудсонскаго-общества. Полагаютъ, что «Энтерпрейсъ» будетъ имѣть столь же мало успѣха, какъ и Пловеръ въ отысканіи сера Джона-Франклина».

— Адмиралтейство получило извѣстіе, которое произвело въ Лондонѣ сильное впечатлѣніе. Одинъ шкиперъ разсказывалъ, что бригъ Renovation, шедшій изъ Нордъ-Шильда въ Квебекъ, въ апрѣлѣ 1851 года, видѣлъ въ окрестностяхъ Новой-Земли два трехъ-мачтовыхъ корабля, стоявшихъ на льду. Такъ-какъ эти два корабля могутъ быть Франклиновы, то лорды адмиралтейства, несмотря на то, что эта исторія довольно невѣроятна, приказали произвести по этому предмету тщательныя изслѣдованія.

Писано было ко всѣмъ сборщикамъ пошлинъ въ китоловныхъ портахъ Англіи и Ирландіи, чтобы узнать, не пропали ли безъ вѣсти, въ 1850 и 1851 годахъ, какія-либо два судна, соотвѣтствующія сдѣланному описанію. Сверхъ-того капитанъ брига Renovation, который находится на пути въ Венецію, будетъ тщательно разспрошенъ, какъ-скоро появится въ этомъ городѣ.

Вотъ какимъ образомъ адмиралтейство получило это извѣстіе:

Лейтенантъ корабля Sampson, находящагося теперь въ Портсмутѣ, письменно сообщилъ адмиралтейству разговоръ свой съ однимъ шкиперомъ купеческаго корабля изъ Таймоута, по имени Стори. Шкиперъ говорилъ: «Одинъ капитанъ, находящійся теперь въ Шильдѣ, разсказывалъ мнѣ, что когда онъ шелъ, весною 1851 года, въ Сѣверную-Америку, вахтенный увидѣлъ большую ледяную банку. Проходя мимо этого льда такъ близко, какъ это позволило благоразуміе, они увидѣли два трехъ-мачтовыхъ корабля, которые стояли у самой банки; суда были въ порядкѣ, но на нихъ не видно было ни души.

Лейтенантъ корабля Sampson полагаетъ, что когда эти суда были на льду, паническій страхъ овладѣлъ экипажемъ, и люди ушли искать убѣжища въ другомъ, болѣе безопасномъ, мѣстѣ, откуда уже не могли возвратиться къ своимъ судамъ.

— Капитанъ Пенни, командовавшій арктическою экспедиціею для отысканія сера Джона-Франклина, сообщилъ въ газетахъ свое мнѣніе, что корабли, видѣнные между ледяными горами у береговъ Нью-Фундленда, и принятые за корабли сера Джона-Франклина, не что-нное, какъ ледяныя глыбы, оптическій обманъ, который можетъ ввести въ заблужденіе самыхъ опытныхъ людей.

— Въ United-Service Gazette напечатано:

«Мы имѣемъ полную причину полагать, что серъ Эдвардъ Парри и другіе опытные изслѣдователи арктическихъ морей увѣрены, что корабли, видѣнные купеческими судами во льдахъ близъ Новой-Земли, суть дѣйствительно Erebus и Terror, покинутые серомъ Джономъ Франклиномъ и его спутниками».

— Газета Globe сообщаетъ слѣдующее обозрѣніе всѣхъ донесеній, полученныхъ съ мая 1845 года о несчастной экспедиціи сера Джона Франклина. Въ концѣ 1846 года, датскій переводчикъ Адамъ Беккъ увѣдомилъ контръ-адмирала сера Джона Росса, что Erebus и Terror сера Джона Франклина потерпѣли крушеніе въ Баффиновой-бухтѣ, и что экипажи умерщвлены туземцами. Потомъ въ журналахъ, издаваемыхъ въ Дунди, появилось таинственное донесеніе, авторъ котораго, несмотря на всѣ старанія, неотысканъ; въ этомъ донесеніи упоминалось о четырехъ могилахъ, въ которыхъ погребены тѣла людей, очевидно погиб-

шихъ отъ голода. Впослѣдствіи, на островѣ Бичи дѣйствительно открыты три могилы, и въ нихъ трупы одного сержанта королевскаго флота и двухъ матросовъ, которые, какъ извѣстно, принадлежали къ экспедиціи сера Джона Франклина; это очевидно доказывало, что въ 1846 году сэръ Джонъ Франклинъ дѣйствительно провелъ нѣсколько времени на островѣ Бичи. Несмотря на то, что адмиралтейство назначило 10,000, потомъ 20,000 фунтовъ стерлинговъ въ награду за отысканіе сера Джона Франклина, объ этомъ предметѣ не было никакого извѣстія до послѣдняго донесенія о двухъ судахъ, видѣнныхъ во льдахъ близъ Новой-Земли. Само-собою-разумѣется, что это донесеніе капитана Коварда не доказываетъ, чтобы показаніе Адама Бекка было ложно. Въ извѣстное время года суда нерѣдко появляются во льдахъ близъ Новой-Земли. Пороходъ Дее цѣлыя сутки пробирался вдоль огромной ледяной горы, окруженной плавучими льдинами. Легко можетъ быть, что кто-нибудь и видѣлъ парусныя суда, маневрирующія по цѣлымъ недѣлямъ между льдинами въ тамошнихъ мѣстахъ, что̀, однакожъ, не доказываетъ, чтобы эти суда были именно сера Джона Франклина.

Въ Morning-Chronicle напечатано письмо г. Сутерланда бывшаго хирургомъ при послѣдней арктической экспедиціи. Мнѣніе его подкрѣпляется долговременною опытностью: «Изъ всего, что̀ было сказано и напечатано касательно двухъ кораблей, затертыхъ льдами и усмотрѣнныхъ въ полярныхъ моряхъ, публика должна полагать, что они принадлежатъ къ судамъ сера Джона Франклина. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы корабли, затертые льдомъ, могли достигнуть предѣловъ навигаціонной линіи, гдѣ ихъ видѣли не будучи совершенно истреблены дѣйствіемъ льдовъ, о которомъ нельзя себѣ составить истиннаго понятія. Изъ десяти кораблей едва ли спасется одинъ, если его затретъ льдомъ. Эребъ и Террор вѣрно бы не спаслись, по свойству своего груза. Малѣйшее давленіе плавающихъ льдинъ раздробляетъ бока корабля; эти льдины имѣютъ отъ двадцати до двадцати-четырехъ футовъ глубины, изъ которыхъ только три фута находятся на поверхности моря, а остальное производитъ подъ водою такіе удары, отъ которыхъ корабли погибаютъ неминуемо. Серъ Джонъ Франклинъ въ первой своей арктической экспедиціи сильно пострадалъ отъ нихъ. Не сомнѣваясь въ истинѣ показаній гг. Самсона и Линча касательно

видѣнныхъ ими кораблей, я думаю, что эти господа, видя въ первый разъ ледяныя горы, обмануты были миражемъ, который вводитъ въ заблужденіе самыхъ опытныхъ людей. Никакому моряку нестыдно сознаться въ подобной ошибкѣ, потому-что въ полярныхъ моряхъ дѣйствіе лучей на ледъ, отраженіе ихъ и оттѣнки производятъ самыя непостижимыя явленія. Экспедиція, отправившаяся нынѣ къ отысканію сера Джона Франклина, вѣроятно, избѣгнетъ этихъ опасныхъ и частыхъ ошибокъ.

Изъ Вулича отъ 10-го апрѣля писали, что винтовые пароходы «Энтрепидъ» (капитанъ Макъ Клинфокъ) и «Піонеръ» (капитанъ-лейтенантъ Осборнъ) уже готовы, вмѣстѣ съ кораблями «Ассистенсъ» и «Резолютъ», отправиться, въ будущій четвертокъ, изъ Гринича, въ полярную экспедицію. Лорды адмиралтейства осмотрятъ всѣ сіи суда до отплытія ихъ. Многіе морскіе офицеры посѣщали химическія лекціи г. Гея, который училъ бомбардировъ, прикомандированныхъ къ этой экспедиціи, зажигать порохъ подо льдомъ посредствомъ галваническихъ баттарей. Заряды состояли изъ десяти ящиковъ, съ полуфунтомъ пороха въ каждомъ. Г. Шигирдъ (Sheiherd) получилъ инструкціи отъ адмиралтейства осмотрѣть и починить весь газовый аппаратъ для наполненія воздушныхъ шаровъ, долженствующихъ разносить извѣстія по полярнымъ странамъ; равно заготовить нѣсколько новыхъ шаровъ и потребные къ нимъ газовые приборы.

—Въ первой половинѣ апрѣля эта новая экспедиція, отправленная въ арктическія моря для отысканія сера Джона Франклина, вышла изъ Вулича, подъ начальствомъ капитана сера Эдуарда Бельчера, и уже прошла Оркадскіе острова. На кораблях этихъ, снабженныхъ всѣми потребностями для путешествія по ледянымъ морямъ, отправлено большое число воздушныхъ шаровъ средней величины и галваническихъ баттарей для взрыва огромныхъ льдинъ, которыми корабли могутъ быть окружены. Взяты также всѣ типографскіе приборы, станки, разноцвѣтная бумага и атласные лоскутки для печатанія на нихъ. По прибытіи сера Эдуарда Бельчера въ высокія широты, ежедневно будетъ печа-

таемо по нѣскольку экземпляровъ извѣстій о корабляхъ, о капитанахъ экспедиціи, о цѣли оной и о географическомъ положеніи судовъ. Эти извѣстія разносимы будутъ воздушными шарами по направленію вѣтровъ. Произведенные здѣсь опыты доказали, что симъ средствомъ можно доставлять извѣстія на весьма большія разстоянія. Цвѣтная бумага и атласъ служатъ для того, чтобъ ихъ издали могли видѣть на снѣгу или на льду, Шары же устроены такимъ образомъ, что могутъ плавать на водѣ.

ПОДВОДНЫЕ ТЕЛЕГРАФЫ. — Въ Англіи составилась компанія для устройства подводнаго электрическаго телеграфа между Великобританіею и Ирландіею. Начальными пунктами этой линіи избраны портъ Натрикъ на шотландскомъ берегу и Доннегліади на ирландскомъ. Открытіе телеграфа назначено было 20-го мая, потому-что уже заключены контракты на передачу депешъ около сего времени.

Подводный телеграфъ между Лондономъ и Булонью оконченъ и началъ дѣйствовать. Теперь готовятъ проволоки, которыя погружены будутъ между Дувромъ и Остенде, для сообщенія съ Бельгіею и лежащимъ за нею европейскимъ материкомъ. Разстояніе и длина каната втрое болѣе противъ протяженія между Дувромъ и Кале, то есть составляетъ около семидесяти миль. Опытность, пріобрѣтенная при устроеніи перваго подводнаго телеграфа, сократитъ во многомъ расходы втораго. Готовятъ телеграфическія линіи между Дувромъ и Корнгиллемъ, независимо отъ юго-восточнаго телеграфа. Онѣ проведены будутъ подземными трубами вдоль прежней дуврской дороги. Всѣ линіи, сообщающіяся съ подводными телеграфами, будутъ устроены подъ землею, и проволоки со слоемъ гутта-перчи будутъ помѣщены въ трубахъ вдоль дороги. Съ уменьшеніемъ цѣнъ за передачу депешей, измѣнены будутъ и тарифы подводнаго телеграфа, находящагося нынѣ въ спошеніяхъ съ двумя стами городовъ твердой земли. Теперь, за передачу депеши и отвѣтъ изъ Берлина, Антверпена, Брюсселя или Гента, платятъ гинею. Иностранные корреспонденты и торговые домы могутъ ежедневно и ежечасно пересылаться денешами. Можно послать де-

пешу въ Лембергъ (Галицію), и получить отвѣтъ въ тотъ же день. Между Дувромъ и Парижемъ пересылка депеши происходитъ въ полторы минуты.

РЕГУЛЯТОРЪ ЧАСОВЪ ПО ВСЕЙ АНГЛІИ.—Въ Лондонѣ оконченъ приборъ, назначенный для того, чтобы посредствомъ электрическаго телеграфа устанавливать часы по всей Великобританіи. Изобрѣтатель этого механизма, инженеръ телеграфовъ г. Кларкъ. Регуляторомъ для всего королевства будутъ часы на гриничской обсерваторіи.

МАСЛО ДЛЯ МАШИНЪ. Обществу французскихъ и нѣмецкихъ химиковъ, между которыми находится знаменитый докторъ Либихъ, удалось извлечь, новымъ способомъ, изъ животныхъ веществъ, масло для машинъ, представляющее, говорятъ, большія выгоды. Въ немъ нѣтъ никакой кислоты, оно не портитъ колесъ, не имѣетъ запаха, и потребляется на машинахъ, которыя, слѣдовательно, ненадо и чистить.

ВЕЛИЧАЙШІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. — Revue et Gasette de Theatre разсказываетъ о проектѣ новаго гигантскаго театра. Переговоры объ этомъ предпріятіи уже значительно подвинулись впередъ. Въ этомъ театрѣ будетъ помѣщаться до восьми тысячъ зрителей, между-тѣмъ какъ въ прежнемъ циркѣ, величайшемъ изъ парижскихъ театровъ, не болѣе двухъ тысячъ пятидесяти мѣстъ. Постройка этого зданія обойдется въ 1,500,000 фр. Учредитель, г. Арно́, проситъ привилегіи и, сверхъ-того, вспомоществованія. Театръ будетъ называться Наполеоновскимъ.

НОВАЯ БУМАЖНАЯ МАССА.—Извѣстно, что съ нѣкотораго времени открытъ способъ переводитъ на бумагу, безъ помощи гравера, всякой печатанный или писанный оригиналъ. Г. Катендиксъ, въ Англіи, изобрѣлъ средство сдѣлать такой переводъ невозможнымъ: онъ приготовляетъ бумажную массу такимъ образомъ, что отъ прикосновенія съ химическими агентами, служащими

для перевода, бумага разрушается. Это изобрѣтеніе, на которое выдана привиллегія на пятнадцать лѣтъ, окажетъ большія услуги коммерціи.

ЛИВЕРПУЛЬСКІЙ И НЬЮ-ІОРКСКІЙ ПОРТЫ, въ старомъ и новомъ свѣтѣ поглощаютъ наибо́льшую часть коммерческаго движенія. Одинъ изъ нихъ первый портъ въ новомъ-свѣтѣ, другой не имѣетъ теперь соперника въ Европѣ, и между этими двумя торговыми мѣстами происходитъ обмѣнъ, который составляетъ первую и постоянную причину ихъ благоденствія. Сырыя произведенія Америки составляютъ главную массу ввоза Ливерпуля, откуда они расходятся по всѣмъ европейскимъ портамъ; между-тѣмъ какъ англійскія фабричныя произведенія, отправляемыя изъ Ливерпуля, составляютъ главный ввозъ Нью-Іорка, который распредѣляетъ ихъ по огромному прибрежью Америки. Такимъ-образомъ эти два коммерческіе гиганта поддерживаютъ другъ-друга, и бѣдствія одного не не могутъ не отзываться на благосостояніи другаго.

ЛИВЕРПУЛЬ И ЛОНДОНЪ. Недавно газета Liverpool-Times, сообщая свѣдѣнія о состояніи Ливерпуля, замѣтила, что общая сумма вывозовъ оттуда простирается до 35.000,000 фун. стерлинговъ. А это составляетъ половину всего вывоза Великобританіи и въ два съ половиною раза болѣе Лондона, который долгое время не имѣлъ соперниковъ въ соединенномъ-королевствѣ. Причины этого возрастающаго превосходства многочисленны и разнообразны: не говоря уже о большихъ минеральныхъ богатствахъ, представляемыхъ графствами, которыя, подобно Ленксшайру и Стаффордшайру, окружаютъ ливерпульскій бассейнъ, или лежатъ по сосѣдству съ нимъ, энергическая пылкость его промышленнаго населенія въ работѣ и морскихъ операціяхъ, многочисленность каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, которыя изъ Ливерпуля распространяются по всѣмъ частямъ Великобританіи, и великія морскія услуги, связывающія могущественные доки Мерси съ нью-іоркскими складочными мѣстами, всѣ эти причины необходимо должны были сдѣлать изъ Ливерпуля самый обширный и самый дѣятельный рынокъ всего коммерческаго

міра, особенно въ отношеніи къ главнѣйшимъ статьямъ сырыхъ произведеній, къ съѣстнымъ припасамъ, лѣсу, хлопчатой бумагѣ, мукѣ, которыя обѣ Америки присылаютъ въ старый свѣтъ.

Замѣчательно, что судоходное движеніе въ Лондонѣ несравненно больше, чѣмъ въ Ливерпулѣ. Между-тѣмъ мы видѣли, что, по цѣнности, торговля Ливерпуля гораздо важнѣе, чѣмъ торговля столицы соединеннаго-королевства. Вотъ объясненіе этой странности:

Ливерпуль и Лондонъ употребляютъ почти одинаковое количество каменнаго угля, именно около 1,500,000 тоннъ. Но Лондонъ получаетъ эту массу угля черезъ свой портъ, Темзу, между-тѣмъ какъ уголь, употребляемый въ Ливерпулѣ, привозится туда по рѣкамъ, каналамъ, желѣзнымъ дорогамъ. Вотъ почему второй изъ этихъ портовъ получаетъ только 3, 163,000 тоннъ первый (Лондонъ) слишкомъ 4,000,000.

Наконецъ, чтобы доказать преуспѣяніе Ливерпуля, надобно только напомнить что сумма привоза туда простиралось въ 1826 году только до 1,200,228 тоннъ, и въ докахъ его собрано не болѣе 131,000 фунтовъ стерлинговъ. Теперь эти суммы увеличились почти вдвое, такъ что въ 1850 году доки принесли 260,000 фун. стер.

НАДПИСЬ НАДЪ ГРОБНИЦЕЮ НАПОЛЕОНА, которая будетъ вырѣзана на золотой доскѣ: «Родился 15-го августа 1769. Произведенъ при осадѣ Тулона, въ 1793 году, въ эскадроные командиры, на 25-мъ году. Назначенъ начальникомъ артиллеріи италійской арміи въ 1794. Главнокомандующимъ италійскою арміею въ 1797, на 29-мъ году. Египетскую експедицію совершилъ на 30-мъ году. Первымъ Консуломъ въ 1799, на 31-мъ году. Пожизненнымъ Консуломъ, послѣ битвы при Маренго, въ 1800 году. Императоромъ въ 1804, на 36-мъ году. Отрекся отъ престола въ 1815 году, послѣ битвы при Ватерлоо, на 47-мъ году. Скончался 5-го мая 1821 года, на 53-мъ.

ОТЧЕТЪ ЛОНДОНСКОЙ ПОЛИЦІИ за 1851 годъ показываетъ, что въ этотъ годъ взято подъ стражу 72,397 человѣкъ, изъ нихъ вскорѣ отпущено 37,363; оставлены подъ арестомъ или освобождены на поручительство 30,498 человѣкъ; отдано подъ судъ 4,536; изъ нихъ 3,711 человѣкъ уличены и подверглись судебнымъ приговорамъ; 672 человѣка объявлены невиновными и 153 человѣка не были суждены.

ТРОГАТЕЛЬНЫЙ АНЕКДОТЪ. Садовникъ, служившій при дворцѣ въ Нёльи, помня милости, оказанныя ему королевскою фамиліею, желалъ выразить радость, узнавъ о рѣшеніи суда первой инстанціи по дѣлу объ имуществѣ Орлеанскаго Дома. Онъ нарѣзалъ красивый букетъ камелій и рододендроновъ, и уложивъ его по всѣмъ правиламъ искусства, отправился съ нимъ въ Клермонтъ, для поднесенія королевѣ Маріи-Амаліи. «Пусть же они видятъ, сказалъ онъ, что не всѣ ихъ здѣсь забыли. Вѣрно они порадуются».

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ ежедневно улучшается и совершенствуется въ примѣненіяхъ своихъ: каждый изъ паровозовъ орлеанской желѣзной дороги снабженъ теперь электрическимъ аппаратомъ, могущимъ, по востребованію, быть въ сношеніи съ ближайшею станціею, посредствомъ проволоки, положенной вдоль желѣзной дороги. Такимъ-образомъ поѣзды могутъ требовать присылки паравоза или чего имъ нужно.

НЕКРОЛОГЪ.

ФРАНЦІЯ. Здѣсь скончались: 17-го апрѣля маршалъ Жераръ. Теперь остается во Франціи только пять маршаловъ: Гг. Рейль, произведенный въ 1847 г., Іеронимъ Бонапарте, въ 1850, Эк-

сельманъ, Гариспъ и Вальянъ, въ 1851. Говорятъ что вновь будутъ произведены три или четыре маршала, и именно: Генералы Кастеланъ, Маньянъ и Мортемаръ.

Семейство Жерара объявило что знаменитый воинъ завѣщалъ похоронить его самымъ простымъ образомъ, и сумму, обыкновенно растрачиваемую на погребеніе, раздать бѣднымъ, согласно сдѣланному имъ назначенію.

Въ Парижѣ, на восмидесятомъ году, вице-адмиралъ Гальганъ бывшій Перъ Франціи,

25-го апрѣля, министръ Пенилли, бывшій въ послѣднее время президентомъ палаты депутатовъ.

26-го апрѣля, въ Шамо, послѣ трехъ-дневной болѣзни, бывшій министръ Тестъ,—извѣстный по процессу о лихоимствѣ въ 1847 году.

Тогоже числа, на восмидесятомъ году отъ рожденія, баронъ Валкенаръ, одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ и плодовитѣйшихъ французскихъ литераторовъ, писавшій объ исторіи, литературѣ ученыхъ предметахъ, географіи, естественныхъ наукахъ, статистикѣ, политикѣ. Онъ былъ непремѣннымъ секретаремъ и помощникомъ директора академіи надписей и литературы, и помощникомъ библіотекаря въ національной библіотекѣ. Онъ управлялъ разными департаментами въ званіи префекта, и нѣсколько лѣтъ занималъ должность главнаго секретаря сенской префектуры:

Близъ Монтаржи, въ загородномъ домѣ, на восемьдесятъ-девятомъ году отъ рожденія, потомокъ древнихъ ирландскихъ королей, дивизіонный генералъ Артуръ О'Коннеръ, бѣжавшій во Францію послѣ неудачнаго возстанія Ирландіи въ 1796 году, Онъ былъ женатъ на дочери Кондорсета.

Во второй же половинѣ апрѣля, въ Парижѣ, на тридцать седьмомъ году, знаменитая наѣздница Полина Кюзанъ, недавно бывшая украшеніемъ петербургскаго театра-цирка, на которомъ она изумляла каждаго своимъ рѣдкимъ искусствомъ въ эквилибристикѣ.

Въ маѣ, бывшій перъ Франціи и грандъ Испаніи перваго класса, герцогъ де Бранкасъ.

ГЕРМАНІЯ. Въ Карлсруе, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, умеръ, восьмидести лѣтъ отъ рожденія, знаменитый профессоръ физики Пфафъ, ректоръ кильскаго университета и соученикъ Шиллера.

ТУРЦІЯ. Находившійся съ нѣкотораго времени въ Константинополѣ одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ сербскаго княжества, г. Петроніевичъ, скончался 22-го апрѣля, отъ апоплексическаго удара.

АМЕРИКА. Г-жа Блумеръ, основательница блумеризма, умерла въ Бостонѣ.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СВЯТОСЛАВЪ ВЪ ДОРОСТОЛѢ.

Коварнымъ Грекомъ сбитый съ поля,
Князь Кіевскій—краса князей,—
Заперся въ тѣсномъ Доростолѣ
Съ дружиной храброю своей.
Съ нимъ было витязей немало;
Но часть большая въ битвѣ пала,—
Осталась горсть богатырей.

И та дружина Святослава
Въ бояхъ изранена была;
Но далеко гремѣла слава
Про ихъ геройскія дѣла.
Ихъ трепетали Печенѣги;
Козаровъ хищные набѣги
При нихъ спокойно Русь ждала.

Но подъ стѣнами ихъ твердыни
Враговъ тмочисленная рать;
Русь далеко, — а на чужбинѣ
Откуда помощи имъ ждать?
На всѣхъ курганахъ часовые,
Всю ночь огни сторожевые;
Нельзя гонца къ своимъ послать.

Осада длится; ратный городъ
Погибель видитъ предъ собой:
Одно изъ двухъ—иль смертный голодъ,
Иль съ супостатомъ смертный бой.
Но врагъ безчисленъ подъ стѣнами,
Холмы пестрѣютъ знаменами,
Гудятъ военною трубой....

Отъ частыхъ вылазокъ рѣдѣютъ
Могучихъ витязей ряды;
Но Кіевляне, не робѣютъ;
Для нихъ на свѣтѣ нѣтъ бѣды.
Гдѣ русскій борзый конь проскачетъ,
Тамъ кровью слѣдъ свой обозначитъ,
Тамъ смерть иль плѣнъ—тутъ нѣтъ среды!

Лишь полночь ляжетъ чорной мглою
На осажденный Доростолъ, —
Князь прелъ дружиной удалою
Уже несется, какъ орелъ;
Врагу онъ грозно смотритъ въ очи;
Гремитъ труба во мракѣ ночи,
Отъ бранныхъ кликовъ стонетъ долъ.

За Княземъ конники несутся,
И копья витязей въ упоръ;
Они ждутъ битвы—не дождутся:
Пылъ ярой сѣчи — имъ просторъ!
Доспѣхи ихъ не мѣдь, не злато —
Изъ воронепаго булата;
Ихъ лица страшны, грозенъ взоръ.

Уже кольчуги боевыя
Звучатъ подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ.
Въ восторгѣ витязи сѣдые:
Для нихъ желанный часъ приспѣлъ.
Взыгрался русскій духъ могучій....
И грянули, какъ громъ изъ тучи,
И сыплютъ груды вражьихъ тѣлъ.

Мечами рубятся стальными,
Тяжелая сѣкира бьетъ....
Но вражья рать, какъ лѣсъ, предъ ними,
Не умаляется, ростетъ.
И утомится лютымъ боемъ,
И въ Доростолъ сомкнутымъ строемъ
Дружина русская идетъ.

И сѣчи тѣ жаркій, кровавы,
Въ нихъ не одинъ ужъ витязь палъ....
Погибъ Икморъ—любимецъ славы,
Погибъ могучій вождь Сфенкалъ.
За нихъ платились Греки жизнью:
Ужасную во гнѣвѣ тризну
По нихъ Князь Кіевскій справлялъ.

Усталому уснуть такъ сладко;
Но Рускій на войнѣ не спитъ.
Взойдетъ заря—и снова схватка,
И снова жаркій бой кипитъ.
И ежедневно, до заката,
Лишь слышны громъ да стукъ булата,
На полѣ бранномъ пыль стоитъ.

Герои устали не знали:
Война—любимый ихъ кумиръ.
Но вотъ они въ унынье впали,
Страшилъ ихъ не кровавый пиръ,—
Но смерть голодная, безъ боя
Страшна для русскаго героя—
И дать хотѣли Греку миръ.

—

И предлагаютъ Святославу
Послать гонца во вражій станъ....
Но Князю рѣчь та не по нраву;
И вспрянулъ онъ, могучь и рьянъ,
И вскликнулъ грозно, величаво:
«Такъ вы забыли предковъ славу?
«Такъ вотъ плоды трудовъ и ранъ?!

—

«Не будетъ такъ!... Костьми здѣсь ляжемъ,
«Умремъ, коль умирать чреда;
«Безсилья Греку не покажемъ,
«Умремъ—вѣдь мертвымъ нѣтъ стыда!
«Готовьтесь съ завтрашней зарею
«Къ послѣднему, быть-можетъ, бою....
«Насъ одолѣютъ—не бѣда»!

—

Настало утро. Въ Доростолѣ
Остались только старъ и младъ.
Двѣ грозныхъ рати въ чистомъ полѣ
Уже лицомъ къ лицу стоятъ;
И копья ихъ, какъ лѣсъ чернѣютъ,
Ихъ кони ржутъ, знамена вѣютъ,
Доспѣхи бранные звучатъ.

Въ-минуту битва запылала....
Строй Грековъ чуть объемлетъ взоръ;
Врагъ многочисленъ—Рускихъ мало;
Но смертоносенъ ихъ напоръ,
Разятъ они, льютъ крови рѣки....
И отступили робко Греки,
Скрывая въ мракѣ свой позоръ.

На утро снова загремѣла
На бой призывная труба;
Сильнѣе сѣча закипѣла,
Ожесточеннѣе борьба.
Отъ бранныхъ кликовъ поле стонетъ,
Въ крови людской долина тонетъ;
Двухъ царствъ рѣшается судьба....

Взошло свѣтило золотое
Высоко на лазурь небесъ,
И льетъ лучи на все земное —
На тихій долъ, на темный лѣсъ,
На воиновъ, стѣсненныхъ боемъ;
Палитъ и жжетъ ихъ жаркимъ зноемъ....
Вдругъ въ полдень свѣтъ дневной исчезъ.

И тучи небо затемнили,
И разгулялся вихрь степной....
Но въ облакахъ сгущенныхъ пыли
Сильнѣй вскипѣлъ кровавый бой,—
Послѣдній бой!—всѣ это знали,
И ни на шагъ не отступали,
И съ громомъ несся строй на строй!

Но гибель Рускимъ—вѣтеръ южный,—
Имъ дулъ въ лицо, врагамъ же въ тылъ,
И вражьей рати натискъ дружный
Желѣзный русскій строй сломилъ....
Постигла витязей невзгода,
Иа нихъ возстала вся природа,
Ихъ вихорь пылью ослѣпилъ!

Не устоявъ на ратномъ полѣ,
Князь Кіевскій—краса князей,
Опять запереся въ Доростолѣ
Съ дружиной храброю своей.
Съ нимъ прежде рати было мало;
Теперь же вдвое меньше стало;
Но Грекъ не смѣлъ ужъ биться съ ней....

М. Истоминъ.

Архангельскъ. 1852.

НОЧЬ.

Я проснулся! полночь било,
Спало все кругомъ;
Какъ въ гробу все темно было
Въ сумракѣ ночномъ.
Одночвучный раздавался
Маятника стукъ,
Одинокій озирался,
Молча, я вокругъ.
Темно, душно; не хаосъ ли

Воцарился вновь?
Нѣтъ! безсонницы томленье
Мучаетъ меня;
Гдѣ ты шумное волненье
Радостнаго дня?

* * *

Чу! вотъ въ комнату мгновенно
Вѣтеръ ворвался;
Надъ окошкомъ растворенным
Занавѣсъ взвился;
Передъ сонными глазами
Онъ отвѣянъ прочь —
И ко мнѣ съ луной, съ лѣсами,
Съ звѣзднымъ небомъ, съ облаками,
Заглянула ночь.

* * *

Заглянула тихо, тайно —
И на сердце мнѣ
Неразгаданная тайна
Пала въ тишинѣ.
Прочь томленье, немощь плоти,
Малодушный бредъ!
Для кого вы, звѣзды, льете
Чудотворный свѣтъ?

Для кого луной убрали
Сводъ свой небеса?...
Бодрствуй духъ! не для тебя ли
Эти чудеса?

Н. А.

ПУСТЫННАЯ ОБИТЕЛЬ.

Есть на сѣверѣ гора....
Отъ подножья до вершины—
До высокаго чела
Чорнымъ лѣсомъ обрасла.
Спятъ окрестныя долины,
И въ предгорьи тишина;
Только слышно, какъ порою
Въ брегъ печальный, подъ горою,
Плещетъ звучная волна.
Но лишь утра лучъ прекрасный—

Первый лучъ денницы ясной
Лѣсъ дремучій озаритъ,
По пригоркамъ разольется,
На равнинѣ загоритъ,
Къ тихой зыби водъ коснется,—
И оставивъ смутный сонъ,
Вся природа встрепенется—
Съ вышины какой-то звонъ
Тихо долу пронесется....
Смолкнетъ звонъ,—и стройный хоръ,—
Какъ незримый, благодатный
Неба жителей соборъ,
Зазвучитъ душѣ понятный
Гимнъ хваленья небесамъ.
И той пѣснѣ вдохновенной
Внемлютъ темные лѣса,
Выси горъ и долъ смиренный.
И вечернею порой
Тотъ же звонъ, и то же пѣнье.
Станетъ путникъ подъ горой,
И внимаетъ въ изумленьи:
Средь вечерней тишины
Звуки льются съ вышины....
Онъ глядитъ—сплошной стѣною
Передъ нимъ чернѣетъ лѣсъ,
Да виситъ надъ головою
Голубой шатеръ небесъ,

Да при заревѣ заката,
Одиноко надъ скалой,
Словно вылитый изъ злата,
Блещетъ куполъ вѣковой....

ЯМЩИКИ.

—

Вотъ ужъ съ годъ, какъ всѣ парни засматриваются на Авдю, внучку ямщика Игнатьича, а самъ Игнатьичъ уже семнадцать лѣтъ любуется и не налюбуется своей красавицей Авдей; онъ не лѣнился убаюкивать ее, когда она росла въ колыбели, не отговаривался отъ сказокъ, не скупился на пряники, когда она стала бѣгать и рѣзвиться по двору вмѣстѣ съ сосѣдними ребятишками; не забывалъ ей привозить изъ города то ленточку въ косу, то сережки, то колечко, иногда и на сарафанъ чего-нибудь, чтобъ Авдя не была хуже всѣхъ въ веселыхъ хороводахъ или на шумныхъ посидѣлкахъ. «Балуетъ свою внучку Игнатьичъ», говорили сосѣди; а Игнатьичъ только улыбался, молча поглаживая свою сѣдую бородушку; ему любо было слышать такія слова, потому-что онъ въ-самомъ-дѣлѣ любилъ баловать Авдю. Онъ былъ старъ и сѣдъ, но еще бодръ и силенъ; крѣпкая сѣверная природа въ немъ выказывалась вполнѣ; всякій, посмотрѣвъ на его высокій ростъ, на его дюжее, здоровое сложенье, на величественную старческую осанку, на его какую-то краснорѣчивую сѣдину,—всякій скажетъ, что подъ русскими морозами, среди русскихъ снѣговъ выросъ и окрѣпъ онъ; они взлелѣяли его юность, зажгли въ ней огонь жизни, сдѣлались его необходимою при-

родою, тѣшили его душу своими блестящими искрами, и теперь даютъ бодрость его старости. Онъ былъ ямщикъ, ямщикъ настоящій—русскій, ямщикъ въ душѣ, отъ самыхъ своихъ ребяческихъ дней и до сѣдины. Посмотрите на него, когда онъ присядетъ на край облучка, возьметъ въ лѣвую руку возжи, выпрямится, примолвитъ: «Господи благослови», и поведетъ кнутомъ по своей лихой тройкѣ; помчится она точно на перегонку съ соколомъ, подъ ладъ звонкаго колокольчика, летитъ мѣрнымъ летомъ по гладкой дорогѣ, и точно чуетъ, что тѣшитъ душу своего стараго хозяина. Тутъ-то Игнатьичъ какъ-будто вдохновляется; вы видите, что это не простой извощикъ, который только взялся перевести васъ съ мѣста на мѣсто за условную плату, что это не хладнокровный поденщикъ, которому нужна не работа, а копейка; нѣтъ, вы видите въ немъ страсть, слѣдите за его размашистыми, невольными жестами, слышите его отрывистые, удалые, даже прибавлю, восторженные крики, и если за тѣмъ окинете кругомъ взоромъ всю необозримую даль и потомъ задумаетесь, то поймете эту страсть русскаго ямщика. Впрочемъ, здѣсь вамъ будетъ некогда думать; вы будете только смотрѣть и чувствовать. Если на душѣ у васъ весело, то при этомъ быстромъ полетѣ ваше сердце забьется еще веселѣе; какая-то раздольная радость скажется въ вашей мгновенной улыбкѣ; живѣе потечетъ кровь въ вашихъ жилахъ, и тутъ-то вы почувствуете въ себѣ страсть той же удали, чувство того же раздолья и разгула; если же у васъ на сердцѣ затаилась грусть, если за вами летитъ неотвязчивая тоска, то въ эти мгновенія она останется далеко за вами, будто не въ силахъ поспѣть за летучей тройкой; ваши тоскливыя думы разсѣются въ одну минуту, подобно облакамъ при мгновенномъ порывистомъ вѣтрѣ; вашъ грустный взоръ уже не будетъ томиться этими широкими ровными полями и лугами, которыя стелятся далеко-далеко и наконецъ сливаются съ голубымъ небомъ или съ сѣренькими облаками; вы

только будете наслаждаться быстротой настоящаго. Для разнообразія, изрѣдка передъ вами мелькнетъ какой-нибудь перелѣсокъ со своими чахлыми елями и тощими березами, или какая-нибудь деревнюшка, смотрящая на васъ то весело, то сурово, со своими овинами, съ бабами, сидящими у порога, съ крикливыми ребятишками, которые съ любопытствомъ глядятъ вамъ вслѣдъ, или пожалуй вздумаютъ перегонять васъ. Но кто можетъ перегнать эту удалую тройку; она мчится, летитъ, звенитъ и снова вамъ представляетъ тѣ же необозримыя равнины, ту же безконечную даль. Тогда во всемъ этомъ вы найдете свою прелесть, свое родное; ваше сердце отзовется и на унылый звонъ колокольчика, и на удалые крики ямщика, и на всю широкую раздольную мѣстность. Вы Русскій, то же самое названіе носитъ и эта природа, и это раздолье, и эта удаль, которая такъ живо выказывается въ ямщицкихъ порывахъ, а родное всегда сказывается родному сердцу. Тогда вы легко себѣ объясните, отчего такъ выработался типъ русскаго ямщика по всей широкой матушкѣ-Руси; а представителемъ этого типа я, по справедливости, могу считать Игнатьича.

Да, чудно мчаться на русской тройкѣ, съ лихимъ русскимъ ямщикомъ! Сколько тутъ особенныхъ, трепетныхъ ощущеній, которыхъ нельзя сравнить ни съ какими другими; сколько удалой жизни въ этомъ быстромъ полетѣ! Пусть паровозъ летитъ въ десять разъ скорѣй тройки, но его быстрота никогда не произведетъ въ вашей душѣ такого дѣйствія; на немъ все мелькаетъ передъ вами и утомляетъ ваши глаза; мѣрный порывъ его пара и однообразный стукъ колесъ утомляютъ ваши уши; совсѣмъ не то лихая тройка!

Игнатьичъ умѣлъ чувствовать прелесть этой живой быстроты коней, и наслаждаясь самъ, хотѣлъ наслаждать также своихъ сѣдоковъ; но бѣда вамъ, если вы въ первый разъ вздумали оставить городъ, не зная ничего, кромѣ го-

родскихъ экипажей: на тележкѣ Игнатьича восхитительная быстрота вамъ покажется адской пыткой; ваше сердце забьется болѣзненно, вы готовы ждать, что вотъ черезъ минуту оно или вырвется вонъ изъ груди, или разорвется на части; вы съ трудомъ будете въ состояніи произнести слова просьбы къ Игнатьичу, чтобы онъ умѣрилъ быстроту своихъ коней. Онъ тотчасъ васъ послушаетъ, но вѣрно примолвитъ: «Ага, знать въ первый разъ ѣдетъ баринъ; подожди немного, стерпится слюбится, самъ будешъ давать на водку, чтобъ только однимъ духомъ прокатиться отъ станціи до станціи, тогда любо будетъ, попривыкни только....» Вы не вдругъ повѣрите его словамъ, а онъ совершенно правъ. Однимъ движеніемъ руки онъ заставитъ коней бѣжать легкимъ, спокойнымъ бѣгомъ; и тогда ладъ звона колокольчика мгновенно измѣняется; утихаютъ удалые крики ямщика; его черты принимаютъ обыкновенное выраженіе; онъ хладнокровно смотритъ на всѣ стороны, и потомъ, мало-по-малу задумывается. Если въ эту минуту вы не прервете его думы своими вопросами, то непремѣнно, черезъ нѣсколько мгновеній, услышите его заунывную, протяжную пѣсню; тихимъ, складнымъ напѣвомъ будетъ оглашать она дорогу, не будетъ тѣшить и ласкать вашего слуха разнообразными переливами, но за то прямо съ первыхъ своихъ звуковъ проникнетъ въ вашу душу, проникнетъ во всю ея глубину, отыщетъ тамъ самыя живыя струны, заколеблетъ ихъ, и зазвучатъ онѣ тѣмъ же самымъ ладомъ, и заговорятъ сердечнымъ языкомъ, завладѣютъ всѣмъ вашимъ слухомъ и отнимутъ у васъ силу всѣхъ другихъ внѣшнихъ чувствъ. Долго вы будете внимать этому родному голосу, и во всемъ будете находить съ нимъ гармонію: прислушаетесь къ біенію своего сердца, тамъ слышите отзывъ тѣхъ же звуковъ, въ понятныхъ, но невыразимыхъ чувствахъ; обратите ваши взоры на ямщика: его черты покажутъ вамъ, что онъ весь углубился въ самаго себя.

Но вотъ вы пріѣхали на станцію; Игнатьичъ въ минуту забываетъ свою думу; его тотчасъ окружаетъ толпа ребятъ, парней, стариковъ, среди которыхъ онъ себя видитъ какъ будто въ родной семьѣ; со всѣми онъ балагуритъ, шутитъ, смѣется, а если есть дѣло, то и о дѣлѣ начнетъ судить такъ, что заслушаешься; между-тѣмъ не забываетъ приласкать и своихъ родныхъ лошадушекъ.

Смотря на Игнатьича, вы убѣдитесь, что онъ занимается не по нуждѣ, не изъ одной только работы и платы, но по страсти, по любви и сочувствію къ своему ремеслу, и какъ-будто даже по своей природѣ.

Онъ мнѣ разсказывалъ, что недавно ему вздумалось было бросить возжи, телегу и лошадей, передать ихъ своему четырнадцати-лѣтнему внуку, а самому успокоить старыя кости въ теплой избѣ. Но немного времени онъ провелъ въ этомъ покоѣ; ему стало скучно, ничего онъ себѣ не находилъ по мысли, хоть въ гробъ ложись, такъ жизнь стала невесела и лѣнива.

И вотъ онъ скоро догадался, что̀ это значитъ; запрягъ снова тройку, снова взялъ въ руки кнутъ да возжи, снова опылилъ свой кафтанъ пылью большой дороги, и всѐ какъ рукой сняло, прошла скука, и опять пошла жизнь попрежнему.

Вотъ каковъ былъ Игнатьичъ; не даромъ всѣ ямщики говорятъ про него, что какъ воронъ жаждетъ крови, такъ Игнатьичъ ждетъ своей череды. Ему знакома вся окрестность, по-крайней-мѣрѣ, на сто верстъ, а на большой дорогѣ знакомъ каждый камушекъ, каждое деревцо, только сто̀итъ съ нимъ заговорить, такъ онъ разскажетъ вамъ всю подноготную; за-то ужъ и говоритъ мастеръ, особенно если дѣло коснется его прежней удали, его молодости, о, тогда сто̀итъ его послушать.

Давно уже лишился Игнатьичъ своей жены, о которой всегда вспоминалъ съ грустью и любовью, называя ее сво-

ей покойницей; потерялъ и любимаго единственнаго сына, такъ что теперь его семью составляютъ вдова-невѣстка, внукъ да внучка. Онъ любилъ ихъ всѣхъ, но во внучкѣ просто души не слышалъ; отъ того ли, что она была первая, которая дала ему право назваться дѣдушкой, или такъ сама по себѣ заслуживала его любовь, трудно что-нибудь вѣрное сказать на это, да и самъ Игнатьичъ, кажется, не зналъ бы что отвѣчать, еслибы вамъ вздумалось спросить его.

Авдя въ-самомъ-дѣлѣ была прекрасная дѣвушка, и не даромъ на нее засматривались всѣ парни. Она мало была похожа на тѣхъ русскихъ дѣвушекъ, которыхъ по бо́льшей части представляютъ наши художники въ своихъ картинахъ; въ ея щекахъ не было той полноты, которая васъ заставляетъ назвать дѣвушку откормленною; въ ея румянцѣ не было той густоты и неподвижности, въ улыбкѣ и во всѣхъ чертахъ той общности и неопредѣленности, которыя недолго васъ удерживаютъ передъ собою; Авдя, напротивъ, невольно обращаетъ на себя ваши взоры: ея легкій румянецъ безпрестанно игралъ на щекахъ; милая улыбка часто скользила по устамъ, которыя такъ и хочется поцѣловать, какъ уста прелестнаго ребенка; въ этой улыбкѣ то блестѣла радость, то крылось любопытство, то таилась стыдливость; наконецъ, глаза.... ихъ ужъ я не знаю какъ описать вамъ—это были чудные голубые глаза, которыхъ быстрый, иногда стыдливый, иногда даже лукавый взоръ врѣзывался въ вашу память, и въ ней минутой могъ отрывать васъ отъ работы, минутой могъ оживляться передъ вами во снѣ. Свѣтлорусые волосы дѣвушки гладко свивались въ густую длинную косу, искусно связанную ленточкой. Въ ея чертахъ вы найдете не безмолвную простоту, но жизнь, какая только можетъ пылать въ груди семнадцати-лѣтней дѣвушки, воспитанной впечатлѣніями одной природы.

Свободно совершается развитіе дѣвушки въ семьѣ зажи-

точнаго селянина. Всегда рѣзва и весела, она безпечно украшается цвѣтами, украшая ими и своихъ подругъ. Она никогда не слыхала ни о какой наукѣ, но это ей не мѣшаетъ любить природу, наслаждаться ея прелестями и въ ней искать свои утѣхи, свои радости, не мѣшаетъ пламенно и горячо молиться въ простой сельской церкви, внимать одной вѣрѣ сердца и не знать праздной, безпокойной бездѣятельности.

Лѣтомъ весело она проводитъ будни въ полѣ, то съ граблей, сгребая пахучее сѣно, тутъ же на немъ и отдыхая, то съ серпомъ, связывая зрѣлые снопы; весело проводитъ праздники въ томъ же полѣ, среди игръ и хороводовъ, красуясь въ своемъ дѣвичьемъ убористомъ сарафанѣ; зимой, домашнія простыя работы, посидѣлки, гаданья занимаютъ дѣвушку. Она развивается и распускается какъ полевой цвѣтокъ, о которомъ заботится одна природа, оживляя его и солнцемъ и росой и дождемъ; правда, солнце можетъ его сжечь, дождь прибить къ землѣ, но такой сожженный и прибитый цвѣтокъ мы можемъ сравнить съ дѣвушкой въ бѣдной семьѣ. Авдя не была такою; она была любимицей природы, которая щедро ее одарила красотой и прекрасно развила ее на своихъ цвѣтистыхъ поляхъ, подъ своимъ голубымъ небомъ; отъ того она любила бѣгать и рѣзвиться по этимъ роднымъ полямъ, обращать взоры къ этому родному небу, и не умѣла скучать работой. Нельзя налюбоваться на нее, когда она, поднявъ на плечо коромысло съ ведрами, легко и быстро ступаетъ бѣлыми ногами по извилистой тропинкѣ, ведущей къ рѣчкѣ, или когда выгоняетъ въ стадо своихъ любимыхъ коровъ, или когда сидитъ передъ домомъ, на скамейкѣ, со своимъ дѣдушкой, внимательно слушаетъ его разсказы, то невинно улыбается, то задумывается, то съ нетерпѣливымъ любопытствомъ устремляетъ на него свои живые глаза. Право невольно ею очаровываешься! О ней, какъ слышно, часто говорятъ и окружные помѣщики, а ихъ воспитанныя дочери ей даже зави-

дуютъ; но еслибы ее нарядить по городскому и ввести въ кругъ этихъ красавицъ, она была бы не на своемъ мѣстѣ, не въ своей природѣ, и, можетъ-быть, ея сельская красота лишилась бы своихъ чаръ; пусть лучше она останется навсегда въ своемъ родномъ красивомъ сарафанѣ—онъ такъ присталъ къ ней.

Авдя съ дѣтства любила смотрѣть на ямщицкую удаль; ей весело было встрѣчать или провожать глазами эти быстрыя тройки, которыя въ минуту пролетали передъ ней, оставляя одинъ столбъ пыли; у ней у самой ёкало сердце при этомъ быстромъ полетѣ, и она умѣла отличать ловкихъ и проворныхъ ямщиковъ отъ другихъ, вялыхъ и неповоротливыхъ.

Но съ нѣкотораго времени она стала особенно смотрѣть на Антона, красиваго парня, который вмѣстѣ былъ и удалой ямщикъ. Много у него было ровестниковъ, такихъ же двадцатилѣтнихъ молодцовъ, но ни у кого изъ нихъ такъ не завивались въ колечки русые льняные волосы; никто не умѣлъ такъ щегольнуть кафтаномъ, или такъ ловко надѣть на бекрень низенькую шляпу съ пряжкой, за которую всегда былъ воткнутъ свѣжій полевой цвѣтокъ; ни у кого такъ ровно и такъ бойко не мчались кони; никто, наконецъ, не могъ такъ бодро сидѣть на краю телеги, такъ мастерски держать возжи и помахивать кнутомъ, какъ лихой Антонъ; за-то и проѣзжіе никому не давали столько на чай, сколько счастливому Антону. Онъ жилъ въ семьѣ съ женатымъ братомъ, который былъ худой мужикъ и въ-добавокъ пилъ запоемъ; отъ того не любо было молодцу сидѣть дома; онъ лучше любилъ проводить время на постояломъ дворѣ, распивать чаи съ своими пріятелями, толковать съ ними о красныхъ дѣвушкахъ, о коняхъ, о проѣзжихъ, о своей удали молодецкой, и весело такъ шли у него дни за днями. Съ нѣкотораго времени Антонъ сталъ приглашать къ своему чаю Степу, Авдина брата, и заводить съ нимъ пріятельскія отношенія. Степа также ѣздилъ ям-

щикомъ и былъ бой-мальчишка; онъ любилъ погонять лошадей, покричать на нихъ со взмахами кнута, показать свою удаль, но все это у него еще выходило безъ особеннаго умѣнья, неровно, неловко; однако старики смотря на него, говорили: «весь въ дѣда будетъ, пострѣленокъ.» Онъ уже пересталъ считать себя мальчишкой, а смотрѣлъ на всѣхъ ямщиковъ глазами взрослаго, какъ на своихъ сотоварищей,

Антонъ ласкалъ Степу, поилъ чаемъ, дѣлился пряниками, и никогда не упускалъ случая заговорить съ нимъ объ его домашнихъ дѣлахъ, о дѣдушкѣ, и тутъ же, какъ-будто кстати, спросить и объ Авдѣ. Степа былъ болтливъ и въ такихъ лѣтахъ, что не могъ ничего подозрѣвать въ искусныхъ вопросахъ Антона, но другое, болѣе опытное ухо тотчасъ бы сообщило уму, что Антонъ не даромъ часто спрашиваетъ про Авдю. Еще недавно онъ смотрѣлъ одними и тѣми же взорами на всѣхъ дѣвушекъ, со всѣми равно балагурилъ, шутилъ, смѣялся, ни одной изъ нихъ не отдавая преимущества: тогда еще ни одни очи ему не приходили по сердцу. Но съ послѣдней масляницы его ретивое въ первый разъ стукнуло въ груди совсѣмъ иначе, какъ стучало прежде; онъ зналъ, какъ оно бьется съ радости, съ печали, со страха; но тутъ оно какъ-будто трепетно пробудилось, какъ-будто въ первый разъ узнало юную жизнь, и стало навѣвать молодцу совсѣмъ другія думы. Это случилось очень просто: веселенькій солнечный морозъ сманилъ парней и дѣвушекъ кататься съ горы; кто на Руси не любитъ этой забавы! Гдѣ есть гора, тамъ непремѣнно въ зимній праздникъ слышны и крики и хохотъ, а безъ горы, равно какъ безъ блиновъ, и масляница не въ масляницу.

Итакъ ямщики и ямщички одной семьей собрались къ горѣ; молодые катались, старые стояли сложа руки, смотрѣли на удальцовъ, дѣлали имъ знаки одобренія, а порой и подсмѣивались; передъ ними, вмѣсто саней, скользили оле-

денѣлыя лыки и рогожи съ веселою молодежью; иногда пролетали большія салазки, скрипѣли, подшибали другихъ, вертѣлись, и часто къ общему хохоту останавливались сами на серединѣ раската; дѣвушки, подрумяненныя весельемъ и морозомъ, кричали, визжали и разнообразили общій шумъ и общее веселье. Среди всѣхъ отличался кудрявый Антонъ; онъ всегда любилъ щегольнуть передъ всѣми, гдѣ только былъ случай; такъ и сюда пришелъ не съ рогожей, не съ простыми салазками, а съ красивыми тормазными санями. Ловко онъ скатился разъ, другой, третій, самодовольно посматривая на обѣ стороны; дѣвушки наперерывъ старались прокатиться на его летучихъ саняхъ; старики приговаривали «вишь какой затѣйникъ» и громко смѣялись, когда онъ перегонялъ и подшибалъ непроворныхъ. Игнатьичъ стоялъ тутъ же со своей Авдей, которая каталась немного, потому-что ея братъ былъ въ чередѣ на станціи, а съ другими парнями ей было стыдно. И вотъ, чтобъ потѣшить свою внучку, старикъ ласково остановилъ Антона:

— Антоша, прокати Авдю разокъ, другой на своихъ самолетахъ: вишь красна дѣвица стоитъ да ждетъ молодца, потѣшь ее, а я спасибо скажу.

— Изволь, дѣдушка, отвѣчалъ Антонъ, охорашиваясь: хоть самаго тебя скачу, если хочешь; полетимъ, что твоя тройка.

— Куда мнѣ старику рваться съ вами соколами! говоритъ Игнатьичъ, и ведетъ Авдю къ ледяной лѣстницѣ, усыпанной пескомъ.

До-сихъ-поръ Авдя какъ-то мало встрѣчалась съ Антономъ, который любилъ быть въ бесѣдѣ со взрослыми дѣвушками, а ее считалъ еще недоросткомъ; потому она смотрѣла на него стыдливо и не рѣшалась напрашиваться на его сани, подобно другимъ дѣвушкамъ, которыя были смѣлѣе и старше ея. Антону тоже какъ-то случилось только теперь пристально посмотрѣть на Авдю, и встрѣтить стыдливый взоръ юной красотки; въ этомъ взорѣ было столько

дѣтскаго невиннаго чувства, столько нетерпѣливаго ожиданія, столько скромной прелести, что удалый молодецъ, самъ не зная почему, немножко смутился; онъ даже не нашелъ ни одного слова—что-нибудь сказать Авдѣ въ знакъ ласки или ободренія. Молча принялъ онъ на свои сани трусливую Авдю, приободрился, видя, что всѣ рогожи выжидаютъ его и ни одна не отваживается пуститься съ нимъ на перегонку, и за тѣмъ быстро помчался съ горы, шаркая по льду рукавицами. У Авди задрожало сердце, а милая, легкая улыбка, съ какою она еще на самой вершинѣ посмотрѣла на своего дѣдушку, какъ-будто закочепѣла и не сходила съ ея устъ до-тѣхъ-поръ, пока не захрустѣлъ снѣгъ подъ сталью саней. Вотъ сани остановились, Авдя проворно съ нихъ соскочила, улыбнулась Антону, кивнула головой и хотѣла бѣжать къ дѣдушкѣ, но слова Антона ее удержали.

— Куда же ты, Авдя? спрашивалъ онъ: развѣ ты не хочешь больше, аль тебѣ не нравится?

— Нѣтъ, нравится, отвѣчала дѣвушка: да быть-можетъ, тебѣ хочется кататься съ кѣмъ-нибудь другимъ!

— Съ кѣмъ же мнѣ кататься? у меня нѣтъ сестры; а тебѣ сегодня тоже не съ кѣмъ; что жъ тебѣ такъ стоять, да смотрѣть на другихъ: и холодно и завидно! не правда ли?

— Да! я и то соскучилась; никто больше меня не любитъ кататься, а тутъ стой да смотри на чужое веселье!

— Ну вотъ видишь! такъ что жъ тебѣ, бѣдненькой, скучать; будемъ кататься на моихъ саняхъ, благо дѣдушка позволяетъ; накатаешься до-сыта.

— Нѣтъ, я до-сыта никогда не накатаюсь; съ горы кататься веселѣе, чѣмъ на дѣдушкиной тройкѣ, а я весь вѣкъ бы на ней каталась.

— Ну, такъ и станемъ кататься вмѣстѣ; на саняхъ не то, что на рогожѣ, летишь, что сердце замираетъ.

— Само-собой, на саняхъ лучше, да еще на такихъ красивыхъ саняхъ, какъ твои.

Сильно польстила самолюбивому сердцу Антона эта Авдина рѣчь; онъ самодовольно посмотрѣлъ на сани, оправилъ кафтанъ, подпоясанный цвѣтнымъ кушакомъ, покривилъ на бекрень маленькую шапку, приосанился, и подходя къ лѣстницѣ, закричалъ насмѣшливымъ голосомъ:

— Эй вы, рогожники, лубошники, салазники, прочь! давайте мѣсто, дорогу, не то раздавимъ какъ осенній листъ, мы не вамъ чета!

Старики смѣялись на этотъ возгласъ Антона, парни отвѣчали ему насмѣшливыми, шутливыми замѣчаніями, но всѣ его пропустили, и потомъ смотрѣли въ-слѣдъ за скользкимъ летомъ его саней.

Долго еще катались ямщики съ ямщичками, и наконецъ, разрумяненные морозомъ, оставили гору для новаго наслажденія, которое ожидало ихъ въ простыхъ, незатѣйливыхъ избахъ: жарко натопленная печь, разливая вокругъ себя пріятную теплоту, въ-самомъ-дѣлѣ могла доставить истинное наслажденіе послѣ долгаго пребыванія на морозѣ.

Антонъ весь вечеръ просидѣлъ у своей печки, весь вечеръ продумалъ объ Авдѣ, и ни одна дума никогда ему не казалась такъ пріятною, какъ эта; но онъ не спрашивалъ у себя, отъ чего это такъ случилось, не справлялся, къ какому разряду принадлежитъ его чувство, онъ просто думалъ о прекрасной дѣвушкѣ, съ которой много катался и много говорилъ, думалъ потому, что ему нравилась его дума; съ нею онъ и заснулъ, заснулъ сладкимъ молодымъ сномъ, какъ юноша, у котораго первыя грезы любви не отнимаютъ покоя.

На другой день — это былъ послѣдній день масляницы, который у насъ называютъ прощальнымъ-воскресеньемъ — Антону пришла мысль прогуляться подъ-вечерокъ мимо дома Игнатьича; эта мысль нисколько его не удивила, хотя прежде, въ былые дни, ничего подобнаго не приходило ему въ голову. Онъ заботливо принарядился, расчесалъ свои свѣтлорусые волосы, надѣлъ на макушку шапку, и пошелъ

удалымъ молодцомъ вдоль по снѣжно-искристой дорогѣ. Всегда были зорки его глаза, а теперь силились сдѣлаться вдвое зорче, увидавъ издали старика и дѣвушку, сидящихъ у порога крашеной избы; эта изба была жилище Игнатьича; этотъ старикъ былъ самъ Игнатьичъ, а дѣвушка была его внучка. Онъ и она вели тихую бесѣду, ласково смотря другъ на друга.

— Тебѣ, дѣдушка, нескучно? заботливо спрашивала Авдя у Игнатьича.

— Вотъ дурочка, что́ выдумала спрашивать, съ усмѣшкой отвѣчалъ Игнатьичъ: да отъ чего намъ можетъ быть скучно: здоровьемъ не обижены, живемъ не хуже другихъ, голодъ не грозитъ, холодъ не знобитъ; остается только благодарить Царя Небеснаго.

— И я все это знаю, да отчего жъ мнѣ иной разъ бываетъ скучно? скучно-грустно, а отъ чего, сама не понимаю.

— Извѣстно, отъ чего вамъ краснымъ дѣвицамъ бываетъ скучно: увидѣла какую-нибудь обновку у своей подружки, захотѣлось и самой такую же—вотъ и скучно стало.

— Совсѣмъ нѣтъ, ты даришь мнѣ столько обновокъ, что грѣшно было бы завидовать другимъ; нѣтъ, просто такъ бываетъ скучно, какъ вотъ сегодня.

— Вѣрно худо молилась Богу; помолись хорошенько передъ сномъ, такъ и скука пройдетъ.

— Что́ ты, дѣдушка! сегодня я молилась какъ и всегда молюсь, и у обѣдни была, а все скучно.

— Отъ чего жъ тебѣ можетъ быть скучно? знать соскучилась жить съ нами; надоѣли дѣвицѣ одни и тѣ же углы.

— Ну, вотъ ты какой, дѣдушка; право обидно слышать такія рѣчи; съ кѣмъ же мнѣ и жить, какъ не съ вами?

— Съ нами-то жить отходитъ время; придетъ другое, выйдешь за мужъ, переѣдешь въ другую избу....

— Нѣтъ, нѣтъ, я буду всегда съ вами...

— Всѣ вы говорите такъ до поры до времени; а придетъ

по сердцу добрый молодецъ, такъ и готовы дать поклонъ родной избѣ, и не разбираете, будетъ ли другая лучше.

Авдя слушала Игнатьича, а взоръ ея былъ устремленъ на дорогу, по которой бодро шелъ молодой ямщикъ; ея щеки зардѣлись, и милая улыбка безъ ея вѣдома заиграла на ея лѣвичьихъ устахъ: ея скука мгновенно отлетѣла прочь.

Между-тѣмъ Антонъ поравнялся съ Игнатьичемъ, снялъ шапку и поклонился сперва ему, потомъ Авдѣ.

— Здравствуй, Антоша, заговорилъ Игнатьичъ: куда Богъ несетъ?

— Къ старостѣ, проститься, отвѣчалъ Антонъ: хотя со старостой онъ простился уже часа три назадъ.

— Доброе дѣло, что православнаго обычая не забываешь, замѣтилъ Игнатьичъ.

— Прости и ты меня Христа-ради, сказалъ Антонъ, и поклонился въ поясъ Игнатьичу; Игнатьичъ отвѣчалъ ему тѣмъ же и поцаловался съ нимъ. Потомъ Антонъ поклонился Авдѣ, и она ему поклонилась, но тутъ же бросила на него свой быстрый, плутовской взоръ, который смутилъ собственный его взоръ какъ-будто притупилъ всю его остроту, и смѣнилъ холодный румянецъ отъ мороза на другой, жаркій, игривый, мгновенно рожденный трепетнымъ біеніемъ сердца.

Съ этого дня всѣ думы Антона стали оттѣняться другими легкими оттѣнками: прежде занималъ его только одинъ разгулъ пылкой юности; стремленія горячей его души, просящей жизни, удовлетворялись удалыми ямщицкими гонками, шумными сходками молодыхъ парней при станціонномъ дворѣ, веселыми играми въ полѣ; тогда онъ изъ прошедшаго вспоминалъ одни забавные случаи, которые могли возбудить смѣхъ и веселье въ говорливой бесѣдѣ, потому-что и въ настоящемъ искалъ только одного веселья, а думая о будущемъ, ничѣмъ не отличалъ его отъ настоящаго. И теперь онъ не разлюбилъ дышать стремительнымъ воздухомъ въ быстромъ полетѣ своей лихой тройки, не за-

былъ и пріятельскихъ шутливыхъ бесѣдъ, не переставалъ тѣшиться молодецкой удалью; но при всѣхъ этихъ порывахъ юности, часто блестѣлъ въ его воображеніи быстрый взоръ Авди, ея милое румяное личико, ея лукавая улыбка. Свѣтъ сталъ для него еще милѣе прежняго, жизнь и подъ морозами казалась ему такъ горячею и такъ полною привлекательной таинственности. Случалось ли ему проѣзжать мимо избы Игнатьича, тогда только нужно было на него смотрѣть, а это случалось весьма часто: онъ умѣлъ заставить своихъ пристяжныхъ коней красиво изогнуть шеи, по которымъ разстилались длинныя, лоснящіяся гривы, умѣлъ ловко править одной рукой всей тройкой, и въ то же время зоркимъ глазомъ смотрѣть на окна знакомой крашеной избы; рѣдко тамъ не встрѣчалъ онъ желанныхъ взоровъ или желанной улыбки; тогда онъ на мигъ приподнималъ съ головы свою ямщичью шапку, и какъ-будто не въ силахъ удержать радостнаго порыва сердца, вскрикивалъ удалымъ крикомъ на коней, и въ минуту исчезалъ въ быстротѣ ихъ полета. Не одну и не двѣ версты такъ промчится онъ, слыша все тотъ же трепетъ сердца, наконецъ мало-по-малу онъ сдерживаетъ тройку, начинаетъ задумываться, но задумываться самыми льстивыми и блестящими думами; а потомъ затянетъ какую-нибудь родную пѣсню, въ которой вы услышите и *любовь*, и *ясныя очи*, и *ретивое*.

Такъ прошелъ Великій-постъ, и вотъ настала Святая-недѣля; она принесла Антону много радости. Дѣвушки, по обыкновенію, стали выходить въ поле—встрѣчать весну, заводить игры и хороводы, къ которымъ приставали также и парни. Антонъ теперь часто могъ видѣться съ Авдей, могъ говорить съ ней, слышать ея рѣчи, смѣшивать свой смѣхъ съ ея рѣзвымъ смѣхомъ, или просто любоваться ею. У нихъ не было ни страстныхъ взглядовъ, ни страстныхъ объясненій; безъ всего этого они легко поняли, что любятъ другъ друга, любятъ такъ, какъ внушаетъ любовь сама природа, безъ тоски, безъ терзаній, безъ страданья, любятъ нѣжной, безхитростной любовью, для которой имъ ненужно было пріискивать ни

словъ, ни выраженій: простота чувствъ оказывалась въ простотѣ окружающей ихъ природы. И никто посторонній не могъ замѣтить ихъ взаимнаго чувства, которое, Богъ знаетъ почему, обыкновенно стараются скрывать, какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ.

Авдина мать была хворая и слабая женщина, и хотя зорко смотрѣла за своей дочерью, но не могла вездѣ за ней услѣдить, да и кто бы могъ укараулить сердце дѣвушки, которая имѣла право праздновать праздники подъ открытымъ нёбомъ, среди полей и цвѣтовъ, праздники, установленные, кажется, самой природою. Игнатьичъ твердо былъ увѣренъ, что онъ воспиталъ свою внучку въ страхѣ Божіемъ, что она никогда не забудетъ его наставленій, заботливо ласкалъ ее, и давая ей свободу веселиться съ другими, самъ проводилъ бо́льшую часть дня на станціи. Здѣсь онъ пилъ чай и водку, забавлялъ всѣхъ своими разсказами, оцѣнивалъ удаль ямщиковъ и доброту лошадей, а иногда, для шутки, вступалъ въ игру съ молодыми ямщиками: то-то раздавались тогда смѣхъ и крики. За-то всѣ любили Игнатьича, и въ общемъ дѣлѣ всегда ему отдавали первенство. Вотъ тройка примчала усатаго барина; ему нужно лошадей на двадцать верстъ по проселочной дорогѣ; ямщики съ любопытствомъ окружаютъ его телегу, но только одинъ Игнатьичъ возвышаетъ голосъ и торгуется съ бариномъ; никто лучше его не умѣетъ уговорить проѣзжаго дать красную цѣну. Наконецъ торгъ слаженъ. Игнатьичъ отходитъ въ сторону, окруженный всей толпой ямщиковъ, снимаетъ съ себя шляпу, беретъ ее въ обѣ руки, и поворачивается съ нею во всѣ стороны; въ это время въ шляпу каждый ямщикъ бросаетъ свой грошъ съ особенной замѣткой. Проѣзжій слышитъ нестройные крики, видитъ толкотню ямщиковъ, и ничего не можетъ понять изъ всего этого; то понимаютъ одни ямщики; они умолкаютъ и съ нетерпѣливымъ любопытствомъ начинаютъ смотрѣть на шляпу Игнатьича, который трясетъ ее при звонѣ грошей; наконецъ однимъ сильнымъ движеніемъ его рукъ изъ шляпы выле-

таетъ грошъ. «Чей, чей?» раздаются голоса ямщиковъ, бросившихся смотрѣть выпавшій грошъ, рѣзко отмѣченный зубомъ. За этими вопросами тотчасъ же послышались другіе возгласы: «Антона! Антона!» Игнатьичъ взялъ грошъ и поднесъ его къ Антону.

— Твой, Антоша?

— Мой! отвѣчалъ Антонъ.

— Такъ поѣзжай же съ барином, а послѣ, какъ водится, угостишь насъ чаемъ.

— Ладно, дѣдушка! замѣтилъ Антонъ, и весело побѣжалъ готовить лошадей.

Скоро ухарская тройка помчала барина, который торопилъ Антона и сулилъ ему на водку. Въ это время Авдя возвращалась домой, неся на плечѣ коромысло съ ведрами воды; она издали узнала, какъ лошадей, такъ и того, кто ими правилъ, и смотрѣла имъ въ слѣдъ, пока они не скрылись, поворотивъ на проселочную дорогу. Тогда Авдю стали мучить догадки, куда Антонъ повезъ барина—это было простое дѣвичье любопытство—угадать то, что, повидимому, вовсе не было любопытно. Подходя къ своимъ воротамъ, она встрѣтила Степу, который, рѣзво прискакивая, бѣжалъ домой со станціи.

— Далеко ли поѣхалъ этотъ баринъ? спросила она брата, желая на-самомъ-дѣлѣ, знать не о барин, а объ Антонѣ.

— Въ сельцо за двадцать верстъ, отвѣчалъ Степа, припрыгивая на одной ногѣ: его досталось везти Антону; счастливецъ такой, что просто завидно....

— А не бось тебѣ хотѣлось?

— Еще бы нѣтъ; баринъ съ виду добрый, вѣрно много на чай дастъ.

— Хорошо, какъ угодишь ему, а если нѣтъ, то и разсердится пожалуй, вотъ тебѣ и чай; а Антонъ, вѣрно, получше тебя угодить съумѣетъ.

— Отъ чего такъ? съ оскорбленнымъ самолюбіемъ спра-

шивалъ Степа: вишь расхвасталась Антономъ, а я чѣмъ его хуже?

— Онъ больше тебя ѣздитъ, больше знаетъ снаровки, да лучше знакомъ и съ дорогами.

— Много ты знаешь; дѣдушка побольше тебя знаетъ, а и онъ никогда не говоритъ, что я хуже другихъ ѣзжу!

— Ну полно, Степа, не сердись, я такъ, пошутила: вѣдь Антонъ все-равно долженъ будетъ васъ поить чаемъ!

— Разумѣется, долженъ!

— Ну, такъ о чемъ же тужить! Разочти, когда онъ воротится, тогда и жди его на станціи!

— Когда онъ воротится? Часа четыре проѣздитъ! замѣтилъ Степа и скрылся въ воротахъ своего двора.

— Часа четыре! примолвила за нимъ Авдя, и посмотрѣла на солнце, которое показывало крестьянскій обѣденный часъ.

Оставивъ ведра въ сѣняхъ, Авдя вошла въ избу, вытерла большой дубовый столъ и стала сбирать къ обѣду.

Скоро воротился и Игнатьичъ, помолился передъ образомъ; сѣлъ за столъ въ переднемъ углу, а за нимъ усѣлась и вся семья.

— Правда, дѣдушка, Авдя говоритъ, что я хуже Антона правлю тройкой, а? спрашивалъ за обѣдомъ Степа у своего дѣда.

— Да, въ лѣта Антона и ты будешь ямщикъ нехуже его, отвѣчалъ Игнатьичъ: въ твои лѣта онъ былъ такой же какъ и ты; Авдя не даромъ дочь и внучка ямщика: умѣетъ сказать, кто лучше, кто хуже другихъ правитъ. А Антонъ славный парень, и собой удалецъ, и дѣло свое знаетъ, не ударитъ лицомъ въ грязь; жаль что въ семьѣ-то живетъ негодной; братъ пьяница, братнина жена—вздорная баба; а то хоть кому бы женихъ....

Все это Игнатьичъ говорилъ съ разстановкой, безпрестанно посматривая на Авдю, у которой вспыхивалъ розовый румянецъ.

— Ну, когда зайдетъ слово о женихахъ, замѣтила мать, то Тимофей будетъ женихъ получше Антона.

— Гдѣ жъ Тимофею тягаться съ Антономъ, отвѣчалъ на это Игнатьичъ: правда, семья у него добрая и благочестивая, да съ виду-то ему далеко до Антона: и собой-то не такой молодецъ, и проворенъ-то не такъ, а Антономъ я всегда любуюсь.....

— Что ты въ немъ нашелъ передъ всѣми молодецкаго и проворнаго, говорила мать: по мнѣ такъ Тимофей лучше!

— Ужъ если пошло на оцѣнку, такъ у Авди спросить, шутя говорилъ Игнатьичъ: кому же и оцѣнять молодцевъ, какъ не красной дѣвицѣ; что ты скажешь, Авдя?

— Не знаю! смѣясь отвѣчала Авдя.

— Полно, не знаешь, скажи, что Антонъ лучше, докажи, что твой дѣдъ правъ и не ошибается....

— Извѣстно, Антонъ лучше, заговорилъ Степа: ужъ что ты, дѣдушка, скажешь, то всегда правда.

— Спасибо тебѣ, внукъ, а вотъ внучка только краснѣетъ и не хочетъ оправдать дѣда.

— Полно, батюшко, сказала мать: нашелъ что у дѣвки спрашивать; скажи, кто лучше, а тамъ и Богъ знаетъ что затолкуютъ; ославятъ ни за денежку.

— Здѣсь нѣтъ чужихъ людей: я, да ты, да братъ—не кому ославить. Знать Авдѣ ни Антонъ, ни Тимофей не нравятся. Ну, полно стыдиться, дурочка; вѣдь я такъ пошутилъ....

И за тѣмъ Игнатьичъ ласково взялъ внучку за подбородокъ, посмотрѣлъ ей въ глаза и потомъ погладилъ по головкѣ. Онъ велъ рѣчь не къ тому, чтобы въ чемъ-нибудь обличить Авдю, но потому-что ему въ-самомъ-дѣлѣ нравился Антонъ, про котораго онъ часто думалъ: «хорошая была бы пара съ Авдей»; ему только не нравилась семья, въ которой жилъ Антонъ.

Недологъ сельскій обѣдъ, но за-то сладкій и пріятный сонъ приноситъ онъ съ собою. Всѣ легли спать; не ложи-

лась только одна Авдя: она прибрала избу, вымылась, расчесала свои волосы, заплела ихъ въ длинную косу, посмотрѣла на солнце, потомъ положила въ корзинку свой сарафанъ, который стирала еще поутру, и за тѣмъ нѣсколько разъ откашлянулась, съ намѣреніемъ разбудить мать. Та дѣйствительно проснулась, поворотилась, и посмотрѣла на Авдю.

— Пора вставать, мамочка, солнышко давно спускается, всѣ спятъ, а мнѣ надо идти на рѣчку.

— Ну ступай! зѣвая проговорила мать и повернулась на другой бокъ.

Авдя взяла на плечо корзинку, вышла въ огородъ, изъ огорода въ поле, и пошла прямо по тропинкѣ къ мельницѣ. Легко ступала она по измятой травѣ, изогнувъ свой тонкій станъ и поддерживая одной рукой на плечѣ корзинку; другою же то отгоняла неотвязныхъ комаровъ, то срывала какой-нибудь красивый цвѣтокъ, то поправляла на себѣ русые волосы. Она безпрестанно прислушивалась и къ звону колокольчика, и къ скрипу телеги; обращала во всѣ стороны живые глаза, а иногда поднимала ихъ къ солнцу.

Мельница стояла на распутіи двухъ дорогъ, которыя тянулись подъ острымъ угломъ узкими сѣрыми полосами на необозримо ровномъ пространствѣ. Мимо нея вилась также узкая рѣчка и терялась въ своихъ извилинахъ, такъ что глазъ недолго могъ за нею слѣдить съ одного мѣста. Здѣсь-то, на берегу, остановилась Авдя, поставила на землю корзинку, и потомъ въ рѣчной водѣ принялась полоскать свой сарафанъ, обращая часто взоры на пыльныя дороги; но тамъ не чернѣлась ни одна точка, не поднималась ни одна пылинка.

Окончивъ работу и разложивъ на траву цвѣтной сарафанъ, она сѣла тутъ же подлѣ, стала срывать травку и цвѣтки, какіе ей попадались подъ руку, хотя сама, кажется, не примѣчала своего дѣйствія, и, можетъ-быть, даже не хотѣла бы срывать ихъ, но все это дѣлалось какъ-будто

само, безъ собственнаго ея вѣдома. Въ это время она думала о разговорѣ, который завелъ за обѣдомъ дѣдушка. «Онъ говорилъ объ Антонѣ, думала она: такъ лукаво на меня поглядывалъ; прежде онъ никогда не заводилъ такой рѣчи; а мнѣ бы, глупенькой, ненужно было краснѣть, слушать бы просто, какъ я всегда его слушаю; такъ нѣтъ, покраснѣла; сама слышала, какъ кровь заиграла на щекахъ; ахъ, зачѣмъ я покраснѣла! онъ можетъ Богъ знаетъ что̀ подумать; а во всемъ виноватъ Степа: нужно было спрашивать, лучше ли его правитъ Антонъ; ужъ разумѣется лучше, кто этого не видитъ. И долго надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ кружилась Авдина дума, подобно голубю, который, кружась надъ зерномъ, кажется, хотѣлъ бы угадать, западня это или просто зерно, занесенное вѣтромъ; и никакъ не могла понять дѣвушка, что̀ значила дѣдушкина рѣчь.

Наконецъ ея дума была прервана голосомъ, который своей неожиданностію заставилъ-было Авдю вздрогнуть, но она тотчасъ же привѣтливо улыбнулась, узнавъ въ немъ голосъ *мельничной сиротки*, восьмилѣтней дѣвушки, которая жила на мельницѣ.

— Кого ты ждешь, Авдя? спросила дѣвушка, и своимъ нежданнымъ голосомъ, какъ мы сказали, заставила Авдю вздрогнуть.

— Ахъ, это ты, Таня, какъ ты меня испугала! Сколько же у тебя цвѣтовъ! въ обѣихъ рукахъ!

— Я хотѣла ихъ бросить въ тебя, да боялась, что ты разсердишься. Ты кого-нибудь ждешь?

— Нѣтъ, кого мнѣ ждать! Я полоскала свой сарафанъ, а теперь его сушу. Ты давно въ полѣ?

— Давно-давно; обѣгала все поле; набрала вотъ сколько цвѣтовъ; посмотри какіе хорошенькіе!

— А видѣла, какой здѣсь проѣхалъ баринъ?

— Видѣла! Его везъ Антонъ, знаешь, вашъ ямщикъ. Я было подбѣжала къ дорогѣ; баринъ посмотрѣлъ, на меня, а Антонъ погрозилъ кнутомъ, да еще и закричалъ: «вѣчно подъ лошадей суешься»; а ѣхалъ такъ, что послѣ цѣлый часъ пыль не улегалась.

— А проѣзжалъ онъ назадъ?

— Нѣтъ, еще не проѣзжалъ.

— Да ты хорошо видѣла? Можетъ-быть, ты прозѣвала?

— Нѣтъ, нѣтъ, не прозѣвала; я все была въ полѣ; такъ ты его ждешь?

— Сказала, что никого не жду, а сушу свой сарафанъ; вотъ сейчасъ и домой пойду; дай мнѣ твои цвѣты, я тебѣ совью вѣнокъ.

— Ахъ, свей, свей! съ радостью закричала дѣвушка, всыпала всѣ свои цвѣты къ Авдѣ въ колѣни, и сама съ любопытствомъ присѣла подлѣ нея. Авдя искусными и привычными руками въ минуту свила прелестный вѣнокъ и положила его на косматую, всклоченную голову дѣвушки, которая съ восторгомъ побѣжала смотрѣться въ воду, и долго тамъ собой любовалась, не замѣчая ни грязныхъ пятенъ на своемъ лицѣ, ни своихъ лохмотьевъ. Въ это время Авдя успѣла свить другой вѣнокъ, потомъ поспѣшно вскочила, подбѣжала къ рѣчкѣ, на минуту задумалась, и прошептавъ чуть слышно: «уплыветъ — счастье, остановится—несчастье» быстрымъ взмахомъ руки бросила его въ воду. Вѣнокъ палъ ребромъ, погрузился, произвелъ въ водѣ нѣсколько круговъ, и послѣ тихо-тихо поплылъ, послушный прихотливо-вьющимся струямъ. Авдя шла за нимъ, слѣдя любопытнымъ и вмѣстѣ боязливымъ взоромъ. Таня молча на нее смотрѣла и казалось что-то вспоминала или о чемъ-то размышляла, не выпуская изъ виду и плывущаго вѣнка. Вдругъ онъ задѣлъ за камень и остановился.

— За чѣмъ же ты остановился? прошептала дѣвушка, и сама остановилась противъ него. Подумавъ нѣсколько, она окинула кругомъ глазами и поспѣшно подошла къ шесту,

воткнутому въ землю. Выдернувъ его изъ земли, она снова воротилась къ вѣнку, достала его шестомъ, и тотчасъ же снова бросила въ воду. Опять онъ поплылъ, оспариваемый то тою, то другою струей, пока наконецъ одна изъ нихъ не прибила его къ берегу, гдѣ онъ зацѣпился за колючій чертополохъ и остался неподвиженъ.

Ничего не сказала Авдя, только немножко нахмурилась, отошла въ сторону и снова сѣла подлѣ своего сарафана.

— Ты гадала, Авдя? съ таинственнымъ видомъ ее спрашивала маленькая Таня, подбѣжавъ къ ней въ своемъ вѣнкѣ. Но Авдя ничего на это не отвѣчала любопытной дѣвушкѣ. — И вѣнокъ не уплылъ, продолжала малютка: это жалко—ты такая хорошенькая, добренькая—я думала, что онъ поплыветъ далеко-далеко.

Занятая своимъ вѣнкомъ, Авдя и не примѣтила, что на дорогѣ уже давно вьется пыльной столпъ, въ которомъ, по мѣрѣ его приближенія къ мельницѣ, можно было разсмотрѣть ямщичью тройку. Въ телегѣ сидѣлъ молодой ямщикъ и ѣхалъ легкой рысью; поравнявшись съ мельницей, онъ своротилъ къ рѣчкѣ, сдержалъ лошадей, и сойдя съ телеги, сталъ ихъ поить. Въ то же время онъ примѣтилъ въ нѣкоторомъ отъ себя разстояніи Авдю, сидящую на травѣ вмѣстѣ съ мельничной сироткой.

— Знать не даромъ надо мной вилась ласточка, когда я выѣхалъ изъ села! говорилъ онъ, подходя къ Авдѣ.

— Ахъ, Антонъ! весело сказала Авдя, поднявъ свою задумчивую головку: а я и не слыхала, какъ ты пріѣхалъ!

— А ты меня дожидала, моя красавица?

Закраснѣлась немного Авдя на этотъ нескромный вопросъ Антона, и никакъ не хотѣла сознаться, что она его дожидалась.

— Отъ чего я могла тебя дожидать? Я здѣсь полоскала свой сарафанъ, и только что хотѣла идти домой....

— Подожди немножко, что тебѣ дома дѣлать! дай мнѣ съ тобой наговориться; я такъ радъ, что могу безъ людей молвить тебѣ два-три слова.

Антонъ сѣлъ противъ Авди, которая такими ясными очами смотрѣла на него, такой милой и сердечной улыбкой улыбалась ему, что въ эту минуту самый недовѣрчивый и ревнивый любовникъ увѣрился бы вполнѣ, что она его любитъ, какъ только можетъ любить дѣвушка, воспитанная внушеніями родной природы. Между-тѣмъ маленькая Таня, оставивъ Авдю при первомъ приближеніи Антона, удалилась къ водѣ, и тамъ, не обращая никакого вниманія на бесѣдующихъ, нашла какое-то свое дѣло.

— Ахъ какъ здѣсь хорошо, говорилъ Антонъ, садясь на траву и смотря на Авдю: право, еслибы ты была цвѣтокъ, и росла на этомъ полѣ, я бы никогда его не оставилъ.

— Нашла бы туча, пошелъ бы дождь, и ты, вѣрно, безъ оглядки побѣжалъ бы въ свою избу, шутливо замѣтила Авдя.

— Нѣтъ, Авдя: какъ всѣ наши поселяне молятъ у Бога дождя, чтобъ хорошо росла трава, ставятъ образамъ свѣчи, и радуются если Богъ услышитъ ихъ молитву, такъ бы и я молился объ этомъ дождѣ, и все бы думалъ только о тебѣ; такъ бы и я сталъ, радоваться дождю: зналъ бы, что онъ освѣжитъ мой родимой цвѣтокъ.

— Ты только такъ говоришь это, отъ того, что знаешь, что я никогда не сдѣлаюсь цвѣткомъ; да я и не хочу имъ сдѣлаться; я люблю цвѣты, но все же лучше бѣгать вольно по полю и любоваться ими всѣми, чѣмъ рости на одномъ мѣстѣ, какимъ бы ни было красивымъ цвѣткомъ; что изъ того, что всѣ будутъ тобой любоваться; мнѣ всегда бываетъ стыдно, когда на меня всѣ смотрятъ; а на цвѣтокъ будутъ смотрѣть недолго, тотчасъ и сорвутъ. Пусть цвѣтку завидуетъ тотъ, кого обидѣлъ рокъ, а намъ что завидовать, чего желать? не правда ли?

Антонъ молча смотрѣлъ на Авдю, и въ-самомъ-дѣлѣ чувствовалъ, что ему некому завидовать.

— Знаешь что̀, Авдя, наконецъ сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: я хочу тебя просить у твоего дѣдушки— послать къ нему посвататься Сидоровну. Онъ согласится? не откажетъ?

Авдя закраснѣлась отъ этого нежданаго предложенія Антона, и даже смутилась, потупивъ стыдливыя очи; ея сердце сильно забилось: она вспомнила обѣденный дѣдушкинъ разговоръ, вспомнила свое недавнее гаданье съ вѣнкомъ, все это родило въ ней какое-то боязливое и предразсудочное чувство, съ которымъ тѣсно связана жизнь людей, взросшихъ въ полѣ, подъ таинственнымъ покровомъ загадочной для нихъ природы. И не рѣшалась Авдя сказать ни «да», ни «нѣтъ».

— Ты молчишь, продолжалъ Антонъ: точно мои слова тебя испугали.... Авдя!... я тебѣ любъ.... о чемъ же ты задумалась.... или думаешь, что дѣдушка мнѣ откажетъ?

— Подожди немного, Антонъ, тихимъ и нѣжнымъ голосомъ говорила Авдя, не поднимая глазъ: подожди, пусть пройдетъ сѣнокосъ, тогда дѣлай, что̀ хочешь, а теперь....

— Что̀-же теперь? чего ты боишься? Примѣта есть только на май—мѣсяцъ, а онъ уже прошелъ.

— Да, но мнѣ предчувствуется что̀-то недоброе; какъбудто само сердце говоритъ: подожди немного.

— Перестань, Авдя, говорить это: сердце бьется всегда, когда замышляешь какое-нибудь важное дѣло; и что̀ можетъ быть съ нами недобраго? Развѣ дѣдушка откажетъ; да дѣдушка, кажись, всегда былъ со мной ласковъ....

— Да, онъ и сегодня за обѣдомъ хвалилъ тебя; но знаешь что̀, ты не разсердишься, если я тебѣ скажу....

— Говори.... за что̀ мнѣ сердиться; если во мнѣ есть что̀ худаго отъ меня самаго, такъ я постараюсь поправиться, и полюбиться твоему дѣдушкѣ.

— Нѣтъ не то; ему только не нравится твоя семья, говоритъ, что.... это онъ говоритъ, а не я, я не знаю твоей семьи....

— Моя семья!... А что мнѣ моя семья? съ юнымъ пыломъ прервалъ Антонъ Авдю: мой братъ—не отецъ мнѣ, моя невѣстка—не мать! Развѣ я не могу ихъ оставить и жить своей избой? развѣ у меня нѣтъ тройки, и я не въ силахъ заработать себѣ хлѣба? развѣ это можетъ быть помѣхой нашему доброму житью-бытью? Нѣтъ, Авдя, ты не бойся дѣдушкиной рѣчи; если и мнѣ дѣдушка скажетъ въ укоръ о моей семьѣ, то я вотъ что скажу ему: я такой же ямщикъ, дѣдушка, какъ и ты; если ты себѣ нажилъ самъ добрую избу и сытный хлѣбъ, то и я могу ихъ нажить; ты прожилъ свой вѣкъ въ похвалу отъ людей, и мнѣ не слѣдъ отставать отъ тебя; а своей Авди не дамъ никому въ обиду; ужъ развѣ самъ Богъ на насъ пошлетъ несчастіе, а отъ насъ самихъ не придетъ оно. Вотъ что я скажу твоему дѣдушкѣ!

Внимательно слушала Авдя всю эту рѣчь, поднявъ на Антона свои прелестные глаза, въ которыхъ таилось много любви и довѣрчивости. Она видѣла, что Антонъ ждетъ отъ нея словъ или возраженій, и сама не знала, какъ и что сказать ему; она только, по какому-то безсознательному побужденію, отвела глаза въ другую сторону, и замѣтила тамъ маленькую Таню, которая, вытащивъ изъ воды зацѣпившійся у берега вѣнокъ, усердно его отряхала, не обращая вниманія, что брызги летѣли ей на платье. Этотъ вѣнокъ бросился Авдѣ въ глаза совсѣмъ не тѣми милыми цвѣтами, изъ какихъ его недавно свила ея собственная рука: съ его стебельками и листками какъ будто свился новый, печальный цвѣтокъ, который смотрѣлъ уныло на Авдю и говорилъ ей: сюда вплела меня судьба, удержавшая твой вѣнокъ у камня.

— Развѣ и это не заставитъ твоего дѣдушку согласиться,

снова началъ Антонъ, не дождавшись Авдиной рѣчи: али онъ еще что-нибудь говорилъ тебѣ?.

— Нѣтъ, Антонъ, больше онъ ничего не говорилъ мнѣ, да зачѣмъ намъ такъ спѣшить? Подожди немного, если ты меня любишь.... я боюсь, что теперь дѣдушка не согласится, а онъ, если что сказалъ разъ, такъ ужъ потомъ ничѣмъ его не уговоришь, не перемѣнитъ слова. Постарайся еще больше ему полюбиться, такъ чтобъ онъ самъ захотѣлъ быть твоимъ дѣдушкой....

— Быть-такъ.... отвѣчалъ Антонъ, рѣшительно махнувъ рукою: видно судьба съ тобой свела меня сегодня; а я хотѣлъ завтра же, не спросясь тебя, идти къ свахѣ; да быть такъ.... подожду, какъ ты хочешь, моя красавица....

— Ахъ, Антонъ, посмотри, какая пыль поднялась на дорогѣ, кто-то ѣдетъ; не хорошо будетъ, если насъ увидятъ вмѣстѣ; Богъ знаетъ, что наскажутъ злые языки; поди скорѣй къ своимъ лошадямъ, а я побѣгу домой.

Съ этимъ словомъ Авдя вскочила на ноги, собрала свой сарафанъ, который уже успѣлъ совершенно высохнуть, положила его въ корзину, и съ милой улыбкой, кивнувъ Антону головкой, поспѣшила по старой тропинкѣ.

— Прощай, Авдя, моя красавица! Сказалъ Антонъ, и побѣжалъ къ лошадямъ.

Дорогою Авдя вычислила по солнцу, что она долгое время пробыла на рѣчкѣ, и предчувствуя матерній допросъ, выдумала сказать, что она просидѣла у своей подруги, Степаниды.

Черезъ нѣсколько дней, пять или шесть молодыхъ ямщиковъ собрались подъ вечеръ вокругъ трактирнаго стола, и прихлебывая горячій чай изъ бѣлыхъ кружекъ, вели дружелюбную бесѣду; всѣ они были парни холостые, удалые, подобно Антону, который былъ тутъ же, и потому много-много чего переговорили и пересмѣяли, прежде чѣмъ паръ пересталъ виться клубомъ изъ ихъ кружекъ.

— Сколько гривенниковъ выйдетъ на этотъ проклятый

чай, наконецъ сказалъ одинъ изъ нихъ: а что̀ толку, хорошо пока пьешь, а выпилъ—только еще хочется.

— Да, братцы, замѣтилъ другой: не будь чаю, да водки, много бы у нашего брата скопилось денегъ.

— Эхъ выдумали о чемъ тужить, говорилъ Антонъ: хорошо, такъ пейте—пока проѣзжіе есть, будутъ и деньги, а проѣзжіе всегда будутъ, а даютъ они вамъ на чай, ну и пейте чай.

— Толкуй-тутъ, ты, пригожій со своимъ пригожимъ карманомъ; а пропьешь все на чаю, какъ я, такъ не на что̀ и невѣстѣ будетъ купить подарокъ, какъ вздумается жениться.

— Неужто ты хочешь жениться, насмѣшливо замѣтилъ Тимофей: да какая за тебя, гуляку, пойдетъ!

— Не смѣйся горохъ, не лучше бобовъ: ты думаешь, что только ты одинъ и женихъ всѣмъ невѣстамъ; ожжешься, Тимоша— не хвались, а прежде Богу помолись.

— А Тимоха скоро женится, замѣтилъ другой ямщикъ: онъ ужъ и то такимъ женихомъ смотритъ на всѣхъ дѣвушекъ.

— Отъ чего-жъ и не жениться? отвѣчалъ Тимофей: васъ на свадьбу позову,—попируете!

— На комъ же, Тимоша, ужъ не на Авдѣ ли? Сдается мнѣ, что ты за ней ухаживаешь, да жениховскимъ глазомъ посматриваешь.

— Да, Авдя славная дѣвушка, говорилъ Тимофей: и я не прочь бы за нее посвататься; всѣмъ взяла, голубушка!

— Что̀ жъ, сватайся, Игнатьичъ отдастъ, посмотри отдастъ, вспомяни мое слово.

— Бабушка-то гадала, да на двое сказала! замѣтилъ Антонъ, досадуя, что̀ и другой еще имѣетъ свои виды на Авдю.

— Ого! и Антону стало завидно, и ему хочется быть Авдиным женихомъ, онъ ужъ о бабушкиномъ гаданьи заговорилъ; да какъ быть — двоихъ на одной не повѣн-

чаютъ; а Авдя не прочь бы за Тимофея; онъ всегда около нея вьется такой лисицей; да и она, кажется, глядитъ на него.... ой-ой-ой....

Весь этотъ разговоръ всѣ приняли за шутку; только не до шутки было Антону: онъ досадовалъ и на своихъ товарищей, которые вздумали говорить про Авдю, и на себя, что онъ никогда не примѣчалъ за Тимофеемъ и за тѣмъ, какъ Авдя съ нимъ обходится. Онъ не зналъ, кому вѣрить, себѣ ли, Авдѣ ли, словамъ ли, сказаннымъ за минуту, и въ первый разъ самое непріятное чувство шевельнулось въ его сердцѣ, но онъ старался зашить часмъ всю свою досаду, чтобъ ее скрыть отъ посторонняго глаза. Много еще шутокъ и остротъ сыпалось на долю Тимофея, Авди и Антона. Тимофей смѣялся отъ чистаго сердца, но Антонъ самымъ принужденнымъ смѣхомъ, безпрестанно повторяя въ умѣ: пробѣжалъ заяцъ черезъ мою дорогу.

Ночь досталась Антону чередоваться на станціи — тутъ-то ему было приволье предаться своимъ думамъ. Всѣ другіе ямщики, завернувшись въ тулупы, преспокойно растянулись, какъ кому пришлось, у самого крыльца станціоннаго дома, и спали, не чувствуя жесткой постели. Не спалось только одному Антону; онъ сидѣлъ на ступенькѣ лѣстницы, и смотрѣлъ то въ ту, то въ другую сторону, безъ всякаго впрочемъ намѣренія что-нибудь увидѣть—ему все было здѣсь знакомо отъ самого дѣтства, и глаза переходили съ одного предмета на другой только потому, что въ это время на ихъ долю не доставалось никакого дѣла: его отняли у нихъ сердечныя думы Антона, который думалъ объ Авдѣ, о Тимофеѣ и о многомъ-многомъ, что все сцѣплялось одно съ другимъ.

На ту пору не было никого и проѣзжихъ, хотя ночь какъ-будто нарочно была назначена для путниковъ: и кому жъ, какъ не имъ, было наслаждаться ею. Всякій, кто не оставлялъ своего угла, давно уже спалъ, слѣдуя обычаю, заведенному искони вѣка; только одинъ путникъ могъ любоваться этой русской поэтической ночью, когда свѣтъ мѣся-

ца могъ бы показаться экономному, холодному человѣку напраснымъ свѣтомъ, потому-что и безъ него ночь позволяла видѣть всѣ предметы и даже узнавать знакомыя лица; но для человѣка, любящаго разнообразныя картины природы, жаждущаго дышать ея таинственнымъ вѣяніемъ, этотъ мѣсяцъ, съ своимъ томнымъ блескомъ, былъ бы нелишнимъ надъ обширными зелеными полянами. Дорога блестящей ровной полосой тянулась безконечно-далеко въ обѣ стороны, принимая на себя узорчатую тѣнь, то отъ мелкаго кустарника, то отъ верстоваго столба, то отъ груды щебня; на поляхъ все серебрилось и ничто не нарушало таинственнаго покоя, какъ-будто все было дивно-очаровано мановеніемъ волшебницы-ночи. И какъ тутъ не наслаждаться путнику, особенно если онъ летитъ на быстрой тройкѣ! Если онъ любитъ мечтать, то что за чудныя мечты полетятъ къ нему, закружатся надъ нимъ и раскинутся въ живыя очаровательныя картины! Если онъ меланхоликъ и любитъ тихую, нѣжную грусть, то здѣсь, при уныломъ блескѣ луны, онъ насытитъ душу этой грустью; если онъ мчится отъ измѣны своей возлюбленной, то здѣсь подъ свѣтлымъ покровомъ ночи, при краснорѣчивомъ безмолвіи природы, проклятіе замретъ на его устахъ, отойдетъ желчь отъ сердца, и онъ найдетъ мирное утѣшеніе.

И Антонъ чувствовалъ вліяніе этой ночи: сначала его досада превратилась въ тихую грусть, которую онъ вздумалъ выразить протяжнымъ, унылымъ напѣвомъ русской пѣсни, но она разбудила одного стараго ямщика, спавшаго у крыльца, подъ теплымъ тулупомъ; онъ поднялъ голову, назвалъ Антона полунощникомъ, и сердито заворчалъ на его не своевременное пѣніе. Антонъ не сказалъ старику ни слова, но замолчалъ, и снова задумался: онъ вспомнилъ о своемъ свиданіи съ Авдей у мельницы, вспомнилъ, сколько любви она ему высказала своими взорами и улыбкой, и за этимъ силился оправдать ее и согнать съ нея ту тѣнь подозрѣнія, какую набросила-было недавняя рѣчь ямщиковъ. Теперь

только на Тимофея смотрѣлъ онъ несовсѣмъ пріязненно, называя его зайцемъ, который перебѣгаетъ черезъ его дорогу. Но скоро и Тимофей сталъ оправдываться въ его воображеніи, представляясь ему весельчакомъ, который любилъ пошутить и посмѣяться.

Такимъ-образомъ, благодаря успокоительной ночи, Антонъ немножко примирился со всѣми и вскорѣ самъ задремалъ на ступеняхъ лѣстницы, а во снѣ, разумѣется, увидѣлъ то, о чемъ думалъ на яву.

Черезъ два дня было воскресенье, день, въ который дѣвушки собираются въ поле въ своихъ лучшихъ сарафанахъ, приманиваютъ туда собою молодцевъ и заводятъ игры съ хороводами. Солнце уже пробѣжало болѣе половины разстоянія отъ полудня, когда Антонъ, не то веселый, не то скучный, возвращался со своей тройкой на станцію. Подъѣзжая къ ней онъ увидѣлъ Таню, которая, запыхавшись, перебѣгала черезъ дорогу.

— Куда ты, Таня, такъ торопишься? закричалъ ей Антонъ.

— Въ поле... на красную горку, тамъ уже давно собрались всѣ наши, и Авдя тамъ..... отвѣчала дѣвушка, и снова побѣжала, что было силы.

Антонъ пріударилъ лошадей и рысью въѣхалъ на свой дворъ. Немного нужно было времени, чтобы отпрячь тройку и вознаградить ее за дневной трудъ; недолго было Антону принарядиться попраздничному и дойти до красной горки. Здѣсь старики и молодые стояли, сложивъ руки, и внимательно слѣдили за разнообразными тѣлодвиженіями дѣвицы и молодца. Дѣвушка, красивая, статная, съ пышной косой, въ убористомъ сарафанѣ, выступала павой или плыла утицей, то сложивъ у груди свои руки, то легко и красиво изогнувъ станъ, схватывалась за него лѣвою рукой, и поднявъ правую, кокетливо вертѣла плечами, нѣжно улыбалась и поднятой рукой какъ-будто звала молодца; то не отрывала отъ него своихъ глазъ, мило поверты-

вая головкой, то вдругъ, потупивъ стыдливо взоры, какъ будто убѣгала его. А онъ, этотъ молодецъ, жадно смотрѣлъ на красавицу, и своими разнообразными простыми движеніями точно хотѣлъ выразить восторгъ своего сердца: то вертѣлъ надъ головой шляпу, то, сложивъ руки, выдѣлывалъ затѣйливыя на́, то, подперевъ руками бока, мгновенно присѣдалъ и потомъ гоголемъ подступалъ къ красавицѣ.

Это была русская пляска, а плясали Авдя и Тимофей, подъ звонъ балалайки. Нѣкоторые говорятъ, что любовь, творецъ многихъ дѣлъ, изобрѣла и эту пляску. Въ-самомъ-дѣлѣ, прослѣдивъ внимательнымъ окомъ за всѣми этими движеніями, едвали можно будетъ противорѣчить такому замѣчанію. Любовь хитра на выдумки: если она не имѣла довольно случаевъ выражаться въ словахъ и рѣчахъ, какъ чувство, запретное въ глазахъ нашихъ предковъ, то вотъ она съумѣла выразиться въ движеніяхъ, въ пантомимѣ, понятнѣе и краснорѣчивѣе всякихъ словъ: она изобрѣла пляску, которою тѣшатся молодые и восхищаются старики, вспоминая свою молодость. Это не танецъ, который требуетъ искусства отъ ногъ, часто весьма краснорѣчивыхъ въ своихъ изящныхъ на́; здѣсь дѣйствуютъ не столько ноги, сколько глаза, улыбка, милыя движенія головы, плечъ, рукъ и всего стана; видно, что не чувство веселья изобрѣло эту пляску, въ которой нѣтъ быстрыхъ, страстныхъ стремленій, порывистыхъ восторговъ, но въ ней отпечатало свой характеръ русское сердце, тихое и нѣжное въ сладкой любви, тоскливое въ ея страданіяхъ. И вотъ она переходитъ въ народѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію, не измѣняясь въ своей прелестной простотѣ, какъ родная принадлежность влюбленныхъ, какъ утѣха невлюбленныхъ.

Антонъ издали замѣтилъ эту пляску, но не спѣшилъ подойти къ другимъ зрителямъ, которые большимъ кругомъ окружали пляшущихъ, а закусивъ губу, остановился въ нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи.

Авдя плясала восхитительно, не имѣя впрочемъ другаго намѣренія, какъ отличиться передъ толпой зрителей — честолюбіе, свойственное дѣвушкѣ ея лѣтъ, какъ на полѣ, такъ и на паркетѣ. Антонъ и самъ бы восхитился пляской своей Авди, еслибы передъ его глазами не вертѣлся тутъ же Тимофей. Теперь ему было только досадно, зачѣмъ Авдя такъ ласково смотритъ на этаго Тимофея, зачѣмъ такъ мило ему улыбается; стало еще досаднѣе, когда въ концѣ пляски раздались слова Игнатьича: «славно Авдя, славно Тимоша»! Авдя, безпечная Авдя, думала только объ одномъ весельи, и не подозрѣвала, что на нее сердится одинъ парень за то, что она пляшетъ такъ, какъ на ея мѣстѣ стала бы плясать и всякая дѣвушка. За недѣлю назадъ Антонъ не тревожился бы много, съ кѣмъ и какъ пляшетъ Авдя; тогда бы онъ только на нее смотрѣлъ, и этимъ бы былъ доволенъ; но теперь его воображеніе, настроенное опасеніями, внушало ему то, чего вовсе и не было. Пляска кончилась, а онъ все еще стоялъ и задумчиво смотрѣлъ на шумную толпу.

— О чемъ задумался, Антонъ? наконецъ онъ услышалъ знакомый голосъ одного ямщика, который незамѣтно къ нему подошелъ и слегка ударилъ его по плечу.

— Вспомнилъ, отвѣчалъ Антонъ, что сегодня на дорогѣ у моего сѣрки распустился черезсѣдельникъ; я поправилъ, проѣхалъ верстъ пять, а онъ опять распустился.....

— Вотъ что! замѣтилъ ямщикъ: да что тебѣ то тужить объ этомъ, вѣдь ты парень холостой, не женатой; вотъ еслибъ приключилось это мнѣ, женатому, тогда другое дѣло, тогда бъ было очемъ задуматься, да закручиниться; значитъ безъ меня жена шалитъ дома, забываетъ заповѣдь Божію; а тебѣ-то что.....

— А мнѣ-то что! протяжно произнесъ Антонъ: да, твоя правда, мнѣ нечего тужить, да бояться обмана, съ усмѣшкой прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

— Случись съ женатымъ такая притча, замѣтилъ тотъ

же ямщикъ: такъ радъ бы не тужить, а тужится; вотъ женишься, такъ самъ испытаешь.

— Радъ бы не тужить, да тужится, проговорилъ про себя Антонъ, и пріободрившись подошелъ къ Степанидѣ. Степанида была видная и статная дѣвушка; иные считали ее даже лучше Авди, потому-что она была румяне и полнѣе; въ играхъ у нея было болѣе рѣзвости, въ рѣчахъ болѣе смѣлости.

— Какъ ты сегодня нарядилась, Степанида, сказалъ ей Антонъ: любо посмотрѣть что̀ за красавица, просто лучше всѣхъ.

— Тебѣ хочется, чтобы и я тоже тебя похвалила, со смѣхомъ отвѣчала Степанида: похвалила бы, да не за что̀; вотъ Тимофея такъ сто́итъ похвалить; видѣлъ, какъ онъ плясалъ съ Авдей, даже и тебѣ такъ не проплясать.

— Гдѣ намъ равняться съ Тимофеемъ, вѣдь Тимофей на все собаку съѣлъ, и проплясать, и васъ околдовать, красныхъ дѣвушекъ: а мы посмотримъ, посмотримъ, да и видимъ, что грибъ съѣли.

— Говоришь одно, а думаешь, вѣрно, другое, лукаво замѣтила Степанида.

— Зачѣмъ думать другое, говорю что̀ думаю.

— Ну такъ вѣрно тебѣ сегодня заяцъ перебѣжалъ дорогу, ты совсѣмъ непохожъ на Антона.

— Нѣтъ, заяцъ-то пробѣжалъ не сегодня, а сегодня только черезсѣдельникъ распустился.....

— Поди прочь! не сто́итъ слушать твои рѣчи.

— Какая ты сегодня сердитая; а я назвалъ тебя краше всѣхъ!

— Что̀ жъ, если ошибся, такъ попроси прощенья!

— Нѣтъ, не ошибся, а ты дашь отвѣтъ Богу, что отъ тебя изсохнетъ не одно ретивое.

Долго еще Антонъ любезничалъ со Степанидой, примѣшивая иногда къ своимъ словамъ досадныя и злыя замѣчанія, и всегда такъ, чтобъ видѣла и слышала Авдя. Она

въ-самомъ-дѣлѣ видѣла и слышала Антона, напрасно ждала, что онъ подойдетъ къ ней, и не зная за собой никакой вины, разсердилась и надула было губки.

— Что́-жъ, дѣвушки, начните въ горѣлки! раздался голосъ одного стараго ямщика, которому отозвались всѣ дѣвушки и парни общимъ голосомъ согласія. Парни подавали руки дѣвушкамъ и становились пара за парой. Тимофей подошелъ къ Авдѣ, которая смотрѣла въ ту сторону, гдѣ былъ Антонъ, и дожидала, что онъ подойдетъ къ ней и возметъ ее себѣ въ пару; но Антонъ подалъ руку Степанидѣ, и нарочно смѣшилъ ее, смѣясь и самъ, чтобы показать видъ безпечности. Тогда Авдя пошла съ Тимофеемъ.

Началась игра, въ которой была радость удалымъ и проворнымъ, и бѣда неповоротливымъ; всѣ бѣгали до упаду. Наконецъ послѣднему досталось горѣть Антону, который нарочно такъ принаровилъ: ему нужно было поймать только Авдю; потому онъ позволялъ всѣмъ первымъ разъединяемымъ парамъ снова соединяться. Но вотъ побѣжали Авдя и Тимофей: проворный Антонъ далеко загналъ Тимофея, потомъ бросился въ слѣдъ за Авдей и поймалъ ее на значительномъ разстояніи отъ толпы.

Оба они утомленные взявшись за руки, шли тихо и молча, искоса поглядывая другъ на друга. Наконецъ Авдя прервала молчаніе.

— Ты на меня сердитъ, Антонъ? спросила она.

— За что́ мнѣ на тебя сердиться, развѣ за то, что́ ты хорошо пляшешь?

— Сегодня ты ни разу не подошелъ ко мнѣ, не сказалъ мнѣ ни одного привѣтливаго слова.

— Что́ жъ мнѣ было подходить къ тебѣ, когда ты все была съ Тимофеемъ—тебѣ и безъ меня было весело.

— Антонъ, такъ-то ты меня любишь! съ упрекомъ сказала дѣвушка, и посмотрѣла на Антона такими глазами, въ которыхъ свѣтились даже слезы, что Антонъ въ мигъ забылъ всю свою досаду и готовъ былъ просить прощенье

у обиженной Авди; но въ это время они подходили къ ожидающей ихъ толпѣ, и онъ только успѣлъ шепнуть своей красавицѣ:

— Авдя, не ходи больше съ Тимохой!

Авдя съ удивленіемъ на него посмотрѣла, но встрѣтивъ его ласковый взоръ и привѣтливую улыбку, успокоилась, и подошла къ Игнатьичу; а Игнатьичъ уже давно смотрѣлъ на нихъ и думалъ про себя: «экая парочка, хоть сей часъ сваху посылай.»

И подождать бы немного Антону, дождался бы онъ свахи и назвался бы Авдинымъ женихомъ; такъ нѣтъ, судьба иначе распорядилась его волюшкой. Дня черезъ два случились имянины Косаго, одного молодаго ямщика; взумалось ему созвать товарищей-пріятелей и сдѣлать пирушку. Пирушка была веселая: молодцы пили чаи и водку, грызли орѣхи, ѣли пряники; говорили и болтали, что только душа хотѣла, что только языкъ могъ выговаривать. Шумно пировали они, и допировали до общаго сиѣменія: кто склонилъ голову на столъ, кто повалился на скамейку, кто присѣлъ на полъ, кто, шатаясь, пошелъ домой, однимъ-словомъ всѣ угомонились; только одному неугомонному Антону вздумалось побродить по полю и освѣжить себя прогулкой. Шатаясь изъ стороны въ сторону, повѣся хмѣльную голову, онъ шелъ, самъ не зная куда.

— Антонъ всегда молодецъ, говорилъ онъ про себя: всѣ тамъ свалились, какъ соломенки, а я все на ногахъ.... хоть сей-часъ тройкой править..... и управлю какъ добрый ямщикъ... никому не спущу.... и Тимохѣ не спущу.... попадись онъ теперь, я ему покажу, какъ на Авдѣ жениться.... охъ, какъ.... покажу.... ей-Богу покажу.... пусть хоть самъ Игнатьичъ заступится.... не послушаюсь.... забудетъ у меня какъ за Авдей таскаться..... Эхъ Тимоха... Тимоха... ужъ будетъ тебѣ плохо..... Авдя дѣвушка хорошая... что и говорить про это... Пойду къ Игнатьичу... и брошусь ему въ ноги... скажу... Игнатьичъ, будь отецъ

родной... отдай мнѣ... свою... Авдю... жить безъ нея не могу..... что хочешь... не могу... не откажи, не погуби... а то умру... съ тоски. Ты думаешь, что я пьянъ... нѣтъ, я не пьянъ..... а хоть и пьянъ... это не укоръ для молодца... я не въ кабакѣ напился... свой ямщикъ угостилъ.... на именинахъ былъ... хоть и пьянъ, а все про Авдю думаю. Пойду же къ Игнатьичу... ей Богу пойду..... ужъ съѣстъ у меня грибъ лиходѣй... Тимоха.....

Съ такой рѣшимостью идти къ Игнатьичу, Антонъ принудилъ свои ноги остановиться, оглядѣлся кругомъ, и увидѣлъ, что онъ почти подлѣ Игнатьичева огорода. Потомъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ услышалъ вблизи себя голосъ:

«Боже мой, это ты—Антонъ!»

Антонъ поднялъ голову, пристально посмотрѣлъ и не замедлилъ отозваться подобнымъ же восклицаніемъ:

«А это ты, Авдя!»

Съ удивленіемъ сложивъ руки, долго смотрѣла на него оторопѣлая дѣвушка, не понимая на яву или во снѣ видитъ она такого безобразнаго Антона; въ ея чертахъ выразилось самое непріятное чувство, которое не позволяло ей ни на что рѣшиться. Еще за минуту она думала объ этомъ человѣкѣ сердечными думами, вспоминала его послѣдній ласково-привѣтный взоръ, которымъ онъ загладилъ передъ нею свое несправедливое подозрѣніе, прощала ему необдуманный его упрекъ и только внимала нѣжному лепету своего невиннаго сердца, а оно билось одной пылкой любовью первой юности. И вдругъ эта любовь превратилась въ какой-то ужасъ, если не въ отвращеніе: она могла питаться только прекраснымъ, а передъ ней является безобразіе.

Антонъ не могъ понять по чертамъ Авдина лица, что въ это время происходило въ сердцѣ бѣдной дѣвушки; онъ

даже вздумалъ къ ней приласкаться, и шатаясь подходилъ все ближе и ближе.

Авдя.... моя красавица.... говорилъ онъ: я иду къ твоему дѣдушкѣ.... хочу броситься къ его ногамъ.... а теперь пойдемъ лучше вмѣстѣ.... бросимся оба.... скажемъ благослови.... насъ.... дѣдушка.... И съ этимъ словомъ онъ схватилъ-было Авдю за руку.

— Прочь! вскричала Авдя, отдернувъ свою руку: поди прочь, безсовѣстный.

— Я безсовѣстный.... я ужъ сталъ безсовѣст....

— Смотрѣть на тебя даже страшно!

— Смотрѣть на меня страшно.... вотъ оно что.... Тимоха-то.... знать на него нестрашно.... ужъ онъ пришелъ по сердцу....красной дѣвицѣ.... такъ вотъ зачѣмъ ты уговаривала.... подождать.... просить тебя у дѣдушки....сама ты безсовѣстная!...

— Антонъ! и тебѣ нестыдно говорить это: посмотри прежде на себя, каковъ ты, я за тебя краснѣю....

— Что я.... ты думаешь.... что я пьянъ.... нѣтъ, я не пьянъ.... пьянъ твой Тимоха.

— Да, ты пьянъ, и дай Богъ, чтобъ ты не забылъ всего, что ты сейчасъ наговорилъ мнѣ, а я теперь не хочу говорить съ тобой ни слова....

Съ этой рѣчью дѣвушка скрылась въ свой огородъ, и здѣсь, закрывъ глаза передникомъ, зарыдала потокомъ слезъ; она чувствовала, что ея любовь была оскорблена и унижена, но оскорбляли ее не слова Антона, а его жалкій, отвратительный видъ. Она могла бы ему простить всѣ непсправедливые упреки, и любить его все тою же любовію, но не могла насильно управлять своимъ сердцемъ, въ которомъ любовь мгновенно превратилась въ чувство отвращенія и негодованія—здѣсь было тронуто чувство прекраснаго, нѣжнѣйшее изъ всѣхъ чувствъ, развиваемыхъ отъ нашего мла-

денчества природою. Вы въ восторгѣ отъ прекрасной музыки, вы очарованы ея дивными звуками, вдругъ до васъ долетаетъ дикое шипѣніе перервавшейся струны, которая нарушаетъ общую гармонію, и терзаетъ ваше ухо,—куда мгновенно дѣвалось очарованіе, гдѣ тотъ восторгъ?—ихъ уже нѣтъ, а вы негодуете и не можете забыть этого послѣдняго звука. Вы восхищаетесь сильными прекрасными стихами, вдругъ между ними попадается только одинъ грубый, жесткій и невѣрный—это безобразіе стиха уничтожаетъ ваше прекрасное впечатлѣніе отъ первыхъ сотни стиховъ, и вы только морщитесь, не скрывая своей досады. Что-жъ могло произвести въ сердцѣ дѣвушки добровольное безобразіе того человѣка, котораго она считала прекраснымъ, и любила всѣмъ пыломъ нѣжнаго сердца.! Недолго рыдала Авдя, потому-что подобное негодованіе только на минуту раждаетъ слезы и мгновенно изсушаетъ ихъ: его мѣсто скоро заступаетъ презрѣніе а потомъ мрачно-молчаливая холодность.

На другой день Антонъ вспомнилъ свои вчерашніе проказы, и видѣлъ что дѣло худо; онъ винилъ себя и въ тоже время думалъ какъ поправиться передъ Авдей, которая, помнилось ему, сильно на него разсердилась. Наконецъ, ему пришло на мысль приласкать мельничную сиротку, подарить ей нѣсколько грошей, и подучить, чтобъ она подкараулила Авдю и шепнула ей придти къ мельницѣ. Но его посольство было неуспѣшно.

— Авдя сегодня такая сердитая, говорила Таня: когда я я ей, сказала что ты велѣлъ, она нахмурилась....

— Что-жъ она сказала?

— Сказала такъ сердито: пусть больше объ этомъ и не думаетъ; напрасно будетъ и ждать.

— Худо дѣло! подумалъ Антонъ, и пошелъ на станцію, повѣся голову. Здѣсь онъ встрѣтилъ Степу, который кричалъ и боролся съ другими ребятами.

— Степа, пойдемъ чаи пить, шепнулъ ему Антонъ.

— Идемъ, любезный другъ, отъ чаю я никогда не прочь— только наливай, а пить мое дѣло, болталъ Степа, и вмигъ скрылся въ дверяхъ ямщицкой харчевни, въ-слѣдъ за Антономъ.

За чаемъ Антонъ началъ разговоръ со Степой о вещахъ обыкновенныхъ, приближаясь постепенно къ тому сердечному вопросу, для котораго собственно и позвалъ на чай Степу.

— Ну что Авдя? наконецъ спросилъ онъ.

— Что Авдя, ничего, что ей дѣлается.

— Здорова?

— Работаетъ какъ и всегда—значитъ здорова.

— Она ничего про меня не говорила?

— А что ей про тебя говорить?

— Вотъ видишь что, Степа: вчера я былъ у Косого на имянинахъ: онъ меня подпоилъ, а я и поди шататься по полю, да и встрѣться съ твоей сестрой!...

— Ну такъ что-жъ, а ей-то что за дѣло!

— Все нехорошо, Степа—ты вотъ что сдѣлай: скажи, что я не самъ по себѣ напился, что меня напоили на имянинахъ, что это еще не порокъ—выпить лишнюю чарку съ пріятелями—это еще не показываетъ дурнаго и негоднаго человѣка....

Но и такое объясненіе не помогло Антону. На другой день онъ снова встрѣтился со Степой, который со смѣхомъ ему замѣтилъ: «Вотъ видишь, я правду сказалъ, что Авдѣ нѣтъ дѣла, былъ ли ты пьянъ, нѣтъ ли».

— Ты говорилъ съ ней? живо спросилъ Антонъ.

— Да, она сказала: мнѣ-то что за дѣло, пусть онъ хоть всякій день напивается.

Грустно стало Антону, грустно такъ, что онъ не зналъ куда дѣться со своею грустью. Онъ злился на себя, досадо-

валъ на тотъ день, который ввелъ его въ такую нежданную напасть, но уже не могъ воротить своихъ прежнихъ красныхъ дней. Ясными днями летѣло лѣто, да не веселило сердце молодцу, у котораго взоръ хуже осенняго дня сдѣлался пасмурнымъ. Онъ видѣлъ, что Авдя убѣгаетъ его, или, при встрѣчѣ въ полѣ, говоритъ съ нимъ сухо и нехотя, никогда не оставаясь наединѣ; и догадался онъ, что она на него не сердита, а просто его разлюбила. Съ-этихъ-поръ сосѣди не узнавали Антона: куда дѣвались его прежняя молодецкая удаль, его бравая походка, его соколiй взглядъ; гдѣ то прежнее щегольство? шляпа, кафтанъ, кушакъ у него оставались все тѣ же, да уже не такъ сидѣли на немъ; и волосы показывали, что ихъ больше не холитъ заботливая рука. Ни о чемъ уже не заботился Антонъ, часто забывалъ дѣло, много гулялъ, чтобы разсѣять свою грусть-тоску, задумывался и только внушалъ сосѣдямъ строгiя подозрѣнiя. И стали сосѣди про него поговаривать несовсѣмъ добрыя рѣчи, а Игнатьичъ нерѣдко покачивалъ головой, прибавляя свои замѣчанiя: «славный былъ парень, Антонъ, да избаловался; а я еще за него прочилъ Авдю, ладно, что не поторопился». Антонъ не слыхалъ замѣчанiй сосѣдей, но часто самъ вздыхая, дѣлалъ себѣ замѣчанiя: «охъ, любовь сгубила молодца; тужитъ сердце по дѣвицѣ, до-сихъ-поръ не можетъ забыть ее. А она живетъ себѣ весела веселехонька». Авдя въ-самомъ-дѣлѣ скоро перестала совсѣмъ о немъ думать, а стала думать снова объ одномъ весельи; если же иногда и вспоминала о бѣдномъ парнѣ, то онъ всякiй разъ ей представлялся какъ-то, противъ ея воли, въ томъ видѣ, въ какомъ съ нею встрѣтился у огорода, послѣ имянинной пирушки, и всякiй разъ непрiятное чувство смущало ея воображенiе. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы ея любовь не оставила въ ней никакого слѣда: нѣтъ ея прежнiй рѣзвый взглядъ обратился въ строгiй, иногда задумчивый, который еще болѣе могъ бы прельстить васъ.

Осенью Игнатьичъ благословилъ Авдю за Тимофея, говоря

сосѣдямъ: «суженаго конемъ не объѣдешь, не за него думалъ, да за него Богъ велѣлъ.»

А Антонъ остался жить горемыкой: онъ уже невсегда сталъ находить наслажденіе гонять лошадей и тѣшить проѣзжихъ; иногда онъ сдерживалъ свою тройку и задумывался или затягивалъ пѣсенку: «изсушила молодца». Вздумается проѣзжему разговориться съ нимъ, и молодой ямщикъ въ немногихъ словахъ разскажетъ ему свою повѣсть: «пришла по сердцу красна дѣвица, молвитъ онъ: и я полюбился ей; хотѣлъ ужъ свататься у дѣда, да нелегкій попуталъ: напился пьянъ—она меня и разлюбила».

В. КРИВИЧЪ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ЖУКОВСКАГО *.

Письмо Редактору Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія изъ Стутгарта отъ $^{17}/_{29}$ апрѣля 1852 .

Конечно, печальная вѣсть о кончинѣ нашего маститаго поэта Жуковскаго достигла и до васъ. Богъ судилъ мнѣ быть свидѣтелемъ его предпослѣднихъ минутъ: онѣ были такъ христіански-назидательны, и такъ поэтически-высоки, что я считаю своимъ священнымъ долгомъ подѣлиться моими собственными впечатлѣніями, которыя я собралъ у смертнаго одра нашего поэта-христіанина, во-первыхъ съ вами, а чрезъ васъ—и со многими другими, которые уважали въ Василіи Андреевичѣ его талантъ, его душу, его многополезную жизнь.

Еще въ началѣ Великаго-Поста я получилъ приглашеніе отъ В. А. Жуковскаго пріѣхать къ нему на шестой недѣлѣ, для пріобщенія его съ дѣтьми Св. Таинъ, такъ какъ болѣзнь его глаза не позволяла ему самому выѣхать изъ Бадена. Но въ то время какъ я собирался уже отправиться къ нему, я получаю отъ него письмо, въ которомъ онъ писалъ ко мнѣ:

* Статью эту, заслуживающую всеобщей извѣстности, заимствуемъ изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

«Обстоятельства, которыхъ я не ожидалъ и которыхъ мнѣ перемѣнить нельзя, принуждаютъ меня обратиться къ вамъ и просить васъ перемѣнить наше распоряженіе на счетъ пріѣзда вашего къ намъ въ Баденъ. Не можете ли вы пріѣхать въ понедѣльникъ на Ѳоминой-недѣлѣ и пробыть до четверга, въ который день я могъ бы причаститься Св. Таинъ вмѣстѣ съ моими дѣтьми»?

Добрый старецъ, пиша эти строки, не зналъ того, что это распоряженіе было свыше, отъ премудрой воли Божіей, предназначавшей ему вкусить эту послѣднюю радость земной вѣры христіанина за два дня передъ переходомъ его въ вѣчную жизнь, гдѣ онъ долженъ былъ «истѣе причаститися въ невечернемъ дни Царствія Христова».

$^{7}/_{19}$ апрѣля, въ понедѣльникъ Ѳоминой-недѣли, я прибылъ въ Баденъ-Баденъ и нашелъ Василія Андреевича въ постелѣ, очень больнымъ. Домашніе его всѣ были погружены въ печаль; какое-то мрачное предчувствіе лежало безотчетно на сердцахъ всѣхъ. Супруга его напередъ предварила, меня что онъ раздумываетъ теперь принять Св. Тайны, надѣясь въ Петровскій-постъ исполнить это святое дѣло со всѣмъ благоговѣніемъ и разсчитывая особенно на радость, ожидавшую его тогда въ семейномъ кругу. Въ этотъ день, такъ какъ уже было довольно поздно, я не могъ его видѣть.

На другой день, въ 11-мъ часу утра, я вошелъ къ нему въ спальню. Его первыя слова были:

«Ну, теперь нечего дѣлать, надо отложить. Вы видите въ какомъ я положеніи... совсѣмъ разбитый... въ головѣ не клеится ни одна мысль... какъ же такимъ явиться передъ Нимъ»?

Произнося эти слова, онъ постоянно хваталъ себя за голову, какъ-будто дѣйствительно его мысли не клеились въ ней. Выслушавъ его, я отвѣчалъ:

«Но что́ бы вы сказали теперь, еслибы Самъ Господь захотѣлъ придти къ вамъ? Развѣ отвѣчали бы Ему, что васъ нѣтъ дома»?

Вмѣсто отвѣта онъ заплакалъ.

«Въ святомъ Таинствѣ, продолжалъ я, надобно различать двѣ стороны: разъ человѣкъ приходитъ къ І. Христу, ища покаянною душою примиренія съ Нимъ; въ другой разъ Онъ самъ приходитъ къ человѣку и требуетъ только отворить Ему двери сердца.»

«Такъ приведите мнѣ Его, этого Святаго Гостя», проговорилъ онъ сквозь слезы. Подошла его супруга. Онъ взялъ ее за руку и значительно, съ разстановкой говорилъ ей: «Вотъ онъ (указывая на меня), какъ полномочный отъ Бога, хочетъ привести ко мнѣ Господа, ко мнѣ недостойному. Какъ я буду счастливъ имѣть Его въ себѣ»!

Я обѣщалъ на другой день приготовить его дѣтей исповѣдію и причастить ихъ вмѣстѣ съ нимъ у его кровати. Здѣсь онъ началъ мнѣ говорить, какъ онъ старался учить дѣтей своихъ по изобрѣтеннымъ имъ самимъ таблицамъ. Потребовалъ самыя таблицы; но руки его были слабы; напряженіе мысли затрудняло его. Я успѣлъ уговорить его оставить это до будущаго времени.

.. «Да» — говорилъ онъ, «вы должны будете пріѣхать ко мнѣ. Мнѣ очень нужно видѣть васъ у себя недѣли двѣ-три». Въ это время вошла снова его супруга, и стала его упрашивать, чтобы онъ успокоился и не говорилъ такъ много. Но онъ съ примѣтною досадою отвѣчалъ: «Ахъ, мой другъ, что ты такъ заботишся объ этомъ (указывая на тѣло свое) бренномъ трупѣ: душа наша важнѣе всего». Однако я поспѣшилъ его оставить, и освѣдомившись вечеромъ, узналъ, что онъ былъ потомъ въ бреду и забытьи.

$^{9}/_{21}$ апрѣля, въ среду, послѣ исповѣди дѣтей, я являюсь къ нему, чтобы приготовить его къ принятію Св. Таинъ. Онъ встрѣтилъ меня словами:

«Вчера меня мучила мысль; какъ чудовище, не хочетъ отойти отъ моей кровати; точно дубиной разбиваетъ душу. Это — дьявольское искушеніе, idée fixe, которая

насъ сводитъ съ ума, — мысль: что̀ будетъ съ дѣтьми моими, съ женою моею послѣ меня»! Я напомнилъ ему вѣру въ Промыслъ Божій, милости къ нему Государя, его заслуги Престолу и Отечеству, «Да»—отвѣчалъ онъ—«это убѣжденіе есть. — Слезы докончили его исповѣдь. «Жизнь, все жизнь»,—продолжалъ онъ какъ бы про себя—«исполненная пустоты». Наконецъ я ввелъ къ нему дѣтей его. Онъ вмѣстѣ съ ними прочиталъ Молитву Господню и исповѣданіе предъ Причащеніемъ. Причастились дѣти, принялъ и онъ Причащеніе. Тотчасъ же въ немъ замѣтна стала перемѣна. Онъ умилился, подозвалъ дѣтей, и сквозь слезы сталъ говорить имъ: «Дѣти мои, дѣти! вотъ Богъ былъ съ нами! Онъ Самъ пришелъ къ намъ! Онъ въ насъ теперь! радуйтесь, мои милые»! Онъ очень былъ встревоженъ умиленіемъ; я поспѣшилъ его оставить; затѣмъ онъ уснулъ спокойно.

$^{10}/_{22}$ апрѣля, въ четвергъ, по-утру, я вошелъ къ нему, и на вопросъ мой о его здоровьи онъ отвѣчалъ:

«Вчера и сегодня мнѣ легко на душѣ. Это блаженство принять въ себя Бога, сдѣлаться членомъ Бого-семейства.... мысль радостная, блаженная! Но не станемъ ею восхищаться. Это не игрушка. Она должна оставаться, какъ сокровище, въ насъ». Потомъ онъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ іюнѣ или даже въ маѣ. Я обѣщался пріѣхать, какъ можно скорѣе. Спустя нѣсколько часовъ, я еще разъ зашелъ къ нему. «Вы на пути»,—сказалъ онъ мнѣ.—«Какое счастье идти, куда захочешь, ѣхать, куда надо. Не умѣешь цѣнить этого счастья, когда оно есть; понимаешь его только тогда, когда нѣтъ его. Мнѣ бы хотѣлось (продолжалъ онъ) чтобы вы знали, что̀ послѣ меня останется. Я написалъ поэму; она еще некончена; я писалъ ее, слѣпой, нынѣшнюю зиму. Это — «Странствующій Жидъ»—въ христіанскомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь. Я бы хотѣлъ, чтобы она вышла въ свѣтъ послѣ меня. Пусть она пойдетъ

въ казну дѣтей моихъ. Я начиналъ было переводить ее, диктуя самъ, по-нѣмецки. Но Кернеръ берется перевести ее по-нѣмецки въ стихахъ. Пусть его передѣлываетъ по-своему, пусть прибавляетъ, — но мысль мою онъ поймётъ.... Я бы желалъ, чтобы вы знали и мою методу ученія по таблицамъ. Я испробовалъ ее надъ дѣтьми моими. Воображеніе ихъ такъ сильно было приковано къ событію, что они плакали, когда я разсказывалъ имъ послѣднюю вечерю Господа, Его Геѳсиманскую молитву. Но вы пріѣдете ко мнѣ, и тогда я покажу вамъ эту методу въ подробности».

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ онъ еще разъ прислалъ за мною. Я вошелъ. Онъ въ одной рукѣ держалъ листъ бумаги, въ другой карандашъ.

«Я хочу писать къ Государю», говорилъ онъ, обратясь ко мнѣ.—«Василій (позвалъ онъ человѣка) мы съ тобою будемъ работать ночью. Теперь еще рано. Который часъ»?—

Три часа отвѣчали ему.

«Какъ идетъ время»! Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ началъ говорить: «Я смерти не боюсь. Я готовъ схоронить жену, дѣтей. Я знаю, что я ихъ отдалъ Богу. Но думать, что ты самъ уходишь, а ихъ оставляешь, чувствовать одиночество —вотъ что́ больно»! Потомъ, помолчавъ, продолжалъ: «Но зачѣмъ я задерживаю васъ такими скучными мыслями! Мнѣ надо устроить дѣла мои. У меня все разбросано, въ безпорядкѣ. Вѣрно, оставить все женѣ привести въ порядокъ. Мнѣ ужъ нельзя; вы видите, въ какомъ я положеніи»! При прощаньи онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Прощайте!... Богъ знаетъ, увидимся ли еще». Я было возразилъ противъ этого надеждою, но онъ отвѣчалъ: «Ахъ! какъ часто и я отходилъ такъ отъ одра друзей моихъ, и уже больше ихъ не видалъ!... Богъ съ вами, Богъ съ вами! Благодарю васъ за эти три дня, въ которые вы мнѣ принесли столько радости». Я вышелъ.

$^{11}/_{24}$ апрѣля я былъ въ Карлсруе, у П. П. Озерова. По

причащеніи дѣтей его, я готовился уже отправиться обратно въ Стутгартъ, какъ приходитъ извѣстіе, что В. А. Жуковскій скончался въ ночь съ пятницы на субботу, въ 1 ч. и 37 минутъ по-полуночи. Вслѣдъ за тѣмъ получилъ и я письмо отъ человѣка, находившагося неотлучно при покойникѣ до самой послѣдней минуты. Онъ извѣщалъ меня, что еще въ пятницу вечеромъ никто не могъ думать, что нашъ почтенный старецъ такъ скоро кончитъ жизнь свою. Въ часъ по-полудни мы отправились вмѣстѣ съ г. Озеровымъ въ Баденъ; съ нами вмѣстѣ прибылъ изъ Франкфурта и старикъ Рейтернъ, безрукій воинъ русской службы, которому несуждено было принять послѣдній вздохъ своего друга и зятя. Вошедъ въ комнату, гдѣ лежалъ представльшійся еще въ кровати, обставленный кругомъ цвѣтами и обвитый большою гирляндою изъ неувядаемой зелени, я думалъ видѣть болѣе усталаго пѣвца, тихимъ сномъ покоившагося на лаврахъ, нежели обыкновеннаго мертвеца. Кротость и спокойствіе, сіявшія на лицѣ его, ясно свидѣтельствовали о той тихой кончинѣ, какую ему послалъ Богъ. Изъ разсказовъ того же человѣка я узналъ, что онъ съ пятницы на субботу къ вечеру былъ больше въ забытьи; однако узнавалъ и жену и дѣтей своихъ; къ ночи же успулъ, и спалъ самымъ покойнымъ сномъ, пока въ половинѣ втораго часа пополуночи два послѣдніе вздоха, отличавшіеся отъ обыкновеннаго дыханія спящаго человѣка только тѣмъ, что они слѣдовали рѣже одинъ за другимъ, не окончили его тѣлеснаго существованія на землѣ....

Мы начали литію. Продолженіе пасхальнаго попразднства какъ нельзя лучше шло къ настоящему случаю; и когда я, стоя лицомъ къ лицу умершаго, возгласилъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ», — то мнѣ казалось, что онъ самъ еще внимаетъ сему торжественному гимну сквозь охладѣвшія черты еще жившаго выраженіемъ лица своего. При-

знаюсь, никогда еще и мнѣ самому не доводилось чувствовать всю великость истины, заключавшейся въ этой торжественной пѣсни воскресенія, какъ въ эту минуту, надъ бреннымъ остаткомъ человѣка, котораго душа была глубоко проникнута живою вѣрою въ Іисуса Христа!...

Послѣ службы, супруга Жуковскаго еще разъ съ восторгомъ вспомнила о тоій святоій радости, которой онъ былъ исполненъ послѣ причащенія Св. Таинъ. «Развѣ вы не знаете, говорила она мнѣ, что съ нимъ было чудо? Онъ мнѣ самъ говорилъ, что видѣлъ Іисуса Христа, Который явился ему въ тѣлесномъ видѣ». Я понялъ вполнѣ это видѣніе, ибо былъ свидѣтелемъ его сердечнаго восторга по принятіи Св. Таинъ.

Рѣдко можно встрѣтить подобнаго человѣка, который бы такъ безбоязненно смотрѣлъ въ глаза смерти, какъ смотрѣлъ на нее нашъ поэтъ-христіанинъ и христіанинъ-философъ Жуковскій. Съ самаго перваго дня своеі болѣзни, которая серьозно началась съ $^{1}/_{13}$ апрѣля, онъ уже сталъ помышлять о переходѣ въ другоій міръ. Еще за три недѣли до своеі смерти, въ кругу друзеі своихъ, разсуждалъ онъ о блаженствѣ соединенія съ Богомъ чрезъ І. Христа, ожидающимъ христіанина за гробомъ. Съ ними же окончательно обсудилъ онъ и будущность своего семеіства, вскорѣ долженствовавшаго осиротѣть. Какъ спокоіно обдумывалъ онъ свою кончину, видно особенно изъ одного завѣщанія его своему человѣку. «Василіі», — говорилъ онъ ему, уже лежа въ постелѣ: «ты, когда я умру, положи мнѣ сеічасъ же на глаза по гульдену и подвяжи ротъ; я не хочу, чтобы меня боялись мертваго». Въ такихъ простыхъ словахъ кто не увидитъ выраженія того добродушія, которое было постояннымъ характеромъ его при жизни, и которое не слетѣло съ лица его и послѣ того, какъ душа оставила его тѣло?

$^{14}/_{26}$ апрѣля мы собрались всѣ вокругъ тѣла покоінаго. Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княги-

ия Ольга Николаевна, по первому телеграфическому извѣстію въ Стутгартъ о кончинѣ столько уважаемаго старца, отправила въ Баденъ Своего Секретаря П. Ф. Аделунга, для выраженія Своего соболѣзнованія осиротѣвшему семейству, и своихъ пѣвчихъ, для отпѣванія тѣла покойнаго. Пріѣхали также изъ Стутгарта Кн. Щербатовъ и Н. М. Докучаевъ, изъ Карлсруе П. П. Озеровъ; собрались и всѣ Русскіе, находившіеся въ это время въ Баденѣ. Здѣсь, передъ отпѣваніемъ, мы еще разъ собрались въ кругу семейномъ: вдова Жуковскаго, безрукій Рейтернъ, тесть покойнаго, съ своею супругою, г-жа Сидовъ и я. Каждому изъ насъ равно дороги были послѣдніе слова Жуковскаго, но для всѣхъ вмѣстѣ самое большое утѣшеніе доставляла мысль о его истинно-христіанской кончинѣ. Такъ г-жа Жуковская разсказала намъ, что наканунѣ смерти своей въ пятницу, онъ увѣрялъ ее еще разъ, что онъ видѣлъ І. Христа. «Да, другъ мой»— говорилъ онъ ей—«это было не видѣніе; я видѣлъ Его тѣлеснымъ образомъ; я видѣлъ Его, какъ Онъ стоялъ сзади дѣтей моихъ въ то время, какъ они пріобщались Св. Таинъ. Онъ будетъ съ ними. Онъ мнѣ Самъ сказалъ это». Послѣ подошла къ нему г-жа Сидовъ, и онъ, взглянувъ на нее, сказалъ: «Скажите мнѣ, какія мощи на васъ? Нѣтъ, я серьозно спрашиваю васъ, есть ли на васъ мощи»? Она дѣйствительно имѣла на себѣ крестъ съ частію древа Господня, но, по собственному ея признанію мнѣ, никто не зналъ о томъ, кромѣ ея самой. Она вынула этотъ крестъ, и дала ему облобызать оный, что̀ онъ и сдѣлалъ съ большимъ благовѣніемъ. Въ пятницу же, поздно вечеромъ, онъ подзываетъ къ себѣ маленькую дочь свою, Сашу, и говоритъ ей: «Поди, скажи матери: я теперь нахожусь въ ковчегѣ, и высылаю перваго голубя — это моя вѣра, другой голубь мой — это терпѣніе». Уже поздно вечеромъ, когда онъ находился въ забытьи и съ трудомъ узнавалъ своихъ, онъ замѣтилъ подлѣ себя тещу свою, и говоритъ ей: «Теперь остается только матеріальная борьба; душа уже готова»! И это было послѣднее слово Жуковскаго, который, какъ зрѣлый

плодъ, былъ бережно снятъ Десницею Божіею съ древа земной жизни его....

Въ понедѣльникъ, $^{14}/_{26}$ апрѣля, въ 4 часа, мы совершили отпѣваніе надъ тѣломъ усопшаго при многочисленномъ стеченіи народа. Потомъ вынесли гробъ, и въ 6 часу тронулся съ мѣста погребальный поѣздъ. По городу гробъ несли на рукахъ; впереди шли пѣвчіе съ пѣніемъ: «Святый Боже!», и несли на пяти подушкахъ 30 орденовъ и знаковъ отличій, русскихъ и иностранныхъ; я шелъ въ полномъ облаченіи, а за мной слѣдовалъ Римскокатолическій Деканъ города Бадена, въ своей духовной формѣ,—почесть, исключительно оказанная памяти Жуковскаго, имя котораго давно уже извѣстно стало и въ Германіи. Его похоронили на загородномъ баденскомъ кладбищѣ, въ склепѣ. Останется ли тѣло его тамъ, или будетъ перенесено куда въ другое мѣсто,—но во всякомъ случаѣ и это временное мѣсто погребеніе великаго поэта русскаго будетъ увѣковѣчено памятникомъ, и вѣрно всякій Русскій, бывающій въ Баденѣ, посѣтитъ это мѣсто, и съ благоговѣніемъ прочтетъ: «здѣсь было погребено тѣло Жуковскаго».

Сколько я могъ узнать, послѣ смерти В. А. Жуковскаго осталось довольно сочиненій. Такъ, кромѣ его поэмы: «Странствующій Жидъ», осталось еще одна пѣснь Иліады * и много мелкихъ произведеній, бо́льшею частію въ прозѣ. О «Странствующемъ Жидѣ» я съ любопытствомъ разспрашивалъ у писца, которому Жуковскій диктовалъ эту поэму, и узналъ отъ него, что въ этой поэмѣ покойный Василій Андреевичъ, взявъ за основаніе извѣстную легенду о *Вѣчномъ Жидѣ*, изобразилъ всю чудную исторію народа Еврейскаго со времени его отверженія Богомъ до послѣдней судьбы его, открытой въ Апокалипсисѣ. Судя по нѣкоторымъ тирадамъ, которыя писецъ его могъ запомнить, это должно быть чудное произведеніе созрѣвшаго, но никогда несо-

* Изъ собственныхъ писемъ В. А. Жуковскаго, полученныхъ здѣсь, видно, что онъ перевелъ три пѣсни Иліады. *Прим. Ред. Ж. М. Н. П.*

старѣвшаго генія Жуковскаго. Можно себѣ представить все величіе картинъ, когда знаешь, что онъ ведетъ своего странника по всѣмъ вѣкамъ, бросаетъ его во всѣ страшные міровые перевороты, въ которыхъ погибали цѣлыя племена и народы, и оставался одинъ только онъ, все съ тою же печатію отверженія на лицѣ, все съ тѣми же неизнашиваемыми одѣяніями на тѣлѣ, все съ тою же грустію въ сердцѣ о неизбѣжномъ мученіи на землѣ. Наконецъ, нашъ безмертный поэтъ приводитъ его на островъ Патмосъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ старца Іоанна, который открываетъ ему послѣднюю судьбу его. По разсказамъ писца, Жуковскій писалъ эту часть почти словами Апокалипсиса, перелагая ихъ только въ свой классическій гекзаметръ. Къ сожалѣнію, эта великая поэма недокончена. Но и это, конечно, не безъ особаго Промысла Божія: ибо если Ему угодно было внушить Своему избранному пѣвцу такое высокое вдохновеніе,—а въ этомъ мы не смѣемъ сомнѣваться,—то Его же премудрости прилично было и остановить трость книжника скорописца на томъ предѣлѣ, далѣе котораго еще не возносилось вѣдѣніе человѣка, озаренное даже Духомъ Святымъ.

Насчетъ перевода Иліады В. А. Жуковскій еще за полтора года передъ симъ сообщилъ мнѣ подъ секретомъ, что онъ имѣетъ мысль перевести и Иліаду, какъ онъ переводилъ Одиссею. «Для этого»,—говорилъ онъ,—«я беру въ руки Гнѣдича, прочитаю изъ него страницу или двѣ, потомъ прочитаю то же самое по-нѣмецки, и за тѣмъ начинаю писать самъ по чутью, съ какимъ я переводилъ и Одиссею. Выходитъ иногда, что мой стихъ сходится отъ слова до слова съ стихомъ Гнѣдича, и тогда я замѣчаю, что это все-таки стихъ *мой;* а въ другой разъ я и поправляю свой переводъ по Гнѣдичу, и тогда тутъ же дѣлаю выноску, что это не мой стихъ. Но (прибавилъ онъ) вы пока не говорите объ этомъ никому».

Въ 1850 году я былъ тоже въ Баденѣ, по дѣлу, и оста-

вался тамъ нѣсколько дней. Пользуясь этимъ временемъ, Василій Андреевичъ просилъ меня просмотрѣть нѣкоторыя, написанныя имъ, статейки религіознаго содержанія. «Я хочу»,—говорилъ онъ мнѣ,—«попробовать, нельзя ли сдѣлаться философомъ, не учившись философіи, а только зная одно Священное Писаніе. Но какъ я догматики не учился, то вы посмотрите хорошенько, не сдѣлалъ ли я какой ошибки противъ догматовъ. Можно хорошо понимать христіанство; но мы живемъ въ Церкви, и безъ Церкви жить не можемъ. Человѣку нужна власть; надобно, чтобы надъ нимъ былъ авторитетъ, который бы всегда имѣлъ право сказать ему: ты заблуждаешься. Что̀ сталось съ протестантствомъ послѣ того, какъ Лютеръ отвергъ Церковь? Церковь его была тогда и больна и развращена; да онъ, возставъ противъ злоупотребленій, дѣйствовалъ такъ, что подрывалъ самыя основанія Церкви. И вотъ теперь въ Германіи смотрите что̀ дѣлается въ Протестантствѣ. Что̀ такое Церковь? Это кругъ, въ которомъ можешь обращаться, сколько хочешь, съ твоимъ разумомъ; но не выходи за предѣлы этого круга. А внѣ Церкви что̀? Безграничная пустота, просторъ для блуждающихся». Эти мысли были любимою темою его частыхъ собесѣдованій со мною. Христіанство было для него всегдашнимъ предметомъ глубокихъ изученій.

Въ заключеніе я не могу не вспомнить теперь и съ своей стороны о какомъ-то предчувствіи близкой потери для Россіи ея заслуженнаго поэта. Это было въ февралѣ нынѣшняго года. Василій Андреевичъ прислалъ мнѣ маленькое собраніе своихъ стихотвореній, всего на восьми печатныхъ восьмушкахъ, посвященныхъ имъ своимъ дѣтямъ: Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ Жуковскимъ. Въ этой брошюркѣ было всего шесть стихотвореній, изъ которыхъ первыя два: *Птичка* и *Котикъ усатый*, сложены имъ для перваго ученія дѣтей своихъ русскому произношенію. Но надобно было, чтобы получивъ эту книжку, я разверн-

нулъ ее на пятомъ стихотвореніи: *Царскосельскій Лебедь*. Это была уже не дѣтская басня, но какое-то таинственное описаніе прежде знакомаго лебедя, который жилъ, былъ молодъ, состарѣлся въ одиночествѣ, пропѣлъ свою лебединую пѣснь,

А когда допѣлъ онъ—на небо взглянувши,
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши,
Къ небу, какъ во-время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся.... и его не стало
Въ высотѣ.... и навзничь съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ негорящій.

Прочитавъ это стихотвореніе, и перевернувъ страницу, на которой послѣдній (VI) нумеръ составлялъ: *Боже, Царя храни!* я невольно подумалъ: неужели это въ-самомъ-дѣлѣ предчувствіе скорой кончины его самаго, такъ поэтически изображенной въ этихъ послѣднихъ строкахъ? Какъ бы то ни было, но послѣ, когда я стоялъ надъ бездыханнымъ тѣломъ Жуковскаго, мнѣ невольно вторились его три послѣдніе стиха:

И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ негорящій....

СВЯЩЕННИКЪ ІОАННЪ БАЗАРОВЪ.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

КОЛЬЦОВЪ.

(Окончаніе).

Мы старались обрисовать образъ русской молодости, такъ, какъ онъ намъ представляется въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и въ поэзіи Кольцова, но до-сихъ-поръ еще не коснулись главной страсти этой поры жизни, страсти, которая зажигаетъ огненнымъ пыломъ кровь юности и увлекаетъ въ самыя разнообразныя ощущенія. Эта страсть—любовь. Взглянемъ же на ея образы, посмотримъ, какими чертами они обрисовываются у насъ на Руси, гдѣ одна природа внушаетъ любовь, безъ всякихъ рыцарскій стремленій, придуманныхъ обожаній и сантиментальностей. Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ образъ влюбленнаго молодца представляется не въ такихъ рѣзкихъ и яркихъ чертахъ, какъ образъ влюбленной дѣвицы. Въ этой любви есть что-то тайное, *секретное*, нѣжное, дающее прекрасное впечатлѣніе. Молодецъ ее выражаетъ *ласковыми* словами, но чаще всего молчаливъ, и только вздохами, да глазами высказываетъ свое сердце.

Ужъ какъ видно, это видно,
Да кто кого любитъ,
Во бесѣдушку приходитъ,
Противъ друга и садится,
Тяжелехонько вздыхаетъ,
Про кручинушку не скажетъ.

Впрочемъ страдальческое, тосклнвое относится больше къ образу дѣвушки. Добрый молодецъ повсегда вѣренъ своей любви; пища болѣе разгульнаго и веселаго, чего лишена дѣвушка по своему положенію, увлекаемый разнообразными стремленіями молодости, онъ часто забываетъ *милую* и заставляетъ ее страдать и плакать. Но если любовь глубоко западетъ въ его сердце, если образъ красной дѣвицы, вспыхнувъ въ его молодой душѣ, вытѣснитъ всѣ другіе образы, всѣ другія стремленія, тогда это чувство разольется жаркимъ пламенемъ по всѣмъ его жиламъ, сдѣлается его исключительной жизнію, выкажетъ ту же широкую грудь, въ которой всегда такъ много воспріимчивости и удалой силы для всякаго чувства. Тогда добрый молодецъ забываетъ все,отдаеттъ всего себя тому пламени, ищетъ какъ-будто упоенія въ своемъ чувствѣ, хотя бы оно было самое страдальческое. Тогда онъ не стыдится ни слезъ, ни жалобъ, находитъ для выраженія своего сердца и смѣлые образы, и сильныя, горячія слова, сообразно со своей природой; вездѣ все то же удалое, широкое, какъ широко чистое поле, среди котораго онъ изливаетъ свою душу. Вотъ, напримѣръ, картина изъ одной нашей народной пѣсни: добраго молодца сокрушаетъ ужасная вѣсть о смерти его *души красной дѣвицы*; сердце у него горитъ, какъ *смола кипитъ*; онъ сидитъ подъ *кудрявой рябинушкой* и съ какимъ-то изступленнымъ заклинаніемъ взываетъ къ вѣтрамъ:

Ой вы вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, вы весенніе!
Вы не дуйте здѣсь, васъ ненадобно.
Прилетайте вы вѣтры буйные,
Что со сѣверной со сторонушки,
Вы развѣйте здѣсь мать сыру землю,
И развѣявши по чисту полю,
По чисту полю, по широкому,

Вы раскройте мнѣ гробову доску,
Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
Распрощатися съ моей милою
Съ моей милою душей-дѣвицей!
Окропивъ ее горючей слезой
Я вздохну-умру подлѣ ней тогда.

Нельзя отрицать естественности въ такомъ бурномъ обращеніи молодца, который воспитанъ больше всего природою, тѣсно съ нею связанъ, знаетъ ея силы, потому у нея и требуетъ удовлетворенія своей горячей мечтѣ.

Еще чаще мы встрѣчаемъ обращеніе къ природѣ, тѣсную съ нею связь въ любви русской дѣвушки. Этотъ образъ, какъ мы уже замѣтили, весьма рѣзко обрисовывается въ нашихъ многочисленныхъ народныхъ пѣсняхъ, по которымъ мы постараемся его представить въ немногихъ словахъ.

Женщина, говорятъ, создана для любви; ея любовь во всѣхъ видахъ, какъ любовь жены, матери и пр., всегда намъ представляется въ самыхъ нѣжныхъ и прелестныхъ краскахъ—это прекрасный цвѣтокъ, который нескоро увядаетъ, и который рѣдко кто рѣшится смять неосторожною рукою. Это чувство нѣжно и тихо горитъ въ ней усладительнымъ огнемъ, сильнѣе всѣхъ другихъ чувствъ и стремленій, которыя могутъ волновать ея душу. Содержаніе жизни русскаго *молодца*, мы видѣли, можетъ быть разнообразно; содержаніе жизни русской *красной дѣвицы* составляетъ почти исключительно одна любовь. Незнакомая ни съ какими особенными стремленіями, нетревожимая никакими тяжкими заботами, она предоставляется одной природѣ, которая стремитъ ее къ жизни сердца. *Красной дѣвицѣ своя воля гулять*, говоритъ одна хороводная пѣсня. При этой волѣ, внимая нѣжному голосу своей живой природы, ея сердце находитъ себѣ сознательную жизнь въ любви, какъ въ первомъ чувствѣ дѣвственной юности. Но эта любовь всегда боязлива, грустна, лелѣемая втайнѣ отъ всѣхъ, какъ единственное сокровище. Дѣвушка очень хорошо знаетъ, что ея судьба въ рукахъ ея отца, матери, которые, не спросясь ее, выберутъ ей жениха, *запоручатъ за поруки крѣпкія, за замки вѣковѣчные*; она же выбираетъ только съ вѣдома своего сердца *милаго сердечнаго друга-надежу*, съ которымъ легко могутъ ее разлучить.

Вотъ отъ чего она такъ боязливо лелѣетъ свою любовь, такъ грустно наслаждается своими мечтами, такъ печально смотритъ на свою судьбу: не въ силахъ отказаться отъ своего чувства, она любитъ больше страдальческою любовью, разжигая ее боязливыми и пылкими мечтами. Къ этому часто присоединяется разлука съ милымъ другомъ, который уходитъ въ чужую сторону, по нуждѣ или изъ удали. Но сильнѣе всего страдаетъ дѣвушка, когда узнаетъ, что ее разлюбилъ и забылъ сердечный другъ. Въ этой любви выражается сильное и нѣжное чувство, глубокая преданность и, наконецъ, тихое страданіе, которое выказывается въ слезахъ и въ жалобныхъ словахъ:

Ужь не лебедь ходитъ бѣлая
По зеленой травкѣ шелковой—
Ходитъ красна дѣвица-душа
Во кручинѣ, въ мысляхъ горестныхъ.
Закрывала очи ясныя
Снѣгобѣлымъ рукавомъ,
Проливала слезы крупныя,
Думала думу крѣпкую:
На кого меня покинулъ ты,
Милъ сердечный другъ?
Для тебя отстала я отъ всѣхъ,
И отъ батюшки и отъ матушки,
Я покинула родиму сторону,
Расплела я косу русую,
Повѣрившись другу милому.
Ахъ раскройся мать-сыра земля,
Поглоти меня несчастную;
Ужъ мнѣ солнышко не свѣтитъ,
Ужъ меня милый другъ не любитъ.

или

Печальна красна дѣвица, печальна,
Не можешь ты злу горю пособить,
Не можешь ты мила друга позабыть
Ни денною порою, ни ночною,
Ни утренней зарею, ни вечерней.
Въ тоскѣ своей возговоритъ дѣвица:
Я въ тѣ поры мила друга забуду,

Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песками,
Закроются бѣлы груди досками.

Въ этой тоскливой рѣчи видна сильная женская душа, которая рѣшается страдать за свою любовь до послѣдней минуты жизни. Здѣсь видно истинное страданіе сердца, безъ всякаго нѣжничанья и оханья. Русская дѣвушка въ своей любви чаще всего сравнивается съ *кукушечкою*, съ *горлицею*, которая жалобно воркуетъ. * При такой грустной и скрытной любви красная дѣвица безъ боязни обращается только къ окружающей природѣ, ей изливаетъ свое сердце и въ ней ищетъ облегченія. Ея любовь тѣсно связана съ этою природою: зеленый садъ, лазоревые цвѣты, яблонь, груша, рябина постоянно бываютъ ея печальными собесѣдниками. Вотъ она слушаетъ пѣсни соловья:

Хорошо въ саду соловей поетъ,
Онъ поетъ, постъ припѣваючи,
Къ моему горю примѣняючи.

* Этаго нѣжнаго воркованья, этихъ жалобныхъ страданій влюбленнаго сердца дѣвушки еще больше мы встрѣчаемъ въ малороссійскихъ пѣсняхъ; вотъ между-прочимъ одна изъ нихъ, весьма замѣчательная по своимъ звучно-поэтическимъ выраженіямъ:

Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны,
Ажъ деревья гнутся;
Ой, якъ болитъ мое сердце
Сами слезы льются!
Трачу лѣта въ лютомъ горѣ
И конца не бачу;
Тилько минѣ легче стане,
Якъ трошки поплачу!
Не поможутъ слезы счастю—
Серцю легче буде!
Хто счастливъ бувъ хоть часочикъ,
По вѣкъ не забуде!
Есть же люди, що и моей
Завидуютъ долѣ:
Чи счастлива та былина,
Що росте у полѣ?
Ой у полѣ, на песочку
Безъ росы на сонцѣ....

Тяжко жити безъ милаго
На чужой сторонцѣ!
Безъ милаго доли нема,
Стане свѣтъ тюрьмою,
Безъ милаго счастя нема,
Нема и покою!
Де ты, милый чернобривый,
Де ты? озовися!
Якъ безъ тебѣ я горкою
Прійди, подивися!
До кого я пригорнуся,
И хто приголубитъ—
Коли нема того туто,
Якій меня любитъ!
Полетѣла бъ я до тебе,
Да крылецъ не маю;
Сохну, чахну я безъ тебе,
Всякъ часъ умираю.

или въ любовныхъ думахъ смотритъ на небо, относя свои слова къ солнцу, къ мѣсяцу и къ милому другу:

Катись мѣсяцъ за лѣсъ, не свѣти,
Выходи красно солнце, не пеки;
Стань мой сердечный въ памяти,
Полно глаза мои жечь.....

Какъ мило и естественно здѣсь выраженъ этотъ бредъ влюбленной дѣвушки, которая не знаетъ къ кому и куда обратиться, чтобы только въ нѣжныхъ звукахъ высказать чувство сердца. Это много напоминаетъ обращеніе Дездемоны къ зеленой ивѣ: «Ой ива ты ива, зеленая ива!»

Или вотъ влюбленная дѣвушка загадываетъ все о томъ же миломъ другѣ, и все передъ тою же природою:

Какъ жить на свѣтѣ тяжело
Безъ мила друга своего:
Пойду ль во зеленый садъ гулять,
Сорву съ грушицы цвѣтокъ,
Совью на голову вѣнокъ;
Пойду ль на быстрый на Дунай,
Стану на мелкомъ берегу,
Брошу вѣнокъ мой въ рѣку;
Погляжу по ту сторону:
Тонетъ ли, тонетъ ли вѣнокъ?
Тужитъ ли, тужитъ ли дружокъ?
Не тонетъ мой аленькій вѣнокъ—
Знать-то инаѣ у него,
*Знать-то другую полюбилъ.....**

* Въ одной малороссійской пѣснѣ весьма поэтически и въ звучномъ стихѣ сравнивается печаль покинутой дѣвушки съ хмѣлемъ:

Въ огородѣ хмѣлинонька
Грядки устилае,
Промежъ людьми дѣвчиненька
О, горько рыдае,
Що-жъ хмѣлина зелененька
Що не вьется въ гору?
Що-жъ дѣвчина молоденька
Проклинае долю?
Якъ хмѣлинѣ въ гору виться
Тычины не мае
Якъ дѣвчинѣ не журиться
Казакъ покидае!

Наконецъ, приведемъ еще одну народную пѣсню, которая особенно ярко намъ представляетъ сильную и, если можно сказать, отчаянную драматическую любовь влюбленныхъ молодца и дѣвицы, и которая, по нашему мнѣнію, составляетъ одну изъ лучшихъ нашихъ народныхъ пѣсенъ:

«Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ,
Ты не жги свѣчу воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ прошли, прошли наши красны дни,
Наши радости буйный вѣтръ унесъ,
И разсѣялъ ихъ по чисту полю.
Соизволилъ такъ родной батюшко,
Приказала мнѣ родна матушка
Чтобъ женился я на иной женѣ!
Не горятъ въ небѣ по два солнышка,
Не свѣтятъ по два мѣсяца—
Не любить два раза добру молодцу!
Ужъ я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвѣнчаюсь я со иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью раннею,
Съ смертью раннею и насильною!»
Залилась слезами красна дѣвица,
Во слезахъ она слово молвила:
—»Ахъ ты милый мой, ненаглядный мой!
Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ
Безъ тебя, моя надеженька!
Нѣтъ у горлинки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ дружкамъ·····»—
Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго,
На столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица.

У Кольцова мы встрѣчаемъ тотъ же самый характеръ любви, хотя съ бо́льшимъ искусствомъ и рѣзкостью очерчены поэтическіе образы. Замѣчательно общее единство, которое связываетъ всѣ народные образы, представленные Кольцовымъ, что́ весьма много говоритъ за его огромный поэтическій талантъ. При выраженіи всѣхъ разнообразныхъ чувствъ русскаго чело-

вѣка, мы всегда видимъ одну и ту же душу, исполненную порывистой силы и отваги, способную на глубокія чувства. Такъ въ любви удалой молодецъ чувствуетъ еще больше удали, какос-то юное, счастливое раздолье чувства, въ которомъ выказываются и нѣжность и отвага, безъ всякихъ грубыхъ и буйныхъ порывовъ:

Мѣсяцъ будь иль не будь
Конь дорогу найдетъ;
Самъ лукавый въ потьмахъ
Съ ней его не собьетъ,
И до ночи мятель
Снѣгомъ путь весь закрой:
Безъ дороги чутьемъ
Сыщетъ домикъ онъ твой····
Не любивши тебя,
Въ селахъ слылъ молодцомъ,
А съ тобою, мой другъ,
Города ни почемъ.

Или вотъ еще прекрасное выраженіе этой удалой силы, которую возбуждаетъ въ душѣ молодца любовь красной дѣвицы:

Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,
Травку колыхаетъ,
Путь—мою дорогу
Пылью покрываетъ.
Выходи жъ ты, туча,
Съ страшною грозою,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой темнотою.
Молодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ
Безъ пути, безъ свѣта
Свою долю сыщетъ.
Что̀ ему дорога,
Тучи громовыя,
Какъ придутъ по сердцу
Очи голубыя!
Что̀ ему на свѣтѣ
Доля не людская,
Когда его любитъ
Она, молодая!

Въ этой любви нѣтъ ни геройскихъ стремленій къ неслыханнымъ подвигамъ, хотя и нашлись бы сила и отвага на такіе подвиги, нѣтъ ни идеальничанья, ни нѣжничанья, нѣтъ и исключительной матеріяльности. Эта любовь проста, естественна, безъ всякихъ хитростей, видовъ, разсчетовъ, интригъ и пр. Здѣсь только жизнь сердца, безъ обдуманностей ума, и потому вы вездѣ слышите безъискусственный голосъ, которымъ говоритъ сердце. Молодецъ любитъ такъ, какъ ему внушаетъ любовь его природа; онъ не мучитъ себя никакими думами, не хочетъ думать даже о слѣдующей минутѣ, а стремится насладиться только настоящей, которая для него полна жизни. Въ избыткѣ молодой силы, ему любо одушевить эту силу нѣжной страстью; онъ чуствуетъ, что

Одному жить—
Сердцу холодно,
Грудь другую
Ему надобно,
Огонь-душу.—
Красну дѣвицу;
Съ ней зимою—
Лѣто теплое,
При бездольи
Горе-не горе.

И вотъ онъ всею душою предается своей безкорыстной страсти, находитъ въ ней нѣгу, которая не допускаетъ до него уже никакихъ другихъ впечатлѣній; онъ наслаждается до упоенія, которое потомъ, въ воспоминаніи, кажется ему и чуднымъ и волшебнымъ:

Не весна тогда
Жизнью вѣяла;
Не трава въ поляхъ
Зеленѣлася;
Не заря съ небесъ
Красовалася;
Не луна на насъ
Любовалася!
Нѣтъ, подъ холодомъ,
Подъ туманами,
Ты въ объятьяхъ жгла
Поцалуями!
Ночи темныя,
Ночи бурныя
Шли какъ облачки
Мимо солнышка...
Вьюги зимнія,
Вьюги шумныя
Напѣвали намъ
Пѣсни чудныя!
Наводили сны,
Сны волшебные,
Уносили въ край
Заколдованный.

Мы находимъ весьма много поэзіи въ этомъ сближеніи усладительно-счастливой любви съ суровой непогодой, отъ которой скорѣе можно было бъ ожидать самыхъ непріятныхъ впечатлѣній; она же, напротивъ какъ будто еще больше способствуетъ этому очарованію любви. Прекрасно выражена отчаянная, несчастная любовь молодца въ пѣснѣ «Косарь». Здѣсь влюбленный добрый молодецъ сватался за дочку старосты, *а онъ, старый хрѣнъ, заупрямился*; и вотъ дивится своей неудачѣ бѣдный неопытный парень.

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю....
Я ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачемъ слыветъ?
Пускай домъ его—
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь....
Ахъ вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
На отрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера...
Охъ не свыкнуться
Съ этой горестью.

Въ такой бѣдѣ ему запала мысль—разжалобить старосту золотой казной, но казны у него еще нѣтъ, ее нужно добыть трудомъ. Онъ рѣшается наточить новую косу, проститься съ роднымъ селомъ, и идти въ дальнія края—въ широкую и привольную степь, которая разстилается ковылемъ-травою и сулитъ молодцу пригоршни денегъ—была бы охота по ней гулять вдоль и поперегъ самъ другъ съ вострой косою. Здѣсь представляется богатая картина: раздолье степи вызываетъ молодца на удалые порывы:

Раззудись плечо,
Размахнись рука,
Ты пахни въ лицо
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи коса,
Засверкай кругомъ!

Его любовь здѣсь на просторѣ еще больше волнуетъ кровь; онъ смотритъ на цвѣты, которые ему напоминаютъ объ его Грунѣ; они цвѣтутъ такъ же просто и прекрасно, какъ цвѣтетъ она... такъ нѣтъ же, засохните и вы, кахъ сохнетъ онъ, молодецъ—пусть скорбный порывъ бѣднаго сердца вымѣститъ горе здѣсь, на вашей красѣ.

Зашуми трава
Подкошоная!
Поклонись цвѣты,
Головой землѣ;
Наряду съ травой
Вы засохните,
Какъ по Грунѣ я
Сохну молодецъ!

Кто не скажетъ, какъ естественъ и вѣренъ психологически такой порывъ сердца.

Кольцовъ насъ подарилъ также не одной прекрасной картиной, выражая образъ влюбленной русской дѣвушки. У него она представляется тѣмъ же нѣжнымъ, тихимъ, болѣе страдающимъ существомъ, но нисколько не подбѣлена и не подрумянена, не одѣта въ платье чувствительной пастушки или не переряжена изъ платьица городской барышни, начитанной романами; нѣтъ, у него она представляется такою, какой ее создала русская природа. Поэтъ прекрасно подмѣтилъ тѣснѣйшую связь этой простой, скромной женской натуры со всѣмъ ти-

химъ, нѣжнымъ и прекраснымъ въ природѣ. Лелѣемая, отъ первыхъ дней, нѣжною рукою природы, дѣвушка черезъ нее знакомится и съ первымъ чувствомъ юношескаго сердца. Вотъ напр. превосходная живая картина изъ пѣсни «Пора любви»: Добрый молодецъ любитъ четвертый годъ молодую дѣвушку, и четвертый годъ не видитъ, чтобъ ея щеки рдѣлись тою же любовію. Онъ рѣшается взять двѣ четверти ржи и ѣхать на мельницу;

Про мельника слухъ носится,
Что *мастеръ онъ присушивать*,

Въ это же время она, неопытная дѣвушка, стоитъ среди зеленой степи, разубранной весенними цвѣтами, стоитъ и слушаетъ весеннія пѣсни летучихъ птичекъ—

То пѣсенки чудесныя!
Ихъ слушаетъ красавица,
И смысла въ нихъ не вѣдаетъ,
Въ душѣ своей не чувствуетъ,
Что пѣсни тѣ волшебныя:
Въ нихъ сила есть любовная...
Любовь—огонь; съ огня—пожаръ ...
Не слушай ихъ красавица,
Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
Спокоенъ, тихъ до утра дня!
Какъ разъ бѣду наслушаешь:
Въ цвѣту краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорѣй платка износится.
Стоитъ она задумавшись,
Дыханьемъ чаръ овѣяна;
Запала въ грудь любовь-тоска,
Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ;
Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая—
Песку со дна не выкинетъ;
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ....

И вотъ, вслѣдствіе этаго нѣжнаго вѣянья природы:

Въ селѣ весной, при мѣсяцѣ,
Спокойно спитъ крещеный міръ;

Вдоль улицы нашъ молодецъ
Идетъ самъ другъ съ сосѣдкою...
Даетъ онъ ей съ руки кольцо—
У ней беретъ себѣ въ обмѣнъ;
А не былъ онъ на мельницѣ,
Иванъ Кузьмичъ негрѣшенъ тутъ.
Ахъ степь ты степь зеленая,
Вы пташечки пѣвучія,
Разнѣжили вы дѣвицу,
Отбили хлѣбъ у мельника!
У васъ весной присуха есть
Сильнѣй присухъ нашептанныхъ...

Вотъ еще другая превосходная картина, гдѣ вамъ представляется тотъ же нѣжный и вмѣстѣ грустный образъ дѣвушки, *молодой жницы*, которую горячо печетъ солнце среди поля:

Душно дѣвицѣ,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи.
Голова со плечъ
На грудь клонится,
Колосъ срѣзанный
Изъ рукъ валится
Не спроста-ума
Жница жнетъ, не жнетъ,
Глядитъ въ сторону
Забывается.
Охъ болитъ у ней
Сердце бѣдное,
Заронилось въ немъ
Небывалое!

Далѣе поэтъ намъ объясняетъ причину ея грусти и сердечной боли: она вспоминаетъ о вчерашней встрѣчѣ съ добрымъ молодцемъ, когда она шла лѣсомъ *по малинушку*—

Ужъ не въ первый разъ
Повстрѣчался онъ,
Повстрѣчается
Будто нехотя
И стоитъ-глядитъ
Какъ-то жалобно,

Но вчера онъ вздохнулъ и запѣлъ грустную пѣсню, которая раздалась далеко въ лѣсу,

Глубоко въ душѣ
Красной дѣвицы
Озвалась она
И запала въ ней...

Послѣ этого объясненія, въ какомъ нѣжномъ и поэтическомъ видѣ представляется намъ этотъ образъ влюбленной дѣвушки. Или, въ другой пѣснѣ, она задумалась надъ своимъ любимымъ серпомъ который весь почернѣлъ *что̀ ея коса.* Отъ чего жъ ты почернѣлъ, спрашиваетъ грустно дѣвушка:

Иль обрызганъ ты
Въ скукѣ-горести
По миломъ дружкѣ
Слезой дѣвичьей?

Косцы уже давно возвратились съ широкихъ степей и женятся на своихъ суженыхъ, только нѣтъ одного, котораго ждала красная дѣвица, ждала и терялась въ боязливыхъ догадкахъ.

Ахъ не птица тамъ
Летитъ по небу,
То печальной слухъ
Объ немъ носится...
Не къ добру жъ тоска
Давитъ бѣлу грудь,
Нѣтъ не къ радости
Плакать хочется.

Особенно хорошо Кольцовъ умѣетъ выражать тоскливое состояніе влюбленной души, нѣжный лепетъ страждущаго сердца; въ этихъ словахъ у него нѣтъ ничего лишняго, ни на одинъ малѣйшій звукъ несообразнаго съ природой: все кстати, вѣрно и естественно; у него вы не найдете ни повтореній, ни общихъ или избитыхъ фразъ; но всегда съ новыми оттѣнками чувства новыя слова и новыя сочетанія, глубоко проникнутыя народнымъ духомъ. Что̀, напримѣръ, можетъ сравниться съ этимъ выраженіемъ тоски бѣдной дѣвушка, которая напрасно дожидается возвращенія своего милаго друга, задумавшись надъ его кольцомъ:

Что̀ взгляну, то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горькимъ горемъ слезъ.

или

Разступитесь лѣса темные,
Разойдитесь рѣки быстрыя,
Запылись ты путь-дороженька;
Дай мнѣ вѣстку, моя пташечка!
Я рѣкой пойду по бережку,
Полечу горой за облакомъ
На край свѣта — на край бѣлова,
Искать стану друга милаго...

Здѣсь видно смутное душевное состояніе, которое внушаетъ какую-то рѣшимость, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшимость мечтательную; какъ бредъ сильно-влюбленной души, разстроенной разгоряченнымъ воображеніемъ *. Но сколько здѣсь народныхъ поэтическихъ красотъ, которыхъ мы не можемъ не назвать родными.

Вотъ наконецъ выраженіе страстной, пылкой любви дѣвушки, которая безразсчетно предается ей, какъ единственному сокровищу своей жизни:

Я любила его
Жарче дня и огня.
Какъ другимъ не любить
Никогда, никогда!
Только съ нимъ лишь однимъ
Я на свѣтѣ жила
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!
Что̀ за ночь, за луна,
Когда друга я жду,
Вся блѣдна, холодна,
Замираю, дрожу!
Вотъ идетъ онъ, поетъ:
«Гдѣ ты зорька моя?»
Вотъ онъ руку беретъ,
Вотъ цѣлуетъ меня?
«Милый другъ, погаси
«Поцалуи твои!
«И безъ нихъ при тебѣ
«Огнь пылаетъ въ крови....

* Вспомнимъ подобный же тоскливый *плачъ Ярославны* въ словѣ о полку Игоря: «полечю зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ; утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. О вѣтре! вѣтрило! чему господине насильно вѣеши? чему мычеши хановскія стрѣлы на своей не трудной крыльцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горе подъ облаки вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылю развѣя и пр.

Мы приводимъ всѣ эти пѣсни отрывками, и не приводимъ еще много другихъ, гдѣ такъ же прекрасно выражается любовь въ самыхъ народныхъ образахъ.

Теперь обратимъ вниманіе еще на одинъ образъ, который трогаетъ нашу душу печальными жалобами женщины, осужденной на безвыходное страдальчество.

Этотъ прекрасный и вмѣстѣ жалкій образъ сколько внушаетъ къ себѣ сочувствія, столько же можетъ быть поучительнымъ упрекомъ для многихъ лицъ. Здѣсь вы слышите только горькія жалобы нѣжнаго сердца женщины, насильно отданной за мужъ изъ корыстныхъ видовъ или, лучше сказать, проданной немилому мужу. Этотъ образъ мы встрѣчаемъ во многихъ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ слышится также горькій упрекъ, вмѣстѣ съ опытностію ума и сердца. Вотъ на пр:

Ахъ какъ бы на цвѣты не морозы,
И зимой бы цвѣты разцвѣтали;
Ахъ кабы на меня не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила,
Не сидѣла бъ я подпершися,
Не глядѣла бъ я въ чисто поле.
И я батюшкѣ говорила,
И я свѣту своему доносила:
Не давай меня, батюшка, за мужъ
Не давай, государь, за неровню;
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы,
Не съ хоромами жить—съ человькомъ,
Не съ богатствомъ жить мнѣ—съ совѣтомъ...

А вотъ какъ у Кольцова выражется эта безутѣшная жалоба, которую, слѣдуя Бѣлинскому, можно въ самомъ-дѣлѣ сравнить съ грустнымъ воркованьемъ горлицы:

Ахъ зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилова
Мужа старова?
Небось весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія!
Небось весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье бытье
Горемышное...

Поздно, родные,
Обвинять судьбу,
Ворожить-гадать,
Сулить радости!
Пусть изъ-за моря
Корабли плывутъ,
Щущай золото
На полъ сыплется:
Не расти травѣ
Послѣ осени,
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу

Видно, что Кольцову не разъ приходилось встрѣчаться съ такими несчастными женщинами, что онъ понималъ ихъ горе, страдалъ за нихъ, и правоту этого страданія отдалъ въ своихъ пѣсняхъ на судъ всей Руси. Вотъ еще одна пѣсня, гдѣ такъ много тоскливаго чувства и сердечной горечи:

Безъ ума, безъ разума
Меня за мужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій
Силой укоротали.
Для того ли молодость
Соблюдали, нѣжили,
За стекломъ отъ солнышка
Красоту лелѣяли,
Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала.

Безъ любви, безъ радости
Сокрушалась, мучилась.
Говорятъ родимые:
Пожившется слюбится,
И по сердцу выберешь
Да горчѣе придется.
Хорошо состарѣвшись
Разсуждать совѣтовать
И съ собою молодость
Безъ разсчета сравнивать *

Теперь обратимся еще къ одному отдѣлу стиховъ Кольцова, скудному по количеству, но весьма богатому по поэтическому содержанію. Онъ относится къ описанію крестьянской жизни, которую глубоко понималъ поэтъ, сочувствовалъ ей, и въ своемъ поэтическомъ настроеніи находилъ прекрасные предметы для

* Въ одной нашей народной пѣснѣ, женщина, жалуясь на свое горькое замужество, на суровость свекра и свекрови, заключаетъ такимъ-образомъ:

Хорошо учить чужихъ дѣтей,
Не роженыхъ, не хоженыхъ
Не вспоенныхъ, не вскормленныхъ...

Замѣчательно—въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ вездѣ встрѣчаются жалобы на свекра и свекровь, какъ безжалостныхъ и непривѣтливыхъ—страшилищъ для невѣстъ.

Какъ чужіе то отецъ съ матерью
Безжалостливы уродилися:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ смолы у нихъ питье раскипается.

поэзіи. Поэтъ образованный долженъ бы былъ прежде изучить эту жизнь, всмотрѣться въ нее но и тогда онъ все стоялъ бы выше нея, многаго не подмѣтилъ бы, на многое смотрѣлъ бы съ своей личной точки зрѣнія, и потому его перо никогда не перенесло бы свѣжести, неподдѣльности и простоты красокъ Кольцова; въ немъ мы непремѣнно замѣтили бы иногда поддѣльный тонъ, иногда *слѣды изученія*. У Кольцова нѣтъ ничего этого; онъ не изучалъ той жизни, но отъ самаго дѣтства съ нею сходился, свыкался, сроднялся, и, въ-самомъ-дѣлѣ, сталъ на нее смотрѣть какъ на родную, хотя къ ней и не принадлежалъ вполнѣ по своему положенію; онъ ее зналъ не испытывающимъ и изучающимъ умомъ, а чувствующимъ сердцемъ, любилъ какъ жизнь, слитую съ окружающей внѣшней природою, которая всегда на него смотрѣла съ такой живой и усладительной улыбкой. Отъ того въ своихъ описаніяхъ онъ вездѣ васъ привлекаетъ, заставляетъ себѣ сочувствовать, какъ художнику, умѣющему дать натуральную жизнь своей картинѣ; описываетъ ли крестьянскую пирушку, труды ли на полѣ, надежду ли, молитву ль, или бѣду-горе крестьянина,—все у него естественно и полно жизни, такой, какую вы въ-самомъ-дѣлѣ встрѣчаете на родной Руси. Суровый трудъ и земля—вотъ два предмета, которыми живетъ крестьянинъ и которые составляютъ его богатство; съ трудомъ необходимо соединяется надежда на вознагражденіе труда, что́ и составляетъ его думу. Этого вознагражденія крестьянинъ ждетъ единственно отъ своей земли, на которую не кому будетъ жаловаться, если его труды пропадутъ даромъ, а земля, подверженная различнымъ случайностямъ и явленіямъ природы, такъ часто и легко можетъ его оставить безъ хлѣба. На кого жъ какъ не на Бога, онъ возложитъ — надежду среди своихъ трудовъ, *умываясь кровавымъ потомъ*. Эта то вѣчная надежда вмѣстѣ съ теплою вѣрою такъ тѣсно слита съ жизнію крестьянина и такъ прекрасно выражена у Кольцова:

Кто у Бога проситъ,
Да работать любитъ,
Тому невидимо
Господь посылаетъ

говоритъ себѣ въ утѣшеніе благочестивый старикъ-крестьянинъ, задумавшись надъ своей судьбою.

Лиха бѣда въ землю — Собрать хлѣбецъ съ поля:
Кормилицу — ржицу — Такъ его достанетъ
Мужичку закинуть, — Годъ семью пробавитъ....
А тамъ Богъ уродитъ, — И лишней копейкой
Микола подсобитъ — Божій праздникъ встрѣтить.

Превосходны у Кольцова описанія крестьянской жизни на полѣ, гдѣ соединяются всѣ надежды крестьянина, гдѣ онъ съ вѣрою обращаетъ глаза на небо, и молитъ или благодаритъ его. Здѣсь Кольцовъ немногими словами умѣетъ описать такъ много, въ такомъ живомъ дѣйствіи, такъ сильно и живописно. Крестьяне радуются возраженію весны.

За одно съ весной — Богу-Господу
Пробуждаются — Помолились,
Ихъ завѣтныя — Чѣмъ свѣтъ по полю
Думы мирныя. — Всѣ разъѣхались,
Дума первая: — И пошли гулять
Хлѣбъ изъ закрома — Другъ за дружкою,
Насыпать въ мѣшки, — Горьстью полною
Убирать воза. — Хлѣбъ раскидывать,
А вторая ихъ — И давай пахать
Была думушка: — Землю плугами,
Изъ села гужомъ — Да кривой сохой
Въ пору выѣхать. — Перепахивать,
Третью думушку — Бороны зубьемъ
Какъ задумали, — Порасчесывать.

Такимъ образомъ мужичекъ *сготовилъ зернышку колыбель святую*, и съ тихимъ шопотомъ:

Уроди мнѣ Боже,
Хлѣбъ—мое богатство

оставляетъ свое поле, обращаясь къ другимъ работамъ. Здѣсь ему больше нечего дѣлать. Дальнѣйшій его трудъ ничѣмъ не поможетъ зерну,

Его вспоитъ, выкормитъ
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка,
Вырастетъ и колосъ.
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Съ такою надеждою крестьянинъ оставляетъ поле и ждетъ времени жатвы, часто посматривая на небо, а между-тѣмъ тамъ дѣйствуютъ силы, независимыя отъ человѣка, дѣйствуютъ таинственно, грозно, бурно, и своими явленіями радуютъ или страшатъ крестьянина; тамъ совершается опредѣленіе—возвградить или нѣтъ его тяжелый трудъ, соединенный съ надеждой и молитвой. Здѣсь Кольцовъ неподражаемъ въ своемъ поэтическомъ описаніи:

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,
Нагустилъ его
Въ тучу чорную;
Туча чорная
Понахмурилась,
Понахмурилась—
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину....
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго....

Ополчается
Громомъ-бурею,
Огнемъ-молніей,
Дугой-радугой.
Ополчилася
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною—
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко,
Напилась воды
Земля досыта

И какъ весело сморятъ сельскіе люди послѣ благодѣтельнаго дѣйствія высшихъ и таинственныхъ для нихъ силъ:

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся;

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою

Да, это—праздникъ для ихъ душъ, и каждый мирно и тихо его празднуетъ въ своей душѣ, съ удвоенной надеждой, обращая радостный взоръ на свое поле.

Что жъ послалъ Господь
За труды людямъ?
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли,
Словно божій гость

На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается.
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается

И вотъ наступаетъ счастливая жатва; люди опять семьями сбираются на давно-оставленное поле; теперь опять нуженъ ихъ трудъ, за которымъ

Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.

И вотъ исполнилась святая надежда крестьянина; онъ ни отъ кого не скрываетъ своего богатства, дарованнаго ему Богомъ, и любуется на разставленные скирды, которые, «*какъ князья, широко сидятъ, подявъ головы*».

Видитъ солнышко
Жатва кончена:
Холодѣй оно
Пошло къ осени.
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери

Въ другой пѣснѣ Кольцовъ прекрасно изобразилъ *мужицкую лѣнь*, которая до тла раззоряетъ домъ и доводитъ до нищеты и голода. Здѣсь поэтъ будитъ мужика, говоритъ ему о приходѣ весны, указываетъ на работающихъ сосѣдей, съ ироніей замѣчаетъ объ его настоящемъ нищенскомъ положеніи:

На гумнѣ—ни снопа;
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ—по травѣ—
Хоть шаромъ покати,
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ;
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ;

напоминаетъ ему объ его быломъ времени,

Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой....

Но мужикъ ничего не слышитъ; онъ лежитъ на печи безъ просыпу, и просыпаетъ весну, лѣто и осень.—

Главное, преобладающее начало поэзіи Кольцова составляетъ лирика, но у него есть нѣсколько прекрасныхъ піесъ и въ повѣствовательномъ родѣ, гдѣ иногда прорываются даже драматическіе порывы. Поэтъ зналъ, въ какихъ движеніяхъ выказываются у русскаго человѣка различныя волненія души, въ какихъ словахъ высказываются мгновенныя страсти. Эти піесы замѣчательны простотой своего разсказа, быстротой дѣйствія и естественными сердечными порывами, въ которыхъ вы не можете не узнать русскаго человѣка. Въ піесѣ *Деревенская бѣда* удалый молодецъ разсказываетъ о своемъ быломъ, близкомъ его сердцу, какъ онъ любилъ дѣвушку, какъ съ нею проводилъ ночныя бесѣды, какъ наконецъ они помолвились поцалуями, какъ, на ихъ погибель несмѣтная казна старосты все повернула по своему, и дѣвушка досталась старостиному сыну.

Тошно, грустно было на сердцѣ –
Какъ изъ церкви мою милую
При народѣ взялъ онъ за руку,
Съ похвальбою поклонился мнѣ;
Тошно, грустно было на сердцѣ—
Какъ онъ съ нею вдоль по улицѣ,
Что есть духу поскакалъ, злодѣй,
Къ своему двору широкому.

Здѣсь молодецъ уже былъ поставленъ въ самое натуральное драматическое положеніе: въ его душѣ не могли не забушевать всѣ страсти оскорбленной гордости, досады и униженія; посмотримъ, какъ же онѣ выразились:

Я стоялъ, глядѣлъ, задумался....
Снявши шапку—хватилъ объ землю,
И пошелъ себѣ загуменьемъ –
Подъ его окошки красныя.

Что̀ можетъ быть естественнѣе этого быстраго движенія страсти души, развитой одною природою, неумѣющей сдерживать сво-

ихъ порывовъ, какъ бы ни были они дики. Именно въ подобномъ движеніи русскій человѣкъ часто выражаетъ свою чрезмѣрную досаду; далѣе—любовь и ревность его влекутъ не домой, а подъ окно къ его недругу: ему хочется знать, что̀ дѣлается тамъ, гдѣ онъ долженъ бы занимать первое мѣсто. Тамъ молодые цѣлуются, тамъ дѣвушки поютъ свадебныя пѣсни, тамъ его товарищи пьютъ, играютъ, забавляются, а онъ одинъ тайкомъ подсматриваетъ въ окно. Конечно, его страсть съ каждой минутой кипитъ все больше и больше, и наконецъ внушаетъ ему страшную мысль, которая даже въ самую минуту разсказа радовала его желчной радостью, какъ месть, удовлетворившая его вполнѣ за обиду и лишенное счастіе:

Въ эту пору для пріятеля
Заварилъ я брагу хмельную,
Заиграль я свадьбу новую,
Что бесьду небывалую!

Онъ сжегъ его богатый домъ, хотя при этомъ сгорѣла и собственная его бѣдная избушка.

Наконецъ, обратимъ вниманіе на піесу «*Ночь*», піесу высокодраматическую, которой нельзя довольно начитаться. Здѣсь на васъ вѣетъ тихая, чудная ночь со своею луною; въ тоже время, при ея нѣжномъ свѣтѣ, вамъ представляется страстная любовная бесѣда и слышится женскій голосъ въ пѣснѣ, какъ ревнивый мужъ билъ жену свою; тутъ же подъ окномъ изъ чернѣющаго сада видится мрачный образъ мужа, который тайнымъ призракомъ карауліть безпечныхъ влюбленныхъ.

Улыбаясь, онъ
Зубъ о зубъ стучалъ,
Жгучей искрою
Его глазъ сверкалъ.

Вотъ наконецъ его замѣчаютъ: въ мигъ за страхомъ, первымъ порывомъ души, вспыхиваетъ отчаянная рѣшимость отъ него избавиться. Раздраженный мужъ берется рукою за дверь и тутъ же падаетъ мертвымъ; за этимъ мгновеннымъ нѣмымъ дѣйствіемъ вы слышите голосъ:

«Что жъ ты, милая,
«Вся какъ листъ дрожишь?
«Съ лѣтскимъ ужасомъ
«На него глядишь?
«Ужъ не будетъ онъ
«Караулить насъ
«Не придетъ теперь
«Въ полуночный часъ....

И за тѣмъ другой голосъ, который въ немногихъ словахъ, какъ нельзя лучше, вамъ выразитъ то смутное, едва сознательное состояніе, въ какое должна впасть женщина при этой нежданной, мгновенной драматической развязкѣ:

«Ахъ, не то, чтобъ я....
«Умъ мѣшается. ..
«Все два мужа мнѣ
«Представляются:
«На полу, одинъ
«Весь въ крови лежитъ;
«А другой—смотри—
«Вонъ въ саду стоитъ ...

Кто не признаетъ здѣсь высокаго драматическаго начала и глубокаго пониманья человѣческой природы.

Мы уже замѣтили, что при описаніи самыхъ горькихъ минутъ и волненій души, у Кольцова иногда является иронія, вытекающая изъ характера русскаго человѣка. Хотя мы ее встрѣчаемъ весьма не во многихъ піесахъ, но при всемъ томъ въ ней видится нѣкоторое разнообразіе. Вспомнимъ напримѣръ эти стихи.

Куда глянешь—всюду наша степь;
На горахъ—лѣса, сады, дома;
На днѣ моря -груды золота,
Облака идутъ—нарядъ несутъ.

Или другой, болѣе легкій и быстрый:

Разрывайся грудь моя,
Буду суженымъ не я,
Тотъ—богатый, я—безъ хаты,
Цѣлый міръ—мои палаты!

Иногда эта иронія какъ-будто скрывается въ серьозномъ описаніи, какъ напр.

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.

Иногда же она слегка обнаруживается просто въ насмѣшливой улыбкѣ самаго поэта, какъ напр. въ піесѣ «*Всякому свой талантъ*», гдѣ мужъ жалуется на свою жену — *съ роднею и съ породою, именитую, почетную:*

И живемъ съ ней, только ссоримся,
Да роднею похваляемся,
Да проживши все добро свое,
Въ долги впали неоплатные....
«Теперь придетъ время тѣсное
«Что̀ намъ дѣлать, жена, надобно?»
—«Какъ, скажите, люди добрые,
«Научу я мужа глупова....
«Самъ прожился мой безумный мужъ,
«Да у бабы ума требуетъ *.

* Здѣсь кстати напо́мнить объ одной нашей народной пѣснѣ, замѣчательной по своему ироническому направленію: молодецъ разсказываетъ о своихъ двухъ женахъ:

Подарилъ меня батюшка женою,
Глупою женою, не разумной:
Я загудокъ, а она за прялку,
Я въ гудокъ играти, а она мотати.
Не за чѣмъ въ люди на кручину
Дома кручинушки довольно....

Подарилъ меня батюшка женою
Умною женою и разумной:
Я за гудокъ, а она за пѣсни,
Я въ гудокъ играти, а она плясати.
Не за чѣмъ въ люди по весельѣ,
Дома весельица довольно.

Или въ совѣтѣ *Товарищу* биться съ судьбой, пока случай найдетъ счастье и начнетъ съ нимъ жить на славу, онъ прибавляетъ:

Таже сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно и смѣшно
Всѣхъ въ тебѣ прикуетъ.
И тѣ жъ люди враги,
Что чуждались тебя,
Богъ ужъ вѣдаетъ какъ,
Назовутся въ друзья.

Можно думать, что эта иронія съ годами развилась бы въ поэтѣ въ размѣрахъ болѣе обширныхъ.

Разсмотрѣвъ содержаніе поэзіи Кольцова, посмотримъ на ея внѣшнюю сторону, постараемся опредѣлить, какими красками языка поэтъ выражалъ образы, возникавшіе въ его душѣ; гдѣ онъ бралъ эти краски и какъ ими пользовался?

Всякая народная поэзія коротко насъ знакомитъ какъ съ природою, которая окружаетъ народъ, такъ и съ его взглядомъ на эту природу. Народъ тѣсно связанъ со своей родной, видимой природой, и потому безпрестанно сближаетъ съ нею все, что существуетъ и происходитъ въ немъ самомъ, въ его душѣ, какъ невидимое, какъ отвлеченность, которой онъ чуждается. Образы его поэзіи необходимо должны получать свой цвѣтъ, свою осязательность и жизнь черезъ эту природу, и безъ нея имъ нѣтъ другаго источника жизни. У Гомера картина природы древней Греціи представляется передъ вашими глазами во всей своей ясности и полнотѣ; у Оссіана кто себѣ не представитъ сѣверной, суровой природы его отечества; персидскіе поэты прекрасно насъ знакомятъ со всей роскошью, пышностью и богатымъ разнообразіемъ восточной природы, которая, кажется, то красотой, то силой, то нѣгой господствуетъ надъ человѣкомъ, и безъ своего посредства не позволяетъ въ немъ зародиться ни одной мысли; въ арабской поэзіи самый языкъ, кажется, такъ же горячъ, какъ горячи пески Аравіи. Въ русскихъ пѣсняхъ вы почти не-

встрѣчаете отдѣльныхъ описаній природы, но тѣмъ не менѣе прекрасно знакомитесь съ простой русской природою. Вы видите, какъ народъ, чуждаясь отвлеченности, старается все въ себѣ зародившееся олицетворить, оживить, сравнить, переселяя въ свой внутренній міръ всю внѣшнюю природу, сообразно со своимъ взглядомъ на нее и на жизнь. Вотъ отъ чего всѣ народныя метафоры и сравненія, представляясь намъ не риторической роскошью, а существенной необходимостью, всегда особенны и различны у всѣхъ народовъ. Бросимъ взглядъ на главныя изъ нихъ въ нашей народной поэзіи. Здѣсь особенно много жизни и картинности представляетъ одно сравненіе, гдѣ сравниваемый предметъ совершенно какъ бы входитъ въ дѣйствіе другаго, который приводится для сравненія; какъ напр. «Встала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила *дѣвою* на землю Трояню, всплескала *лебедиными крылы* на синемъ морѣ» и пр. или «растекашеся *мыслію* по древу, *сѣрымъ волкомъ* по земли, *сизымъ орломъ* подъ облакы... (Слово о Полку Игоря) Сравненія обыкновенныя, съ помощью словъ *какъ*, *точно*, *подобно*, и пр. только сближаютъ два дѣйствія или два предмета, но никогда ихъ не сливаютъ въ такую быструю и живую картину и никогда не имѣютъ такой силы. Это *слитное* сравненіе вытекло изъ древняго вѣрованія народа въ возможность превращенія посредствомъ волшебства, какъ это еще видно въ нѣкоторыхъ нашихъ народныхъ сказкахъ. (Волхвъ Всеславичъ, Добрыня Никитичъ и др.) Слѣды этого замѣтны также въ словѣ о Полку Игоря, гдѣ говорится о Полоцкомъ князѣ Всеславѣ: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь *волкомъ* рыскаше, изъ Кыева дорыскаше до Куръ Тмутаракани....» Здѣсь должно разумѣть не сравненіе *какъ волкъ*, но дѣйствительно превратившійся въ волка. Или въ одной нашей народной пѣснѣ:

Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертой къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемышною пташечкою кукушечкою,
Сяду я у матушки во зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу...

Съ христіанскимъ образованіемъ потерялось это вѣрованіе, но отъ него осталась прекрасная поэтическая форма сравненія. Впрочемъ она рѣдко употребляется въ нашихъ пѣсняхъ; тамъ чаще мы встрѣчаемъ другое сравненіе, гдѣ одинъ предметъ называется именемъ другаго, какъ напр. *соколъ* вмѣсто *удалый молодецъ; кукушечка, горлица* вмѣсто *печальная дѣвушка, лебедушка, голубушка* вмѣсто *милая дѣвушка*, и пр.; подобныя же сравненія * весьма часто попадаются и въ персидской поэзіи, о чемъ современемъ мы думаемъ найти случай поговорить особо, сравнивъ ее съ нашею. Другое, частое сравненіе въ нашихъ пѣсняхъ мы назовемъ *параллельнымъ;* здѣсь, сперва, для сравненія представляется одно дѣйствіе изъ внѣшней природы и потомъ, въ параллель ему, другое, относящееся къ лицу, какъ напр.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ....

Или

У залетнаго яснаго сокола
Подопрѣло его правое крылышко,
Правое крылышко, правильно перышко.
У заѣзжева добра молодца,
Что болитъ его буйная головушка и пр.

Но особенно много въ нашихъ пѣсняхъ попадается сравненій *отрицательныхъ;* здѣсь поэтъ какъ-будто смотритъ на дѣйствіе издали и не можетъ вдругъ распознать, какому предмету приписать его; сначала ему кажется дѣйствіе, относящееся къ явленіямъ природы, къ птицамъ, звѣрямъ; потомъ разсмотрѣвъ внимательнѣе, онъ относитъ его къ лицу и въ-слѣдствіе того отрицаетъ первое, какъ напр.

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка.

---

* Въ словѣ о Полку Игоря: «единъ же израни жемчужну душу изъ храбра тѣла *чрезъ злато ожерелiе*».

Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
Курится огонечекъ малешенекъ.

Ужъ не лебедь ходитъ бѣлая
По зеленой травкѣ шелковой,
Ходитъ красна дѣвица душа
Во кручинѣ, въ мысляхъ горестныхъ..

Черезъ такое отрицательное сближеніе двухъ дѣйствій, настоящее изъ нихъ получаетъ передъ нашими глазами болѣе жизни, движенія и яркости, слѣд., представляется въ бо́льшемъ поэтическомъ блескѣ. Положительное сравненіе съ частицею *какъ* вмѣсто *не*, здѣсь не будетъ представлять такой силы и видимости дѣйствія.

Наконецъ, нерѣдко встрѣчаются сравненія *противуположныя*, весьма замѣчательныя своей поэтической силой; здѣсь сближаются два совершенно несходныя дѣйствія, изъ которыхъ одно, приводимое для сравненія, общеизвѣстно и близко всѣмъ, какъ напр. посѣвъ, жатва, пиръ и пр.; иногда оба дѣйствія совершенно какъ бы сливаются въ одно, для бо́льшей силы и картинности, иногда же раздѣляются отрицаніемъ. Вотъ примѣры:

Сравненіе съ дѣйствіемъ на пашнѣ: «На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чѣпи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхутъ посѣяни, посѣяни костьми русскихъ сыновъ.» (Сл. о Полку Игоря) или

За славной за рѣченькой Утвою,
По горамъ было утвинскимъ,
По раздольицамъ по широкимъ,
Распахана была пашенка яровая;
Не плугомъ была пахана, не сохою,
А вострыми мурзавецкими копьями;
Не бороною была пашенка взборнована,
А коневыми рѣзвыми ногами;
Не рожью посѣяна была пашенка, не пшеницей,
А посѣяна была пашенка яровая
Казачьими буйными головами;.

Не поливой она всполивана,
Не осеннимъ сильнымъ дождичкомъ,
Всполивана была пашенка
Казачьими горючими слезами....

Сравненіе съ пиромъ:

«Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю русскую» (Слово о Пол. Иг.)

Въ одной пѣснѣ мать говоритъ молодцу:

Ты за чѣмъ такъ, мое чадушко, напиваешься?
До сырой-то до земли все приклоняешься,
И за травушку за кавылюшку все хватаешься?
Какъ возговоритъ добрый молодецъ родной матушкѣ:
Я не самъ такъ добрый молодецъ напиваюся,
Напоилъ-то меня турецкой царь тремя пойлами,
Что тремя-то было пойлами, тремя разными:
Какъ и первое-то его пойло—сабля острая,
А другое-то его пойло копье мѣткое было,
Его третье-то пойло пуля свинчатая.

Или извѣстное сравненіе съ женитьбой:

Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калѣна стрѣла.

Обвѣнчаюсь я со иной женой —
Смертью раннею и насильною.

Наконецъ сравненіе *преувеличенное*; въ немъ нѣтъ того дикаго преувеличенія, какое мы встрѣчаемъ въ нашихъ сказкахъ; оно только представляетъ предметъ живѣе и показываетъ послѣднюю крайность въ его положеніи:

Она плачетъ, что рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ.

Или въ словѣ о Полку Иг.: «Галичкы Осмомысле Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ; подперъ горы Угорскіи своими желѣзными полки, заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака поганаго кощея за землю русскую, за раны Игоревы, буего Святославлича....»

Въ нашихъ пѣсняхъ мы весьма часто встрѣчаемъ обращеніе къ природѣ, какъ къ существу одушевленному, которое можетъ насъ понимать, намъ сочувствовать и отвѣчать на наши вопросы, вырвавшіеся отъ избытка чувства. Здѣсь видна особенно тѣсная связь лица съ внѣшней природою, которая какъ будто сообразуется съ его сердцемъ, и сама представляется то радостною, то печальною:

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя зеленая,
Ты къ чему рано зашумѣла
Преклонила свои вѣточки?

Ахъ вы, вѣтры, вѣтры буйные,
Вы буйные—вѣтры осенніе,
Потяните вы во ту сторону,
Во ту сторону, во восточную,
Отнесите вы къ другу вѣсточку,
Что не радостную вѣсть, печальную....

Въ заключеніе упомянемъ еще о нѣкоторыхъ постоянныхъ эпитетахъ, которые характеризуютъ извѣстные предметы съ той или другой стороны, глядя по тому, какъ смотритъ на нихъ народъ; какъ напр. *мать-сыра* земля, цвѣты *лазоревые*; сердце *ретивое*, *душа красна* дѣвица и пр.

Мы не можемъ сказать, что разсмотрѣли всю внѣшнюю сторону, всѣ краски нашей народной поэзіи, но по-крайней-мѣрѣ указали на главныя изъ нихъ, и видѣли, что ихъ даетъ окружающая природа, сообразно съ условіями народной жизни. Теперь спросимъ, какъ можно въ *настоящее время* пользоваться

всѣми этими средствами? Желаніе прослыть *народными* мы видимъ у нѣкоторыхъ нашихъ новѣйшихъ писателей; изъ нихъ мы уже назвали двоихъ или троихъ по имени; въ ихъ піесахъ мы встрѣчаемъ и эпитеты и сравненія, взятыя прямо изъ нашихъ народныхъ пѣсенъ, а между-тѣмъ не соглашаемся ихъ признать народными. И въ настоящее время иногда появляются произведенія съ чрезвычайною претензіею на народность. Чего вы тамъ не найдете изъ русской старины, пѣсенъ, сказокъ: и размѣръ стиха старинный, и самое содержаніе взято изъ лѣтописныхъ русскихъ сказаній, и словъ-то много, не только старинныхъ, но и устарѣлыхъ; въ каждомъ стихѣ непремѣнно найдется выраженіе, которое легко отыскать или въ русской пѣснѣ или въ сказкѣ, а между-тѣмъ все это вяло и мертво, и видна небольше, какъ только претензія на народность. Чего же тутъ недостаетъ? жизни, поэтическихъ образовъ, творчества! Что значитъ одна форма, когда она не одушевлена жизнью, ее создавшею. Представить подобное твореніе, значитъ показать, что мы не понимаемъ духа народности, что многіе изъ насъ только увлекаются одной стариной, и хотятъ на ея ладъ передѣлать и настоящее. Но возможно ли это сдѣлать въ какомъ бы то ни было обществѣ? Можно ли воротить отжившее, можно ли вмѣстить новую жизнь въ старую форму? И неужели общество можетъ жить и выражать свою жизнь такъ, какъ жили и выражали за нѣсколько вѣковъ его предки? Странно было бы согласиться съ этимъ! И зачѣмъ же въ современномъ русскомъ обществѣ не признавать никакой народности изъ-за того, что оно живетъ европейскою жизнію? Развѣ въ немъ нѣтъ своихъ особенностей, развитыхъ изъ русскихъ старинныхъ началъ? Правда оно не живетъ такъ, какъ живетъ масса народа, но въ какомъ же государствѣ жизнь образованнаго класса похожа на жизнь простаго народа. Ошибочно было бы утверждать, что между нашимъ обществомъ и общей народной массой прервана нить, связывающая обѣ части въ одно цѣлое. Если мы сочувствуемъ истиннымъ народнымъ произведеніямъ, гдѣ выражается жизнь народа, если прельщаемся народными поэтическими образами какъ родными, если признаемъ въ Крыловѣ выраженіе нашего общества и въ то же время называемъ его басни общею принадлежностью всего народа, то это ясное доказательство, что между нашимъ образован-

нымъ обществомъ и народомъ есть что-то общее, родное, неразрывное. Писатель, представляющій намъ современное общество, также можетъ назваться народнымъ, но не потому что онъ будетъ употреблять выраженія и различные обороты изъ нашей народной поэзіи, а потому, что онъ представитъ духовную жизнь общества, которая выказывается въ тѣхъ или другихъ формахъ, его взглядъ на эту жизнь и на все окружающее. Конечно, онъ долженъ брать свои краски изъ той же природы, но это не значитъ, что онъ непремѣнно долженъ ихъ употреблять въ той же самой формѣ; здѣсь онъ вамъ выражаетъ новую, болѣе развитую жизнь, у которой горизонтъ шире, яснѣе, и многіе предметы представляются совершенно въ другомъ свѣтѣ. Поэтъ долженъ заботиться только о томъ, чтобы истина была выражена въ ея естественномъ и художественномъ видѣ; здѣсь народность выкажется, безъ особеннаго его старанія, въ самомъ его творчествѣ. Слѣдственно, въ немъ могутъ и быть и не быть многія краски и обороты, встрѣчающіеся въ нашей чисто-народной поэзіи; если же они есть, то непремѣнно должны быть одушевлены внутренней жизнію, безъ чего будутъ казаться безжизненными и неприличными. Даже поэтъ, выражающій жизнь народа въ ея поэтическихъ образахъ, долженъ брать свои краски изъ природы, а *не выбирать ихъ изъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ*, какъ это дѣлали и дѣлаютъ наши мнимо-народные поэты, и въ чемъ состоитъ ихъ главная ошибка. Они не вникали въ природу и жизнь народа, не создавали въ себѣ поэтическихъ образовъ, а думали просто ихъ составить изъ различныхъ частицъ, взятыхъ то въ томъ то въ другомъ мѣстѣ; отъ того у нихъ и выходили скорѣе слѣпленныя фигуры, чѣмъ живые образы. Истинный народный поэтъ долженъ звать народную жизнь своею родною жизнію, долженъ прямо обращаться къ природѣ, и съ ея помощію творить, а не подражать уже разъ созданному. Его образы могутъ быть родственны съ прежними, выраженными въ народныхъ пѣсняхъ, но краски могутъ быть другія, иначе выражены или съ другими оттѣнками. Поэтъ силою своего творчества можетъ найти въ той же самой природѣ незамѣченное прежде, произвесть много новыхъ сочетаній словъ, для живописности описываемаго пред-

места, и народъ будетъ смотрѣть на все это какъ на свое родное и будто бы ему давно знакомое, и будетъ имъ восхищаться, потому что истинный народный поэтъ умѣетъ творить въ духѣ народа т. е. такъ, какъ творитъ самъ народъ.

Теперь, если мы посмотримъ съ этой стороны на произведенія Кольцова, то въ немъ увидимъ мастера художника, который знаетъ гдѣ, и умѣетъ какъ брать свѣжія и живыя краски для обрисовки тѣхъ или другихъ образовъ и для выраженія задушевныхъ чувствъ. У него мы найдемъ почти все, что̀ уже видѣли въ нашихъ старыхъ народныхъ пѣсняхъ, но при этомъ никто не скажетъ, чтобы онъ подражалъ этимъ пѣснямъ или изъ нихъ выбиралъ то ту, то другую форму и образъ выраженія. У него вы только видите ту же русскую природу, что̀ и въ прежнихъ пѣсняхъ, но при томъ легко замѣчаете, что эта природа шире, и слѣдственно, разнообразнѣе разстилается передъ его глазами, что онъ самъ глубже въ нее проникаетъ, дальше смотритъ и искуснѣе пользуется, какъ поэтъ, уже знакомый съ искусствомъ лучшихъ мастеровъ. Онъ въ ней находитъ столько красотъ, такъ съ нею связанъ, что, кажется, не умѣетъ ни думать, ни чувствовать безъ того, чтобы не представить своихъ думъ и чувствъ, облеченныхъ въ образъ того или другаго предмета природы. Отъ того онъ особенно васъ поражаетъ своею живописностью и картинностью; онъ не создаетъ свои картины однимъ воображеніемъ, т. е. не представляетъ ни одной черты чужой, незнакомой русскому человѣку или знакомой только по наслышкѣ; нѣтъ, у него все взято изъ той природы, которую Русскій называетъ родною, все, что̀ онъ безпрестанно встрѣчаетъ передъ своими глазами, съ чѣмъ знакомъ отъ своего рожденія; умѣнье всему этому дать живость, новость и увлекательность принадлежитъ таланту Кольцова. Другая его принадлежность—представлять всѣ предметы въ безпрестанномъ движеніи, оживлять и олицетворять ихъ. Мы уже не говоримъ о поэтической вѣрности и прелести тамъ, гдѣ поэтъ прямо описываетъ природу: тутъ она вамъ представляется во всей своей измѣняемости, почти вдругъ во многихъ картинахъ, и такъ, какъ будто бы вы сами непосредственно ею наслаждаетесь, хотя и сидите въ четырехъ стѣнахъ, вдали

отъ ися. Но и самая отвлеченность у него принимаетъ жизнь живаго существа и увлекаетъ ваше воображеніе, какъ напримѣръ:

Или доля моя
Сиротой родилась,
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась.
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ,
Въ слѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ....

И подобныхъ поэтическихъ оживленій такъ много, и всѣ они такъ удачны и хороши, представлены въ такихъ сжатыхъ мѣткихъ народныхъ выраженіяхъ, что невольно приводятъ въ восторгъ. Замѣчательно, что Кольцовъ никогда не распространяется въ своихъ описаніяхъ; часто онъ двумя-тремя словами представитъ вамъ самую живую картину, и затѣмъ въ ту же минуту увлечетъ васъ новою, другою, третьей. Довольно только вспомнить двѣ пѣсни о кудряхъ, чтобы видѣть, какъ разнообразны и живы эти картины. Для олицетворенія Кольцовъ иногда употребляетъ даже фантастическіе образы, созданные народнымъ воображеніемъ, и хотя они уже давно отжили въ нашемъ духовномъ мірѣ, но у поэта, какъ краски, весьма живо на насъ дѣйствуютъ, напримѣръ:

Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море.

Я изъ поля въ лѣсъ дремучій –
Лѣшій по лѣсу шумитъ,
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ....

Но изъ всѣхъ олицетвореній самое роскошное, живое и прекрасное въ піесѣ «*Лѣсъ*», которую мы можемъ назвать перломъ нашей народной поэзіи въ описательномъ родѣ. Здѣсь лѣсъ олицетворяется образомъ сказочнаго русскаго богатыря, Бовы. Это олицетвореніе столь замѣчательно, что мы не можемъ не обратить на него вниманія. Всмотрѣвшись пристально въ представленное лицо, мы найдемъ, во-первыхъ, въ его свойствахъ — свойство русскаго силача-богатыря, такъ какъ онъ создался въ народномъ воображеніи; во-вторыхъ, въ его положеніи — положеніе осенняго лѣса; въ-третьихъ, въ его наружности отражается то грустное впечатлѣніе, которое производилъ на душу поэта этотъ чорный, мрачный лѣсъ, обнаженный и оборванный бурею. Все это поэтъ искусно слилъ въ одномъ лицѣ; отъ того его олицетвореніе вышло въ высшей степени вѣрно, живописно, народно, возбуждающее въ васъ сочувствіе, и наконецъ, высоко-художественно. Оно такъ осязательно, такъ живо вамъ представляетъ борьбу двухъ силъ, безпрестанно напоминая олицетворяющее лицо, олицетворяемый предметъ и посторонняго зрителя, который въ этомъ принимаетъ сердечное участіе, что трудно найти другое что-нибудь подобное во всякой поэзіи. Мы не выписываемъ этой превосходной піесы, потому-что она довольно велика, но совѣтуемъ всякому ее прочесть и повѣрить наши слова.

Кольцовъ превосходно умѣетъ пользоваться сравненіями, взятыми изъ природы, но всегда въ духѣ русскаго языка и поэзіи. Онъ особенно богатъ сравненіями посредствомъ творительнаго падежа, гдѣ сравниваемый предметъ и другой, съ которымъ сравниваютъ, сливаются въ одно дѣйствіе. Здѣсь поэтъ производитъ сравненіе не только съ живыми существами, какъ въ нашей старой народной поэзіи, но со всѣмъ, что́ имѣетъ движеніе, какъ напримѣръ:

Соловьемъ залетнымъ,
Юность пролетѣла,
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла.

Я рыбой пойду по бережку,
Полечу *горой* за облакомъ....

Я не зх поль вихремъ взялся....

Подобныя сравненія мы иногда слышимъ въ устахъ народа, и они всегда сильно и живописно представляютъ предметъ.

Сравненія отрицательныя у Кольцова встрѣчаются изрѣдка, но за-то вы безпрестанно встрѣчаете сравненія другаго рода, которыя онъ первый подслушалъ въ народѣ и сдѣлалъ прекрасной принадлежностью своей поэзіи. Это искусное соединеніе двухъ и болѣе предметовъ какъ бы въ одно цѣлое, такъ, что одинъ изъ нихъ представляетъ какое-нибудь яркое качество другаго; напримѣръ: Огонь — душу — красну дѣвицу; слезой крупною—проливнымъ дождемъ или

Степь—трава—парча шелковая,
Заря – вечеръ – ночь – волшебница....

Иногда Кольцовъ, для приданія бо́льшей силы своему выраженію, соединяетъ два почти равнозначащія или близкія по значенію слова въ одно: *грусть—тоска*, *нужда—горе*, *прости—прощай* и множество другихъ. Замѣчательны также народные плеоназмы: *зиму зимскую*, *вольной волей*, *горе горемычное* и др.

Для выраженія сильнаго впечатлѣнія на чувства, Кольцовъ иногда прибѣгаетъ къ поэтическимъ преувеличеніямъ, которыя онъ прекрасно умѣетъ составлять:

Аль ни потъ съ лица посыпится,
Аль ни въ грудь душа застукаетъ;
Мѣсяцъ въ облака закроется,
Звѣзды мелкія попрячутся.

Но невозможно исчислить всѣхъ красотъ поэзіи Кольцова; въ ней столько новаго, увлекательнаго, поразительнаго, взятаго изъ народной природы и представленнаго въ народномъ духѣ, что вы не можете довольно начитаться, чтобы вполнѣ насладить свое воображеніе и слухъ. Читатель самъ можетъ ихъ найти во многихъ приведенныхъ нами піесахъ.

Народная жизнь также была богатымъ источникомъ, изъ котораго поэтъ бралъ краски для своей поэзіи. Здѣсь онъ ни чѣмъ не гнушался, пользовался всѣмъ, что только могло вѣрно представить его идею и обрисовать тотъ или другой образъ; въ его пѣсни, по словамъ Бѣлинскаго, смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклоченныя бороды, и старыя онучи—и *все это превратилось у него въ чистое золото поэзіи.* Народъ, какъ мы уже сказали, не любитъ отвлеченности, и потому всегда старается выразить свои мысли въ какомъ-нибудь образѣ или въ осязательной формѣ, взятой изъ собственной его жизни, и притомъ въ немногихъ словахъ. Отъ того у него есть множество выраженій, которыя мѣтко и живописно выражаютъ мысль, но которыя можно объяснить только изъ народной жизни. Ихъ обыкновенно бываетъ трудно и даже невозможно переводить на иностранный языкъ тѣми же словами, потому-что они составляютъ исключительную принадлежность народа, ихъ создавшаго, носятъ на себѣ яркій отпечатокъ народнаго духа, и слѣдственно, народности, и безъ объясненія непонятны иностранцу. Кольцовъ, немогшій выражаться иначе, какъ въ духѣ своего народа, употреблялъ множество такихъ выраженій, и украшалъ ими языкъ своихъ пѣсенъ. Конечно ихъ много найдется и въ пѣсняхъ, созданныхъ русскимъ народомъ, но не отсюда, а изъ самой жизни ихъ бралъ Кольцовъ. И сколько разъ нужно было бъ обратиться къ народной жизни, и съ какихъ различныхъ сторонъ нужно было бы ее разобрать, еслибы кто-нибудь вздумалъ подробно объяснить иностранцу всѣ замѣчательныя пѣсни Кольцова, какъ напримѣръ эти выраженія:

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ;

По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.

Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.

Но замѣтимъ при этомъ, что Кольцовъ никогда не прибиралъ и не выискивалъ нарочно всѣхъ этихъ выраженій, ни различныхъ народныхъ эпитетовъ и сравненій, съ *намѣреніемъ* быть народнымъ; нѣтъ, объ этомъ онъ не думалъ, а только старался быть вѣрнымъ истинѣ—дѣйствительности и чувству, и потому бралъ изъ природы и изъ жизни все то, въ чемъ могла себя выразить истина, какъ нельзя вѣрнѣе и художественнѣе. Отъ того въ немъ вы нигдѣ не найдете изысканности, принужденности и поддѣльности; онъ вездѣ естественъ и оригиналенъ въ высшей степени. Онъ нигдѣ не затрудняется въ краскахъ, что-бы ни пришлось ему описывать, какія бы ни было волненія чувствъ; онъ однимъ-двумя взмахами кисти умѣетъ представить вамъ въ наружности или въ движеніи лица все состояніе его души, какъ напримѣръ:

Въ мигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося,
И рыдая какъ безумная
На груди моей повиснула.

Но куда умомъ ни кинуся —
Мои мысли врозь расходятся,
Безъ слѣда вдали теряются
Чорной тучей покрываются....

У Кольцова содержаніе совершенно сливается съ формой, и въ этой-то взаимной и неразрывной ихъ связи вы и видите всю силу творчества поэта; у него одно безъ другаго нельзя представить, потому-что одно родилось въ другомъ, какъ душа въ тѣлѣ. Что касается до языка Кольцова, то онъ ни полусловомъ не противорѣчитъ народному духу; всѣ его обороты и сочетанія такъ смѣлы, искусны и притомъ такъ вѣрны природѣ и духу русскаго народнаго языка, что намъ остается только изучать этотъ языкъ въ пѣсняхъ Кольцова. Сколько новыхъ и мѣткихъ словъ, сколько удачныхъ сочетаній и оборотовъ рѣчи изъ нихъ могутъ войти для примѣровъ въ нашъ академическій словарь и обогатить нашъ общественный языкъ. Стихъ Кольцова также представляется новымъ и оригинальнымъ, который создалъ для себя самъ поэтъ; его размѣръ не сходится съ размѣромъ ни стиха пѣсенъ русскаго народа, ни стиха нашихъ образованныхъ поэтовъ; но при всемъ томъ онъ основанъ на свойствахъ и духѣ русскаго языка, и вѣрно ни одинъ русскій человѣкъ не вздумаетъ его отринуть, какъ стихъ чуждый или непріятный для русскаго слуха. Онъ, напротивъ, васъ увлекаетъ своей звучной плавностью, согласуясь съ содержаніемъ, которое сообщаетъ ему жизнь и гибкость. Вотъ явное доказательство, что форма пріобрѣтаетъ себѣ народность отъ содержанія, одушевленнаго народнымъ духомъ, хотя бы она была нова, и неизвѣстна прежде, и что одна, сама по себѣ, сколько бы вѣковъ ни

считала своей народности, рѣшительно ничего не можетъ значить.

Конечно, не всѣ стихотворенія Кольцова мы можемъ поставить на одну высокую степень; нѣкоторыя изъ нихъ, особенно писанныя въ лѣта юности, довольно слабы и незрѣлы; другія важны только какъ выраженія его личности, хотя и нелишены внѣшней обралотки, какъ напр. нѣкоторыя его думы. Но мы можемъ насчитать болѣе сорока піесъ, которыя даютъ ему полное право назваться народнымъ поэтомъ-художникомъ, и на которыхъ читатель невольно сосредоточиваетъ все свое вниманіе. Этимъ-то піесамъ, въ художественномъ отношеніи, далеко уступаютъ пѣсни русскаго народа, въ которыхъ видно еще младенческое искусство, гдѣ мало обращается вниманія на обработку и вообще на форму произведенія. Въ пѣсняхъ же Кольцова намъ представляется поэтъ, который уже видѣлъ великихъ мастеровъ, и вглядываясь въ нихъ, развивалъ свое эстетическое чувство, и дошелъ до сознанія въ необходимости художественной обработки поэтическаго произведенія.

Какое же мѣсто мы дадимъ Кольцову въ нашей литературѣ? Поставимъ ли его на ряду съ тѣми русскими поэтами, которымъ признательные потомки и современники ставятъ памятники? Нѣтъ, такой памятникъ былъ бы неприличенъ нашему скромному поэту. Онъ не составляетъ звѣна той общей цѣпи, которая въ исторіи литературы связываетъ писателей, какъ представителей литературныхъ идей. Онъ не внесъ въ нашу литературу никакихъ новыхъ идей, не развивалъ и внесенныхъ другими, не былъ подражателемъ и не увлекъ за собой ни одного подражателя. Мы его называемъ народнымъ, но не можемъ сравнить напр. съ Крыловымъ, близкимъ къ нему болѣе другихъ по выраженію народнаго духа. Крыловъ, выражая практическую сторону жизни русскаго народа, явился народнымъ въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, гдѣ ра-

зумѣется не одинъ низшій слой народа, а всѣ вообще Русскіе, составляющіе одно неразрывное царство. Онъ очертилъ самый обширный кругъ, гдѣ каждый изъ насъ найдетъ свое мѣсто; Кольцовъ же выразилъ только одинъ тотъ классъ, который зовется народомъ по преимуществу, выразилъ болѣе со стороны чувства, слѣдственно, охватилъ кругъ тѣсный, гдѣ мы не можемъ себя помѣстить и ограничить этой небольшой чертой. Мы увлекаемся его образами, какъ поэтическими и несовсѣмъ намъ чуждыми; еще болѣе увлекаемся выраженіемъ чувства, которое, можетъ-быть, иногда испытали сами, и не разъ хотѣли бы выразить такимъ же образомъ; восхищаемся прекраснымъ представленіемъ природы, называя ее своею, русскою; но часто остаемся за кругомъ, любуясь картинами, въ которыхъ видно родное небо, родные поля и лѣса, а среди нихъ сцены, гдѣ мы никогда не могли имѣть участія. Съ этой точки зрѣнія Кольцовъ долженъ занять скромное мѣсто въ нашей литературѣ, но ни чуть не въ связи съ нашими второстепенными поэтами, которые имѣютъ много между собою общаго, и могутъ быть разсматриваемы вмѣстѣ или группами, какъ люди, развивавшіе то или другое направленіе, внесенное геніальностью. Кольцовъ въ этомъ случаѣ стоитъ одиноко, и въ исторіи литературы можетъ быть какъ бы прекраснымъ эпизодомъ.

Иногда случается въ какой-нибудь картинной галлереѣ, среди высокихъ, геніальныхъ произведеній, встрѣтить нѣсколько небольшихъ картинокъ, набросанныхъ легко, смѣло, самыми живыми и естественными красками, вѣрно природѣ, и между-тѣмъ оригинально, гдѣ вы видите не подражаніе, не простое списываніе съ природы, а кисть творческаго таланта. Подъ ними вы не читаете имени ни одного изъ великихъ, прославленныхъ мастеровъ, а между-тѣмъ, восхищаясь чудными произведеніями этихъ послѣднихъ, вы невольно подходите и къ тѣмъ маленькимъ картинкамъ, долго ими любуетесь, и хотя не отважи-

тесь ихъ сравнить съ этими геніальными, но вѣрно не скажете, что онѣ лишнія въ галлереѣ. Точно такое же мѣсто, на нашъ взглядъ, должны занять и произведенія Кольцова въ галлереѣ русскихъ замѣчательныхъ поэтовъ.

ВЛАД. СТОЮНИНЪ.

ГАЛВАНИЗМЪ И ПРАКТИЧЕСКІЯ ЕГО ПРИЛОЖЕНІЯ.

СТАТЬЯ I.

Изученіе природы въ естественныхъ наукахъ, кромѣ высокой занимательности для ума испытующаго, представляетъ еще ту выгоду, что даетъ человѣку средства порабощать своей волѣ нѣкоторыя силы природы и научаетъ защищаться противъ враждебныхъ дѣйствій другихъ ея силъ.

Само-собой разумѣется, что наука не обязана имѣть своей конечной цѣлью этотъ переходъ отъ теоріи къ практикѣ, отъ научнаго интереса къ потребностямъ жизни, какъ утверждаютъ нѣкоторые, которымъ уже никто не считаетъ нужнымъ возражать; но, съ другой стороны, надо признаться, что заблуждаются также и тѣ, которые держатся мнѣнія, что приложенія унижаютъ науку. Оба эти мнѣнія — крайности, и можно помирить ихъ, сказавъ, что двоякое значеніе естественныхъ наукъ для общества, первое, въ-отношеніи къ «познанію великой и свободной жизни природы», какъ говоритъ Гумбольдтъ, и второе, въ-отношеніи къ колоссальнымъ практическимъ примѣненіямъ къ жизни общественной, заставляетъ насъ вдвойнѣ цѣнить эти науки, и рѣзко отличаетъ ихъ отъ многихъ другихъ.

Эти примѣненія всегда были и будутъ весьма различны по способу ихъ изобрѣтенія; одни истекали прямо изъ правилъ науки и приходили въ голову всякому; для другихъ нарочно приходилось развивать науку, чтобы приложеніе было въ нѣкоторой степени важно и совершенно; исторія изобрѣтеній представляетъ много примѣровъ того и другаго.

Въ наше время эти приложенія достигли громадныхъ размѣровъ, и трудно сказать, что онѣ будутъ въ-послѣдствіи, трудно по той же самой причинѣ, по какой такъ еще недавно никто не хотѣлъ вѣрить возможности найти какого-нибудь другаго двигателя, кромѣ вѣтра, паденія воды и силы животныхъ. Физика собственно, которая также принадлежитъ къ естественнымъ наукамъ, говоря въ обширномъ смыслѣ, занимающаяся разсмотрѣніемъ проявленій въ природѣ четырехъ силъ: свѣта, теплоты, электричества и магнитизма, не менѣе другихъ принесла вещественной пользы человѣчеству; теплородъ нашелъ свое приложеніе въ паровыхъ машинахъ; теорія свѣта въ изобрѣтеніи зрительныхъ трубъ, слѣдовательно, въ устройствѣ телеграфовъ, въ усовершенствованіи морскихъ и геодезическихъ инструментовъ; магнитизмъ и электричество въ электромагнитныхъ машинахъ, телеграфахъ, гальванопластикѣ и гальваническомъ освѣщеніи.

Гальваническая сила есть одна изъ самыхъ любопытныхъ по своимъ особеннымъ, рѣшусь сказать, оригинальнымъ дѣйствіямъ на разныя тѣла и по своимъ отношеніямъ къ другимъ силамъ. Можетъ-быть, изученіе ея кажется оттого тѣмъ болѣе занимательнымъ, и явленія, относящіяся сюда, тѣмъ болѣе возбуждаютъ удивленіе, что мы привыкли къ свойствамъ свѣта, теплоты и другимъ, которыя явны, и намъ случается ихъ ежедневно видѣть, а гальваническую силу со всѣми ея чудесами надлежало человѣку вызвать изъ природы и сдѣлать видимыми ея скрытыя свойства и дѣйствія.

Примѣненія галванизма еще очень недавны, потому-что самая наука еще очень молода, однако они весьма важны, и по всей вѣроятности скоро будутъ доведены до желаемой степени совершенства. Когда это случится, настанетъ новая эпоха: электромагнитныя машины изгонятъ паровыя, имѣя предъ ними преимущество совершенной безопасности; электрическое освѣщеніе замѣнитъ намъ газъ, потому-что оно несравненно сильнѣе и цвѣтомъ подходитъ къ солнечному; гальваническіе телеграфы, быстро какъ мысль, будутъ разносить изъ конца въ концы всякаго рода извѣстія; разстоянія исчезнутъ, просвѣщеніе разольется повсюду, и жизнь наша отъ сбереженія времени и отъ такихъ удобствъ сдѣлается какъ-будто длиннѣе.

Эти предположенія, которыя еще въ-концѣ прошедшаго столѣтія показались бы всѣмъ игрою разстроеннаго воображенія, въ наше время близки къ исполненію, по-крайней-мѣрѣ, что̀ касается до телеграфовъ и освѣщенія; Альманъ получилъ привилегію въ Англіи и Россіи на введеніе галваническаго освѣщенія, Франція соединена съ Англіей подводнымъ галваническимъ телеграфомъ, въ разныхъ частяхъ свѣта находится на сушѣ нѣсколько десятковъ тысячъ верстъ телеграфическихъ линій.

Извѣстно, что первый намекъ на существованіе галванической силы принадлежитъ Гальвани, но что собственно Вольта показалъ ближайшую его причину и дорогу къ изслѣдованіямъ; это было около 60 лѣтъ назадъ. Уже тогда всѣ надѣялись чего-то необыкновеннаго отъ галванизма. Наполеонъ приказалъ вычеканить золотую медаль въ честь Вольты, и назначилъ двѣ преміи тѣмъ, кто сдѣлаетъ полезнѣйшее для науки открытіе помощію галванизма; въ настоящее же время эта часть физики изумляетъ обиліемъ фактовъ, одинъ другаго занимательнѣйшихъ и удивительнѣйшихъ, и ученые въ состояніи были подарить практической жизни частицы своихъ трудовъ. Эти-то любопытныя и полезныя приложенія, исключая гальванопластику, о которой уже такъ много говорено и писано, будутъ показаны и объяснены въ цѣломъ рядѣ статей.

Безъ всякаго сомнѣнія, многіе изъ читателей не довольствуются одними извѣстіями о томъ, что тамъ-то и тамъ построенъ телеграфъ, пробована электромагнитная машина, и пожелаютъ проникнуть въ идею этихъ изобрѣтеній; не сомнѣваемся, что такихъ любознательныхъ читателей много, для нихъ-то и написаны эти популярныя статьи.

Онѣ будутъ довольно подробны, но въ то же время въ нихъ помѣщено будетъ только самое полезное и любопытное, и то, что̀ необходимо для объясненія хода самыхъ важныхъ изобрѣтеній; слѣдовательно, подробность эта произойдетъ не изъ желанія сообщить всякую мелочь, касающуюся этого дѣла, но будетъ служить для приданія полноты нашимъ статьямъ.

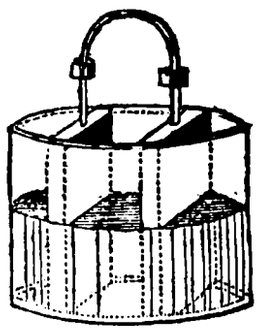
Прежде-чѣмъ обратимся къ предмету ихъ, необходимо намъ припомнить кое-что̀ о самой силѣ галванической, именно столь-

ко, столько нужно для яснаго пониманія достоинства приложеній, способа ихъ дѣйствія и постепеннаго ихъ усовершенствованія.

Сначала мы опишемъ галваническіе элементы, т. е. приборы, посредствомъ которыхъ, такъ-сказать, добывается галваническая сила; потомъ вкратцѣ напомнимъ читателю, почему слова галванизмъ и электричество употребляются всегда вмѣстѣ, и понятія о томъ и другомъ нераздѣльны, и наконецъ, взглянемъ на способъ дѣйствія этой силы на различныя тѣла.

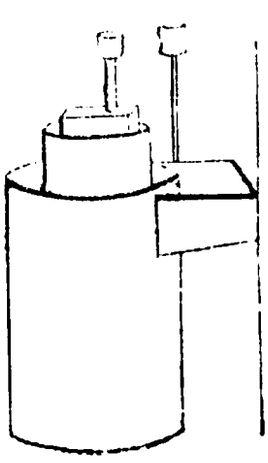
Элементы употребляются теперь двоякіе: 1) состоящіе изъ двухъ металловъ и одной жидкости, 2) изъ двухъ металловъ и двухъ жидкостей; мы говоримъ объ элементахъ практическихъ, въ наукѣ же ихъ много видовъ.

Элементъ перваго рода употреблялся только одинъ; въ стеклянномъ сосудѣ, наполненномъ сѣрною кислотою, разбавленною

фиг. 1. большимъ количествомъ воды, поставлены двѣ металлическія пластинки, одна мѣдная, другая цинковая, натертая ртутью (амальгамированная), вотъ и все; это элементъ Вульстена (Wollaston) см. фиг. 1.

Элементовъ втораго рода три; первый изъ тѣхъ же металловъ, что и предъидущій: изъ мѣди сдѣлана банка, или проще (а дѣйствіе то же) стеклянную банку внутри выкладываютъ мѣднымъ листомъ, потомъ въ этотъ сосудъ ставится цилиндрическая банка изъ слабо-обожженной глины, т. е. изъ такой глины, которая пропускаетъ сквозь себя медленно воду; въ этотъ цилиндръ

фиг. 2. ставится цинковая пластинка и наливается слабая сѣрная кислота, какъ и въ предъидущемъ случаѣ; въ промежуткѣ между глиняной банкой и мѣдной наливается растворъ мѣднаго (синяго) купороса въ водѣ, и кладутся кристаллы этой соли. Это элементъ Даніеля, самый удобный для практическаго употребленія, и потому мы объ немъ будемъ говорить болѣе, чѣмъ о другихъ.

Чертежъ фиг. 2 изображаетъ Даніелевъ элементъ; къ мѣдной банкѣ придѣланъ мѣдный

же ящичекъ, сообщающійся съ внутренностію банки посредствомъ дырокъ; въ этотъ ящичекъ кладутся кристаллы мѣднаго купороса.

Второй элементъ, принадлежащій къ этому же разряду, есть элементъ Грове; металлы, употребляемые въ немъ, суть цинкъ и листовая платина, цинковая пластинка въ слабо-обожженномъ глиняномъ цилиндрѣ съ слабою сѣрною кислотою, т. е. разбавленною большимъ количествомъ воды, вставляется въ стеклянный сосудъ, выложенный внутри платиновымъ листкомъ, и содержащій въ себѣ азотную (селитряную) кислоту.

Третій элементъ этого рода—элементъ Бунзена—только тѣмъ отличается отъ Грове, что вмѣсто платиноваго листка употребляется выточенный изъ особеннаго угля цилиндръ.

Всѣ эти и подобные имъ элементы иначе называются *парами*, потому-что въ каждомъ изъ нихъ находятся непремѣнно два металла.

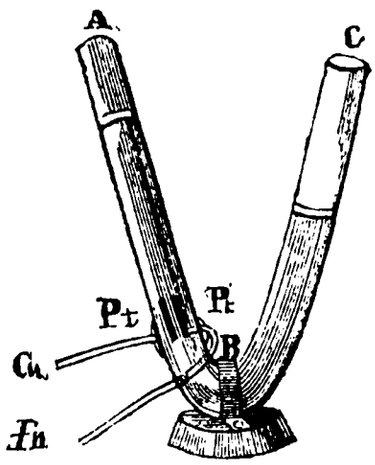
Въ каждомъ элементѣ къ цинку и платинѣ, или къ цинку и мѣди припаяны проволоки съ металлическими чашечками, куда наливается ртуть; чтобы привести элементъ въ дѣйствіе, надо вставить соединительную проволоку двумя концами въ чашечки со ртутью, какъ показано въ фигурахъ 1-й и 2-й.

Что же происходитъ въ этомъ случаѣ? Въ элементѣ Вульстена, пока не вставлена соединительная проволока, или, какъ говорится, *пока не замкнутъ элементъ*, не замѣчается ничего особеннаго ни въ жидкости, ни на металлахъ; но какъ только замкнемъ элементъ, въ тотъ же моментъ на мѣдной пластинкѣ отдѣляются пузырьки газа, именно водорода; если вынемъ соединительную проволоку, газы перестаютъ отдѣляться; замкнемъ опять, и газы опять показываются.

Если вмѣсто коротенькой соединительной проволоки возьмемъ длинную, и будемъ ею замыкать элементъ, то газъ и въ этомъ случаѣ отдѣляется. Причина этого явленія, которое, повторяемъ, происходитъ именно тогда, когда металлы соединены какою-нибудь проволокой, есть галваническая сила; одно изъ свойствъ галванической силы есть разложеніе воды на составныя части; извѣстно, что вода состоитъ изъ кислорода и водорода, въ элементѣ Вульстена кислородъ соединяется съ цинкомъ, а водородъ пузырьками отдѣляется на мѣди; цинкъ, соединясь съ кислоро-

домъ, растворяется мало-по-малу въ сѣрной кислотѣ, и тогда образуется цинковый купоросъ; вотъ эта-то трата цинку и кислоты и составляетъ постоянный расходъ въ элементѣ Вульстена.

А что разлагается вода, а не сѣрная кислота, это видно изъ того, что въ составѣ сѣрной кислоты нѣтъ водорода. Чтобы видѣть яснѣе эти химическія дѣйствія галваническої силы, воз-

фиг. 3. мемъ отдѣльный приборъ, состоящій изъ изогнутой стеклянной трубки ABC, фиг. 3, запаянной въ концѣ A и открытой въ концѣ C; внутри стеклянной трубки вдѣланы другъ противъ друга двѣ платиновыя пластинки Pt, * съ платиновыми же проволоками, выходящими наружу. Если замкнемъ этимъ приборомъ галваническій элементъ, т. е. проволоку Zn фиг. 3 опустимъ въ чашечку со ртутью у цинка, а проволоку Cu въ чашечку со ртутью у мѣди элемента Вульстена, тогда токъ будетъ проходить и чрезъ этотъ приборъ, и если въ немъ налита сѣрная кислота, разбавленная водою, такъ-чтобы колѣно AB было совершенно наполнено, то на обѣихъ пластинкахъ отдѣляются пузырьки газа, которые собираются вверху, въ части A.

Отъ иныхъ элементовъ въ-теченіе опредѣленнаго времени, напримѣръ минуты, газовъ собирается болѣе, отъ другихъ менѣе; это значитъ, что въ однихъ сила галваническая болѣе, чѣмъ въ другихъ. Этотъ приборъ, называемый *вольтаметръ*, можетъ служить для измѣренія галванической силы, именно судя по количеству газа, собирающагося въ A; эти химическія дѣйствія могутъ происходить въ вольтаметрѣ отъ всякаго рода элементовъ, но внутри элемента они не всегда бываютъ, напримѣръ въ элементѣ Даніеля внутри не отдѣляется газовъ, и найдено, что такіе элементы для практики лучше другихъ.

* Это Pt—сокращенное латинское Platina, также Zn—сокращенное Zincum, цинкъ, Cu—сокращенное cuprum, мѣдь; мы будемъ употреблять эти знаки для краткости.

Въ элементѣ Даніеля, отъ дѣйствія галванической силы, цинкъ растворяется въ сѣрной кислотѣ и кромѣ-того синій растворъ мѣднаго купороса мало-по-малу обезцвѣчивается, и на мѣдную пластинку осаждается изъ него металлическая мѣдь. Растореніе цинка и уничтоженіе мѣднаго купороса составляютъ постоянный расходъ при добываніи галванической силы изъ Даніелева элемента; кстати-тутъ сказать, что во всѣхъ элементахъ цинкъ амальгамируютъ (ртутью) для того, чтобы онъ во-время недѣйствія тока не растворялся безполезно въ сѣрной кислотѣ.

Мы недавно упомянули, что если вмѣсто короткой замыкающей проволоки употребить длинную, то отдѣленіе пузырьковъ въ элементѣ Вульстена все-таки продолжается; теперь, имѣя приборъ, на которомъ можно судить о силѣ галванической, посмотримъ, какое вліяніе имѣетъ длина проволоки и толщина ея на галваническую силу.

Дѣлая опытъ, тотчасъ замѣтимъ, что въ вольтаметрѣ собирается газовъ болѣе тогда, когда замыкающія проволоки коротки, значитъ, длинныя проволоки ослабляютъ галваническую силу, и найдено, что одна проволока, вдвое длиннѣйшая другой, при той же толщинѣ, ослабляетъ галваническую силу вдвое болѣе противъ той, или какъ выражаются: *сопротивленіе проволоки галванической силѣ пропорціонально длинѣ проволоки.*

Подобнымъ же образомъ опредѣлено, что чѣмъ тоньше проволока, тѣмъ болѣе сопротивленія она представляетъ, и по такому закону, что если одна проволока *вдвое толще* другой, то сопротивленіе ея *вчетверо менѣе*, чѣмъ другой, если толщина одной проволоки *втрое болѣе* другой, то сопротивленіе ея въ *девять разъ слабѣе*, чѣмъ другой, а выражается это слѣдующими словами: сопротивленіе проволокъ обратно пропорціонально квадратамъ ихъ діаметровъ.

Эти законы, опредѣленные Омомъ, будутъ приложены къ практикѣ во всѣхъ слѣдующихъ статьяхъ, и мы тамъ увидимъ, что, зная ихъ, можно a priori распорядиться средствами, чтобы по

лучить желаемое дѣйствіе какой-нибудь машины, т. е. увидимъ, что они избавили во многихъ случаяхъ отъ дѣйствованія наугадъ.

Соединяя вольтаметръ съ элементомъ, помощію проволокъ различныхъ металловъ, палочекъ смолъ, разныхъ деревъ, стекла, мотковъ нитей, мы замѣтимъ, что газы отдѣляются только тогда, когда соединенія будутъ металлическія; изъ этого слѣдуетъ, что всѣ металлы проводятъ галваническую силу, а стекло, дерево и смолы не проводятъ. Вода также проводитъ галваническую силу, но хуже, чѣмъ металлы, т. е. она представляетъ болѣе сопротивленія, болѣе ослабляетъ силу, чѣмъ металлы; если прибавить въ воду нѣсколько сѣрной кислоты, то вода тогда лучше проводитъ, т. е. сопротивленіе ея дѣлается менѣе, вотъ причина прибавленія сѣрной кислоты въ вольтаметры. И металлы не одинаково проводятъ токъ, одни лучше, другіе хуже.

Если замкнемъ галваническій элементъ тонкой платиновой проволокой, то она чрезъ нѣсколько секундъ послѣ замкнутія накаливается до красна и даже до бѣла, смотря по тому, какъ соразмѣрена толщина и длина проволоки съ величиною элемента. Это новое свойство галванической силы будетъ развито подробно въ статьѣ объ освѣщеніи, теперь же довольно прибавить, что проволока можетъ быть не только накалена, но даже расплавлена.

Мы уже сказали, что самый практическій элементъ, это элементъ Даніеля; для различныхъ цѣлей нужно различное число элементовъ, обыкновенно ихъ соединяютъ по 12, и такое соединеніе называется *баттареею гальваническою* или *гальваническою цѣпью*; механическое устройство этихъ баттарей различно; самое удобное расположеніе, въ которомъ 12 элементовъ стоятъ въ кругѣ и обращены своими чашечками со ртутью къ центру, придумано Э. Х. Ленцомъ, нашимъ академикомъ.

Элементы въ баттареѣ могутъ быть соединены между-собою многоразличными способами; можно соединить цинкъ первой пары съ мѣдью второй, а цинкъ второй съ мѣдью третьей,

цинкъ третьей пары съ мѣдью четвертой и т. д; или можно соединить ихъ такъ, что цинки всѣхъ паръ соединены одинъ съ другимъ, и мѣди также всѣхъ паръ соединены одна съ другой. Въ первомъ случаѣ баттарея дѣйствуетъ, какъ 12 паръ обыкновенныхъ размѣровъ, а во второмъ вся галваническая цѣпь составляетъ какъ-бы одинъ элементъ, который въ 12 разъ болѣе обыкновенныхъ; въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано, когда употребляется или то или другое соединеніе. Иногда нужны бываютъ промежуточныя соединенія, т. е. баттарею въ 12 паръ раздѣляютъ, напр. на 3 части, и въ каждой части всѣ цинки соединены другъ съ другомъ, и мѣдь также.

Теперь—нѣсколько словъ о третьемъ проявленіи гальванической силы, о дѣйствіяхъ физіологическихъ; если баттарея состоитъ изъ большаго числа паръ, соединенныхъ одна за другой (т. е. цинкъ первой съ мѣдью второй и т. д.) и отъ двухъ крайнихъ паръ возмемъ въ руки проволоки, то гальваническая сила, проходя отъ всей баттареи чрезъ тѣло, производитъ судорожный ударъ въ рукахъ въ моментъ прикосновенія и легкія судороги во все время замкнутія; чѣмъ болѣе число паръ, тѣмъ это дѣйствіе ощутительнѣе. Д.Калланъ, дѣлая опыты съ своей баттареей въ 300 паръ, попробовалъ ея силу надъ огромнымъ индѣйскимъ пѣтухомъ: бѣднякъ въ одно мгновеніе ока былъ убитъ ударомъ этой баттареи. Если безпрерывно прерывать и замыкать даже не очень большую баттарею, то въ такомъ случаѣ происходятъ безпрерывныя судорожныя сокращенія въ мускулахъ тѣла, и это ощущеніе становится невыносимо мучительнымъ.

Теперь сдѣлаемъ краткое сравненіе гальваническихъ явленій съ обыкновенными электрическими.

1. Гальваническая сила можетъ дѣйствовать, проходя только чрезъ металлы и нѣкоторыя жидкости, и чрезъ одни лучше, чрезъ другіе хуже.

Обыкновенное электричество, добываемое изъ электрической машины треніемъ стекляннаго круга о кожаныя подушки,

также не можетъ проходить чрезъ смолы, стекло, шерсть, а чрезъ металлы, воду весьма легко.

2. Галваническая сила разлагаетъ воду на составные элементы, осаждаетъ мѣдь изъ купороса и производитъ другія химическія дѣйствія, о которыхъ здѣсь не упоминаемъ.

Обыкновенное электричество, безпрерывно пропускаемое чрезъ воду, слѣдовательно токъ электричества—также производитъ ея разложеніе, хотя при нѣкоторыхъ особенныхъ условіяхъ; другія же химическія дѣйствія происходятъ легче.

3. Галваническая сила производитъ нагрѣваніе и плавленіе металлическихъ проволокъ, накаливаніе угля и тому подобныя явленія.

Электричество, или, лучше сказать, токъ электричества производитъ то же самое, онъ даже листочки золота обращаетъ въ паръ.

4. Галваническая сила, при большомъ числѣ элементовъ, производитъ сотрясенія и сокращенія мускуловъ въ тѣлѣ.

Электричество, собранное въ большомъ количествѣ на приборѣ, называемомъ лейденской банкой, проходя чрезъ тѣло, можетъ произвести сильный ударъ и отъ большаго числа лейденскихъ банокъ можетъ убить человѣка.

Изъ этихъ сравненій съ достаточною ясностію видно, что галваническая и электрическая силы одного происхожденія, и потому мы галваническую силу будемъ называть теперь *галваническимъ токомъ*. Что касается до направленія тока, то въ нашихъ четырехъ различныхъ элементахъ онъ идетъ отъ мѣди по соединительной проволокѣ къ цинку, также отъ платины къ цинку и отъ угольнаго цилиндра къ цинку же, во всѣхъ этихъ случаяхъ—къ цинку.

Мы видѣли, что галваническій токъ ослабляется сопротивлені-

емъ длинной проволоки; наконецъ, если проволока очень велика и тонка, то сопротивленіе ея лотого уменьшаетъ токъ, что на вольтаметрѣ перестаетъ отдѣляться газъ; по этой причинѣ, чтобы различные опыты надъ силой разныхъ элементовъ были сравнимы между-собою, надобно было всегда опредѣлять величину сопротивленія, представляемаго соединительными проволоками и составными частями самихъ элементовъ; если не соблюдать этой предосторожности, то два одинакіе элемента съ различными проволоками дадутъ различныя силы тока.

Изъ тѣхъ четырехъ элементовъ, которые здѣсь были описаны, самый сильный—элементъ Грове, за нимъ слѣдуетъ элементъ Бунзена и наконецъ Даніелевъ; Вульстенова пара не употребляется потому, что въ ней токъ раньше ослабѣваетъ, чѣмъ въ другихъ; по-крайней-мѣрѣ, до-сихъ-поръ такъ принимали.

Даніелевы баттареи употребляются чаще другихъ, потому-что въ Бунзеновой и Грове отдѣляются непріятные и вредные для дыханья газы, да и устройство ихъ и содержаніе гораздо дороже.

Въ-началѣ этой статьи мы упомянули о томъ, что Гальвани принадлежитъ только намекъ на существованіе галваническоій силы; въ-самомъ-дѣлѣ, онъ искалъ эту силу въ нервахъ, а Вольта показалъ, что причина ея есть разнородность металловъ, и основываясь на этомъ предположеніи, построилъ въ 1799 году знаменитый вольтовъ столбъ; потому справедливѣе было бы называть галваническую силу волтанзмомъ, но такъ-какъ попытки ввести это названіе не удались, то и мы будемъ употреблять слово галванизмъ, вспоминая при этомъ Вольту, точно-такъ, какъ, говоря объ Америкѣ, приводимъ себѣ на память Колумба, а не Америка Веспуція. Теперь перейдемъ къ особенному роду явленій, болѣе замѣчательныхъ въ практическомъ отношеніи, чѣмъ все, что до-сихъ-поръ сказано,—это именно взаимныя отношенія галванизма и магнитизма.

Эта связь двухъ силъ, повидимому совершенно различныхъ,

долго ускользала отъ поисковъ ученыхъ, и когда въ 1774 году баварская академія предложила вопросъ, «есть ли дѣйствительное физическое сходство между магнитизмомъ и электричествомъ», то Фан-Свинденъ, получившій премію за рѣшеніе этого вопроса, пришелъ въ своемъ разсужденіи къ заключенію, что эти два начала совершенно различны.

Однако замѣтили, что молнія, явленіе электрическое, имѣетъ вліяніе на магнитную стрѣлку, такъ-что во-время грозы стрѣлка, случалось, вдругъ измѣняла свои свойства, и показывала на западъ и востокъ, вмѣсто сѣвера и юга; также было много случаевъ, что желѣзные кресты колоколенъ, сброшенные на землю грозою, имѣли магнитныя свойства; физики, приписывая эти дѣйствія молніи, стали дѣлать изысканія, въ какихъ случаяхъ электричество имѣетъ такое соотношеніе съ магнитизмомъ, пропускали токи электричества чрезъ магнитныя стрѣлки, куски стали, желѣза; но всѣ эти труды были напрасны и не разъяснили никакихъ законовъ, пока не былъ открытъ галванизмъ.

Чрезъ 20 лѣтъ послѣ устройства перваго вольтова столба, т. е. въ 1819 году, Ерштедтъ, датскій физикъ, замѣтилъ дѣйствіе галваническаго тока на магнитную стрѣлку; вотъ въ чемъ состоялъ его опытъ: обыкновенная компасная магнитная стрѣлка была горизонтально надѣта на вертикально стоящее стальное остріе, и свободно принимала свое обыкновенное положеніе послѣ нѣсколькихъ качаній; надъ нею, параллельно ей, была протянута металлическая проволока, чрезъ которую былъ пропускаемъ гальваническій токъ; во-время тока галванизма въ проволокѣ стрѣлка отклонялась отъ своего прежняго положенія на значительный уголъ, и оставалась въ этомъ новомъ положеніи до-тѣхъ-поръ, пока не былъ прерванъ токъ.

Этотъ, повидимому, маловажный опытъ скоро принесъ обильные плоды; начиная съ него, открытія пошли за открытіями; особенно замѣчательны труды Фареде, Ампера и Араго.

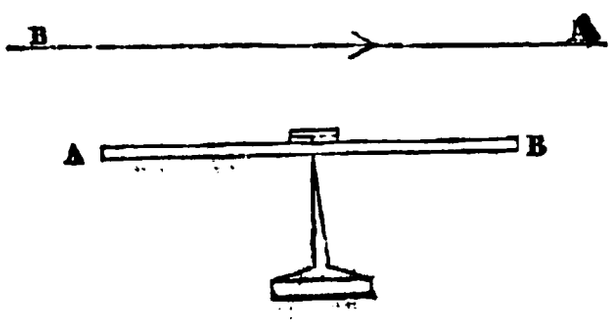
Если, оставя токъ, идти по прежнему направленію, мы въ предыдущемъ опытѣ поставимъ стрѣлку надъ проволокою, то въ

этомъ случаѣ отклоненіе стрѣлки перемѣнится въ сторону противуположную прежней; если токъ проходитъ по проволокѣ, стоящей вертикально близъ конца стрѣлки, то также происходитъ ея отклоненіе въ правую или въ лѣвую сторону, смотря по тому, находится ли проволока предъ сѣвернымъ, или предъ южнымъ полюсомъ стрѣлки.

Сторона, въ которую отклоняется стрѣлка, также тотчасъ перемѣняется отъ перемѣны направленія тока въ проволокѣ, и эти явленія казались бы довольно запутанными, еслибы Амперъ не предложилъ мнемоническаго правила узнавать, въ какую сторону должна отклониться стрѣлка, если знаемъ направленіе тока въ проволокѣ; замѣтимъ, что если говорится про отклоненіе стрѣлки, то это относится къ сѣверному концу, а южный конечно отклоняется въ противную сторону.

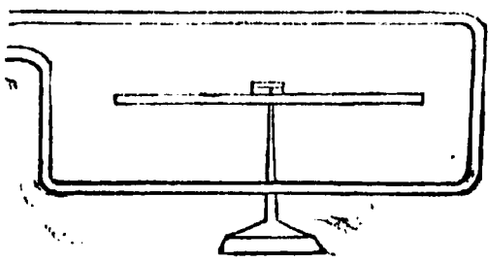
«Надо представить себѣ фигуру человѣческую, лежащую по направленію проволоки такимъ-образомъ, что токъ идетъ отъ ногъ къ головѣ; если обратить эту фигуру лицомъ къ магнитной стрѣлкѣ, находящейся подъ или надъ проволокою, то отклоненіе сѣвернаго конца магнитной стрѣлки всегда придется въ лѣвую руку фигуры».

Напримѣръ, пусть АВ горизонтальная магнитная стрѣлка на вертикальномъ стальномъ остріѣ, А ея сѣверный конецъ, В —южный; положимъ, что сверху стрѣлки по тому же направленію лежитъ проволока АВ, которой конецъ А соединенъ съ мѣдью, а конецъ В съ цинкомъ (значитъ, токъ идетъ отъ А къ В), спрашивается, въ какую сторону отклонится сѣверный конецъ стрѣлки. Представимъ себѣ фигуру, лежащую ногами въ А, а головой въ В (фиг. 4), т. е. такъ, что токъ идетъ изъ ногъ въ голову, лицо ея обращено внизъ, т. е. къ стрѣлкѣ; такъ-какъ

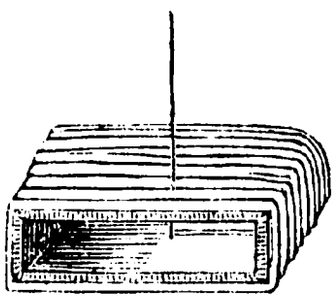
фиг. 4 голова обращена къ сѣверу, лицо внизъ, то правая рука приходится на востокѣ, а лѣвая на западѣ-слѣдовательно стрѣлка отклонится сѣвернымъ концомъ на западъ, а южнымъ на востокъ.

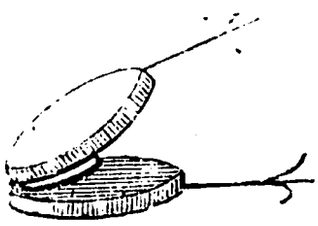
Итакъ, запомнивъ это забавное правило, очень легко узнавать, въ какую сторону отклоняется стрѣлка при всякомъ направленіи тока; разсмотрѣвъ, напр. вліяніе цѣлаго оборота фиг. 5. проволоки на стрѣлку мы увидимъ, что всѣ четыре стороны проволоки, верхняя, нижняя и боковыя отклоняютъ стрѣлку въ одну и ту же сторону. Стрѣлка, начерченная на проволокѣ, означаетъ направленіе галваническаго тока (фиг. 5).

На основаніи этого свойства Швейгеръ устроилъ *мультипликаторъ*, приборъ, въ которомъ стрѣлка отклоняется значительно даже при весьма слабомъ токѣ.

Проволока навита на деревянную рамку нѣсколько десятковъ разъ, такъ-что въ верхней части по всѣмъ рядамъ токъ идетъ напр. слѣва направо, а на нижней доскѣ справа налѣво; всѣ фиг. 6. эти обороты отклоняютъ стрѣлку въ одну сторону. Стрѣлку вѣшаютъ на шелковинкѣ. (фиг. 6). Мы приведемъ одинъ примѣръ чрезвычайной чувствительности подобнаго прибора: двѣ серебряныя монеты одного достоинства, но чеканки не одного года были сложены, какъ показано на фигурѣ; между-ними кусочекъ сукна, намоченный слабою кислотою; такимъ-образомъ фиг. 7. составился крошечный элементъ, подобный элементу Вульстена, состоящему изъ двухъ металловъ и одной жидкости (фиг. 7); еслибы обѣ монеты были изъ чистаго серебра или изъ совершенно одинаковыхъ сплавовъ, то не было бы никакого отклоненія на мультипликаторѣ, который однимъ концомъ своей проволоки соединенъ съ А, а другимъ съ В; но такъ-какъ въ составахъ этихъ монетъ была маленькая разница, то произошелъ галваническій токъ, въ

нѣсколько тысячъ разъ слабѣйшій, чѣмъ въ обыкновенномъ элементѣ Даніеля, и не оказывающій никакого дѣйствія на вольтаметръ; несмотря на эту малую силу, уголъ отклоненія былъ до 10°.

Надо замѣтить, что наибольшее отклоненіе можетъ быть около 90°, но токъ, который производитъ отклоненіе въ 80°, не въ 8 разъ сильнѣе тока, отклоняющаго на 10°, но гораздо болѣе, напр. въ 100 разъ, для каждаго мультипликатора различно.

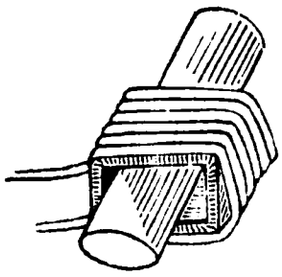
Съ этимъ приборомъ встрѣтимся еще не разъ въ слѣдующихъ статьяхъ о машинахъ, телеграфахъ и проч.

Изобрѣтеніе мультипликатора облегчило изысканія свойствъ галваническаго тока, направленія его отъ одного металла къ другому и перемѣняющейся силы токовъ; вообще этотъ приборъ помогъ узнать много весьма любопытныхъ законовъ природы. Напр., посредствомъ его можно доказать, что довольно одной разнородности двухъ тѣлъ (конечно не всякихъ), чтобы изъ нихъ можно было составить элементъ; сейчасъ мы говорили объ опытѣ съ двумя серебряными монетами, гдѣ ничтожная разнородность металловъ даетъ значительное отклоненіе стрѣлки; нѣкоторые физики составляли галваническія баттареи изъ угля, воды и азотной кислоты, другіе построили галваническіе столбы изъ кружковъ картофеля, свеклы и моркови, и получили ясные признаки галваническаго тока, хотя слабаго, но замѣчательнаго въ теоретическомъ отношеніи.

Вскорѣ послѣ открытія Ерштедта, Араго замѣтилъ, что, пропуская токъ по проволокѣ, мы можемъ намагнитить стальную иголку, если будемъ ее держать надъ или подъ проволокой, только перпендикулярно къ ней; иголка эта притягиваетъ опилки, а будучи повѣшена на тоненькую нить, поворачивается къ сѣверу, однимъ-словомъ, дѣлается правильнымъ магнитомъ.

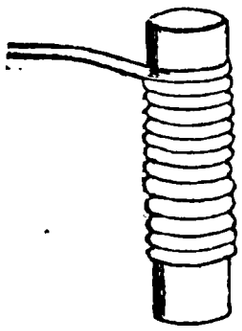
Если вмѣсто стальной иголки взять цилиндрикъ мягкаго (т. е. незакаленаго) желѣза, то онъ тоже намагничивается, но *временно*, т. е. пока онъ находится подъ токомъ или надъ нимъ; какъ-скоро мы отстранимъ цилиндрикъ или прекратимъ токъ, магнитизмъ въ желѣзѣ пропадаетъ.

Этотъ магнитизмъ значительно усиливается, если вмѣсто одной проволоки имѣемъ рамку фиг. 8, подобную мультипликатору, и

фиг. 8. туда вставимъ цилиндръ желѣза перпендикулярно къ оборотамъ; одинъ конецъ цилиндра получаетъ сѣверный магнитизмъ, т. е. цилиндръ, будучи повѣшенъ, показалъ бы этимъ концомъ сѣверъ, а на другомъ концѣ является южный магнитизмъ.

Вмѣсто четыреугольной рамки дѣлаютъ для удобства цилиндрическую, или даже просто наматываютъ проволоку на самый

фиг. 9. цилиндръ; чтобы обороты проволоки не касались цилиндра, фиг. 9, и между-собою, то для того обматываютъ ее шолкомъ и обмазываютъ смолянымъ лакомъ, веществомъ, непроводящимъ галванизма; при такой предосторожности токъ будетъ идти только вдоль по проволокамъ, не проходя по желѣзу или поперегъ проволокъ.

Такимъ способомъ намагниченное желѣзо и сталь получаютъ большую силу, желѣзо даже гораздо болѣе, чѣмъ сталь; но разница въ томъ, что желѣзо тотчасъ же теряетъ этотъ магнитизмъ по прерваніи тока, а сталь удерживаетъ навсегда. Нынѣ въ большомъ употребленіи этотъ способъ намагничиванія вмѣсто прежняго (помощію стальныхъ магнитовъ), и новое это средство имѣетъ то преимущество, что галваническій токъ можетъ сообщить очень сильный магнитизмъ въ самое короткое время.

Случалось, что искусственный магнитъ, приготовленный по прежнему способу, держитъ напр. два фунта, а перемагниченный посредствомъ галваническаго тока, сталъ поддерживать четыре фунта, т. е. вдвое болѣе. Чтобы имѣть понятіе объ огромности силы, которую можетъ получить желѣзо подъ вліяніемъ тока, разсмотримъ вкратцѣ сильнѣйшіе естественные магниты и искуственные стальные, и сравнимъ ихъ съ временными маг-

нитами, т. е. съ такими, которые, состоя изъ мягкаго желѣза, обернутаго проволочною спиралью, дѣлаются магнитами только на то время, пока чрезъ спираль проходитъ токъ.

Въ дерптскомъ университетѣ есть большой естественный магнитъ, вѣсъ его до 40 фунтовъ (русскихъ), а поднимаетъ онъ до 80 фунтовъ.

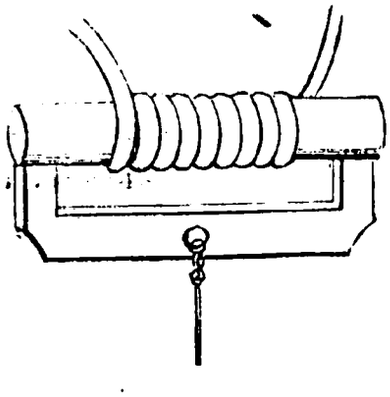
Еще больше естественный магнитъ, доставленный Парротомъ въ Тейлеровъ музеумъ; онъ вѣситъ около 300 фунт. и можетъ поддерживать слишкомъ 250 фунт.; этотъ магнитъ, какъ замѣчаетъ Парротъ, могъ бы поднять Магомета съ его гробомъ.

Въ лиссабонской академіи магнитъ, подарокъ китайскаго императора королю Іоанну V, вѣситъ до 40 фунт., а поднимаетъ до 200 ф.

Изъ искусственныхъ стальныхъ магнитовъ замѣчательны были аббата Ле-Нобля; одинъ изъ нихъ вѣсилъ фунтовъ 15, а подымалъ въ 14 разъ болѣе своего вѣсу; другой вѣсилъ еще менѣе, а могъ поднять человѣка съ прибавочными тяжестями, и этотъ человѣкъ могъ размахивать руками и топать ногами, не отпадая отъ магнита.

Д-ръ Пиль въ Америкѣ обладаетъ магнитомъ, который подымаетъ до 300 фунтовъ.

Но всѣ эти примѣры ничтожны въ-сравненіи съ тою силою, которую получаютъ куски мягкаго желѣза подъ вліяніемъ тока; притяженіе измѣряется вѣсомъ тяжестей, прицѣпляемыхъ къ

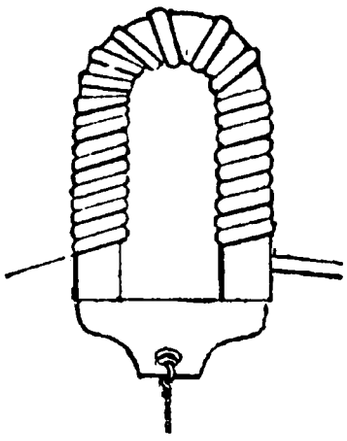

Фиг. 10.

куску мягкаго желѣза, которое притягивается къ намагничиваемому цилиндру въ то время, какъ по спирали проходитъ токъ (фиг. 10).

Найдено опытомъ, что притяженіе еще болѣе, если цилиндръ согнуть въ видѣ подковы и обмотать его проволокой.

Утрехтскій профессоръ Молль сдѣлалъ временный магнитъ (такъ-называемый электромагнитъ), фиг. 11. обмотавъ согнутый цилиндръ въ 12 дм. длины 40 оборотами проволоки; отъ большой баттареи желѣзо подняло (фиг. 11) 150 фн.

Генри и Тен-Ейкъ въ Америкѣ взяли подковный (въ видѣ ∩) кусокъ желѣза, согнутый изъ четыреугольной полосы 30 дм. длины и 3 дюйма толщины; проволока длиною въ 700 слишкомъ футъ была обмотана около полосы въ нѣсколько сотъ оборотовъ. Токъ, пропущенный чрезъ эту спираль, сообщалъ такую силу подковѣ, что она притягивала къ себѣ кусокъ желѣза (такъ-называемый якорь), къ которому была привѣшена тяжесть болѣе, чѣмъ въ 2,000 русс. фунтовъ, т. е. этотъ магнитъ могъ поднять доску съ 12 человѣками!

Пулье въ 1831 году приготовилъ электромагнитъ, на который употребилъ болѣе 3,000 футъ проволоки, и онъ могъ поддерживать до 2,500 русс. фунтовъ, т. е. болѣе 60 пудовъ, отъ баттареи въ 24 элемента. Наконецъ въ Англіи сдѣланъ электромагнитъ, подымающій до 120 пудовъ!

Эта сила безпредѣльна, и можно устроить электромагнитъ, который будетъ поддерживать какую-угодно огромную тяжесть; все зависитъ отъ величины желѣза, отъ большаго числа оборотовъ проволоки и отъ соразмѣрности величины баттареи съ сопротивленіемъ проволоки.

Очень естественно, что старались эту огромную силу вмѣсто пара заставить двигать машины и предложены были разные способы движенія; въ какой степени удачны эти машины и что остается въ нихъ сдѣлать, это мы увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ статей.

Намъ остается еще одно особенное свойство гальваническаго

тока, непохожее ни на что до-сихъ-поръ сказанное; это свойство до такой степени оригинально, если можно такъ выразиться, и играетъ такую важную роль въ приложеніяхъ, что мы приведемъ нѣсколько фактовъ, относящихся сюда; лѣло идетъ о такъ-называемой *индукціи* токовъ, открытой англійскимъ физикомъ Фареде.

Одинъ фактъ состоитъ въ томъ, что когда мы *замыкаемъ* какую-нибудь баттарею или цѣпь, то въ самый моментъ замыканія въ проволокѣ образуется токъ, *противуположный* току, проходящему отъ баттареи, и слѣдовательно ослабляющій его.

Если же *прерываемъ* токъ въ цѣпи, то въ моментъ прерыванія образуется въ проволокѣ посторонній токъ, *идущій по одному направленію* съ главнымъ, усиливающій его, и продолжающійся только одно мгновеніе; когда главный токъ прерванъ, т. е. вынута соединительная проволока, тогда конечно ни главный, ни посторонній токъ не существуютъ.

Съ перваго взгляда кажется невозможнымъ доказать существованіе этихъ посторонних токовъ, названныхъ *индуктированными* (индукція—наведеніе), потому-что они образуются и пропадаютъ въ самую малую долю секунды, но, благодаря остроумію Фареде, наука имѣетъ это доказательство, и здѣсь можно принять фактъ безъ всякаго возраженія.

До-сихъ-поръ еще не было случая сказать, что въ то время, когда мы замыкаемъ или прерываемъ токъ, на томъ концѣ проволоки, который вынимаемъ изъ чашечки со ртутью, является искра, тотчасъ же пропадающая; яркость этой искры зависитъ отъ величины баттареи, и она при замыканіи всегда слабѣе, чѣмъ при прерваніи. Если соединительная проволока будетъ очень длинна, то искра при прерваніи будетъ весьма яркая—обстоятельство, повидимому, очень странное, когда мы знаемъ, что чѣмъ длиннѣе соединительная проволока, тѣмъ слабѣе галваническій токъ; но открытіе Фаредея, что въ моментъ исчезанія тока въ проволокѣ является тамъ же и по тому же направленію индуктированный токъ, усиливающій главный, объясняетъ намъ эту странность.

Если мы длинную проволоку навьемъ на цилиндръ изъ папки или изъ дерева, и будемъ употреблять эту спираль, какъ проводникъ, то при прерваніи тока искра бываетъ гораздо ярче, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда эта самая проволока будетъ растянута; наконецъ, если этотъ самый цилиндръ съ намотанной на него проволокой будетъ пустой, и мы въ него всунемъ кусокъ мягкаго (незакаленнаго) желѣза или пучокъ желѣзныхъ проволокъ, то искра, являющаяся въ моментъ прерыванія тока будетъ ослѣпительна.

Нобили устроилъ однажды гальваническій элементъ, въ которомъ поверхность металловъ была не болѣе какъ по два квадратныхъ люйма, а въ обыкновенныхъ элементахъ поверхность двухъ металловъ вмѣстѣ бываетъ квадратныхъ люймовъ въ 60; значитъ, его элементъ сравнительно былъ микроскопическихъ размѣровъ. Замыкая его короткой проволокой, Нобили не получалъ никакого признака искры; ея не было видно даже и тогда, когда проволока имѣла въ длину нѣсколько десятковъ футъ; но когда онъ взялъ очень длинную проволоку, свитую въ спираль, то полученныя искры были довольно ярки при такомъ ничтожномъ элементѣ.

Это свойство индуктированныхъ токовъ усиливать искру пробовали примѣнить къ освѣщенію, и надѣялись получить яркій свѣтъ даже при весьма малыхъ элементахъ; въ одной изъ слѣдующихъ статей увидимъ, имѣло ли успѣхъ выполненіе этой мысли.

Мы сказали о первомъ фактѣ индукціи, т. е. о появленіи постороннихъ токовъ во-время замыканія и прерыванія гальваническаго тока; но то же самое происходитъ и въ другой какой-нибудь проволокѣ, которая, положимъ, параллельна замыкающей, и не имѣетъ съ ней нигдѣ ни малѣйшаго прикосновенія; явленіе происходитъ только тогда, когда эта другая проволока замкнута, т. е. согнута такимъ-образомъ, что два ея конца касаются другъ-друга; въ тотъ самый моментъ, какъ мы замыкаемъ цѣпь, въ сосѣдней проволокѣ, про которую мы сейчасъ говорили, образуется индуктированный токъ противу-

положнаго направленія главному, а въ моментъ прерванія является токъ одного направленія съ главнымъ. Присутствіе этихъ индуктированныхъ токовъ обнаруживается или дѣйствіемъ на магнитную стрѣлку, или искрой, являющейся въ точкѣ взаимнаго прикосновенія двухъ концовъ проволоки, или какимъ-нибудь другимъ образомъ.

Мы видѣли, что присутствіе желѣза усиливаетъ индуктированный токъ; на основаніи этого есть способъ возбуждать индуктированный токъ помощію магнитовъ, безъ участія гальваническаго тока; это дѣлается слѣдующимъ-образомъ: въ пустой цилиндръ, обмотанный проволокой, быстро вдвигаютъ сильный магнитъ, отъ вліянія магнита образуется въ спирали индуктированный токъ, существующій мгновеніе; если выпемъ магнитъ быстро изъ спирали, то въ ней опять образуется токъ, но уже направленія противнаго прежнему.

Здѣсь мы можемъ кончить разсматриваніе свойствъ токовъ и соотношеній ихъ съ магнитами, потому-что этихъ данныхъ совершенно достаточно для всѣхъ приложеній, о которыхъ будемъ говорить. Въ-случаѣ надобности мы будемъ ссылаться на эту первую статью, которая написана для того, чтобы читатели, новые въ этомъ дѣлѣ, не нашлись бы въ необходимости искать объясненій въ разныхъ курсахъ физики.

Въ нашихъ статьяхъ будутъ изложены слѣдующіе предметы: электромагнитныя машины и приложенія ихъ къ движенію по желѣзнымъ дорогамъ, т. е. попытки замѣнить ими паровозы; также различныя нынѣ употребляемыя системы электрическихъ телеграфовъ; электрическіе часы, служащіе для уравниванія хода часовъ на различныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, что необходимо для правильнаго отправленія поѣздовъ; далѣе приложенія гальваническаго тока къ освѣщенію, къ взрыву минъ, примѣненіе гальванизма къ леченію нѣкоторыхъ болѣзней, и еще нѣсколько не столь важныхъ примѣненій. Значитъ, въ нихъ будетъ все, кромѣ гальванопластики, о которой, повторяемъ, было довольно писано и на русскомъ языкѣ, развѣ исключая нѣкоторыхъ новостей.

Въ ученыхъ журналахъ безпрерывно случается видѣть различныя усовершенствованія во всѣхъ этихъ вещахъ, и эта дѣятельность въ-теченіе небольшаго числа лѣтъ оказала чувстви-

тельное вліяніе, какъ на совершенствованіе науки, такъ и на практику.

Первое мѣсто здѣсь принадлежитъ Англіи и Америкѣ, потомъ слѣдуетъ Германія; Франція менѣе другихъ сдѣлала по этому предмету; кое-что сдѣлано и у насъ въ Россіи, о чемъ мы сочтемъ обязанностію упомянуть въ своемъ мѣстѣ.

Существенную часть всякаго гальваническаго приложенія составляетъ источникъ самой силы, т. е. гальваническія баттареи; отъ нихъ требуется сильное и постоянное дѣйствіе при не очень большихъ издержкахъ и удобствахъ употребленія; но этимъ условіямъ не удовлетворяетъ ни одинъ изъ придуманныхъ до-сихъ-поръ элементовъ. Баттареи Грове и Бунзена очень сильны, но далеко непостоянны; если прибавить къ тому, что отъ нихъ отдѣляется газъ съ сильнымъ непріятнымъ и вреднымъ запахомъ, то этого достаточно, чтобы видѣть причину, по которой онѣ не во всеобщемъ употребленіи. Элементы Даніеля прекрасны, напримѣръ, въ теченіе сутокъ, при введенномъ сопротивленіи, но они слабѣе предъидущихъ, и представляютъ то неудобство, что купоросъ, кристаллизуясь въ порахъ глиняной банки, въ нѣсколько разъ дѣлаетъ ихъ негодными къ употребленію.

Есть постоянныя цѣпи Ейзенлора, которыя тѣмъ различаются отъ Даніелевыхъ, что, вмѣсто сѣрной кислоты, въ нихъ наливается растворъ виннаго камня въ водѣ; постоянство въ нихъ простирается до того, что въ-теченіе 14-ти сутокъ не замѣчается почти никакой перемѣны, но сила ихъ мала, и слѣдовательно, онѣ не представляютъ существенной выгоды.

Многое сдѣлано въ практическомъ отношеніи, многое остается сдѣлать, но все-таки и такъ, какъ есть, приложенія гальванизма заслуживаютъ вниманія просвѣщеннаго читателя, и только вслѣдствіе этого убѣжденія написаны слѣдующія статьи.

Ф. ПЕТРУШЕВСКІЙ.

ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ СИСТЕМЫ

ДОГОВОРОВЪ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЪ

ПО НАЧАЛАМЪ

РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ЛАКІЕРА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ГЛАВА II.

О выраженіи лицами своей воли въ договорахъ и обязательствахъ.

Объясняя сущность гражданскихъ сдѣлокъ (стр. 10), мы упомянули, что заключеніе ихъ должно основываться или *на ясно выраженномъ обоюдномъ*, или *подразумѣваемомъ согласіи*. Въ обязательствахъ двѣ стороны, сознавая необходимость и потребность подчинить свою волю или взаимно одну другой, или же односторонне, и притомъ на извѣстный срокъ, для

опредѣленной цѣли и на высказанныхъ въ самой сдѣлкѣ условіяхъ, вступаютъ между-собою въ переговоры, взаимно выражаютъ свои требованія и предложенія, взвѣшиваютъ выгоды и невыгоды тѣхъ и другихъ, каждая для себя въ отдѣльности, сообразно съ ея бытомъ, занятіями и т. п. Послѣ этихъ взаимныхъ колебаній, во-время которыхъ, при постепенномъ уравненіи права каждаго изъ договаривающихся лицъ, доходятъ наконецъ до возможнаго равенства, опредѣляется уже само-собою то, на чемъ они остановятся (in idem placitum consensus), и получаетъ для нихъ въ извѣстномъ и въ этомъ именно опредѣленномъ случаѣ силу частнаго закона, которому они въ дѣлѣ своемъ должны подчиниться [1]. Внѣшніе знаки выраженія этого обоюднаго согласія, показывающіе въ наглядныхъ формахъ, на чемъ остановились обѣ стороны, освящаютъ собою крѣпость условія и ненарушимость его какъ для самихъ тѣхъ, которые заключили его, такъ и для постороннихъ, и притомъ для послѣднихъ на столько, на сколько это до нихъ касаться можетъ. Результатомъ этихъ взаимныхъ переговоровъ, результатомъ, на которомъ успокоиваются, такъ-сказать, воля и желанія обѣихъ сторонъ, является одинъ изъ главныхъ видовъ обязательствъ — *договоръ* или *контрактъ* (contractus), *рядъ* на нашемъ древнемъ юридическомъ языкѣ, хотя слово рядъ служило для обозначенія всѣхъ вообще сдѣлокъ и распоряженій, имѣвшихъ цѣлью приведеніе въ порядокъ домашнихъ дѣлъ по имуществу частнаго лица или даже Государя (*рядъ вольный*) [2].

[1] Этимъ объясняются греческое названіе договора συναλλαγμα, и древнія римскія наименованія: pactum, contractus, conventio и выраженія: obligatio contrahitur, distrahitur, solvitur.

[2] По этому обширному значенію слова *рядъ* древне-русскій дѣловой языкъ употреблялъ разныя выраженія для точнѣйшаго обозначенія, участвовали ли двѣ стороны въ какомъ-нибудь распоряженіи, къ общей ихъ выгодѣ клонящемся, или же, наоборотъ, это дѣлалось въ-слѣдствіе воли одного. Въ первомъ случаѣ говорили *урядить рядъ* или *урядиться рядомъ* (А. Юрид. Спб. 1838 г. стр. 269 сл.), а во-второмъ *дать рядъ*, какъ писалось часто въ духовныхъ завѣщаніяхъ Великихъ и Удѣльныхъ Князей (Собр. Гос. Гр. и дог. I, стр. 31, 33, 37, 39, 41, 58, 72, 251: «даю указъ» вм. «даю рядъ» 389). Неприкосновенность договоровъ въ Новгородской области была

Однако, кромѣ выраженнаго ясно и утвержденнаго законною формою взаимнаго согласія контрагентовъ, кромѣ договора, изъ котораго рождаются для обѣихъ сторонъ опредѣленныя права и обязанности, бываютъ случаи, въ которыхъ происхожденіе этихъ правъ и обязанностей основывается не на обоюдномъ ясно и положительно выраженномъ согласіи двухъ сторонъ, а на согласіи, подразумѣваемомъ и предполагаемомъ только по другимъ дѣйствіямъ, съ которыми по закону связаны извѣстныя обязанности. Для объясненія приводимъ нѣсколько примѣровъ: принявшій дошедшее до него наслѣдство, еслибы онъ даже и не зналъ, что имѣніе то обременено долгами, обязанъ платить долги [1], или нашедшій вещь, поймавшій чужую лошадь, кормившій и поившій ее, и такимъ-образомъ сберегшій чужое имущество для выгодъ другаго отъ утраты и потери, имѣетъ и безъ взаимнаго предварительнаго условія (которое въ этомъ случаѣ и не могло имѣть мѣсто) право требовать вознагражденія по закону за свой трудъ и за сдѣланныя издержки отъ того, въ чью пользу клонились дѣйствія этого лица [2]. Далѣе, нанесшій кому-нибудь личную обиду съ сознаніемъ, что оскорбляемое лицо принадлежитъ къ извѣстному сословію и полу, имѣетъ опредѣленное положеніе въ государствѣ, и что за оскорбленіе, такому лицу нанесенное, законъ опредѣляетъ то или другое денежное вознагражденіе, уплачиваетъ безчестье, въ случаѣ предъявленія о томъ иска гражданскаго (а не веденія дѣла объ обидѣ уголовнымъ порядкомъ [3]). Точно также владѣю-

обезпечиваема грамотами ея съ Москвою. «А ряду (вольнаго) тобѣ Княже и твоимъ судьямъ не посужати». Соб. Гос. Гр., I, 7. 9. 20.—Поэтому рядная запись и память въ обширномъ смыслѣ означала письменный актъ о заключеніи договора, въ тѣсномъ же смыслѣ сдѣлку о личномъ наймѣ (Св. Закон. Гр. Т. X. (изд. 1842 г.) ст. 1913) или роспись приданаго. А. Юрид. стр. 311, 328, 331, 418 сл. Соб. Гос. Гр. и дог. I, стр. 28 Акты Арх. Эксп. I, № 91, IV, № 155, стр. 206 А. Истор. I, № 154, стр. 259, № 221, стр. 418, II, № 204. 230. 247. 256 и др. Въ псковской судной грамотѣ упоминается въ этомъ смыслѣ слово *рядница*. Псковская Судн. Грам., составл. на вѣчѣ въ 1467 г. Одесса. 1847, стр. 6. 7.

[1] Св. Зак. Гр. Т. X (изд. 1842 г.) ст. 1040.

[2] Тамъ же, ст. 457.

[3] Тамъ же ст. 546—555.

*

щій чужимъ имѣніемъ безъ законнаго основанія, извлекающій изъ него выгоды, отчуждающій части его, уменьшающій тѣмъ его цѣнность, съ сознаніемъ, что оно не его, соглашается какъ-бы напередъ на всѣ вредныя, могущія для него произойти изъ такого незаконнаго дѣйствія послѣдствія, и вознаграждаетъ убытки и ущербы [1], для вотчинника отъ-того происшедшіе.

Эти-то обязанности, безъ обоюднаго, ясно-выраженнаго согласія изъ совершенно постороннихъ основаній проистекающія, мы, въ отличіе отъ договора, называемъ *обязательствами* въ тѣсномъ значеніи [2] (obligationes ex contractu et quasi contractu, obligationes ex delicto et quasi delicto) [3]. Какъ договоры заключаются по взаимному согласію договаривающихся лицъ [4], согласію, которое относится къ извѣстному, именно опредѣленному предмету, такъ обязательства возникаютъ изъ постороннихъ юридическихъ и нравственныхъ отношеній, у которыхъ въ основѣ могло и не быть никакого взаимнаго соглашенія.

Такъ-какъ обязательства въ тѣсномъ значеніи слова истекаютъ изъ самыхъ разнообразныхъ гражданскихъ отношеній, и опредѣлить, когда какія послѣдствія имѣетъ то или другое гражданское дѣйствіе конечно невозможно въ видѣ общихъ нормъ, въ каждомъ же частномъ случаѣ обстоятельство это видоизмѣняется до чрезвычайности, то намъ остается разсмотрѣть вопросъ, какъ воля наша выражается въ договорахъ.

Для того, чтобы договоръ имѣлъ силу и чтобы ему довѣряли, необходимо, чтобы онъ былъ ненарушимъ, т. е. чтобы каждая сторона исполняла свои обязанности и уважала чужія права въ той именно мѣрѣ, въ какой условлено сдѣлкою. Поэтому выраженіе воли договаривающихся должно быть самымъ надежнымъ по возможности образомъ укрѣплено въ памяти и сознаніи тѣхъ, до кого договоръ собственно и непосредственно

[1] Св. Зак. Граж. Т. X, ст. 506, 521—545.

[2] Два эти слова различаются и какъ бы противополагаются въ Св. Зак. Гр. Тома X ст. 482, 483, 485, 486.

[3] Unterholzner в. о. м. I § 17 flg.

[4] Св. Зак. Гр. Т. X ст. 1280.

касается, равно какъ и по отношенію къ государству и органамъ его, должностнымъ лицамъ и присутственнымъ мѣстамъ. Въ-случаѣ спора, сіи послѣднія должны будутъ опредѣлить объемъ правъ и обязанностей, каждой сторонѣ принадлежащихъ, по возможности руководствуясь единственно взаимнымъ соглашеніемъ лицъ и прибѣгая только въ крайнихъ случаяхъ, когда такое выраженіе воли въ договорѣ неясно, неполно или неточно, къ судебному разбирательству при помощи другихъ побочныхъ обстоятельствъ. Поэтому, какъ для выгодъ частныхъ лицъ, такъ и въ видахъ чисто государственныхъ—достиженія справедливости,—необходимо, чтобы форма, въ которой выражается договоръ, была наглядна, распознаваема и тверда, а съ другой стороны, чтобы и самое выраженіе ея, въ эту форму облеченное, было опредѣлительно, не вело къ затрудненіямъ и недоразумѣніямъ насчетъ того, чего именно желали обѣ стороны при заключеніи сдѣлки, и какъ понимать ихъ взаимныя желанія. Конечно самая недостаточность слова нашего и всякой другой формы выраженія воли служитъ причиною и объясненіемъ того, почему, несмотря на всѣ заботы государства устранить всякія при этомъ недоумѣнія, почему далѣе, вопреки собственнымъ выгодамъ гражданъ избѣжать всякихъ споровъ и процессовъ, въ-слѣдствіе неясности условій, достичь этого въ полной мѣрѣ нетолько трудно, но и невозможно. При всемъ томъ однако сознаніе этой необходимости ясно для каждаго лица въ отдѣльности и для всего общества въ совокупности, на какой бы степени развитія оно ни находилось: стремленіе къ тому обнаруживается всегда и вездѣ, хотя не при всякихъ условіяхъ результатъ съ одинаковымъ успѣхомъ соотвѣтствуетъ такой потребности. Та или другая форма, въ которой выражается она, условливается съ одной стороны степенью гражданскаго и нравственнаго развитія того народа, въ которомъ договоръ имѣетъ мѣсто, и тѣмъ, въ какой мѣрѣ образованность и просвѣщеніе разлиты по всему обществу и различнымъ слоямъ его, а съ другой стороны зависитъ отъ самаго свойства договоровъ, отъ значительности ихъ содержанія, и слѣдовательно, отъ-того, такъ ли они важны въ глазахъ гражданъ, что исполненіе ихъ должно быть обезпечено какою-нибудь твердою, общераспознаваемою формою, или же, напротивъ, имъ кажутся

достаточными одно словесное обѣщаніе и взаимное довѣріе вступающихъ между-собою въ договоръ лицъ.

Вообще то, что̀ сперва условливалось необходимостью и было освящено постояннымъ употребленіемъ и обычаемъ, то съ теченіемъ времени утверждается положительнымъ закономъ. Не оставляя безъ вниманія и ежедневныхъ сдѣлокъ о движимомъ имѣніи, законодательство болѣе всего печется о твердости такихъ договоровъ, по силѣ которыхъ недвижимое имѣніе переходитъ отъ одного лица къ другому. Изъ такого перехода имѣній возникаютъ различныя права и обязанности новыхъ владѣльцевъ земель, домовъ и т. д., какъ по отношенію къ государству (по разнымъ податямъ и повинностямъ), такъ и по отношенію къ частнымъ лицамъ. Поэтому совершеніе такихъ сдѣлокъ въ твердой формѣ государство не только разрѣшаетъ, предоставляя притомъ частнымъ лицамъ на ихъ собственный произволъ воспользоваться выгодами предлагаемаго имъ покровительства или отказаться отъ нихъ, а напротивъ требуетъ отъ договаривающихся, чтобы они каждую подобную сдѣлку облекали въ такую именно, а не другую форму, свидѣтельствовали о содержаніи своей воли при такихъ именно, а не другихъ лицахъ, и при существованіи опредѣленныхъ вообще условій. Всѣ эти требованія законъ объясняетъ со всевозможною подробностію, подчиняетъ завѣдываніе подобными дѣлами извѣстнымъ, заслуживающимъ довѣрія лицамъ, установляетъ для всѣхъ актовъ вообще и для каждой сдѣлки въ-особенности внѣшнюю форму, въ которой должно выразиться внутреннее сознаніе вступающихъ въ договоръ лицъ, получаетъ за то опредѣленный доходъ, и преслѣдуетъ каждаго, кто, вопреки требованіямъ закона, съ цѣлью нарушить частное благосостояніе или общее спокойствіе, не исполняетъ велѣній его.

Таковы общія начала развитія той внѣшней формы, въ которой выражается воля гражданъ при вступленіи ихъ въ договоры; что́ же представляетъ въ этомъ отношеніи наше отечество?—Съ одной стороны обычный, въ народѣ живущій образъ заключенія договоровъ, а съ другой строгую узаконенную, крѣпостную для нихъ форму видимъ и въ исторіи русскаго права. Были и у насъ съ древнѣйшихъ, разумѣется, временъ мѣны, купли, продажи, займы, наймы и другія разнаго рода сдѣлки,

условія, договоры, и проч. Каждый обнаруживалъ свое сознаніе въ болѣе или менѣе доступной формѣ, въ видѣ символическихъ, образныхъ знаковъ, внутреннее содержаніе которыхъ скрывалось подъ внѣшнею общераспознаваемою оболочкою. Затѣмъ слѣдовали извѣстныя обычныя слова, въ которыхъ именно и заключалась вся сила. Наконецъ, когда съ бо̀льшимъ распространеніемъ просвѣщенія въ народѣ, грамотность перестала быть исключительнымъ достояніемъ нѣкоторыхъ немногихъ, когда, въ-слѣдствіе того, уменьшилось и потомъ истребилось въ народѣ то недовѣріе, которое безграмотный питалъ къ знакамъ, для него непонятнымъ, когда, такимъ-образомъ, каждый, даже и безграмотный, могъ, если не самъ, то чрезъ посредство другихъ повѣрить, что̀ значитъ *грамотка*, тогда, вмѣсто прежнихъ, условныхъ, обычныхъ знаковъ, невсегда твердыхъ по своей внѣшней формѣ и еще чаще допускающихъ произвольное толкованіе, явилось письмо. Въ эту-то письменную форму начала облекаться сперва общественная, а потомъ и частная гражданская воля, и законъ постепенно опредѣлялъ все съ бо̀льшею и бо̀льшею точностью и подробностью, какъ общія правила, до всѣхъ родовъ договоровъ относящіяся, такъ̀ и особенныя, для каждаго вида ихъ необходимыя, и требовалъ, чтобы онѣ были соблюдаемы во всей полнотѣ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, признанія ничтожною и недѣйствительною самой сдѣлки.

Разграничить, когда именно для отечества нашего насталъ тотъ или другой моментъ развитія крѣпостной системы, обозначить опредѣленными цифрами начало и конецъ каждаго изъ этихъ періодовъ невозможно: живая мысль о необходимости утвердить выраженіе въ договорахъ воли нашей, мысль вѣрная въ своемъ основаніи, необходимая въ своемъ приложеніи, и освященная обычаемъ и закономъ, росла, разросталась и остановилась in statu quo нынѣ дѣйствующаго положительнаго законодательства.

Многое въ жизни народа кажется такъ обыкновеннымъ и повидимому незаслуживающимъ никакого вниманія, что оно не отмѣчается ни въ лѣтописи, ни въ другихъ какихъ-нибудь письменныхъ памятникахъ, а между-тѣмъ, какъ преданіе старины глубокой, какъ завѣтъ предковъ потомкамъ, оно переходитъ

изъ вѣка въ вѣкъ и сохраняетъ свое значеніе до позднѣйшаго времени. Поэтому исторія не сохранила намъ положительныхъ извѣстій о томъ, какіе внѣшніе символическіе знаки замѣняли для нашихъ предковъ крѣпостные акты разнаго рода, но судя по тому, что видимъ теперь въ жизни простаго народа (бытъ котораго подвергся наименьшимъ измѣненіямъ), и притомъ не въ одной какой-нибудь области Россіи, а повсемѣстно, можно дополнить этотъ недостатокъ въ древнихъ памятникахъ чрезъ сравненіе съ нынѣ существующимъ.

Въ-слѣдствіе малограмотности и нераздѣльнаго съ нею недовѣрія къ письменамъ, низшій классъ народонаселенія въ отечествѣ нашемъ теперь и (предположить должно) въ древности также укрѣплялъ свою волю вовнѣ знаками, если и невсегда такъ гибкими и могущими съ такою же полнотою, какъ слово и письмо, выражать то, чего желаетъ человѣкъ, тѣмъ не менѣе знаками твердыми по своему символическому значенію и общепонятными по внѣшней, наглядной формѣ. Мы говоримъ о *биркахъ*. Древность ихъ не подлежитъ сомнѣнію, доказательствомъ чему служитъ общее къ нимъ довѣріе цѣлыхъ классовъ народонаселенія, которые не иначе, какъ такими знаками, укрѣпляютъ ежедневные свои договоры о куплѣ, займѣ, наймѣ рабочихъ и т. п. Порядокъ заключенія этихъ актовъ простъ и надеженъ: палочка небольшаго объема и длины неопредѣленной съ одной стороны обтесывается, и по этой-то гладкой поверхности дѣлаются поперечныя зарубки, изъ которыхъ по общеизвѣстному и общепринятому обычаю кресты означаютъ сотни, косыя черты—десятки, а прямыя—единицы рублей или вещей. По нарѣзкѣ этихъ знаковъ бирка раскалывается на двѣ равныя части, изъ которыхъ одну *беретъ* (отсюда и самое названіе *бирка*) должникъ, а другую—заимодавецъ. Каждый разъ при новомъ пріемѣ денегъ, полученіи вещей и т. п. бирки складываются и отмѣтки на нихъ производятся тѣмъ же порядкомъ. Съ прекращеніемъ силы обязательства уплатою бирка теряетъ значеніе; уничтоженіе же съ общаго обѣихъ договаривающихся сторонъ согласія одной или нѣсколькихъ зарубокъ на биркахъ свидѣтельствуетъ или объ уплатѣ части долга, или о перемѣнѣ условій договора. Прибавка и убавка зарубокъ должна быть одинакова на обѣихъ половинкахъ бирки, а недостатокъ ихъ на по-

ловинкѣ, у одного изъ договаривающихся находящейся, тогда-какъ на другой онѣ неуничтожены, требуетъ объясненія дѣла [1].

Далѣе, по пословицѣ—*идь рука, тамъ и голова.* Начало это, прошедшее разныя ступени своего развитія и сохранившее значеніе до настоящаго времени, въ различныя эпохи проявлялось неодинаково. Первою формою выраженія такого убѣжденія было *рукобитье*, второю *приложеніе руки* въ буквальномъ значеніи слова, и наконецъ третьею *рукоприкладство*, или подпись на актахъ, въ настоящемъ ея употребленіи.

Ударить по рукамъ есть и въ настоящее время общеупотребительный терминъ, которымъ лица, въ различныхъ обстоятельствахъ жизни, выражаютъ, что они другъ-друга поняли и что согласны подчиниться однимъ извѣстнымъ и опредѣленнымъ условіямъ [2]. И теперь рукобитье нерѣдко замѣняетъ цѣлые договоры, неприкосновенность которыхъ охраняетъ третье лицо, разнимающее руки договаривающихся. Въ-случаѣ нарушенія затѣмъ одною изъ сторонъ силы и святости договора, лицо, разнимавшее руки, употребляется въ качествѣ свидѣтеля, для доказательства того, на чемъ остановилась воля обѣихъ сторонъ. Рукобитье, какъ главный обрядъ, сопровождается иногда нѣкоторыми еще второстепенными, болѣе или менѣе употребительными знаками выраженія согласія договаривающихся, напримѣръ, продавцы лошадей взаимно трутъ полы своихъ кафтановъ (продажа изъ *полы въ полу*), и т. п.

Но рукобитье при свидѣтеляхъ, несмотря на всю свою наглядность, не имѣетъ однако достаточной твердости, чтобы сдѣлать договоръ неприкосновеннымъ, и мало облегчаетъ судьямъ, въ-случаѣ, еслибы изъ него возникла тяжба, разрѣшеніе спора, а потому оно оставалось и остается до настоящаго времени въ своей силѣ, если не исключительно, то главнымъ по

[1] *Снегирева*: Русскіе въ своихъ пословицахъ. Кн. 3, стр. 227, 228. *Успенскаго*: Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Харьковъ. 1818, стр. 333, 334.

[2] Замѣчательно, что въ X еще вѣкѣ лѣтопись упоминаетъ о подачѣ руки въ знакъ дружбы, мира и согласія. «Рече же Князь Печенѣжьскій къ Пръстичю: «буди ми другъ» онъ же рече: «тако створю» и подаста руку межю собою.» Лѣт. по Лавр. списку, стр. 28; ср. А. Арх. Эксп. I, № 106.

крайней-мѣрѣ образомъ, для договоровъ и условій ничтожныхъ по своему содержанію, равно-какъ требующихъ скораго заключенія, и наконецъ, для тѣхъ случаевъ, когда трудно предположить нарушеніе святости условія, напримѣръ, между близкими знакомыми, родными и т. п. лицами; въ другихъ же случаяхъ, когда договоры цѣннѣе и важнѣе, законъ и самая выгода гражданъ требовали совершенія письменныхъ условій. Правило, *что́ написано перомъ, того не вырубишь топоромъ*, стало получать силу и значеніе. Для бо́льшаго утвержденія актовъ, они писались уполномоченными къ тому должностными лицами и облекались въ ту или другую узаконенную форму; но тогда только условіе получало обязательный характеръ, когда дающій актъ, а въ-случаѣ нужды, и принимающій его, равно-какъ и свидѣтели выражали свое согласіе подачею духовнымъ какъ-бы образомъ на бумагѣ своей руки, что́ и выражалось каждый разъ тѣмъ, что рука́ прикладывалась къ акту и напечатлѣвалась на немъ: пока существовалъ актъ, и рука, охраняющая его ненарушимость, пребывала на немъ постоянно. Это послѣдствіе того же начала: гдѣ рука, тамъ и голова. По этому прикладываемая къ актамъ рука или обводилась чернилами, со всевозможною точностью, такъ чтобы не́ только была видна ея величина, но чтобы можно было различить самый складъ, покрой ея; или же ладонь намазывалась чернилами, и оттискъ ея со всѣми изгибами оставался на бумагѣ. Съ теченіемъ времени, если необходимо было повѣрить, того ли это именно лица рука, за чью она выдавалась, стоило только приложить руку къ ея изображенію и истина открывалась сама собою. Но это было невсегда надежно, а тѣмъ бо́лѣе́ невсегда удобно: малѣйша́я перемѣна въ ростѣ, складѣ, сгибѣ руки могла бы подать поводъ къ сомнѣнію, той ли это изображеніе руки, за которую она выдается, не говоря уже о томъ, что точное очертаніе руки требовало бы много времени и что малѣйшая въ томъ неточность, или по злому умыслу, или (что́ могло встрѣчаться чаще), по неосмотрительности, влекла за собою затруднительное и нерѣдко долговременное разбирательство. А потому ли́ца, которымъ необходимо было часто прикладывать свою руку къ разнаго рода бумагамъ, употребляли вмѣсто того *печати*, на которыхъ изображалась рука съ

надписью чья она [1]. Съ этимъ можно бы сравнить то, что и теперь въ деревняхъ и обществахъ удѣльныхъ крестьянъ головы, старосты и т. п. должностныя лица, если они безграмотны, замѣняютъ подпись свою на бумагахъ по обязанностямъ службы приложеніемъ особой печати, съ означеніемъ на ней, чья она. [2] Вообще, изъ сравненія изображеній на древнихъ нашихъ печатяхъ и гербахъ, принадлежавшихъ лицамъ разныхъ сословій, необходимо вывести заключеніе, что изображенія эти всегда соотвѣтствовали или занятію и должности лица [3] или, всего чаще, заключали въ себѣ наименованіе того, кому они принадлежали, и образъ Святаго, именемъ котораго лицо это называлось. Это особенно относится къ древнѣйшимъ печатямъ нашихъ Князей Удѣльныхъ и Великихъ, пока, съ образованіемъ Московскаго Княжества, не вошелъ въ употребленіе, вмѣсто такихъ именныхъ и личныхъ печатей, гербъ Всероссійскій для Великаго Князя и Государя Московскаго, гербы же Удѣльныхъ Князей стали достояніемъ фамилій, отъ древнихъ княжескихъ родовъ происшедшихъ. [4] Далѣе, духовенство, особенно высшее, имѣло на печатяхъ своихъ, кромѣ образа какого-нибудь Святаго или, вмѣсто того, Пресвятыя Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ [5] и кромѣ надписи «Божіею милостію смиренный»... изображеніе руки, обыкновенно благословляющей, и вокругъ нея было означаемо: рука Митрополита.... всея Руси. [6] Мы думаемъ, что приложеніемъ такой печати свидѣтельствовалось,

[1] Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Academie Imperiale de St. Petersb. 1844. T. 2 № 4, 5.

[2] Св. Учр. Губ. Т. II изд. 1842 г. (ст. 5,207, 5,209.) Въ царствованіе Императора Александра I тоже было узаконено относительно безграмотныхъ членовъ магистратовъ и ратушъ. 1822 г. іюня 30 (№ 29,092 Сенатск.)

[3] Сборникъ князя *Оболенскаго* № II, стр. 49. «*печать добра человѣка*».

[4] Собр. Гос. Гр. и дог. 1, стр. 41, 51, 333; ср. мою статью о Рос. Госуд. Гербѣ въ С.-П.б. Вѣдомостяхъ 1847 г., № 142. *Гербовникъ*, Т. 1 Гербы родовъ княжеск. Росс. Имперіи.

[5] Собр. Гос. гр. и дог., 1, стр. 333, 404, 417.

[6] Тамъ же, стр. 417, 443, 536, 586, 636. У насъ есть древній гербъ патріарха Никона, гдѣ изображены: «десница, свѣтильникъ, ключь, евангеліе, образъ Спасовъ, крестъ, жезлъ, вѣнецъ, началіе».

что воля сознаетъ написанное въ актѣ, и свободно соглашается на заключающіяся въ немъ условія, въ удостовѣреніе чего и дается рука.

Наконецъ, съ бо́льшимъ распространеніемъ грамотности въ Россіи, рукоприкладство перестало употребляться въ буквальномъ значеніи слова, перешло въ переносное въ смыслѣ подписи, и сохранило послѣднее значеніе въ дѣловомъ языкѣ нашемъ до настоящаго времени. Но съ другой стороны, такъ какъ подпись, по безграмотности еще многихъ лицъ, особенно принадлежащихъ къ низшему классу народонаселенія, была не всегда и не для всѣхъ возможна, то вмѣсто такихъ подписей употреблялись, какъ и до настоящаго времени употребляются, условные знаки—каждый съ какимъ-нибудь особеннымъ отличіемъ, и притомъ такъ, что одинъ и тотъ же знакъ, особенно въ древности, когда они были разнообразнѣе (теперь безграмотные крестьяне, мѣщане и т. п. лица употребляютъ вмѣсто своихъ подписей почти исключительно бо́льшее или ме́ньшее число крестовъ) непремѣнно и постоянно принадлежалъ одному только лицу. Знаки эти назывались *знаменами* и до такой степени срослись, такъ-сказать, съ извѣстною личностью, что вмѣсто наименованія лицъ нерѣдко употреблялись одни *знамена:* «ходили знамя косы на чертѣ» (изображеніе знамени слѣдуетъ послѣ каждаго названія), «да знамя калита съ поясомъ, да знамя калита же съ рубежемъ, да знамя лежая съ двѣма рубежи, да знамя локотки» и т. д. [1], встрѣчаемъ мы въ межевыхъ, судебныхъ и другихъ актахъ. Выгода отъ такихъ знаковъ состояла въ томъ, что они, заключая въ себѣ изображеніе предметовъ, самыхъ обыкновенныхъ въ томъ быту, къ которому принадлежали лица, ихъ употреблявшія, ставъ общеизвѣстными и наглядными, замѣняли вполнѣ самую подпись, не оставляя, въ бо́льшей, по-крайней-мѣрѣ, части случаевъ, сомнѣнія на счетъ ихъ подлинности. Поэтому и Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича и послѣдующее наше законодательство позво-

[1] А. Юрид, стр. 186, 212 и 213. Ср. *Калачева* Рус. Прав.; 131 стр. ст. CXXIX. Не отъ того ли получили начало выраженія *знамя* десятильника, поповскаго старосты и др. должностныхъ лицъ?

ляли безграмотнымъ замѣнять свое рукоприкладство *знаменемъ* [1].

Если у насъ всегда существовало убѣжденіе, что главное условіе для дѣйствительности договоровъ есть выраженіе въ твердой формѣ сознанія воли, то прежде всего подлежитъ разрѣшенію вопросъ, зачѣмъ и къ чему предки наши считали непремѣнно необходимымъ совершеніе актовъ въ письменной формѣ? [2] Съ разрѣшеніемъ этого вопроса для насъ объяснится практическій образъ воззрѣнія Русскихъ на совершеніе крѣпостныхъ актовъ, и будетъ понятно, почему у насъ различные акты и до настоящаго времени именуются различно.

Вѣра въ справедливость пословицы — *что́ написано перомъ, того не вырубишь топоромъ* [3] была глубоко вкоренена въ умахъ нашихъ предковъ, и вслѣдствіе того, по общему убѣжденію, какъ правительства, такъ и народа, выраженіе воли тогда только почиталось твердымъ и обязательнымъ, когда оно было облечено въ письменную форму. *Бумажки клочекъ въ судъ волочетъ.*

[1] Улож. X 161: «А у князей и у мурзъ и у Татаръ, которые татарской грамотѣ умѣютъ, обыски имать за руками же. А которые грамотѣ не умѣютъ, и у тѣхъ и у ясачныхъ людей искать обыски за ихъ знамяны». 1685 г. марта 9 (№ III) статьи, данныя писцамъ 1690 г. декаб. 4 (№ 1387) Имен.

[2] Только по документамъ, надлежашимъ образомъ подписаннымъ, можно было требовать и отыскивать удовлетворенія. Что это дѣйствительно такъ понималось въ древней Россіи, видно изъ слѣдующаго мѣста въ завѣщаніи Князя Ростовскаго, 1548 года: «А что́ будетъ мнѣ кому дать денегъ и хлѣба по кабаламъ и по записемъ и по памятемь, и гдѣ будетъ моя рука, а не будетъ у жены моей отписи, а женабъ моя тотъ долгъ платила изъ моего живота, а у кого на меня выляжетъ кабала или запись или память, а не будетъ моей руки, и женѣ моей того долгу не платить». А. Юрид., № 420.

[3] Мысль эта въ разныхъ памятникахъ выражалась различно, и въ одной изъ древнѣйшихъ нашихъ государственныхъ грамотъ, въ договорѣ Смоленскаго Князя Мстислава Давидовича съ городомъ Ригою и Готскимъ берегомъ читаемъ: «что ся дѣете по вѣремьнемъ, то отидетъ по вѣремьнемъ; приказано будѣте добрымъ людѣмъ, а любо грамотою утвердятъ, какъ то будѣте всѣмъ вѣдомо, или кто посль живый останется». Соб. Гос. Гр. и Дог. II, стр. I Русскія Достоп. II стр. 245, 246. А. Арх. Эксп. I, № 16,106. А. Ист. IV, № 196: «будущаго ради вѣка и на приносъ въ памяти въ содержаніе послѣдѣ хотящихъ быти, требуетъ нѣкоего писанія, долголѣтно пребывающаго».

Первоначально правило это было примѣнено преимущественно къ актамъ государственнымъ, исходящимъ отъ воли Государя и касающимся или чисто государственныхъ и международныхъ отношеній, или же отношеній правительства къ подданнымъ, какъ къ лицамъ физическимъ, такъ и къ юридическимъ. По образцамъ, принесеннымъ къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и греческими церковными постановленіями [1], Русскіе Государи стали писать *грамоты* (названіе греческое, вполнѣ соотвѣтствующее нашему—*запись* отъ (γράφειν) для укрѣпленія за церквами, монастырями, общинами и частными лицами различныхъ правъ и преимуществъ. Цѣль при этомъ была утвердить такое пожалованье на память потомству, и съ другой стороны дать пожалованному актъ, на который бы ему можно было въ-послѣдствіи времени, въ-случаѣ спора, сослаться въ доказательство своихъ правъ [2]. Для бо́льшей же неприкосновенности грамоты, она укрѣплялась именемъ Государя и сверхъ-того, почти всегда, призывомъ въ свидѣтели Бога и Святыхъ Его, что актъ не будетъ нарушенъ [3]. Кромѣ того, правительство обезпечивало святость актовъ какъ договорами государей между собою, такъ и грамотами, даваемыми частнымъ и юридическимъ лицамъ. «А грамотъ ти, княже, не посуживати» повто-

[1] Въ пользу этого мнѣнія, справедливость котораго впрочемъ нельзя подтвердить никакими, сколько мнѣ извѣстно, положительными данными, говоритъ и то обстоятельство, что сохраненіе грамотъ, особенно коренныхъ, основныхъ, ввѣрялось Церкви и между прочимъ патріархіи константинопольской, въ книги которой они вписывались «на вѣчное непорушимое воспоминаніе». Соб. Гос. Гр. и Дог., IV, стр. 579.

[2] Допол. къ Ист. акт. I, № 2, 3. Рус. Дост., I, стр. 120.

[3] Изъ множества грамотъ этого рода (въ 1-мъ Т. Соб. Гос. Гр. и Дог. и древн. Рос. Вивл. Т. 1) мы выписываемъ для образца одно мѣсто изъ записи Князя Константина Острожскаго о вѣрности Великому Князю Василію Іоанновичу, 1506 г.: «А явится которое мое лихо предъ Государемъ ино не буди на мнѣ милости Божіей и Пречистые Богородицы и Святыхъ Чюдотворцевъ Петра Митрополита и Алексѣя Митрополита и Леонтія Епископа Ростовскаго и Сергія Чюдотворца и всѣхъ Святыхъ. Государь мой Князь Великій и его дѣти надо мною по моей винѣ казнити вольны. *А крѣпости для* язъ Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій далъ *сію грамоту*». Собр. Госуд. Грам. и Договор. I, 404, 415.

ряли часто и Великіе и Удѣльные Князья [1]. Въ-слѣдствіе того владѣніе пожалованною отъ государя землею, пользованіе доходами съ нея, обладаніе тѣми или другими правами, личными и имущественными, было твердо, какъ основанное на письменномъ, ненарушимомъ актѣ [2]; но при дальнѣйшемъ переходѣ имѣнія или передачѣ какихъ-либо гражданскихъ правъ отъ одного владѣльца къ другому эта основная грамота теряла свое значеніе. Въ-слѣдствіе того и для частныхъ лицъ явилась потребность въ письменныхъ актахъ, и они стали писать ихъ сначала *для памяти* [3], въ видѣ замѣтокъ и *памятей*, потомъ *спору для* [4], чтобъ имѣть, на что опереться въ случаѣ спора *записи*, и наконецъ, *крѣпостные акты, крѣпи, для крѣпости* [5]. Цѣли эти проявились послѣдовательно [6], и сообразно тому самое совершеніе актовъ, въ историческомъ своемъ движеніи, шло отъ формы простой и произвольной къ формѣ болѣе твердой и крѣпостной. Это ясно: то, что пишется *для памяти* и *для спора*, пишется такъ, какъ того захотятъ причастныя къ дѣлу лица. Ихъ собственная выгода и забота въ томъ именно и состоятъ, чтобы оградить себя, по возможности, лучшимъ образомъ отъ всякихъ притязаній, и потому отъ ихъ воли и усмотрѣнія зависитъ помѣстить въ актѣ тѣ или другія условія, призвать свидѣтелей, писать актъ самимъ или поручить это какому-нибудь должностному лицу. Далѣе, въ-слѣдствіе той же потребно-

[1] Тамъ же, стр. 1, 4, 10, 20, 48,

[2] Грамоты выдавались за печатями и подписями уполномоченныхъ Государемъ лицъ, на узаконенной бумагѣ, съ разными, смотря по достоинству жалуемаго лица, украшеніями на ней и со взысканіемъ пошлинъ. Соб. Гос. Гр. и Дог. IV, стр. 216, 217, 351, 470.

[3] А. Арх. Эксп. I, № 234, А. Юрид. № 420.

[4] А. Арх. Эксп. I, № 257, стр. 282, IV, № 14. А Ист. II, № 25. А. Юрид., № 420.

[5] А. Арх. Эксп. I, № 74, стр. 54.

[6] И въ древнемъ нашемъ государственномъ правѣ встрѣчаются тѣже названія разныхъ грамотъ: *записки* на вѣрность бояръ, *памяти* въ смыслѣ наставленій, инструкцій должностнымъ лицамъ, воеводамъ и т. д., и *крѣпости* на покоренные города. А. Ист. II, № 189, 256. Судеб. *Татищева*, стр. 178, 195 и др.

сти и необходимости оградить свои права отъ нарушенія на будущее время, граждане стали писать свои акты на *хоратьяхъ* (хартіи) [1] и поручали совершеніе ихъ земскимъ, церковнымъ губнымъ, приказнымъ и т. п. дьякамъ, подъячимъ разныхъ статей и названій [2], какъ исключительно почти въ древней Руси грамотнымъ людямъ [3]. Въ актахъ этихъ выражались подробно условія, на какихъ заключался договоръ; вмѣстѣ съ контрагентами подписывались на нихъ дьякъ и свидѣтели (послухи) и наконецъ прикладывались печати [4]. Впрочемъ, повторяемъ, въ формѣ памятей и записей не могло быть ничего твердаго [5]. Но когда стали писаться, по требованію закона, *крѣпости* и *кръпи* [6], то форма эта, образовавшаяся постепенно и уста-

[1] А. Ист. I, № 158, стр. 285.

[2] А. Ист. I, № 245. А. Юрид., стр. 422. Этимъ назначеніемъ дьячковъ иподъячихъ объясняется, почему при выборѣ церковныхъ и земскихъ дьячковъ требовали, чтобы они занимались письмоводствомъ, но «писемъ никакихъ нарядныхъ по заочью и безъ мірскаго совѣта и вѣдома не писали» А. Юрид., № 286.

[3] Доказательствомъ того, что грамотность была достояніемъ преимущественно дьяковъ, мы приведемъ одно свидѣтельство: въ 1602 году Воейковъ писалъ къ Борису Ѳедоровичу Годунову: «да твоихъ царскихъ *дѣлъ* къ тебѣ къ Государю у меня, холопа твоего, писати не кому, а нынѣча писалъ монастырской дьячекъ, *а я*, холопъ твой, *писати не умѣю*, а дѣтинки у меня такого нѣтъ» А. Ист. II № 38, стр. 51, 52.

[4] Были ли печати всегда свинцовыя, *свинчатыя*, опредѣлить трудно; на государственныхъ же грамотахъ были печати нерѣдко золотыя, серебряныя, восковыя подъ кустоліею. А. Ист. I № 158, стр. 285, ср. Соб. Гос. Гр. и Дог. Т. I.

[5] Несмотря на то однако, *по древнему обыкновенію*, какъ замѣчаетъ законъ, записи начинались *се азомъ*. 1701 г. янв. 30 (№ 1833) стр. 138.

[6] Сколько можно судить по дошедшимъ до насъ и обнародованнымъ памятникамъ, крѣпости первоначально, если не исключительно, то главнымъ образомъ, писались на крѣпостныхъ людей (Соб. Гос. Гр. и Дог. II, стр. 396 А Арх. Эксп. IV, № 211, 287 А. Ист. I, № 154, стр. 253, 263, 264, 265 № 163, 221, стр. 418, II, № 44, Улож. XX, 38). Въ послѣдствіи времени значеніе крѣпости расширилось и подъ этимъ именемъ стали разумѣть всякаго рода записки и акты вообще: «ни заложена ни у кого, ни по душѣ ни отдана никому, ни въ кабалахъ хлѣбныхъ, ни въ денежныхъ..., ни въ иныхъ ни въ которыхъ *крѣпостяхъ*». А Арх. Эксп. I, № 280, ср. № 290, III, № 255, IV, № 278. А. Ист. I, № 158, стр. 244, № 154, стр. 253, 265, № 220. А. Юрид, стр. 6, 14, 37. Улож. X, 246.

новившаяся по обычаю, утверждена закономъ какъ необходимая, и послужила основаніемъ для нынѣ принятыхъ формъ и обрядовъ написанія актовъ. Кромѣ трехъ исчисленныхъ наименованій, актовъ мы встрѣчаемъ еще одно названіе, также довольно древнее, а именно *кабала* [1], съ формою, всегда болѣе или менѣе крѣпостною. Первоначально слово это употреблялось почти исключительно для означенія договоровъ о займѣ денегъ и о наймѣ людей въ услуженіе, съ обращеніемъ ихъ въ условное временное рабство за долги, вмѣсто роста или же по добровольному условію [2] (кабала заемная [3], заживная, полѣтняя и служилая) [4]; впослѣдствіи же времени значеніе кабалы распространилось и на другіе всякаго рода акты, которыми утверждались гражданскіе договоры [5].

Различались ли между собою по формѣ и по содержанію означенные виды актовъ? Сравнивая съ этою цѣлью сохранившіяся о нихъ въ памятникахъ нашей древней письменности свидѣтельства, мы невольно доходимъ до убѣжденія, что несмотря на историческое различіе памятей, записей, кабалъ и крѣпостей, въ практикѣ они обыкновенно смѣшивались, и крѣпость употреблялась какъ названіе родовое, въ болѣе же тѣсномъ смыслѣ наиме-

[1] Слово *кабала*, по общепринятому мнѣнію, еврейское и значитъ тайность или скрытность, но гораздо вѣрнѣе, что оно персидское, (кебале) и означаетъ письменное обязательство. *Успенскаго* Опытъ повѣствованія о древностяхъ россійскихъ. Харьковъ, 1818 г., стр. 200, ср. *Татищева* Судебникъ, стр. 24. *Макарова* Опытъ русскаго словотолковника, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древн. Рос., годъ 3-й, 1847, смѣсь № 3, стр. 90, 91. Моя статья о кабалахъ и кабальныхъ книгахъ въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ 1850 г. № 86. См. Русско-французскій словарь Рейфа, подъ словомъ *кабала*.

[2] Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россіи, годъ 3-й, 1847. № 3, смѣсь, стр. 90, 91.

[3] Соб. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 102, 150, 251, II, стр. 87.—Дополненіе къ Ист. Акт. I, № 51, стр. 75, 76, 77, 226, II, № 56 (особенно стр. 140). А Ист. I, № 153, стр. 243, 244; № 221, IV, № 6, стр. 28, № 31, стр. 70, V № 133.

[4] По этому холопы *полные* и *крѣпостные* отличались отъ *кабальныхъ*. Соб. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 420. Ср. А. Арх. Эксп. IV, № 14, А Ист. I, № 153 стр. 244, № 221, стр. 418, 420, II, № 63.

[5] А. Ист. III; № 92, стр. 95, 99, 101. См. мою статью о кабалахъ и кабальныхъ книгахъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1850 г., № 86.

нованіе крѣпости придавалось грамотамъ, жалованнымъ Государемъ по разнымъ случаямъ, частнымъ лицамъ и общинамъ. Это отъ того, что такіе акты постоянно служили основаніемъ для всѣхъ другихъ производныхъ и второстепенныхъ грамотъ, и принимались за исходный пунктъ при опредѣленіи, какія права принадлежатъ извѣстному лицу. Твердость крѣпостей состояла какъ въ самомъ образѣ ихъ совершенія отъ имени Государя, въ подписи ихъ или самимъ Государемъ или, по повелѣнію его, уполномоченнымъ къ тому лицомъ, въ приложеніи государственной красной (рѣже чорной) печати [1], такъ, съ другой стороны, въ томъ, что въ самомъ актѣ предписывалось всѣмъ и каждому, кому то вѣдать слѣдовало, уважать волю правительства и подъ страхомъ наказанія не нарушать правъ, грамотою предоставленныхъ. Вслѣдствіе того предписывалось грамоты эти являть у мѣстнаго чиновника, чтобы онъ зналъ о содержаніи ихъ; лица же, грамоту получившія, при каждой перемѣнѣ Государя и даже при одномъ и томъ же Государѣ, но при различныхъ обстоятельствахъ, просили о подтвержденіи своихъ грамотъ, для бо́льшей ихъ крѣпости. Въ разрѣшеніе просьбъ этихъ Государь всегда повелѣвалъ *сее грамоту подписати на свое Государево имя, а сее у нихъ грамоты рудити не велѣлъ никому ничемъ, а велѣлъ ходити о всемъ потому, какъ въ сей грамотѣ написано.* [2] Съ такихъ подлинныхъ грамотъ, *матицъ*, [3] снимались копіи, *противни слово въ слово* [4], которые сберегались впрокъ, или опредѣленнымъ въ самой грамотѣ должностнымъ лицомъ, или тѣмъ, кому документъ этотъ былъ пожалованъ; другой же экземпляръ документа записывался въ въ земской или съѣзжей избѣ, въ церкви, у монастырскаго стряпчаго [5] и т. п. (смотря по тому, кто пожалованъ ею)

[1] А. Арх. Эксп. III, № 1, 170. 172. Допол. къ Ист. акт. II № 34. 67.

[2] А. Арх. Эксп. I, № 351, II, № 52, IV, № 220, 252. Допол. къ Ист. Акт. I, № 48. А. Ист. I, № 176, стр. 337, № 187., стр. 350, № 197, 208, 210, 220. II. № 33, 68, 73, стр. 97, № 74, 79. III, № 60, IV, № 126, 133, 142.

[3] А. Ист. II, № 67. А Арх. Эксп, III, № 112.

[4] А. Ист. I, № 222, 245, 246.

[5] А. Юрид., стр. 351, 352.

для иныхъ воеводъ и приказныхъ людей [1] а иногда копіи эти за печатью разсылались въ разныя мѣста, въ которыхъ о грамотѣ должно было имѣть свѣдѣнія [2].

При судебномъ разбирательствѣ основныя грамоты эти принимались за полное доказательство, укрѣплять же дѣйствительность и правильность перехода правъ и обязанностей отъ одного лица къ другому совершенно зависѣло отъ усмотрѣнія и желанія тѣхъ, до кого это прямо касалось, и никакихъ положительныхъ о томъ правилъ мы долго не встрѣчаемъ въ нашихъ законахъ. Несмотря на то однако, практика, воспользовавшись тѣмъ, что̀ введено было обычаемъ и что̀ получило самособою общеизвѣстность, стала требовать, чтобы договоры основывались на актахъ. Это отразилось и въ законодательствѣ; такъ въ XVI вѣкѣ, за недостаткомъ кабалы или крѣпости, которою лицо, бравшее къ себѣ для личныхъ услугъ вольнаго человѣка, не утвердило своего договора, тотъ обвинялся, кто принялъ этого человѣка за то только, что *онъ доброволному человѣку вѣритъ и у себя его держитъ безъ крѣпости* [3]. Тоже начало было отнесено къ займамъ и ссудамъ *безкабальнымъ* [4], равно какъ вообще къ сдѣлкамъ, утвержденнымъ такими письменными актами, которые были совершены не по принятой и обычаемъ утвержденной формѣ [5]. Въ такихъ случаяхъ судъ разбиралъ и рѣшалъ дѣло при помощи иныхъ доказательствъ [6]. За-то, съ другой стороны, существованіе законно совершеннаго акта давало право требовать исполненія обязательства во всемъ его объемѣ [7].

[1] А Арх. Эксп. IV, № 169, 202, 220, 259, 277. Допол. къ Ист. Акт. I, № 225. А. Ист. I, № 188, 191, 199, 200, 202, 246, 247. II, № 31, 74, 76. 86. III № 45, 60, 61, 71, 73, 148. IV, № 29, стр. 64, № 97, 264.

[2] А. Ист. II, № 60. III, № 111, 126.

[3] А. Ист. I, № 154, стр. 255.

[4] Тамъ же, стр. 259, 263, 264.

[5] Тамъ же, стр. 264, 265. № 221, стр. 419.

[6] Тамъ же, № 165

[7] Тамъ же, № 154, стр. 267, № 221, стр. 420. V, № 228, стр. 411 А. Юрид., № 243.

Строгость крѣпостной системы еще до изданія Судебника Царя Іоанна Васильевича Грознаго выказалась преимущественно на продажѣ лошадей. Отъ чего Русскіе издревле дорожили лошадью, нѣтъ положительныхъ указаній; но это легко объясняется тѣмъ, что конь былъ необходимъ, какъ мирному гражданину для его работы, такъ и воину на брани. Для предупрежденія по этому кражи коней, и вообще чтобы неимѣющій правъ на чужую лошадь не пользовался ею, еще Русская Правда подвергала того, кто безъ позволенія хозяина сядетъ на чужаго коня или испортитъ чужую лошадь, бо́льшей или мѣньшей, смотря по мѣрѣ вины, пенѣ и *продажѣ*, а *коневой тать* отдавался князю на потокъ [1]. Соотвѣтственно этой строгости необходимо было найти и утвердить законнымъ образомъ такой знакъ, съ помощью котораго можно бы было различать лошадей разныхъ владѣльцевъ, и, въ случаѣ нужды, доказать, что извѣстная лошадь принадлежитъ этому именно лицу и находится въ незаконномъ пользованіи другаго. Подобное различіе легко могло бы быть дѣлаемо по шерсти, по росту, особымъ примѣтамъ лошади; но все это ненадежно, потому-что въ природѣ встрѣчаются экземпляры, очень похожіе одинъ на другой: необходима мѣтка, которая бы накладывалась на лошадь. Въ-случаѣ нужды, свидѣтели изъ сосѣдей, жителей той же общины удостовѣряютъ своими показаніями, чья это мѣтка; но съ теченіемъ времени и эта мѣтка оказывается недостаточною: при переѣздахъ лица̀ съ мѣста на мѣсто, мѣтка теряетъ свою общеизвѣстность, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишается своей наглядности и убѣдительности на случай спора. Необходимо утвердить такой знакъ болѣе твердымъ образомъ: для этого приложеніе мѣтки подчиняется извѣстнымъ въ законѣ опредѣленнымъ правиламъ. У насъ она называлась *пятномъ*, и въ Русской Правдѣ мы видимъ уже княжескаго коня съ *пятномъ* [2]. Впослѣдствіи времени, а именно въ XV столѣтіи, при всякой куплѣ, продажѣ и мѣнѣ лошадей въ селахъ волостель или его пятенщикъ прикладывалъ къ коню

[1] *Калачева*, Русс. Правда, стр. 94, 108, 118, 120.

[2] *Калачева*, Русс. Правда, стр. 94.

пятно, принадлежавшее извѣстному мѣсту, городу, волости, селу, деревнѣ, за что̀ со вступающихъ между-собою въ договоръ лицъ взыскивалась пошлина; за переходъ же лошади отъ лица къ лицу безъ пятненія взыскивалась съ продавца пеня (*заповѣдь* и *пропятенье*) [1]. Пятно это тѣмъ было хорошо, что составляло достояніе извѣстной общины, было волостное [2]. посадское [3], жаловалось монастырямъ для ихъ селъ и деревень (пятно Троецкое, монастырское). [4] Собираемыя за приложеніе пятна деньги составляли по бо̀льшей части собственность того или другаго жалованнаго пошлиною лица, (игумна, волостеля, ключника, посельскаго, прикащика), которое и держало по деревнямъ и селамъ своего *присуда* пятенщиковъ [5]. Иногда же, особенно на торжахъ и ярмаркахъ, конскія пошлинныя деньги сбирались на Государя назначеннымъ къ тому стряпчимъ конюхомъ съ цѣловальниками [6]. Вообще если право пятнанія не было уступлено государствомъ частному или юридическому лицу и неутверждено за нимъ грамотою, право имѣть пятно и сбирать за приложеніе его пошлину предоставлялось намѣстнику, волостелю или другому чиновнику [7].

Судебникъ Царя Іоанна Васильевича, вводя вообще болѣе строгое крѣпостное начало во всю систему договоровъ, опредѣлилъ ближе, ка̀къ должно быть прилагаемо пятно къ лошадямъ и какія для того требуются закономъ формальности. Самое пятнаніе коней въ Москвѣ, въ городахъ и деревняхъ должно было записываться въ книги, при цѣловальникахъ и пятенщикахъ, земскимъ дьякомъ, причемъ, *спору* или *памяти для*, вносился въ книгу *образецъ* пятна, съ означеніемъ продав-

[1] А Арх. Эксп. I, № 28, 56, 88, 102. А. Ист. I, № 137.

[2] А. Ист. I № 165, стр. 317, А Арх. Эксп. I, № 257.

[3] А Арх. Экспед. III № 36, стр. 75.

[4] А. Ист. I, № 194, III, № 60, стр. 52, № 95, стр 130. № 108, стр. 158. А. Арх. Эксп. I, № 158, 235, 273: «а лошади свои архимандритъ съ братьею велитъ пятнать своимъ пятномъ монастырскимъ во всѣхъ своихъ селѣхъ» III, № 11, 84.

[5] А Ист. I, № 147, 165, А. Арх. Эксп. I, № 28, 56, 88, 120, 131, 158.

[6] А Ист. V № 195.

[7] А Арх. Эксп. I, № 164.

ца и покупателя, равно-какъ примѣтъ лошади въ *шерсть* [1]. За это была опредѣлена особая пошлина; непятнаніе же коней имѣло своимъ послѣдствіемъ взысканіе штрафа, и въ-случаѣ начатія о непятнанной лошади спора, дѣло кончалось безъ суда, и истецъ удовлетворялся въ искѣ. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано на случай пріобрѣтенія лошадей въ походѣ: тогда не требовалось пятненія ихъ, и если возникалъ о лошади споръ, то купившій ее долженъ былъ представить въ доказательство своего права пятерыхъ или шестерыхъ свидѣтелей. Другое изъятіе всегда существовало для лошадей *доморощенныхъ*; въ этомъ случаѣ въ пятнѣ не было никакой необходимости, и еслибы несмотря нато, пятенщикъ сталъ пятнать и этихъ лошадей, то съ него взыскивались претерпѣнные лицомъ убытки и пеня, что́ Государь укажетъ [2]. Правила эти съ немногими дополненіями и объясненіями, вошли въ Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича и подтверждены новоуказными статьями [3], равно какъ узаконеніями позднѣйшаго времени [4].

Вообще, чѣмъ болѣе мы приближаемся къ періоду Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, тѣмъ яснѣе выказываются, преимущественно по отношенію къ пріобрѣтенію недвижимыхъ имѣній, равно-какъ правъ на услуги людей, сила и значеніе строгаго крѣпостнаго начала: всякое владѣніе въ этомъ случаѣ утверждалось на разнаго рода межевыхъ, писцовыхъ книгахъ, наказахъ, грамотахъ, записяхъ, выписяхъ и вообще крѣпос-

[1] За записку *шерсти*, кромѣ *пятеннаго*, бралась еще особая пошлина, *писчее* (А. Ист. V, № 99, стр. 168 «а съ конскаго пятна съ продавца по десяти денегъ съ рубля, а съ шерсти по осьми денегъ!» Значеніе этой пошлины объясняется слѣдующимъ выраженіемъ другой грамоты: «а пятенщикомъ пятнати и *пятно* свое имати *писчее*». А. Арх. Эксп. I, № 263, стр. 295, ср. тамъ же, № 356, 363. II, № 12. III, № 11, 117, стр. 162. IV, № 55, 112.

[2] А. Ист. I, № 153, ст. 94, 95, 96. № 165, стр. 317. V, № 191, стр. 332, 333. А. Арх. Эксп. I, № 234, 257, 332. II, № 52, стр. 120. III, № 36, стр. 75. Дополн. къ Ист. Акт. I, № 26, стр. 24 и др.

[3] Улож. XXI, 52: «лошади купцомъ записывати въ таможенныя книги въ шерсть и въ лѣта и въ примѣты» ст. 53. Новоук. Ст. 1669 г. янв. 22 (№ 441) п. 7374. Ср. *Котошихинъ* VI. 6, стр. 66.

[4] 1697 г. мая 14 (№ 1585) п. 12; 1700 г. мая 30 (№ 1792) п. 16.

тяхъ [1]. Мало-того, въ половинѣ XVI даже столѣтія мы встрѣчаемъ формальный допросъ лицъ, вступающихъ въ договоръ купли, согласны ли они на заключеніе сдѣлки, за какую цѣну и на какихъ условіяхъ продается имѣніе [2]. До насъ дошла даже подлинная кабальная книга послѣдней четверти XVI столѣтія [3].

Съ другой стороны недостатокъ укрѣпленія актомъ своего права, равно-какъ укрѣпленіе неправильное [4] дѣлали самое владѣніе незаконнымъ [5], и не только лишали владѣльца правъ, которыя онъ не позаботился утвердить за собою, но даже подвергали его другимъ невыгодамъ, такъ-напр. по отношенію къ принятію людей въ кабальное служеніе, въ дополнительныхъ къ Судебнику статьяхъ начала XVII столѣтія прямо постановлено: «не держи холопа безъ кабалы ни одного дни, а держалъ безкабально и кормилъ, и то у себя самъ потерялъ» [6]. Точно такъ же велѣно отказывать въ искахъ и тѣмъ, которые владѣютъ крѣпостными холопами безъ законнаго основанія: «*почему у себя держалъ холопа безъ крѣпости?*» [7] Въ 1637 году узаконено [8] вообще «въ искахъ *безкабальныхъ* и *безкрѣпост-*

[1] А. Ист. II, *№* 74, 85.

[2] Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, ст. 468, 469.

[3] Книга эта описана мною подробно, съ указаніемъ ея важности въ *№* 86 С.—Петер. Вѣдом. 1850 г.

[4] А. Ист. I, *№* 154, стр. 262.

[5] А. Ист. II, *№* 338 (1612 г.): «деревнею владѣетъ насильствомъ безъ указу и безъ крѣпостей». А. Ист. IV, *№* 52, стр. 156: «и почему владѣютъ, и по какимъ крѣпостямъ, по купчимъ ли или по закладнымъ, или они пашутъ *наъздомъ?*»

[6] А. Ист. II, *№* 85, стр. 114 III, *№* 92, стр. 91. Ср. Улож. XX. 56.

[7] А. Ист. II, *№* 85, стр. 115, 116.

[8] Въ практикѣ привило это имѣло гораздо раньше полное значеніе: только сообразно содержанію актовъ, на которыхъ тяжущіеся основывали свои притязанія, судъ предоставлялъ лицу тѣ или другія права. А. Юрид. III, 25. Правая грамота 1610 года.

ныхъ суда не давать и зазывныхъ грамотъ и недѣльщиковъ по отвѣтчиковъ не посылать» [1].

Высказанныя Судебникомъ правила о силѣ крѣпостей должны были имѣть много благихъ въ жизни послѣдствій, обычаемъ же и самою необходимостью выработалась внѣшняя форма для разнаго рода актовъ; но всего этого было еще недостаточно. Тогда только можно имѣть полное къ крѣпостямъ довѣріе, когда будутъ положительно высказаны требованія, какъ относительно законности содержанія, такъ и правильности формы актовъ, т. е. когда будетъ опредѣлено, какія присутственныя мѣста и должностныя лица обязаны свидѣтельствовать, что воля договаривающихся выражена именно такъ, какъ они того хотѣли, и когда законъ объяснитъ, въ видѣ общихъ, по-крайней-мѣрѣ, правилъ, при какихъ условіяхъ такое выраженіе воли законно и должно быть исполняемо, и когда, наоборотъ, оно должно быть почитаемо ничтожнымъ и недѣйствительнымъ.

По отношенію къ совершенію у насъ письменныхъ разнаго рода актовъ, гораздо раньше Уложенія Царя Алексѣя Михайловича существовало въ народѣ убѣжденіе о необходимости кабалъ и крѣпостей, для полнаго и законнаго утвержденія за гражданами важнѣйшихъ, по-крайней-мѣрѣ, правъ по договорамъ. Само правительство, особенно начиная съ Судебника Царя Іоанна Васильевича Грознаго, постоянно держалось тогоже начала; но форма написанія актовъ, равно какъ законность или незаконность ихъ содержанія, опредѣлялись обычаемъ. Уложеніе впервые разрѣшило законодательнымъ порядкомъ тѣ недоразумѣнія и сомнѣнія, которыя возникали сами собою при неизвѣстности, чѣмъ присутственныя мѣста и частныя лица

[1] А. Ист. III, № 92, стр, 106, 107. Въ 1634 году тоже начало распространено было на договоры Русскихъ съ иностранцами, по трактату Россіи съ Голштиніею, 1634 г: «также Царскаго Величества торговымъ людемъ по добродѣтелемъ и по укрѣпленію ссужати повольно, а не неволею, а въ той ссудѣ и въ займѣхъ крѣпитись межъ собою письмомъ, кабалами и записми, а безъ писма въ займы.... не давати». А. Ист. III № 181. Ср. А. Ист. I № 154, стр. 262. Улож. XX. 56, 103, 107.

при совершеніи актовъ должны были руководствоваться, и разрѣшило вопросъ этотъ такъ, что положило тѣмъ начало всему позднѣйшему по крѣпостной части законодательству.

Прежде всего должно было опредѣлить, въ какой формѣ и при посредствѣ какихъ именно мѣстъ и лицъ могутъ быть совершаемы письменные акты, и Уложеніе узаконило въ этомъ отношеніи, что значительные по суммѣ договоры, *въ большихъ дѣльхъ записи*, и въ Москвѣ и въ другихъ городахъ должны быть совершаемы *площадными подъячими* [1], которые вмѣстѣ съ тѣмъ обязаны были подписываться на документахъ въ качествѣ свидѣтелей, *послухов* [2]. Для записки разныхъ совершаемыхъ у нихъ документовъ имѣли они особыя книги, изъ которыхъ, въ случаѣ утраты подлиннаго документа, выдавались выписи и копіи. Подъячіе имѣли въ городахъ, на площадяхъ [3] свои палатки, а въ Москвѣ, гдѣ всего болѣе совершалось актовъ разнаго рода, средоточіемъ дѣятельности ихъ была Ивановская-площадь, близь колокольни Иванъ Великій, и потому московскіе площадные подъячіе назывались *Ивановскими* [4]. Въ селахъ наконецъ позволено безграмотнымъ поручать совершеніе крѣпостей по *небольшимъ дѣламъ* земскимъ, или церковнымъ дьячкамъ другихъ селеній, или кому-нибудь

[1] Если полное и правильное установленіе площадныхъ подъячихъ, опредѣленіе ихъ обязанностей по отношенію къ совершенію крѣпостей принадлежитъ Уложенію Царя Алексѣя Михайловича, то нѣтъ сомнѣнія, что въ зародышѣ оно существовало и прежде, и кромѣ множества подъячихъ, сидѣвшихъ въ качествѣ дѣлопроизводителей въ разныхъ приказахъ (А. Ист. II, № 283) были еще *площадные писчики*, назначеніе которыхъ объясняется самымъ ихъ названіемъ (А. Юрид., № 271). До Уложенія они писали акты. Доп. къ Ист. Акт. II, № 56, стр. 143.

[2] Улож. X, 246. XI, 4. XX. 19, ср 1650 сент, 28 (№ 46), 1684г. февр. 7. (№ 1060) Имен. съ бояр. пригов.

[3] Подъячіе носили названіе той площади, гдѣ они пребывали. А. Ист. V, № 292.

[4] Снегирева, Русскіе въ своихъ пословицахъ, III, стр. 119, 120, 121.

иному [1], но никакъ не священникамъ, дьячкамъ и людямъ вотчинъ и помѣстій того же лица, которое даетъ актъ [2].

Число свидѣтелей при совершеніи актовъ, непремѣнно изъ площадныхъ подъячихъ, было также опредѣлено, а именно: *въ большихъ дѣлахъ* [3] свидѣтелей должно быть при совершеніи акта пять или шесть, а въ небольшихъ дѣлахъ—два или три; менѣе же двухъ свидѣтелей ни въ какомъ случаѣ быть не должно [4].

Далѣе, для акта была всегда необходима подпись одного изъ вступающихъ въ договоръ лицъ, или обѣихъ сторонъ, смотря по качеству сдѣлки. Того же требуетъ и Уложеніе—*давати волкія крѣпости за своими руками* [5]. Въ случаѣ же безграмотности самихъ контрагентовъ могли подписываться вмѣсто нихъ духовный отецъ, родные братья, дяди, племянники и вообще кому они то поручатъ [6]. Довѣріе къ означеннымъ лицамъ было такъ велико, что законъ не требовалъ никакой на то довѣренности, не предписывалъ никакого по этому поводу розысканія; требованіе его состояло въ томъ только, чтобы мимо площадныхъ подъячихъ и безъ свидѣтелей никто актовъ не писалъ. Если же кто либо самъ напишетъ документъ или велитъ то сдѣлать своему человѣку, и къ той памяти самъ приложитъ руку, то такимъ актамъ законъ велитъ не вѣрить и не давать по нимъ суда [7], все-равно, будутъ-ли при этомъ свидѣтели или же актъ совершенъ и безъ нихъ [8].

Всѣ эти формальности, и преимущественно собственноручныя на актѣ подписи лицъ, въ договоръ вступающихъ, повидимому,

[1] Улож. X. 248, XI. 4.

[2] Тамъ же X. 249, XI. 4.

[3] При введеніи гербовой бумаги, опредѣлено, что *большими дѣлами* должны быть почитаемы сдѣлки свыше 50 руб. (1699 г. генв. 23) № 1673. Имен. 1699 г. декаб. 9 (№ 1732). Имен.

[4] Улож. X, 246.

[5] Для дѣйствительности акта непремѣнно требовалось, чтобы *рука*, подпись на немъ, не была опорочена (Ук. 1692 г. авг. № 1447.)

[6] Улож. X, 246, 248, XI, 4.

[7] Улож. X, 246.

[8] Улож. X, 247.

служатъ достаточнымъ обезпеченіемъ того, что актъ совершенъ по доброй волѣ и съ полнымъ сознаніемъ,—условія, которыя, какъ мы имѣли уже случаи выше замѣтить, необходимы для силы и дѣйствія сдѣлки, и недостатокъ которыхъ дѣлаетъ актъ, для утвержденія договора совершенный, ничтожнымъ. Законодательство однако предвидѣло случай, когда кто-нибудь, по принужденію, *неволею*, или по обману его площадными подъячими, или другою стороною, подпишетъ или даже собственноручно напишетъ актъ, очевидно клонящійся къ его невыгодѣ. Для открытія истины, Уложеніе требуетъ, чтобы подобное насиліе было заявлено окольнымъ людямъ, въ приказахъ судьямъ, а въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ въ тотъ же день, какъ послѣдовалъ такой противузаконный поступокъ; жалоба же на виновныхъ въ томъ и просьба о произведеніи очной ставки и слѣдствія (сыска) должна быть подана въ три или четыре послѣ того дня, и никакъ непозже недѣли. До истины доходили въ такихъ случаяхъ, ставя жалующихся и обвиняемыхъ съ очей на очи, вообще изслѣдуя дѣло всѣми другими средствами (сыскивати всякими сыски накрѣпко); а въ случаѣ необходимости велѣно было даже подвергать эти лица пыткѣ. Если за тѣмъ открывалось, что актъ дѣйствительно взятъ насильно или подложно (*вымученъ*, какъ говорили въ древней Россіи, а по Уложенію *взятъ нарядным дьяком* [1], то виновные въ этомъ подвергались публичному наказанію кнутомъ. Площадные же подъячіе, употребившіе во зло дарованную имъ власть, наказывались строже: за написаніе заочно такого акта виновному отсѣкали руку, а подписавшійся на крѣпости свидѣтелемъ противузаконно, *воровствомъ*, наказывался кнутомъ на торгу и заключался въ тюрьму на столько времени, на сколько Государь

[1] *Наряжать* грамоту значитъ скрывать настоящій и истинный ея смыслъ, что бываетъ иногда соединено съ принужденіемъ и подлогомъ. Этимъ объясняется слѣдующее мѣсто Уложенія Ц. Алексѣя Михайловича (IV. 2.) «или будетъ кто учнетъ какія письма воровствомъ *наряжати*, и приказныя письма переправливать... письмамъ нарядным ни въ чемъ не вѣрить; «ст. 3. «вѣдали, что тѣ письма *воровскія*, *нарядныя*, ст. 4; А. Юрид., стр. 68 «запись *нарядная*, *вымученная*».

укажетъ; актъ во всякомъ случаѣ становился ничтожнымъ [1]. Если же, наоборотъ, по розыску окажется, что крѣпость, до которой относилось обвиненіе, *прямая*, а не *парядная*, то за подобную ябеду, какъ самъ подавшій жалобу, такъ и тѣ, которые по стачкѣ съ первымъ подтверждали справедливость его словъ, наказывались кнутомъ и полугодичнымъ тюремнымъ заключеніемъ, да кромѣ-того обязаны были заплатить по иску на нихъ и внести безчестье [2].

Споръ о подлинности и вообще о правильности акта, если онъ былъ предъявленъ во-время и въ узаконенное мѣсто, или надлежащему должностному лицу, лишалъ силы или всю крѣпость, или ту только часть ея, противъ которой предъявленъ споръ. Во всѣхъ же другихъ своихъ частяхъ, равно какъ и весь документъ, если онъ неоспоренъ и совершенъ по предписаннымъ въ законахъ правиламъ, крѣпость имѣетъ полную силу и постоянное значеніе, а потому производится по ней взысканіе [3]; а въ случаѣ спора о договорѣ, крѣпостью утвержденномъ, за главное основаніе принимаются самые тѣ акты, которыми утвержденъ договоръ. *Крѣпостныя дѣла*, подъ которыми въ Уложеніи разумѣлись всѣ дѣла, на письменныхъ актахъ основанныя, разбирались по *крѣпостямъ* [4].

Таковы были начала нашей крѣпостной системы по Уложенію Царя Алексѣя Михайловича. Въ основѣ его лежитъ тотъ же порядокъ, который существовалъ прежде изданія этого законоположенія, съ тѣмъ только различіемъ, что дѣлавшееся прежде

[1] Уложеніе X, 251, ср. XVII. 35, 36.

[2] Улож. X. 252.

[3] Тамъ же, 253.

[4] Улож. X. 108, 109, 111, 115, 117, 120, XX. 20. ср. Св. Зак. Гражд. т. X, ст. 2292, 2298 и 3123. 1684 г. 7. февр. (№ 1060) Имен. съ бояре. приговор. Въ указѣ 1697 г. февраля 21. (№ 1572 имен. п. 12.) выражено слѣдующее начало: «розыску быть въ крѣпостныхъ дѣлахъ по крѣпостямъ, а въ некрѣпостныхъ по розыску.» *Котошихинъ*, стр, 96: «а дается во всякихъ въ денежныхъ и въ заемныхъ, въ товарныхъ и иныхъ дѣлахъ судъ по кабаламъ и по записямъ, а у кого кабалъ нѣтъ или утеряются, или подерутся, или иная какая-нибудь шкода учинится, и въ безкабальныхъ дѣлахъ суда не дается и вѣрить не велѣно ничему, хотя бы на какое дѣло двадцать человѣкъ свидѣтелей было, все то ни вочто безъ крѣпости.»

такъ, а не иначе, по обычаю и по общему сознанію въ его необходимости, утверждено Уложеніемъ, какъ непреложное правило. Оставалось однако еще устроить на началахъ болѣе прочныхъ и опредѣлить личный составъ тѣхъ мѣстъ, которымъ ввѣрено совершеніе актовъ, чтобы тѣмъ болѣе обезпечить довѣріе къ нимъ частныхъ людей. Такая забота объясняется не только важностью существованія этого довѣрія для благосостоянія всего общества, но и слѣдующимъ еще обстоятельствомъ: сословіе подъячихъ, доступное первоначально, если и неисключительно, то главнымъ образомъ, лицамъ духовнаго званія, впослѣдствіи времени, съ бо́льшимъ развитіемъ управленія по всѣмъ вѣдомствамъ и съ увеличеніемъ письмоводства, расширилось до чрезвычайности, и въ кругъ подъячихъ вошли лица всѣхъ сословій, и даже податные, съ тягла [1]. Поэтому личный составъ *крѣпостныхъ дѣлъ*, необѣщавшій въ дѣятеляхъ ни образованности, ни особенной добросовѣстности, требовалъ улучшеній, усовершенствованій и преобразованій въ этой части.

Перемѣны эти начались вскорѣ послѣ обнародованія Уложенія 1649 г.: приняты мѣры, чтобы подъячіе, рѣшавшіеся прежде на разныя противузаконныя дѣйствія по бѣдности, были обезпечены въ своемъ существованіи на счетъ самаго государства. Должностнымъ лицамъ этимъ было назначено жалованье; хотя оно давалось подъячимъ и ранѣе Уложенія, но не было общимъ, и не прежде 1657 г. повелѣно было именнымъ указомъ давать подъячимъ всѣхъ городовъ жалованье, количество котораго для каждой (первой, второй и третьей) статьи и для каждаго разряда (старыхъ, среднихъ и младшихъ) подъячихъ было опредѣлено особо [2].

Но и при этомъ распоряженіи государство невполнѣ еще было обезпечено насчетъ честности и безкорыстія подъячихъ: и получая жалованье, они могли точно также, какъ и не получая

[1] Впослѣдствіи времени запрещено быть подъячимъ изъ посадскихъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ дѣтей, обложенныхъ тягломъ, равно какъ изъ такихъ сословій, которыя несутъ другую какую-нибудь государственную службу или состоятъ въ рядахъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. 1657 г. августа 23. (№ 213.) Имен. А. Арх. Экс. IV, № 302 (1690 г. августа 31.)

[2] 1657 г. авг. 23 (№ 212 и 213) Имен.

его, изъ своихъ личныхъ корыстныхъ видовъ, дѣйствовать безчестно. Для избѣжанія этихъ невыгодъ, законодательство наше возвратилось къ той мѣрѣ, которая постоянно употреблялась въ древней Россіи и приносила, повидимому, пользу, а именно: оно предписало, чтобы всѣ безъизъятія городскія сословія, какъ *служилыя*, такъ и *жилецкія*, выбирали въ подъячіе людей *добрыхъ*, которые бы всему городу и всей общинѣ были *любы*. При этомъ требовалось, чтобы отцы ихъ не были обязаны никакою другою службою въ казакахъ, стрѣльцахъ, пушкаряхъ, затинщикахъ, и не принадлежали къ податному сословію, такъ чтобы обращеніемъ ихъ въ подъячіе казенный интересъ не потерпѣлъ ущерба. О выборѣ такихъ подъячихъ составлялся особый актъ, за подписью избирателей, и объ этомъ сообщалось Разряду. Кромѣ такихъ подъячихъ, другимъ нецозволено носить это званіе, и только первые получали жалованье [1].

Для наблюденія за площадными подъячими былъ изъ среды ихъ же самихъ избираемъ и Государемъ утверждаемъ особый *староста*; безъ вѣдома его не должны быть совершаемы крѣпости, и онъ долженъ былъ смотрѣть, чтобы подъячіе исполняли свои обязанности и чтобы казенныя, за совершеніе актовъ взимаемыя пошлины были собираемы какъ слѣдуетъ. Подъячіе, оказавшіе неповиновеніе старостѣ, по представленію его, отрѣшались отъ должности; самому же старостѣ, въ случаѣ, если онъ не объявитъ о противузаконныхъ поступкахъ подчиненныхъ ему лицъ, по дружбѣ или изъ корыстныхъ видовъ, законъ грозилъ наказаніемъ «*безъ всякіе пощады*» [2].

Что касается до формы совершенія актовъ, то они писались въ столбцахъ, подписывались дьяками и подъячими, и скрѣплялись ими на склейкахъ листовъ, *на спаяхъ* [3] (если ихъ было болѣе одного), такъ что, слѣд., подмѣнить одну часть акта и вклеить въ столбецъ вмѣсто настоящаго листочка другой было трудно, если и невсегда невозможно. Въ царствованіе же Петра В., для уменьшенія споровъ, изъ крѣпостныхъ дѣлъ воз-

[1] 1657 г. авг. 23 (№ 213.) Имен. Ср. А. Юрид., № 286.
[2] А. Ист. V, № 149.
[3] А. Арх. Эксп. III, № 112.

никавшихъ, и для огражденія лицъ, вступающихъ между собою въ договоры, отъ ябедниковъ и составителей подложныхъ бумагъ, и наконецъ, въ видахъ пополненія казны, была введена *гербовая бумага*, которую велѣно держать въ Москвѣ, во всѣхъ приказахъ, въ городахъ, пригородахъ и въ волостяхъ, гдѣ есть приказныя избы. На этой бумагѣ подъ государственнымъ гербомъ должны были писаться всѣ акты, по какимъ бы то ни было договорамъ, и она была трехъ разрядовъ: *подъ большимъ орломъ*—для актовъ цѣною выше 50 рублей, съ платою за листъ въ пользу Оружейной Палаты, завѣдывавшей ея заготовленіемъ, по три алтына и двѣ деньги; крѣпости ниже 50 рублей совершались на бумагѣ средняго достоинства, *подъ гербомъ величиною противъ золотаго*, съ платою за листъ по двѣ деньги, и наконецъ для разныхъ просьбъ, сказокъ, выписей по дѣлопроизводству была установлена бумага *за печатью въ полузолотаго*, по одной деньгѣ за листъ. Только на гербовой бумагѣ того или другаго достоинства, сообразно свойству и цѣнѣ договора, могли быть совершаемы крѣпости, а безъ исполненія этого условія актамъ запрещено вѣрить, и кромѣ-того съ тѣхъ, у кого окажутся такія крѣпости, взыскивались пошлины или пеня вдвое. [1] Впослѣдствіи времени постоянно подтверждалось, чтобы всѣ крѣпости непремѣнно писались на гербовой бумагѣ, и хотя съ-тѣхъ-поръ цѣнность ея значительно увеличилась, хотя измѣнились названія и сущность актовъ, но начало это, за немногими только изъятіями, въ пользу казенныхъ, воспитательныхъ и богоугодныхъ заведеній, вполнѣ дѣйствуетъ до настоящаго времени [2].

Вслѣдъ за введеніемъ гербовой бумаги произведена перемѣна въ составѣ тѣхъ мѣстъ, которыя совершали акты; невыгода, проистекавшая отъ установленнаго въ этомъ отношеніи Уложеніемъ 1649 г. порядка состояла въ слѣдующемъ: такъ-какъ крѣпости на недвижимыя имѣнія, въ-случаѣ предъявленія о нихъ спора, разсматривались въ Помѣстномъ Приказѣ, то нерѣдко происходила безполезная продолжительная переписка ме-

[1] 1699 г. янв. 23. (№ 1673). Имен., окт. 12 (№ 1703) Имен.

[2] Ср. 1706 г. марта 7 (№ 2105) Имен., 1707 г. окт. 15 (№ 2160) Имен. октяб. 22 (№ 2162) Имен.

жду Помѣстнымъ Приказомъ и площадными подъячими о собраніи справокъ, сличеніи подписей и т. п., переписка, которая замедляла только теченіе дѣлъ, и которой легко было избѣжать, сосредоточивъ совершеніе актовъ въ томъ же Помѣстномъ Приказѣ. Поэтому было повелѣно писать всѣ акты въ Москвѣ, въ Помѣстномъ Приказѣ, *подъячимъ добрымъ*, съ вѣдома судей того Приказа, а вмѣсто прежнихъ послуховъ, изъ тѣхъ же площадныхъ подъячихъ предписано быть свидѣтелями на актахъ *людямъ добрымъ* и знатнымъ, по договорамъ цѣнными, тремъ, четыремъ и пяти человѣкамъ, а въ менѣе цѣнныхъ, рублей во сто или двѣсти, по два и по три человѣка. Въ подписи договаривающихся должно было объяснять, что при совершеніи акта были извѣстныя именно лица, съ означеніемъ ихъ чиновъ и самаго содержанія договора, по которому крѣпость совершается, чтобы впредь о томъ ни отъ кого спора и жалобъ не было. Всѣ эти документы вносились въ Помѣстномъ Приказѣ въ особыя записныя книги, за дѣячими подписями, съ подробнымъ опредѣленіемъ лицъ, вступающихъ въ договоръ, и предметовъ, составляющихъ содержаніе сдѣлки.

Таковъ былъ введенный Петромъ I-мъ порядокъ составленія актовъ въ Москвѣ; въ городахъ же, гдѣ были Разряды, обязанность писанія крѣпостей лежала на воеводахъ, на однихъ впрочемъ съ Помѣстнымъ Приказомъ основаніяхъ, а въ городахъ, гдѣ не было Разрядовъ, позволено писать акты по цѣнѣ во 100 рублей и меньше, но никакъ не болѣе этой суммы. Для записки же эти акты должны быть высылаемы въ Москву, въ Помѣстный Приказъ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ со времени ихъ совершенія, или послѣ возвращенія со службы и изъ посылокъ въ договорѣ участвующихъ лицъ. Наконецъ для записки старыхъ крѣпостей, совершенныхъ до изданія этого законоположенія, назначенъ полугодовой срокъ, который впрочемъ нѣсколько разъ былъ продолжаемъ тѣмъ, что истеченіе его было откладываемо отъ одного времени до другаго. Во всякомъ случаѣ, если изъ акта, въ срокъ незаписаннаго, возникнетъ споръ, то крѣпостямъ этимъ повелѣно вѣрить и про нихъ не должно даже розыскивать [1].

[1] 1699 г. дек. 9 (№ 1732 г.). Имен., ср. 1700 г. мая 30 (№ 1794 г.) Имен. 1701 г. іюня 21. (№ 858) Имен. 1702 г. марта 10 (№ 1902) Имен. 1704 г. янв. 26 (№ 1962) Имен. 1719 г. ноября 19 (№ 3455) Имен. 1729 г. декаб. 3 (№ 5484) сенатс.

Порядокъ этотъ существовалъ однако недолго, потому ли, что Помѣстный Приказъ и воеводы были обременены другими неменѣе важными обязанностями, или же и этотъ образъ составленія актовъ недостаточно обезпечивалъ святость договоровъ. Какъ бы то ни было, но въ 1700 уже году узаконено, чтобы всякія, за нѣкоторыми исключеніями, крѣпости писались въ Ратушѣ [1]. Въ городахъ обязанность эта лежала на Земскихъ Избахъ. [2] При-этомъ срокъ, назначенный для записки актовъ, оставленъ прежній двухъ-мѣсячный. [3]

Такимъ-образомъ законодательство Петра I-го по отношенію къ крѣпостной системѣ держалось того начала, что актъ долженъ получить окончательное утвержденіе въ томъ же присутственномъ мѣстѣ, въ которомъ впослѣдствіи времени, въ-случаѣ, еслибы объ этомъ актѣ возникъ споръ, будетъ производиться дѣло по самому содержанію крѣпости. Начало это могло имѣть благія послѣдствія при хорошемъ устройствѣ крѣпостной части: но этого-то и не доставало Самъ законодатель видѣлъ, что совершеніе крѣпостей замедлялось отъ-того, что служащіе въ тѣхъ Приказахъ, на которые обязанность эта возложена, были заняты другими дѣлами, и что просители должны были ждать совершенія крѣпостей по нѣскольку недѣль и даже мѣсяцевъ; а съ другой стороны крѣпости писались молодыми подъячими, неопытными въ этомъ дѣлѣ, и можетъ-быть, даже невсегда грамотными («писать малоумѣющими»). Кромѣ-того, что всѣ эти неудобства вредили частному кредиту гражданъ, вступавшимъ въ договоры между-собою съ какимъ-то опасеніемъ, что права ихъ нетверды, самое число крѣпостей вслѣдствіе того уменьшилось, и казна должна была лишиться части крѣ-

[1] Замѣчательно въ указѣ объ этомъ слѣдующее выраженіе, показывающее какъ-бы негодованіе на площадныхъ подъячихъ: «всякія крѣпости писать,... въ Ратушѣ ратушскія палаты *добрымъ подъячимъ, а не площадным*ъ». — Акты по договорамъ о наймѣ купцами извозчиковъ для перевозки товаровъ писались въ Московской Большой Таможнѣ, крѣпости на дворы въ Новонѣмецкой слободѣ въ Москвѣ велѣно было совершать въ Стрѣлецкомъ Приказѣ. 1701 г. января 24 (№ 1530) имен.

[2] 1700 г. января 1 (№ 1740).

[3] 1700 г. мая 30 (№ 1794) имен.

постныхъ пошлинъ. Во избѣжаніе такихъ неудобствъ, Петръ I-й произвелъ во всей нашей крѣпостной системѣ коренное преобразованіе; относительно же лицъ, акты писавшихъ, онъ возвратился къ порядку, Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича установленному, а именно: въ Москвѣ обязанность эта возложена на подъячихъ Палатки Ивановской-площади[1], особо для того прибранныхъ, числомъ двадцать-четыре, и подчиненныхъ высшему надзору Оружейной Палаты, съ тѣмъ только различіемъ, что свидѣтелями были не площадные подъячіе, а люди добрые и знатные. Для бо́льшаго въ этомъ важномъ дѣлѣ порядка, назначено крѣпостныхъ дѣлъ писцамъ [2] особое изъ крѣпостныхъ доходовъ содержаніе; но зато, если лица эти оказывались виновными въ какомъ-нибудь злом умыслѣ при совершеніи крѣпостей, то подвергались смертной казни или другому, по мѣрѣ вины, наказанію.

Между двадцати-четырьмя ивановскими подъячими занятія были раздѣлены такъ, что двадцать изъ нихъ писали крѣпости, [3] а четверо имѣли надзоръ, *надсмотръ* за ихъ дѣйствіями. Впослѣдствіи времени къ этимъ двадцати-четыремъ подъячимъ прибавлено десять особыхъ подъячихъ, которые, подъ надзоромъ *старосты*, называвшагося *челобитнымъ писцомъ*, должны были писать безграмотнымъ разныя бумаги, подписываться вмѣсто нихъ на крѣпостяхъ и быть при совершеніи актовъ, вмѣсто безграмотныхъ, свидѣтелями. [4] Другіе же восемь писцовъ и два надъ ними надсмотрщи-

[1] Впослѣдствіи времени при этой Палаткѣ образовался особый Приказъ Крѣпостныхъ Дѣлъ или Крѣпостной Приказъ. 1707 г. октября 28 (2164) Имен.; 1708 г. декабря 3 (№ 2216), Имен., состоявшійся въ Приказѣ Крѣпостныхъ Дѣлъ: «деньги и крѣпость, ради вершенья, отослать изъ Приказа Крѣпостныхъ Дѣлъ въ Палатку, гдѣ крѣпости пишутъ». 1709 г. марта 16 (№ 2228). 1710 г. апрѣля 26 (№ 2266): «а записи писать въ Москвѣ въ Приказѣ Крѣпостныхъ Дѣлъ.... а что въ прошлыхъ годахъ въ Приказѣ Крѣпостныхъ Дѣлъ было съ крѣпостей въ сборѣ», 1711 г. октября 31 (№ 2446).

[2] Ср. 1708 г. декабря 3 (№ 2215).

[3] О времени занятій подъячихъ и о дежурствѣ ихъ въ Крѣпостныхъ Дѣлъ Палатѣ подробныя правила заключаются въ боярскомъ приговорѣ 1703 года декабря 15 (№ 1955), и въ указѣ 1707 года октября 25 (№ 2163).

[4] 1706 г. апрѣля 15 (№ 2102) имен.

ка помѣщены въ Крѣпостной Палаткѣ при Гостиномъ-дворѣ, для письма крѣпостей между купцами и бѣломѣстцами.[1]

Всякій актъ долженъ быть совершаемъ въ самой палаткѣ, съ вѣдома и разрѣшенія надсмотрщиковъ; но если дающій актъ, за слабостью, болѣзнью или бѣдностью («за безлюдствомъ») не могъ ни самъ придти къ крѣпостнымъ дѣламъ, ни прислать вмѣсто себя повѣреннаго, то, съ разрѣшенія надсмотрщиковъ, крѣпостные писцы могли совершать акты и на дому, гдѣ договаривавшіяся лица и свидѣтели прикладывали къ крѣпостямъ руки.[2]

Затѣмъ велѣно было послать въ города изъ Окружной Палаты людей *знатныхъ*, заслуживавшихъ довѣрія, съ тѣмъ, чтобы они при помощи и содѣйствіи мѣстныхъ властей, воеводъ, бургомистровъ и ратушъ, избрали для письма крѣпостей столько подъячихъ, сколько то окажется необходимымъ, и надъ ними надсмотрщиковъ, изъ всякихъ чиновъ людей *въ знатности добрыхъ*, и вообще устроили крѣпостную часть, сообразуясь съ установленіемъ ея въ Москвѣ[3]. Крѣпостнымъ писцамъ и надсмотрщикамъ въ городахъ назначено жалованье[4] и для занятій ихъ велѣно въ *разрядныхъ городахъ*, гдѣ крѣпостей. совершается много, устроить близъ приказныхъ избъ особыя *писчія избы*[5], а въ небольшихъ городахъ въ самыхъ приказныхъ избахъ столы, съ тѣмъ притомъ различіемъ, что въ первыхъ, т. е. въ разрядныхъ городахъ могли быть совершаемы всякія, не ограничиваясь никакою суммою, крѣпости, а во вторыхъ не выше ста рублей, на высшую же сумму акты должно было писать или въ Москвѣ, или въ разрядныхъ городахъ. Наконецъ,

[1] 1711. г. октября 31 (№ 2446).

[2] 1701. г. янв. 30 (№ 1833) Им. марта 7. (№ 1838) апр. 7. (№ 1848) боярск. пригов.

[3] Когда крѣпостной писецъ оказывался виновнымъ по службѣ, то взыскивался штрафъ и съ поручителей по немъ. 1708 г. дек. 21 (№ 2219).

[4] Впослѣдствіи времени было опредѣлено, что сами подъячіе на свой счетъ изъ получаемаго ими содержанія должны покупать чернила, свѣчи, песокъ и дрова, потому-что всѣ эти предметы въ городахъ всегда дешевы, бумага же присылалась изъ Москвы. 1703 г. марта. 1, (№ 1927) боярс приг.

[5] 1703 г. марта 1 (№ 1927) боярск. приг.

въ волостяхъ и на погостахъ, въ разстояніи отъ городовъ болѣе десяти верстъ, всякія крѣпости о предметахъ малоцѣнныхъ, велѣно писать тѣхъ мѣстъ земскимъ и церковнымъ дьячкамъ, которые сбираемыя ими съ актовъ деньги должны были отсылать въ города воеводамъ и бурмистрамъ [1],

Мимо мѣстъ и лицъ, установленныхъ такимъ-образомъ для совершенія разнаго рода крѣпостей, запрещено, какъ Русскимъ такъ и иностранцамъ, въ Россіи пребывающимъ, писать какіе бы то ни было акты, равно какъ вступать въ договоры безъ совершенія письменныхъ условій. А потому, если оказывались у кого-либо акты, въ крѣпостныя книги незаписанные, то документамъ этимъ, какъ недѣйствительнымъ, невелѣно вѣрить, и съ виновныхъ въ ихъ совершеніи взыскивалась пеня.

Всѣми этими распоряженіями крѣпостная часть въ формальномъ отношеніи была устроена, и законодательство достигло двухъ цѣлей, а именно, чтобы граждане могли вѣрить въ святость крѣпостей и чтобы для облегченія вступленія въ договоры мѣста и лица, акты совершающія, были близки къ имѣющимъ въ нихъ нужду. Строгій надзоръ государства за тѣмъ, чтобы крѣпостные писцы и надсмотрщики были доброй нравственности, люди *добрые* и *знатные*, подробныя правила о томъ, какъ должны быть ведены книги, для записки актовъ установленныя, какъ совершаемы самыя крѣпости, вполнѣ удовлетворяли первому требованію; строгое же опредѣленіе, сколько за совершеніе каждаго акта должно быть собираемо крѣпостныхъ пошлинъ [2], и распредѣленіе обязанности писать акты между разными мѣстами и лицами, болѣе или менѣе близкими къ имѣющимъ въ нихъ нужду, облегчало для гражданъ вступленіе въ договоры и чрезъ то умножало доходъ казны. Установленіе это было конечно выше всего того, что̀ предшествовало ему по этой

[1] 1703 г. марта 1 (№ 1927) бояр. приг

[2] Прежде сборъ пошлинъ за совершеніе актовъ былъ неопредѣленъ и отяготителенъ уже и потому, что былъ произволенъ; такъ-напр. за подтвержденіе грамоты митрополитомъ, пошлинъ метрополичихъ отдано: печатнику метрополичу старцу Мисаилу 9 алтынъ и 2 деньги, да печатнаго алтынъ; да истобникомъ данъ алтынъ, да дьячихъ...да дворецкаго алтынъ, и т. д. А. Ист. 1. № 187, 208, 211.

части, и потому если оно впослѣдствіи времени и подвергалось разнымъ перемѣнамъ и усовершенствованіямъ, несмотря на то однако въ сущности оно дѣйствуетъ до настоящаго времени: измѣнились мѣста и лица, прежнія названія замѣнены новыми; но идея, лежавшая въ основаніи этого порядка, остается и въ нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ неприкосновенною. Впрочемъ самъ Петръ В. сознавалъ, что порядокъ, въ крѣпостныхъ дѣлахъ имъ введенный, можетъ съ теченіемъ времени оказаться несовсѣмъ удовлетворительнымъ, и что будутъ необходимы усовершенствованія по этой части, и потому онъ потребовалъ отъ воеводъ и бургомистровъ, которымъ былъ ввѣренъ мѣстный надзоръ за совершеніемъ актовъ [1], донесеній о необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, въ этомъ отношеніи исправленіяхъ, съ обѣщаніемъ имъ за такую заботливость объ общественномъ благѣ милостей, и съ угрозою въ противномъ случаѣ царскимъ гнѣвомъ и наказаніемъ [2].

Кромѣ точнаго и подробнаго опредѣленія законодательствомъ того, кто долженъ писать акты, неменѣе важенъ въ этомъ отношеніи и другой вопросъ о томъ, какъ должны быть совершаемы крѣпости: подъ этимъ только условіемъ можно предполагать въ гражданахъ полную вѣру въ неприкосновенность акта и въ святость договора, имъ утвержденнаго. Вслѣдствіе того законъ, опредѣляя форму совершенія актовъ, требуетъ, чтобы выраженіе въ нихъ воли лицъ, въ договоръ вступающихъ, было по возможности опредѣлено, и чтобы въ случаѣ начала о договорѣ спора судьи могли на основаніи крѣпости рѣшать, чего желали обѣ стороны при заключеніи сдѣлки.

Въ древней Руси, когда убѣжденіе о необходимости крѣпо-

[1] Въ 1706 г. Правительство, замѣтивъ, что воеводы употребляютъ во зло такое довѣріе къ нимъ государства, и что сами они изъ корыстныхъ видовъ производятъ безпорядки въ совершеніи крѣпостей, предоставило надзоръ этотъ однимъ ратушамъ и бургомистрамъ. 1706 г. янв. 8 (№ 2087.) Имен. марта 16 (№ 2099) имен.

[2] 1701. апр. 30 (№ 1850) боярс. приг., 1703 г., марта 1 (№ 1927) боярс. приг., августа (№ 1941) Имен., дек. 15 (№ 1953) боярс. приг., 1704 г. декаб. 3 (№ 2215 и 2216), дек. 21 (№ 2219), 1709 г. марта 10 (№ 2236) Имен., 1719 г. окт. 20 (№ 3936), 1719 г. ноября. 19 (№ 3455) Имен., 1730 г. февр. 13, (№ 3541) Имен., 1734 г. январ., 21 (№ 6537.) сенатс.

стей жило въ народѣ, внѣшняя форма совершенія актовъ была, какъ мы это уже видѣли, неопредѣленна, и каждый вступавшій въ договоръ выражалъ свое сознаніе о правѣ такъ или иначе, смотря по тому, что̀, по его убѣжденію, было лучше. Только по обычаю установилась извѣстная, всегда повторявшаяся форма актовъ, которая однако и законодателю показалась столь удобною и удовлетворительною, что утверждена имъ. Съ другой стороны, общее убѣжденіе гражданъ въ необходимости крѣпостей для твердости договоровъ было вполнѣ раздѣляемо и законодательствомъ. Поэтому, начиная въ-особенности со временъ Петра I-го, крѣпостная система вошла въ свои права, такъ, что та только сдѣлка пользовалась полною защитою и всегдашнимъ покровительствомъ предъ лицомъ закона, которая была утверждена письменнымъ актомъ, и та только крѣпость утверждалась, которая составлена согласно волѣ Государя и предписаніямъ закона. Положительно можно сказать, что никакое другое, изъ новыхъ, по-крайней-мѣрѣ, законодательствъ не можетъ похвалиться такимъ развитіемъ и такою полнотою законовъ по крѣпостной части, какія встрѣчаемъ въ нашемъ отечествѣ.— Кромѣ вліянія на насъ въ этомъ отношеніи Византіи, кромѣ убѣжденія народа въ необходимости крѣпостей, развитію этой части нашего права способствовалъ очень много финансовый разсчетъ государства, сбиравшаго отъ совершенія актовъ извѣстный въ пользу свою доходъ, какъ-бы въ вознагражденіе за то покровительство, которое оно обѣщаетъ каждому при совершеніи акта, и которое ему дѣйствительно оказывается всякій разъ, когда изъ сдѣлки, актомъ утвержденной, возникнетъ споръ, и онъ дойдетъ до разбирательства судомъ. Поэтому желаніе и необходимость положительно и подробно опредѣлить, сколько именно слѣдуетъ сбирать при совершеніи каждаго акта гербовыхъ и крѣпостныхъ пошлинъ послужили поводомъ и основаніемъ для раздѣленія крѣпостей на роды и виды. Раздѣленіе это, какъ важно было для современниковъ его установленія по своей опредѣлительности, и по тому, что давало каждому вступавшему въ договоръ лицу мѣрило, сколько будетъ съ него взыскано пошлинъ, такъ, съ другой стороны, достойно вниманія въ историческомъ отношеніи, какъ основаніе для нынѣ дѣйствующаго раздѣленія крѣпостей. Къ нему то мы теперь и переходимъ.

Что въ до-Петровскомъ законодательствѣ не было строгаго разграниченія крѣпостей на роды и виды, вполнѣ объясняется тѣмъ, что до Петра не выработались еще никакія твердыя и опредѣленныя о нихъ правила, и что пошлины съ совершенія актовъ взимались если и невсегда произвольно, то очень часто по усмотрѣнію лица или мѣста, актъ совершавшаго. Введеніе у насъ, въ концѣ XVII столѣтія, гербовой бумаги разнаго достоинства, съ требованіемъ, чтобы каждая сдѣлка, какого бы рода и какой бы цѣнности она ни была, непремѣнно утверждалась актомъ, написаннымъ на соотвѣтствующей ей бумагѣ подъ гербомъ, имѣло необходимымъ послѣдствіемъ раздѣленіе крѣпостей на роды и виды. Сообразно тому установлено три разряда (статьи) крѣпостей и опредѣлено, какія сдѣлки принадлежатъ каждому изъ нихъ.

Къ первому разряду крѣпостей причислены всѣ акты, относящіеся до покупки, продажи, залога, мѣны и вообще до поступки всякаго рода недвижимыхъ имѣній — вотчинъ, помѣстій, дворовъ, лавокъ, людей и крестьянъ съ землею, и кромѣ-того служилыя кабалы на людей, купчія, поступныя и данныя на дворовыхъ, судныя на крестьянъ, отпускныя на волю и, наконецъ, духовныя завѣщанія.

Крѣпости второй статьи обнимали собою разнаго рода сдѣлки и договоры съ подрядчиками и мастеровыми о производствѣ работъ, поставкѣ хлѣба и другихъ припасовъ, равно-какъ пеньки, льну, поташа, смолы, сала, пороху, селитры, кирпича, дровъ, угля, сѣна и кожи. Сюда же отнесены сдѣлки о содержаніи торговыхъ бань, мытовъ, мельницъ, перевозовъ, рыбныхъ ловель, и вообще разныхъ заводовъ и промысловъ.

Наконецъ, къ крѣпостямъ третьяго разряда причислены акты, которые пишутся съ неустойками, а именно: сдѣлочныя и договорныя записи о всякаго рода предметахъ, отдѣльныя между родителями и дѣтьми, раздѣльныя между братьями, наемныя разнаго рода, какъ до имѣній, такъ и до личныхъ услугъ касающіяся, и наконецъ, разные акты о крестьянахъ безъ земли, и отпускныя крестьянамъ на выводъ [1].

[1] Основныя для этого раздѣленія актовъ законоположенія суть указы 1701 г. янв. 30 (№ 1833) Ист., и 1705 г. ноября 6 (№ 2080).

Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено, что при совершеніи крѣпостей взимаются за написаніе ихъ пошлины канцелярскія въ бо́льшемъ или мѣньшемъ количествѣ, смотря по тому, на скольких листахъ написанъ актъ, какая цѣнность договора, имъ утвержденнаго, сколько лицъ въ немъ участвуетъ, и т. д. Независимо отъ того взыскивались крѣпостными писцами и крѣпостныя пошлины, если актъ по свойству своему таковъ, что не требуетъ болѣе явки въ другомъ какомъ-либо приказѣ для *записки*. Въ противномъ случаѣ, т. е. если крѣпость, напр. о переходѣ недвижимаго имѣнія или духовное завѣщаніе получаетъ значеніе тогда только, когда будетъ явлена къ запискѣ въ Помѣстномъ, Судномъ, Земскомъ и т. п. приказѣ, въ Ратушѣ или другомъ присутственномъ мѣстѣ [1], то при написаніи акта взимались только канцелярскія пошлины, а при *записк*ѣ его, для чего отъ времени написанія былъ назначенъ двухъ-мѣсячный срокъ [2], сбирались и крѣпостныя пошлины [3]. Для сбора въ надлежащемъ количествѣ тѣхъ и другихъ, для охраненія выгодъ какъ государства, такъ и опредѣленныхъ имъ по крѣпостной части дѣятелей, были узаконены разныя мѣры наблюденія [4]; такъ за-

[1] Т. IV. Полн. Соб. Зак. стр. 327; 1709 г. апрѣля 2 (№ 2131) Имен., 1716 г. янв. 25 (№ 2987) Сенатск., 1719 г. февр. 16 (№ 3307) Имен., нояб. 19 (№ 3455) Имен. 1720 г. іюля 19 (№ 3612) Сенатс., 1723 г. іюля 11 (№ 4266) Сенатс., 1739 г. Сентяб. 21 (№ 7905) Сенатс.

[2] 1700 г. мая 30 (№ 1794) имен.

[3] Этотъ порядокъ продолжался до 1720 г. іюля 19 (№ 3612), когда при самомъ написаніи акта стали взимать и крѣпостныя пошлины, что подтверждено и въ царствованіе Государя Императора Петра II (1729 г. декаб. 3) (№ 5484) Сенатс. Для записки же крѣпостей и сбираемыхъ за нихъ пошлинъ введены въ 1738 г. слѣдующія книги: 1., приходная, 2., вотчинная, 3., дворовая, 4., крестьянская, 5., рядная, 6., сдѣлочная, 7., подрядная, 8., жилая, 9., заемная, 10., избная, 11., приказная, 12., расходная и 13., настольная. Ихъ велѣно было вести съ величайшею точностью по предписанной для каждой изъ нихъ формѣ. 1738 г. іюня 8 (№ 7594) Сенатс.; 1739 г. Сентяб. 21 (№ 7905) Сенатс.

[4] Съ этою цѣлью былъ даже установленъ особый крѣпостныхъ дѣлъ дьякъ, 1719 г. октяб. 20 (№ 3496), нояб. 19 (№ 3455) Имен., 1720 февр. 13 (№ 3521) Имен., мая 27 (№ 3592) 1723 г. іюля 11 (№ 4266) Сенатс., 1732 г. іюня 21 (№ 6100) Сенатс., 1733 г. сентября 21 (№ 6487) Сенатскій.

прещено подъ видомъ исправленія одного и того же, какъ бы несостоявшагося, акта совершать новыя крѣпости, скрывать дѣйствительную цѣнность сдѣлокъ, и т. п., однимъ-словомъ, покровительство, оказываемое каждому, кто законнымъ образомъ ограждалъ свои права отъ нарушенія, и трудъ уполномоченныхъ къ совершенію крѣпостей лицъ были строго оцѣнены, и безъ уплаты узаконенныхъ пошлинъ актъ не могъ быть совершаемъ [1].

Строгая отчетливость и опредѣленность въ содержаніи акта была необходимымъ послѣдствіемъ такого финансоваго начала, и потому постановлено, чтобы при совершеніи акта писцы и надсмотрщики наблюдали за полнымъ и точнымъ его изложеніемъ; во избѣжаніе же всякихъ подлоговъ въ содержаніи актовъ, велѣно писать ихъ на листахъ, вмѣсто прежнихъ столбцовъ, и запрещены подчистки и поправки въ содержаніи крѣпостей и въ рукоприкладствѣ подъ ними, а въ случаѣ, еслибы такія поправки были неизбѣжны, велѣно ихъ оговаривать. Далѣе законъ требовалъ опредѣлительности въ рукоприкладствѣ подъ актомъ, какъ самихъ въ договоръ вступавшихъ, такъ и свидѣтелей, и наконецъ, подъячаго, актъ совершавшаго, съ тѣмъ при томъ, чтобы между содержаніемъ крѣпости и подписками лицъ этихъ не было оставляемо мѣсто. Еслибы подлинный документъ по какому-либо случаю утратился, то просителю выдавалась выписка изъ крѣпостныхъ книгъ, съ означеніемъ на этой копіи, по добросовѣстному показанію лица, сколько по акту было уплачено и сколько остается недоплаченнымъ .[2]

Тѣже начала, которыми руководствовалось законодательство Петра В. при приведеніи въ стройный порядокъ крѣпостной части, были приняты и преемниками этого Государя, при дальнѣйшихъ въ ней усовершенствованіяхъ. Всѣ эти перемѣны, по

[1] 1700 г. марта 8 (№ 1774) боярс. прик., мая 30 (№ 1793) Имен., 1701 г. янв. 30 (№ 1833) Имен., марта 7 (№ 1838).

[2] 1701 янв. 30 (№ 1833) Имен., марта 7 (1838) Нак., апр. 30 (№ 1850) боярс. приг., 1705 г. нояб. 6 (№ 2080) Имен., 1719 г. окт. 20 (№ 3436) инстр. крѣпост. дѣлъ дьяку п. 13, 21, 25, 1729 г. февраля 3. (№ 5365) Сенатс.

бо́льшей части впрочемъ до формы касавшіяся, имѣли цѣлью съ одной стороны обезопасить полное и своевременное вступленіе въ казну пошлинъ, назначенныхъ за совершеніе актовъ, а съ другой предупредить опредѣленностью и точностью содержанія и формы актовъ тяжбы и споры, какъ о смыслѣ крѣпостей, такъ и о твердости ихъ. Стремленіе къ тому государства совершенно понятно: оно условливается тѣмъ важнымъ значеніемъ, которое имѣетъ у насъ крѣпостной актъ въ приложеніи ко всѣмъ почти отраслямъ гражданской юридической дѣятельности, и убѣжденіемъ, что для полнаго довѣрія гражданъ къ бумагѣ, освященной посредничествомъ государства, необходимы особенная опредѣленность въ содержаніи актовъ и такая твердость и ненарушимость ихъ внѣшней формы, чтобы эти качества побуждали каждаго, имѣющаго нужду въ актѣ, прибѣгать къ совершенію крѣпости, какъ къ твердому оплоту противъ несправедливости. Потребность въ такой твердости актовъ и сознаніе того нашимъ законодательствомъ не подлежатъ никакому сомнѣнію, и потому хотя бы мы могли пройдти молчаніемъ цѣлый рядъ явленій, клонившихся къ измѣненію внѣшняго, по бо́льшей части порядка совершенія крѣпостей, мы должны однако коснуться ихъ, чтобы объяснить необходимость реформы, произведенной въ этомъ отношеніи Императрицею Екатериною II, реформы, послужившей краеугольнымъ камнемъ для нынѣ дѣйствующаго по крѣпостной части законодательства.

Крѣпостная часть находилась въ завѣдываніи разныхъ мѣстъ и лицъ, Петромъ I установленныхъ, и дѣятельность ихъ слѣдовала началамъ и правиламъ, этимъ Государемъ начертаннымъ, до царствованія Императрицы Анны Іоановны, когда крѣпостныя дѣла подчинены высшему надзору *Крѣпостной Конторы*, учрежденной при Вотчинной Коллегіи. Выгода, представлявшаяся отъ такой перемѣны, состояла въ томъ, что при совершеніи крѣпости подъ надзоромъ Вотчинной Коллегіи на недвижимое имѣніе, можно было безъ дальнѣйшей переписки и безъ всякихъ затрудненій отыскать, не предъявлено ли къ имѣнію спора, не находится ли оно подъ запрещеніемъ и не продано ли оно. Окончательная же при этомъ цѣль состояла въ правильномъ устройствѣ крѣпостнаго за совершеніе актовъ сбора.

Въ руководство Крѣпостной Конторѣ даны были прежде из-

данныя о совершеніи актовъ разнаго рода постановленія, которыя велѣно было собрать и привесть въ порядокъ [1]; а вслѣдствіе частныхъ случаевъ, показавшихъ, что то или другое узаконеніе, ко вреду казеннаго интереса или святости договоровъ, нарушается такъ или иначе, подтверждалась сила прежнихъ правилъ, какъ относительно изложенія крѣпостей, такъ и сбора пошлинъ за ихъ написаніе и за переходъ имѣнія отъ одного лица къ другому [2].

За тѣмъ въ 1763 г. совершеніе всякихъ крѣпостей поручено въ Москвѣ Юстицъ-Коллегіи, а въ С.-Петербургѣ Юстицъ-Конторѣ [3]. Наконецъ когда по Учрежденію о губерніяхъ установлены гражданскія палаты, которыя соединили въ себѣ департаменты юстицъ и вотчинной коллегіи [4], то къ предметамъ вѣдомства этого присутственнаго мѣста отнесено и совершеніе крѣпостей всякаго рода, и при томъ безъ ограниченія ни суммою, ни мѣстомъ положенія имѣнія, составляющаго содержаніе договора [5]. Сообразно же съ прежнимъ, установленнымъ Петромъ I порядкомъ, позволено въ уѣздныхъ судахъ писать крѣпости цѣною не свыше ста рублей [6].

Отступленіе отъ общаго, введеннаго Учрежденіемъ о губерніяхъ во всей Россіи порядка совершенія крѣпостей было допущено Государемъ Императоромъ Павломъ Петровичемъ для обѣихъ столицъ: въ нихъ совершеніе разнаго рода актовъ по-

[1] 1740 г. мая 11 (№ 8102).

[2] 1752 г. іюля 29 (№ 10,015) Сенатс., 1773 г. февр. 21 (№ 13,950) Указъ изъ юстицъ-коллегіи, 1781 г. окт. 29 (№ 15,267) Сенатс., 1807 г. апр. (№ 22,527), 1808 г. октяб. 28 (№ 29,317) Имен., 1810 г. апр. 7 (№ 24,187), Сенатс., 1817 г. ноября 30 (№ 27,169) Сенатс., 1819 г. іюня 13 (№ 27,836) Сенатс., 1820 г. авгус. 31 (№ 28,491) Сенатс. и др.

[3] 1763 г. дек. 15 (11,989) Маниф., п. 13.

[4] 1775 г. ноября 7 (№ 14,392) ст. 115.

[5] Ср. Сенатс. указъ 1781 г. октября 29 (№ 15,267).

[6] Изъ послѣдняго правила дѣлались впрочемъ исключенія для мѣстъ, отдаленныхъ отъ губернскихъ городовъ. 1805 г. іюня 18 (№ 21,801). Имен., 1811 г. декабр. 18 (№ 24,915). Впослѣдствіи времени разрѣшено писать крѣпости цѣною до 500 руб. въ уѣздныхъ судахъ всей Россіи, 1819 г. февр. 24 (№ 27,692).

ручено юстицскому гражданскихъ дѣлъ департаменту городского управленія.[1] Впослѣдствіи времени, съ возстановленіемъ въ столицахъ общаго губернскаго управленія, обязанность совершенія крѣпостей перешла снова къ гражданскимъ палатамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако, въ видахъ мѣстной пользы жителей городовъ торговыхъ, приморскихъ и вообще состоящихъ на особыхъ правахъ, допущены нѣкоторыя изъятія изъ общаго порядка, и совершеніе крѣпостей ввѣрено особеннымъ мѣстамъ и лицамъ, какъ то: коммерческимъ судамъ въ Одессѣ, Таганрогѣ [2], повѣтовымъ, главнымъ и генеральнымъ судамъ малороссійскихъ и западныхъ губерній [3], нашимъ миссіямъ и консульствамъ, при иностранныхъ державахъ установленнымъ [4] и т. п.

Наконецъ, говоря о мѣстахъ и лицахъ, совершающихъ разнаго рода акты и крѣпости, мы не можемъ не остановиться еще на *маклерахъ* и *нотаріусахъ* и не коснуться ихъ исторіи. Первоначально былъ установленъ *гофъ-маклеръ*, съ цѣлью чисто торговою: законодательство имѣло при этомъ въ виду сблизить, въ торговомъ классѣ, предлагателей и потребителей, купцовъ и продавцовъ, и тѣмъ облегчить торговые обороты, какъ казны, такъ и частныхъ людей, за что̀ посредникъ получалъ по деньгѣ съ рубля [5]. Впослѣдствіи времени гофъ-маклеръ сталъ агентомъ собственно казны, посредникомъ при ея оборотахъ, заключеніи подрядовъ и переводѣ суммъ [6]; для частныхъ же торговыхъ оборотовъ установлены регламентомъ главнаго магистрата маклера̀ во всѣхъ приморскихъ и другихъ торговыхъ городахъ. Лица эти избирались магистратомъ, и безъ ихъ посредства не могъ быть заключенъ никакой договоръ между купцами. По этому законъ требовалъ, чтобы въ это званіе были

[1] 1798 г. сент. 12 (№ 18,662) Имен. гл. III п. 1, 2; 1799 г. январ. 17 (№ 18,822) гл. III п. 1. 2.

[2] 1820 г. ноября 5 (№ 28,456) Имен., 1824 г. февр. 13 (№ 29,789).

[3] 1825 г. мая 29 (№ 30,36.) Сенатск 4

[4] 1765 г. декабр. 2 (№ 12,517) Сенатс. 1820 г. октябр. 25 (№28,444) п. 9, 12.

[5] 1717 г. марта 17 (№ 3074) Именн.

[6] 1731 г. января 22 (№ 5682) Сенатс.

избираемы изъ купеческаго сословія люди добрые, въ торгахъ и вексельныхъ переводахъ искусные, и чтобы они подъ присягою обѣщали добросовѣстно исполнять свои обязанности [1].

Еще болѣе точныя и подробныя объ этомъ предметѣ правила заключаются въ вексельномъ уставѣ Императора Петра II, 1729 г. На основаніи этого законоположенія, всѣ денежныя между купцами сдѣлки должны быть совершаемы чрезъ посредство присяжныхъ маклеровъ, которые въ книгахъ своихъ должны были съ точностью записывать, кому и когда данъ вексель, кому онъ переданъ, на какой срокъ, въ какой цѣнѣ и т. п., такъ чтобы въ случаѣ спора можно было разбирать дѣло при пособіи маклера и его записныхъ книгъ [2]. Этою важностью значенія маклеровъ въ гражданскихъ сдѣлкахъ объясняется, почему законодательство наше обращало постоянное на лица эти вниманіе, подчиняло ихъ особенному надзору, и кромѣ уполномоченныхъ къ исполненію обязанности этой маклеровъ запрещено другимъ отправлять ихъ должность [3].

Близость этихъ лицъ къ каждому, кто имѣлъ въ нихъ нужду, и неформальность заключенія сдѣлокъ при посредствѣ маклеровъ, облегчали гражданамъ вступленіе въ разнаго рода договоры. Чрезъ то увеличился доходъ государственный [4] и обороты капиталовъ стали быстрѣе и разнообразнѣе [5]. Поэтому бывшее первоначально чисто торговымъ, значеніе маклеровъ, мало-по-малу, и въ особенности съ изданія Устава благочинія 1782 г., расширялось, и лица эти получили назначеніе быть посредниками между гражданами, не только при написаніи векселей и другихъ коммерческихъ сдѣлокъ, но и при заключеніи вообще гражданскихъ имущественныхъ контрактовъ и условій, по бо́льшей части къ обыкновеннымъ, ежедневнымъ оборотамъ

[1] 1721 г. января 16 (№ 3708) Реглам. главнаго магистрата, гл. XIX.

[2] 1729 г. мая 16 (№ 5410) п. 32.

[3] 1729 г. іюня 7 (№ 5420) Сенатс., 1796 г. сентября 16 (№ 17510) Имен. п. 2; 1800 г. сентября 23 (№ 19568) Имен.

[4] 1812 г. февраля 11 (№ 24992), стр. 187 § 7, стр. 18, 19, 20.

[5] 1737 г. сентября 9 (№ 7368) Сенатс.

относящихся [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ маклера перестали существовать въ однихъ коммерческихъ городахъ, а постепенно вводились во всѣхъ городахъ, населенныхъ мѣстахъ, и даже въ отдѣльныхъ частяхъ городовъ. Далѣе, для заключенія условій, особенно часто повторяющихся (найма слугъ и рабочихъ людей, кораблей, городовыхъ амбаровъ, для биржевыхъ сдѣлокъ) установлены особые маклера, этими сдѣлками исключительно занимающіеся [2]. Вслѣдствіе того маклера, по различію особенныхъ занятій и мѣстъ, при которыхъ они учреждены, носятъ особенныя названія, а именно: биржевые маклера, гофъ-маклера, корабельные маклера, маклера государственнаго коммерческаго банка, судоходныхъ расправъ, ремесленныхъ управъ маклера слугъ и рабочихъ людей, маклера цеховые и морскаго страхованія [3].

Тѣ же обязанности, которыя лежатъ на маклерахъ, а именно посредничество при заключеніи договоровъ и условій, равно какъ совершеніе векселей и заемныхъ писемъ, имѣютъ и нотаріусы, съ нѣкоторыми только преимуществами относительно протеста векселей и явки заемныхъ писемъ по срокѣ [4].

Долговременнымъ, вѣковымъ шествіемъ своимъ законодательство наше по крѣпостной части, начиная съ памятей, кабалъ и записей, дошло до современнаго своего состоянія, преслѣдуя одну цѣль: сдѣлать договоръ и актъ, который служитъ внѣшнимъ его выраженіемъ, твердымъ и ненарушимымъ. Основныя при этомъ начала состояли въ томъ, чтобы съ точностью и подробностью опредѣлить, въ какихъ случаяхъ и по какимъ

[1] 1782 г. апрѣля 8 (№ 15379) п. 179—190.

[2] 1754 г. мая 5 (№ 10,222) Сенатс., 1755 г. декабря 1 (№ 10,486) Таможенный уставъ гл. VIII., 1759 г. ноября 9 (№ 11,008) Сенатс., ноября 29 (№ 11,011) Сенатс., 1760 г. февраля 18 (№ 11,034) Сенатс., 1762 г. апрѣля 15 (№ 11,504) Сенатс., 1781 г. іюня 25 (№ 15,176), Уст. Купеч. водоходства, ст. 168, 169, 170, 174, 180; 1782 г. апрѣля 5 (№ 15,377) п. 123—132, 1810 г. октября 29 (№ 24,391), стр. 412 гл. 1. § 3, 1820 г. апрѣля 10 (№ 28,233) Сенатс.

[3] Св. Зак. Тор., Т. XI, ст. 2228 сл. Св. Зак. Гражд. Т. X. ст. 681. 683—695, ср. ст. 681, 689 въ VII прод.

[4] Св. Зак. Торг. Т. XI, ст. 2225 и прим. 2, Св. Зак. Гражд. Т. X. ст. 682. 684 (по XI прод). ср. 1808 г. Іюля 10 (№ 23,152).

именно сдѣлкамъ акты должны быть совершаемы извѣстнымъ должностнымъ лицомъ или присутственнымъ мѣстомъ, и съ другой стороны, обозначить внѣшнія обрядовыя дѣйствія, которыхъ соблюденіе должно было воспрепятствовать, хотя въ нѣкоторой степени, допущенію подлоговъ и разныхъ другихъ злоупотребленій и безпорядковъ, въ ущербъ выгодъ казенныхъ и въ подрывъ взаимнаго довѣрія гражданъ. Вслѣдствіе того законъ предписываетъ различныя правила для совершенія актовъ, и требуетъ ихъ исполненія, подъ условіемъ, въ противномъ случаѣ, ничтожности акта и недѣйствительности самой сдѣлки. Такимъ-образомъ, съ одной стороны сохраняетъ полное свое значеніе основное для всей гражданской имущественной дѣятельности правило, по силѣ котораго каждый обезпечиваетъ себя и свое право въ той мѣрѣ, въ какой считаетъ это для себя необходимымъ и выгоднымъ, и съ другой стороны, какъ присутственныя мѣста и должностныя лица, акты совершающія, такъ и частные люди, въ договоръ между собою вступающіе, знаютъ, чего требуетъ законъ для того, чтобы актъ имѣлъ значеніе, и подъ какими условіями онъ признается недѣйствительнымъ.

Историческій ходъ развитія нашей крѣпостной системы служитъ лучшимъ доказательствомъ, что законодательство наше ни на шагъ не отступало отъ такихъ благихъ стремленій, и хотя тихо, но тѣмъ съ бо́льшею осторожностью шло къ тому, что́ дѣйствуетъ у насъ теперь по этому предмету; давъ разъ полное значеніе крѣпости, совершенной подъ надзоромъ и при посредствѣ государства, законъ не могъ остановиться, не развивъ до мельчайшихъ подробностей этого важнаго ученія, въ которомъ малѣйшій недосмотръ, малѣйшая неточность выраженія могутъ имѣть гибельныя послѣдствія для гражданской дѣятельности. По этому современное намъ законодательство опредѣляетъ чрезвычайно подробно, какимъ должностнымъ лицамъ и присутственнымъ мѣстамъ ввѣрено совершеніе актовъ, до какой степени принадлежитъ каждому изъ нихъ это право и какими началами должны они руководствоваться при совершеніи разнаго рода сдѣлокъ, при отмѣнѣ ихъ; даны образцы для внѣшней ихъ фор-

мы и т. д. [1].—Всѣ эти правила мы видѣли уже въ зародышѣ въ историческомъ обзорѣ нашего предмета, и потому здѣсь мы упомянемъ только о раздѣленіи актовъ и о существенныхъ между ними различіяхъ.

Для написанія крѣпостей существуютъ при разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, на началахъ, Учрежденіемъ о губерніяхъ установленныхъ, такъ называемыя *крѣпостныя дѣла* съ *крѣпостными писцами* и *надсмотрщиками*. Коренное же различіе актовъ, въ книги у крѣпостныхъ дѣлъ вносимыхъ, состоитъ въ томъ, что одни изъ нихъ вносятся для совершенія ихъ крѣпостнымъ порядкомъ, безъ чего они признаются недѣйствительными, а другія являются только для засвидѣтельствованія. Тѣ и другіе, бывъ записаны у крѣпостныхъ дѣлъ, именуются *крѣпостными*, но при точнѣйшемъ опредѣленіи первые суть: 1) *акты, крѣпостнымъ порядкомъ совершенные*, а вторые 2) *акты явочные*. Къ первому разряду актовъ принадлежатъ крѣпости, купчія и закладныя, дарственныя записи и вообще всякаго рода акты, которыми производится переходъ отъ одного лица къ другому права собственности на недвижимое имущество, на крѣпостныхъ людей и рекрутскія зачетныя квитанціи, равно какъ и окончательные акты объ увольненіи крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы. Къ актамъ же втораго рода, т. е. къ явочнымъ, причислены духовныя завѣщанія, рядныя записи на движимое имѣніе, росписи приданому, крѣпостныя заемныя письма, закладныя на движимое имѣніе, раздѣльныя, отдѣльныя и запродажныя записи, наемныя, подрядныя и всякія другія, кромѣ актовъ перваго рода, крѣпостнымъ порядкомъ совершаемыхъ. Сверхъ-того есть еще: 3) акты, *у маклерскихъ дѣлъ являемые*, каковы договоры о наймѣ недвижимыхъ имуществъ, договоры о подрядахъ, домовыя заемныя письма и договоры о личномъ наймѣ, и 4) *домашнимъ порядкомъ совершенные*, къ числу которыхъ принадлежатъ договоры о продажѣ движимыхъ имуществъ, счеты, подписанные должникомъ, договоры объ отдачѣ на сохраненіе или о поклажѣ и довѣренности, на которыя по закону не требуется вѣрющихъ писемъ [2]. О совершеніи

[1] Св. Зак. Гражд. Т. X., ст. 573 сл.

[2] Сводъ Зак. Гражд. Т. X. ст. 594 (по 1-му прод.) 1283—1287.

каждаго рода и вида актовъ законъ предписываетъ подробныя и опредѣленныя правила и требуетъ точнаго и непремѣннаго ихъ исполненія. Особенное же вниманіе обращено на акты, крѣпостнымъ порядкомъ совершаемые, какъ потому, что они заключаютъ въ себѣ распоряженія о переходѣ самаго важнаго и вообще говоря, самаго цѣннаго имѣнія недвижимаго, такъ, съ другой стороны, и потому еще, что при этомъ весь процессъ укрѣпленія права происходитъ подъ надзоромъ и при посредничествѣ государства, и слѣдовательно, частные люди должны имѣть къ крѣпостямъ этимъ особенное довѣріе.

Всякій актъ, въ какой бы формѣ, съ какими бы предосторожностями онъ ни совершался, какое бы значеніе ему ни придавалось, сообразно важности содержанія самаго документа, посредничеству того должностнаго лица, или присутственнаго мѣста, которымъ воспользовался гражданинъ, окончательная цѣль при этомъ одна — заявить и утвердить надлежащимъ образомъ, согласно съ требованіями закона, выраженіе своей воли на извѣстное дѣйствіе, опредѣленное, какъ въ формальномъ, такъ и матеріальномъ отношеніи. Къ достиженію такой цѣли и направлены всѣ формальности, предписываемыя законами. Имѣя въ виду эту цѣль, они заботятся какъ о томъ, чтобы актъ не содержалъ въ себѣ распоряженій противузаконныхъ, и слѣдовательно, не сдѣлался недостойнымъ покровительства государства, такъ и о томъ, чтобы при совершеніи акта были устранены всѣ обстоятельства, которыя могли бы породить сомнѣніе, дѣйствительно ли воля лицъ, вступающихъ между собою въ договоръ, выразилась именно въ такой формѣ и съ такимъ содержаніемъ, какъ-то слѣдовало по убѣжденію сторонъ и какъ они того желали.

Сообразно съ тѣмъ, какъ выразилась воля договаривающихся лицъ, каждая изъ сторонъ пріобрѣтаетъ тѣ или другія права и беретъ на себя бо́льшія или меньшія обязанности, и въ той же мѣрѣ должна выполнить свои обязанности, не болѣе. Освобожденіе ея отъ того можетъ, собственно говоря, послѣдовать только по взаимному согласію контрагентовъ, если одинъ изъ нихъ, имѣющій право требовать исполненія договора, по какимъ бы то ни было причинамъ или разсчетамъ, отказывается отъ своего права, а другой изъявитъ на то согласіе. Но кромѣ-того есть случаи, въ которыхъ точное и своевременное исполненіе обязательствъ становится или затруднительнымъ, или даже невозможнымъ; напр. наводненіе или пожаръ, причинившіе значитель-

ный вредъ фабрикамъ или заводамъ, на которыхъ должны бы приготовляться предметы поставки; мелководіе, неожиданно случившійся падежъ скота въ пути, или необыкновенная распутница, разбитіе судовъ бурею и другіе несчастные случаи [1]. Какъ несправедливо было бы при подобныхъ обстоятельствахъ, чтобы сторона, въ пользу которой договоръ долженъ быть исполненъ, отказалась отъ своихъ правъ, если только она сама отъ нихъ не отречется, такъ было бы несправедливо, и иногда даже безчеловѣчно, требовать отъ лица исполненія его обязанностей по договору, тогда какъ это невозможно по физическимъ, для человѣка непреодолимымъ причинамъ. Договоръ долженъ быть непремѣнно выполненъ, но по такимъ обстоятельствамъ исполненіе его откладывается и отсрочивается до минованія препятствій, и за неточность эту лицо не подвергается отвѣтственности и разнымъ невыгодамъ, которыхъ бы оно не избѣжало при другихъ данныхъ.

Исключеніе это однако ничуть не нарушаетъ общаго правила, по силѣ котораго гдѣ есть обоюдное согласіе, тамъ и опредѣленіе послѣдствій юридическаго дѣйствія не можетъ быть произвольнымъ, а должно прямо вытекать изъ того, какъ выразилась вовнѣ воля контрагентовъ: на этомъ основывается обязательная сила договоровъ, на этомъ же зиждется и вся крѣпостная система. Но начало это невполнѣ приложимо къ тѣмъ дѣйствіямъ, которымъ не только не предшествуетъ законно-выраженное согласіе двухъ лицъ, вступающихъ тѣмъ не менѣе между собою въ юридическое соотношеніе, но которыя, по своей природѣ, даже таковы, что если бы одна сторона вполнѣ сознавала, а иногда знала только, къ чему стремится другая, она употребила бы всѣ усилія, чтобы предупредить событіе. Дѣйствія эти потому только и встрѣчаются, что одно лицо, не подозрѣвая въ другомъ злаго умысла, не приняло мѣръ предосторожности и вдалось въ обманъ. Сюда принадлежатъ всѣ дѣйствія, совершенныя, по выраженію Русской Правды, *пакощами* [2], похищеніе чужаго имущества, незаконное пользованіе имъ, равно какъ силами чужихъ людей (напр. бѣглыхъ), нанесеніе ущербовъ и убытковъ и т. п. Съ другой же стороны есть дѣйствія противузаконныя, которыя совершаются лицомъ не по злому умыслу, не потому, что его воля испорчена и что оно

[1] Св. Зак. Гражд. Т. X. ст. 1703 (ср. 1-е прод.)

[2] Русская Правда *Калачева*, стр. 118.

изъ чужой ошибки хотѣло извлечь для себя пользу ко вреду ближняго, а допущены имъ по ошибкѣ (напр. пользованіе чужою вещью вмѣсто своей), по неосмотрительности, (пожаръ отъ неосторожности, истребивъ одинъ домъ, повредилъ и сосѣдній), иногда по необъяснимой и неотвратимой причинѣ (отъ Божія изволенія) или по обстоятельствамъ, которыхъ предвидѣть было нельзя (напр. буря срываетъ крышу съ одного дома и причиняетъ тѣмъ вредъ сосѣднему), или наконецъ, ошибка эта, основываясь на доводѣ законномъ, только съ теченіемъ времени оказывается такою (напр. думая, что послѣ умершаго не осталось ближайшихъ родственниковъ, присутственное мѣсто, послѣ узаконенныхъ вызововъ наслѣдниковъ, вводитъ во владѣніе имѣніемъ дальняго родственника, который, не подозрѣвая другихъ наслѣдниковъ съ бо́льшими правами, спокойно пользуется имѣніемъ, пока ошибка не будетъ открыта. Во всѣхъ этихъ случаяхъ втораго разряда нанесеніе ущербовъ и убытковъ (развѣ только они произошли отъ причинъ, которыхъ ни предвидѣть, ни предотвратить человѣкъ не былъ въ состояніи), равно какъ владѣніе чужимъ имуществомъ безъ законнаго на то позволенія со стороны хозяина, рождаетъ отвѣтственность предъ тѣмъ лицомъ, чье право нарушено, и возлагаетъ на нарушителя обязанность вознаградить другое лицо за то, что ему нанесенъ ущербъ, что оно или лишилось своего имущества, или не имѣло возможности пользоваться имъ на правахъ хозяина и извлекать изъ него выгоды, собственнику принадлежащія.

При такомъ добросовѣстномъ или недобросовѣстномъ нарушеніи чужихъ правъ, выгоды сторонъ въ соотношеніе между собою приходящихъ, вступаютъ въ борьбу, и какъ та сторона, право которой нарушено, желаетъ бо́льшаго по возможности вознагражденія, такъ другая стремится доказать добросовѣстность своего незаконнаго дѣянія и старается поставить себя въ самое выгодное положеніе. Уравновѣсить интересы обѣихъ сторонъ, опредѣливъ, чрезъ разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла, въ чемъ заключается противозаконность дѣянія и какія права имъ нарушены, составляетъ обязанность судьи. Съ постановленіемъ окончательнаго рѣшенія возникаютъ обязательныя отношенія между двумя лицами, если и не по обоюдному ихъ согласію, то вслѣдствіе такихъ дѣйствій, изъ которыхъ должно заключить, что совершающій ихъ могъ предвидѣть послѣдствія своего поступка и самымъ совершеніемъ его выразилъ какъ бы

согласіе подвергнуться всѣмъ могущимъ произойти отъ него невыгодамъ.

Вообще, если въ договорахъ въ законной формѣ выраженное согласіе договаривающихся служитъ основаніемъ для заключенія условія, то въ обязательствахъ оно замѣняется дѣяніемъ противозаконнымъ и рѣшеніемъ судьи, опредѣляющаго, что извѣстный поступокъ дѣйствительно существуетъ, что онъ незаконенъ въ томъ или другомъ отношеніи, въ бо́льшей или мѣньшей степени, и рождаетъ между двумя лицами юридическое обязательное соотношеніе.

Какъ бы то ни было, т. е. возникаетъ ли отвѣтственность по договору или по обязательству, принятыя или возложенныя обязанности должны быть непремѣнно выполнены, развѣ на отмѣну условій будетъ обоюдное согласіе сторонъ, или отсрочка выполненія необходима по какимъ-нибудь обстоятельствамъ.

Общимъ же правиломъ остается, что условіе должно быть исполняемо по точному его разуму и по силѣ нашихъ или иностранныхъ законовъ (если русскій подданный совершитъ его за границею), не обращая вниманія на побочныя обстоятельства и не взирая ни на какихъ особъ [1]. Недаромъ гласитъ пословица: уговоръ лучше денегъ, и долгъ платежемъ красенъ,—«рядись не торопись, а порядившись не лѣнись».

Единственнымъ въ этомъ случаѣ руководствомъ должно служить внѣшнее выраженіе обоюднаго согласія договаривающихся въ актѣ, и такъ-какъ выразить свою волю въ той или другой формѣ, съ такимъ или инымъ содержаніемъ, совершенно зависитъ отъ самихъ договаривающихся, то при исполненіи договора, актъ, служащій ему основаніемъ, долженъ быть изъясняемъ по словесному своему смыслу [2]. Начало это въ общемъ своемъ выраженіи совершенно справедливо и юридически вѣрно; но примѣненіе его въ практикѣ невсегда возможно: слово бываетъ иногда не въ состояніи выразить твердымъ и безспорнымъ образомъ оттѣнки гибкой до чрезвычайности воли. Кромѣтого какъ трудно и иногда невозможно бываетъ при написаніи контракта предвидѣть, какія послѣдствія изъ него возникнутъ, когда смыслъ того или другаго слова, перемѣна или перестановка слова, знака препинанія измѣняетъ нерѣдко самый смыслъ рѣчи или допускаетъ ея толкованіе. Разумѣется, какъ скоро возникаетъ споръ изъ договора, каждая изъ договаривающихся

[1] Св. Зак. Гражд. Т. X. ст. 3049, по VI прод.

[2] Тамъ же, ст. 1290.

сторонъ старается объяснить его въ свою пользу, и судья, котораго обязанность въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ только, чтобы изъ борьбы двухъ стремленій дойти, по возможности до истины, долженъ дѣйствовать осторожно и добросовѣстно, чтобы, увлекшись показаніями одной стороны, не дойти до ложнаго заключенія. Такъ-какъ буквальный смыслъ договора неясенъ и сомнителенъ, то судья, разбирая его, принимаетъ во вниманіе всѣ побочныя обстоятельства, могущія довести его до предположенной цѣли, и изъясняетъ договоръ по намѣренію, лежащему въ основаніи его, и по доброй совѣсти. При этомъ законодательство даетъ въ руководство судьѣ нѣсколько правилъ, которыя если приложимы и не ко всѣмъ случаямъ, когда дѣло можетъ идти объ объясненіи смысла неясныхъ договоровъ, тѣмъ не менѣе могутъ быть для него очень полезными при отысканіи, въ подобныхъ случаяхъ, истины. Правила эти состоятъ въ слѣдующемъ: 1) слова двусмысленныя должны быть изъясняемы въ разумѣ, наиболѣе сообразномъ существу главнаго предмета въ договорахъ; 2) не ставить въ вину, когда въ договорѣ опущено такое слово или выраженіе, которое вообще и обыкновенно въ договорахъ употребляется и потому само собою разумѣется; 3) когда договоръ, по неясности словеснаго смысла, изъясняется по намѣренію его и по доброй совѣсти, тогда неясныя статьи объясняются по тѣмъ, которыя несомнительны и вообще по разуму всего договора, и 4) когда выраженія, въ договорѣ помѣщенныя, не опредѣляютъ предмета во всѣхъ его частяхъ съ точностью, тогда принадлежности его изъясняются обычаемъ, если впрочемъ неопредѣлены онѣ закономъ [1].

Цѣль всѣхъ этихъ правилъ состоитъ въ томъ, чтобы открыть истинный смыслъ договора при посредствѣ разныхъ соображеній, и стремленіе это конечно можетъ увѣнчаться успѣхомъ: судья, разсмотрѣвъ дѣло во всей его полнотѣ, доходитъ иногда до настоящаго значенія договора; но съ другой стороны, весьма часто, при всемъ своемъ желаніи успокоиться на такомъ твердомъ убѣжденіи, остается онъ въ сомнѣніи, которое порождаютъ и увеличиваютъ спорящія лица своими обоюдными показаніями и опроверженіями. Судья готовъ бы былъ поровну раздѣлить выгоды и невыгоды сторонъ, но справедливость требуетъ другаго,—правому отдать все, ему принадлежащее, а отъ виновнаго

[1] Св. Зак. Гражд. Т. X. ст. 1291.

отобрать все, чѣмъ онъ владѣетъ незаконно. При такомъ томительномъ сомнѣніи, при колебаніи, которое добросовѣстному человѣку не позволяетъ сказать послѣднее слово ни въ пользу одной стороны, ни въ обвиненіе другой, онъ прибѣгаетъ опять къ тому же началу, по силѣ котораго каждый въ такой мѣрѣ пользуется покровительствомъ закона, въ какой самъ онъ воспользовался имъ для огражденія своего права отъ нарушенія. А такъ-какъ при заключеніи договора выгода въ опредѣленіи условій на сторонѣ того, кто обязуетъ другаго къ чему бы то ни было, то въ случаѣ неопредѣленности смысла договора и начатія о томъ спора, на лицѣ этомъ лежитъ обязанность доказывать, что настоящій смыслъ договора такой именно, а не другой, и поэтому въ случаѣ равнаго съ обѣихъ сторонъ недоумѣнія, сила его изъясняется болѣе въ пользу обязавшагося.

Однако при этой строгости, съ которою законъ требуетъ непремѣннаго исполненія договора, нерѣдко рождается вопросъ, до кого именно обязанность эта касается? Не разъ уже мы имѣли случай замѣчать, что основаніемъ для силы и дѣйствія договора служитъ правильное и законно выраженное согласіе двухъ лицъ, физически и юридически способныхъ имѣть свою самостоятельную волю и выражать ее во внѣ, въ той или другой формѣ, по своему усмотрѣнію. Въ-слѣдствіе того и обязательность договора не выходитъ изъ предѣловъ сторонъ, вступившихъ между собою въ юридическое соотношеніе, а самая сила и степень обязательности опредѣляются актомъ, въ которомъ выразился договоръ. Другія же побочныя и неприкосновенныя къ договору ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ лица, неизъявившія своего согласія на то, чтобы при извѣстныхъ условіяхъ отвѣтственность по обязательству падала на нихъ, свободны отъ нея.

Таково общее правило; но обязательство, какъ и всякое имущество, можетъ переходить отъ одного лица къ другому, по передачѣ, уступкѣ въ узаконенной формѣ, по наслѣдству и. т. д. Тогда возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ обязательство удерживастъ свою силу при подобной перемѣнѣ лицъ? Въ этомъ отношеніи необходимо различать два рода сдѣлокъ: одни имѣютъ въ виду и окончательною цѣлью пріобрѣтеніе или переходъ имущества, (напр. купля—продажа, мѣна, заемъ, поставка), а другія клонятся къ пріобрѣтенію правъ на личныя услуги (наемъ людей, подрядъ работниковъ, довѣренность.)

Кѣмъ бы ни было въ договорахъ перваго рода уступлено имущество, кѣмъ бы ни былъ отданъ долгъ, для кредитора все равно, лишь бы договоръ былъ исполненъ и лишь бы въ самомъ условіи, служащемъ основаніемъ для требованія, не было именно прибавлено, что ни одна сторона и никто изъ договаривающихся, не можетъ передавать свои права или обязанности другимъ. Такое преемство правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанностей условливается иногда самою необходимостью, а именно послѣ физической или политической (по осужденію за преступленіе) смерти лица, въ которомъ они сосредочивались, къ наслѣдникамъ его, узаконеннымъ образомъ согласившимся принять наслѣдство, вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ имѣніемъ и съ претензіями на другихъ переходятъ и долги умершаго, которые и уплачиваются всѣми воспользовавшимися выгодами наслѣдства, соразмѣрно полученной части имѣнія. [1]

Если въ договорахъ чисто имущественныхъ лица, въ нихъ участвующія, могутъ измѣняться, и чрезъ то ничуть не уменьшается обязательная сила условій, то, напротивъ, въ обязательствахъ личныхъ, гдѣ все зависитъ отъ личности тѣхъ, кто вступилъ въ договоръ, подобная замѣна лицъ, вообще говоря, не можетъ имѣть мѣста. Нанимая кого-нибудь въ услуженіе, поручая повѣренному хожденіе по дѣламъ, управленіе имѣніемъ и. т. п. каждый разсчитываетъ на личныя качества и способности того, съ кѣмъ онъ вступаетъ въ соотношеніе, и довѣряетъ ему потому, что знаетъ его за добраго, честнаго и понимающаго свое дѣло человѣка. Разсчитывая на его добрыя качества, наниматель, довѣритель назначаетъ ему извѣстное вознагражденіе за труды, даетъ ему бо́льшія или ме́ньшія права, предоставляетъ ему ту или другую власть, а съ измѣненіемъ личности измѣняются и условія. По этому договоры о дѣйствіяхъ личныхъ почитаются обязательными единственно для лицъ, условіе заключившихъ, и не распространяются на ихъ потомство [2] Впрочемъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, отъ воли частнаго лица зависитъ оградить свои права такъ, чтобы обязанность, лежащая по договору на одномъ лицѣ, по смерти его была исполнена его преемникомъ (напр. сыномъ, который занимается однимъ съ своимъ отцомъ промысломъ). Само собою однакоже разумѣется, что при всемъ томъ, какъ скоро къ чистоличнымъ усло-

[1] Св. зак. гражд Т. X, ст. 1040, 1295, 1301 1682.

[2] Тамъ же, ст. 1296.

віямъ о производствѣ работъ, наймѣ для личныхъ услугъ ит. п. примѣшиваются какіе-нибудь разсчеты имущественные, сила которыхъ законнымъ образомъ утверждена совершеннымъ въ установленномъ порядкѣ актомъ, такая вещественная обязанность должна быть исполнена, несмотря на то, что лицо, которое собственно обязалось, уже не существуетъ, такъ на пр. по подряду, необезпеченному залогомъ или закладомъ, данъ подрядчику задатокъ, и еще до начатія работъ подрядчикъ умеръ. Главное условіе о производствѣ работъ, какъ личное, умираетъ вмѣстѣ съ личностью подрядчика, но задатокъ (если, разумѣется, у вѣрителя есть законный на него актъ и если нѣтъ особеннаго условія о невзысканіи задатка въ случаѣ смерти подрядчика до производства работъ) долженъ быть возвращенъ изъ имѣнія умершаго.

И такъ вообще тотъ документъ,(какого бы рода и названія онъ ни былъ) которымъ утверждается договоръ, служитъ главнымъ, если и невсегда единственнымъ и исключительнымъ источникомъ для объясненія, кѣмъ и въ какой мѣрѣ договоръ долженъ быть исполненъ. По этому лица, вступающія въ обязательныя между собою отношенія, должны болѣе всего стараться о томъ, чтобы актъ, на которомъ они современемъ будутъ основывать свои притязаніями, отличался полнотою и отчетливостью, чтобы и содержаніе договора было строго опредѣлено. Послѣднему предмету, какъ одному изъ существенныхъ въ теоріи договоровъ, мы посвящаемъ послѣднюю главу нашего сочиненія.

Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное».

Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ 1706 года.

44. **ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКѢ.** С.Пб. 1852 г.

45. **ОТЧЕТЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ** за 1851 годъ С.Пб. 1852 г.

Конечно бо́льшая часть изъ просвѣщенныхъ петербургскихъ жителей, кому только было время, успѣли посѣтить въ-теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ это величественное и драгоцѣнное, теперь совсѣмъ обновленное книгохранилище, которымъ по справедливости можетъ гордиться не только Петербургъ, но и вся Россія. Сколько тутъ рѣдкостей и сокровищъ, приводящихъ въ восторгъ истыхъ библіофиловъ! Проходя по прекраснымъ заламъ библіотеки и оглядываясь кругомъ, думаешь, что всѣ эти плоды и труды ума и искусства сюда сносились постепенно, много вѣковъ, а на самомъ дѣлѣ наши старики еще помнятъ, какъ былъ положенъ первый камень въ основаніе этого хранилища. Одна изъ младшихъ по лѣтамъ, И. П. Библіотека въ настоящее время представляется одною изъ старшихъ въ Европѣ по своему драгоцѣнному собранію. Потому ея исторія тѣмъ для насъ любопытнѣе и утѣшительнѣе. Еслибы мы вздумали говорить о русскихъ библіотекахъ, ея предшественницахъ, то нашли бы

весьма мало фактовъ, хотя и могли бы начать съ отдаленной старины. У насъ велись библіотеки съ самаго начала христіанства, и первымъ примѣромъ была кіевская Печерская обитель. Можно догадываться, что была библіотека, не маленькая по тогдашнему времени, и у Ярослава I, любившаго *книжную мудрость*; потомъ многіе монастыри и соборы имѣли свои книгохранилища, но все это истлѣло, пропало, оставивъ по себѣ самые ничтожные слѣды. Съ Іоанна III, въ Москвѣ стала получать свое начало библіотека, извѣстная въ-послѣдствіи подъ именемъ *патріаршей*. Въ ней было значительное число рукописей, болѣе греческихъ, завезенныхъ къ намъ Греками. Эту-то библіотеку можно назвать старѣйшею изъ существующихъ въ Россіи. При Алексіѣ Михайловичѣ, уже была дворцовая библіотека; въ то же время постепенно составилась небольшая библіотека при Посольскомъ Приказѣ, уже изъ книгъ печатныхъ, конечно преимущественно на иностранныхъ языкахъ; въ ея составъ, какъ можно догадываться, входили болѣе книги конфискованныя у опальныхъ иностранцевъ. Изъ частныхъ русскихъ людей, собиравшихъ книги, извѣстенъ уважаемый въ исторіи бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ; у него была библіотека изъ книгъ, на разныхъ языкахъ: славянскомъ, латинскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ, польскомъ; мы даже можемъ указать на замѣчательныя изъ нихъ: *Книга Виргилія Стихотворца на лат.*; *книга Антонія Поссевина, на латин. яз.*; *книга о гражданскомъ житіи, на латин. яз.*; *книга конска, въ лицахъ, на польск. яз. въ бумажныхъ доскахъ, учительная*; *книга огороднаго и пахатнаго строенія, въ лицахъ, на нѣм. яз.*; *книга чертежей палатныхъ, въ лицахъ, на нѣм. яз.*; *книга Аристотеля* и много другихъ. Петръ Великій имѣлъ у себя отборную библіотеку для собственнаго употребленія. Наконецъ, съ учрежденіемъ Им. Академіи Наукъ, 1726 г. получила начало первая въ Россіи библіотека, какъ собственность государственная, которая должна была приращаться и независимо отъ лицъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе. Здѣсь впервые у насъ стали собирать замѣчательныя произведенія по всѣмъ отраслямъ наукъ на различныхъ языкахъ. Съ учрежденіемъ московскаго университета (1755 г.) основалась другая замѣчательная у насъ библіотека. Императрица Екате-

рина II купила для себя у Вольтера и Дидеро извѣстныя ихъ библіотеки, которыя поступили въ составъ эрмитажной. Во все это время нѣкоторые изъ частныхъ лицъ также заботились о собраніи отборныхъ книгъ въ своихъ кабинетахъ, чѣмъ особенно извѣстенъ бывшій при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ Президентомъ Академіи Наукъ и потомъ умершій посланникомъ нашимъ въ Копенгагенѣ баронъ Іоаннъ Альбертъ Корфъ. Но всѣ эти книгохранилища были доступны только академикамъ, профессорамъ и немногимъ другимъ лицамъ; большинство публики не могло ими пользоваться. Наконецъ, Императоръ Александръ явился истиннымъ благодѣтелемъ этого большинства, открывъ для образованія двери новаго книгохранилища, которое было названо Императорскою Публичною Библіотекою, и въ короткое время стало выше всѣхъ своихъ предшественницъ. Первымъ ея основаніемъ была библіотека польскихъ графовъ Залускихъ, привезенная въ 1795 г. изъ Варшавы въ Петербургъ, въ числѣ 262,000 экземпляровъ. Императрица Екатерина назначила для нея выстроить особое зданіе, и указала именно на то мѣсто, гдѣ теперь находится Императорская Публичная Библіотека. Но ея желаніе было выполнено уже Августѣйшимъ ея сыномъ въ 1801 г. Первые годы существованія этой библіотеки были несовсѣмъ для нея благопріятны; отъ стеченія особенныхъ случайностей утратилось нѣсколько тысячъ экземпляровъ, одни пропали, другіе истлѣли отъ вліянія сырости и гниlаго воздуха. Но съ 1810 г. пошло совершенно другое: библіотека стала быстро обогащаться и пріобрѣтать сокровище за сокровищемъ. Въ библіотекѣ Залускихъ оказалось книгъ на славяно-русскомъ языкѣ 15, и на русскомъ 5; эти-то 20 книгъ были первымъ основаніемъ богатѣйшей славяно-русской библіотеки нашего времени. Положеніемъ 1810 г. опредѣлено доставлять въ библіотеку по два экземпляра всего и на всѣхъ языкахъ вновь печатаемаго во всѣхъ областяхъ Россіи. Въ это же время библіотеку снабдили Синодъ, Сенатъ, Академія Наукъ и университеты значительнымъ числомъ изданныхъ ими книгъ; сюда же поступало, въ разное время, значительное число изъ придворныхъ коллекцій. Иностранныя книги и рукописи библіотека пріобрѣтала болѣе покупкою, а иногда и получая въ даръ отъ различныхъ особъ. Сюда

вошли драгоцѣнныя и рѣдкія собранія Дубровскаго, въ 1805 г. (однихъ автографовъ разныхъ историческихъ лицъ до 8 000); потомъ 208 рукописей и 214 старопечатныхъ книгъ Фролова (въ 1817); библіотека графа Вязмитинова (въ 30 т. р. асс); ардебильская восточная библіотека (1828 г.); множество восточныхъ рукописей, доставшихся какъ трофей въ турецкую войну; восточная коллекція Фетъ-Али-Шаха; драгоцѣнная коллекція церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей съ XI по XVIII в. и 377 старопечатныхъ книгъ, съ 1491 г. по 1727, графа Толстаго (въ 150 т. р. асс); библіотеки Сапеги, Ржевускаго, Чарторижскихъ (до 10,000 книгъ, 300 рукописей), варшавская (до 115 т. книгъ и 2 т. рукописей); богатая библіотека графа Сухтелена (до 27,000 книгъ); со множествомъ рукописей и автографовъ. Наконецъ, въ нынѣшнемъ году куплена по Высочайшей волѣ превосходная библіотека доктора Ру. Изъ частныхъ пожертвованій особенно замѣчательно куп. С. Ф. Соловьева (въ 1848 г.), состоявшее въ собраніи рѣдкихъ и дорогихъ изданій вышедшихъ изъ-подъ станковъ всѣхъ славянскихъ типографій, начиная съ краковской 1491 г. Въ прошедшемъ году библіотека, какъ видно изъ отчета, пріобрѣла 6,904 сочиненія въ 10218 томахъ, кромѣ 62 рукописей и 1,100 автографовъ. Такимъ-образомъ, пріобрѣтая различными способами, Императорская Публичная Библіотека въ настоящее время заключаетъ въ себѣ болѣе 600,000 томовъ печатныхъ книгъ на всѣхъ языкахъ, кромѣ мелкихъ брошюръ, которыхъ полагается до 50,000; болѣе 21,000 рукописей на 41 языкѣ; болѣе 40,000 эстамповъ и наконецъ автографовъ до 350 коллекцій, содержащихъ въ себѣ до 30,000 отдѣльныхъ піесъ.

Кромѣ 1810 г. мы можемъ указать еще на три года, замѣчательные въ исторіи Императорской Публичной Библіотеки. Въ 1814 г. (2-го янв.) Библіотека была открыта для публики (три дня въ недѣлю), и сдѣлалась вполнѣ полезнымъ учрежденіемъ для образованія всѣхъ, его ищущихъ, сдѣлалась какъ бы помощницею людей, занимающихся наукою. Въ 1834 г. Библіотека значительно распространена изящною пристройкою, которая, вмѣстивъ въ себя всѣ сокровища ума, своею внѣшностью стала на ряду съ лучшими зданіями Петербурга. Наконецъ въ 1851 году была передѣлана вся внутренность зданія; она полу-

чила также изящный видъ, который блеститъ не роскошью, а приличною простотою; въ этомъ же году Библіотека пріобрѣла значительное число рѣдкихъ книгъ, рукописей, гравюръ и др. Нельзя не радоваться за современное благое стремленіе Начальства Библіотеки соединить съ прежнимъ ея энциклопедическимъ характеромъ другой спеціальный, и такъ сказать *народный*, именно: собрать 1, всѣ книги, напечатанныя въ Россіи, или гдѣ бы то ни было, *на русскомъ и славяно-русскомъ языкахъ*, и 2, всѣ книги, изданныя *о Россіи на иностранныхъ языкахъ*. За эту цѣль Библіотеки будетъ благодарить не одинъ русскій патріотъ. Въ настоящее время весь составъ Библіотеки раздѣляется на девятнадцать отдѣленій, но мы здѣсь остановимъ вниманіе читателя только на особенно любопытныхъ. Конечно здѣсь первое мѣсто занимаетъ хранилище рукописей и старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ. Надо употребить много времени, чтобы высмотрѣть во всей подробности все открытое глазамъ посѣтителя въ этой прекрасной залѣ, но это еще малая часть всей коллекціи, бо̀льшая часть которой хранится въ шкафахъ. Сколько столѣтій лежатъ на многихъ изъ этихъ рѣдкостей; сколько народовъ, климатовъ земель напоминаютъ онѣ; сколько историческихъ лицъ и событій здѣсь возникаютъ въ вашемъ воображеніи! Здѣсь вы увидите письмена индійскія на пальмовыхъ листахъ, египетскія іероглифы на папирусахъ, рукописи арабскія, еврейскія, ефіопскія, китайскія; здѣсь лежитъ санскритская поэма *Багавадгита*; здѣсь лежатъ алкораны, которые васъ удивятъ своею каллиграфической роскошью; большое собраніе латинскихъ рукописей, начиная отъ *папируса IV вѣка*; письмена меровингскія, карловингскія, библія французскаго короля Карла V (XIII вѣка); многія изъ нихъ написаны такъ четко и мѣлко, что вашъ глазъ готовъ ихъ принять за печатныя. Здѣсь вы увидите собственноручныя письма Филиппа II, короля испанскаго, и его супруги, Изабеллы, Елисаветы англійской, Маріи Стуартъ, Генриха IV и др. Здѣсь вы можете разсматривать письма нашихъ Монарховъ съ половины XVII столѣтія; автографы извѣстныхъ нашихъ писателей; непапечатанную трагедію Державина: «*Василій Темный*»; переводъ Жуковскаго Гомеровой Одиссеи, рукопись, въ которой видѣвъ весь процессъ рабо-

ты нашего недавно умершаго поэта; черновыя басни Крылова со всѣми въ нихъ поправками и др. Здѣсь, по своему желанію, вы можете видѣть автографы почти любаго изъ извѣстныхъ историческихъ лицъ Европы—монарховъ, государственныхъ людей, поэтовъ, историковъ, ученыхъ. Здѣсь вы увидите знаменитое Остромирово Евангеліе, первый нашъ письменный памятникъ, дошедшій къ намъ изъ глубины вѣковъ (1056 г.); Святославовъ сборникъ (1076 г); болѣе 70 списковъ Евангелія, отъ XI до XVII столѣтія, и много, много другихъ списковъ, которые вамъ можетъ указать путеводитель. Здѣсь же хранится богатѣйшая коллекція старопечатныхъ церковно-славянскихъ и славяно-русскихъ книгъ съ 1491 по 1708 г. Другое замѣчательное и важное для насъ зало—это *Русское Отдѣленіе*, гдѣ собраны всѣ плоды духовной дѣятельности нашего отечества, выразившейся въ словѣ, съ самаго того года, когда была напечатана первая русская книга преобразованнымъ (гражданскимъ) шрифтомъ (Приклады како пишутся комплементы, 1708 г.) до настоящаго года. Вспомнимъ, что первое основаніе русскаго отдѣленія состояло изъ двадцати книгъ библіотеки Залускаго, теперь же здѣсь находится до сорока тысячъ томовъ, и Начальство Библіотеки, при своей, уже упомянутой, спеціальной цѣли, обращаетъ особенное вниманіе на пополненіе этой коллекціи всѣмъ, чего ей недостаетъ. Замѣчательно также огромное Ларинское-зало, названное такъ по повелѣнію Государя Императора (1835), въ честь московскаго купца Ларина, пожертвовавшаго значительный капиталъ на разныя общеполезныя заведенія. Въ ней хранятся до 60,000 томовъ историческихъ сочиненій, всѣ старые уважаемые сборники, книги, принадлежащія къ замѣчательнымъ библіографическимъ рѣдкостямъ; но что особенно служитъ украшеніемъ Ларинской-залы, то это огромное собраніе великолѣпныхъ и самыхъ дорогихъ изящныхъ (иллюстрированныхъ) изданій: живописныя путешествія, особенно по Востоку, оружейные музеи, изданія нумизматическія, гербовники и мн. др. Чтобы представить цѣнность всѣхъ изданій, довольно упомянуть только объ одномъ Бастардовомъ собраніи миніатюръ и орнаментовъ изъ древнихъ манускриптовъ: оно стоило, по подпискѣ, 36,000 франковъ (9,000 руб. сер.).

И все это всякій посѣтитель можетъ разсматривать, перелистывать, и, разумѣется, всему восхищаться. Замѣтимъ, что это во всей Европѣ единственная библіотека, въ которой посѣтителю даются въ руки подобныя изящныя изданія. Въ этомъ установленіи, какъ видно, нравственная польза ставится выше всего! Весьма много любопытнаго заключаетъ въ себѣ зала XVII, гдѣ выставлены на видъ посѣтителя типографическія рѣдкости, которыми Библіотека можетъ похвалиться передъ всею Европою. Здѣсь, между-прочимъ находятся листы изъ *первой* книги, напечатанной въ *первой* типографіи, съ годомъ изданія, Гуттенбергомъ и Фаустомъ (майнцкая псалтырь 1457 г.), три единственные въ мірѣ экземпляра *Краковскаго служебника*, напечатаннаго въ 1484 г., *Майнцкая библія* — Фауста и Шеффера (1462); *Данте*, печатанный во Флоренціи 1481 года; библія Скорины, на бѣлорусскомъ нарѣчіи, напечатанная въ Прагѣ, (въ 1517—19 г.); здѣсь же находится и *первая* книга, напечатанная въ Великороссіи (въ московской типографіи), *Апостолъ* 1564 г.; также *первая* книга, напечатанная нынѣшними гражданскими буквами: «Приклады како пишутся комплементы» 1708 г.; первыя русскія вѣдомости церковной (1703 г.) и гражданской печати (1710 г.); первое изданіе *Уложенія Царя Алексья Михайловича*, и много другихъ рѣдкостей. Третій этажъ Библіотеки вмѣщаетъ въ себѣ богословское отдѣленіе, гдѣ число богословскихъ книгъ всѣхъ вѣковъ и на всѣхъ языкахъ доходитъ до ста тысячъ томовъ.

Въ этомъ краткомъ обозрѣніи мы назвали по имени только небольшое количество рѣдкостей, которыя хранитъ Императорская Публичная Библіотека. Читатель, не имѣвшій случая самъ обозрѣть всѣ ея залы, можетъ изъ этого себѣ составить только общее понятіе о всѣхъ ея сокровищахъ. «Путеводитель», изданный Библіотекою, служитъ не только прекраснымъ путеводителемъ, который указываетъ на всякую малѣйшую замѣчательность, присоединяя и свои объясненія, но и заочно знакомитъ въ подробности со всѣмъ, что̀ есть замѣчательнаго въ Библіотекѣ. Черезъ него можетъ познакомиться съ Библіотекою всякій, кто даже никогда не бывалъ въ Петербургѣ. Здѣсь излагается ея исторія, устройство, управленіе, расположеніе залъ и книгъ по отдѣленіямъ; причемъ обращается особенное

вниманіе на рѣдкости и драгоцѣнности Библіотеки. Прибавимъ къ этому, что книга (140 стр.) издана весьма изящно, съ двумя планами и двѣнадцатью картинками, изображающими наружный видъ зданія Библіотеки и нѣкоторыя изъ замѣчательныхъ ея залъ. Въ самомъ «Отчетѣ» мы нашли также немало любопытнаго и занимательнаго, особенно въ статьѣ «работы Библіотеки». Въ-заключеніе, замѣтимъ объ услугѣ, которую Императорская Публичная Библіотека оказываетъ ученому міру изданіемъ каталоговъ. Еще въ 1839 г. былъ изданъ описательный каталогъ греческихъ рукописей библіотекаремъ, докторомъ Муральтомъ, на латинскомъ языкѣ; въ нынѣшнемъ 1852 году Библіотека недавно выпустила въ свѣтъ подробный описательный каталогъ своихъ восточныхъ рукописей и ксилографовъ, подъ главною редакціею старшаго библіотекаря, академика Дорна. Какъ богата Библіотека восточными рукописями—это мы можемъ судить по каталогу, который содержитъ въ себѣ болѣе 700 печатныхъ страницъ въ большую восьмушку, и надо сказать, онъ изданъ весьма изящно, съ принадлежащими къ нему типами шрифтовъ, facsimile и пр. Изъ отчета Библіотеки видно, что она готовитъ изданіе подробнаго описательнаго каталога своей богатой эльзевирской коллекціи, простирающейся числомъ свыше 1,200 томовъ (изданія знаменитыхъ голландскихъ типографщиковъ Эльзевировъ, весьма уважаемыя всѣми библіофилами). Кромѣ этого, Начальство Библіотеки имѣетъ въ виду, можетъ-быть даже въ нынѣшнемъ году (какъ сказано въ отчетѣ), напечатать особый каталогъ всему, что̀ есть теперь въ Библіотекѣ особенно рѣдкаго и важнаго изъ иностранныхъ сочиненій о Россіи. Отъ Императорской же Публичной Библіотеки русскій ученый міръ скорѣе чѣмъ отъ кого-нибудь другаго можетъ ожидать изданія полнаго каталога всѣхъ русскихъ книгъ, въ чемъ теперь чувствуетъ недостатокъ всякій, кто занимается изслѣдованіемъ какого-нибудь предмета, относящагося до Россіи. Чувствуемъ всю трудность этого исполинскаго дѣла; но будемъ надѣяться, что Императорская Публичная Библіотека, при оживляющей ее нынѣ общеполезной дѣятельности, окажетъ русскому просвѣщенію и эту важную услугу.

46. КАВКАЗСКІЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1852 ГОДЪ, изданный отъ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Тифлисъ. 1851 г. (718 стр.)

Цѣль Кавказскаго Календаря не только быть для жителей Закавказья подручной памятной и справочною книгою въ житейскихъ дѣлахъ, но и знакомить всякаго съ этимъ мало извѣстнымъ краемъ со всѣхъ сторонъ. Совершенство всякаго мѣстнаго календаря опредѣляется болѣе или менѣе удачнымъ его примѣненіемъ къ самой мѣстности. Извѣстно, что Закавказскій край наполненъ разнородными племенами, исповѣдующими различныя религіи. Кавказскій Календарь стремится удовлетворить ихъ всѣхъ. Онъ, можно сказать, необходимъ для каждаго закавказскаго жителя, а вновь пріѣхавшій будетъ безпрестанно въ него заглядывать, и ни разу не скажетъ, что напрасно. Полнѣе этого календаря, мнѣ кажется, уже быть не можетъ никакого другаго. Онъ укажетъ путешественнику по Закавказскому краю всѣ дороги, всѣ примѣчательности, развалины и древности, очертитъ вкратцѣ ихъ исторію, скажетъ о прежнемъ и настоящемъ положеніи многихъ городовъ, даже упомянетъ, какія бываютъ мѣстныя болѣзни въ томъ или другомъ городѣ, и въ какое время года. Здѣсь найдутъ много данныхъ и астрономъ, и натуралистъ, и медикъ, и историкъ, и статистикъ, каждый для своей науки. Наконецъ, можемъ смѣло сказать, Кавказскій Календарь долженъ быть любопытенъ для всякаго, кто сколько-нибудь интересуется этимъ краемъ. Изъ него читатель не только хорошо познакомится съ настоящимъ положеніемъ и управленіемъ края, но изъ *статистическихъ очерковъ нѣкоторыхъ городовъ*, узнаетъ самую его исторію съ древнѣйшихъ временъ. Эта послѣдняя статья, (Отдѣл. третіе, стр. 275—453), написанная нѣсколькими лицами, особенно занимательна по своимъ историческимъ и статистическимъ извѣстіямъ. Мы конечно угодимъ нашимъ читателямъ, представивъ имъ историческій очеркъ города Тифлиса, который въ настоящее время обращаетъ на себя вниманіе всей Европы. Этотъ очеркъ мы заимствуемъ изъ описанія Тифлиса г. Рагозина (стр. 388—405).

Тифлисъ, по мѣстоположенію своему и по умѣренному климату, есть одно изъ здоровыхъ населенныхъ мѣстъ Закавказскаго края. Окруженный со-всѣхъ-сторонъ то отвѣсными, то покатыми горами, и помѣщаясь какъ-бы въ глубокой котловинѣ, онъ

пользуется тою особенностію, что перемѣны температуры совершаются въ немъ не такъ быстро, какъ въ другихъ сосѣдственныхъ мѣстахъ. Вообще мѣсячныя измѣненія температуры въ Тифлисѣ болѣе всего соотвѣтствуютъ мѣсячнымъ измѣненіямъ сѣверной Италіи, имѣющей репутацію умѣреннѣйшаго климата въ Европѣ. Средняя температура зимы въ Тифлисѣ, по многолѣтнимъ метеорологическимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ по стоградусному термометру Цельсія, равняется 2°,24, весны 12°,07, лѣта 23°,30, осени 12°,48. Тифлисъ извѣстенъ былъ въ глубокой древности. Первый разъ встрѣчаемъ мы населенность здѣсь въ 379 г. по Р. Х. Въ этомъ году персидскій полководецъ Убарабъ укрѣпляетъ одну изъ менѣе доступныхъ высотъ, окружающихъ нынѣшній Тифлисъ. Крѣпость названа тогда Шурихъ-циге. Но по грузинскимъ лѣтописцамъ Вахтанга и Вахушта, собственно городъ основанъ въ 455 году, царемъ Иверіи Вахтангомъ Горгосланомъ, имѣвшимъ своею резиденціею Мцхетъ. Со дня основанія городъ былъ раздѣленъ на три части: *Колиси*, нынѣшній старый городъ, *Тбилиси*, гдѣ нынѣ минеральныя бани, и *Нисани* и *Исани*, теперешній Авлабаръ. Основатель Тифлиса, царь Вахтангъ Горгосланъ построилъ четыре храма, существующіе и нынѣ.... Столицею Грузинскаго царства дѣлается Тифлисъ только при сынѣ и наслѣдникѣ Вахтанга, царѣ Дачи, который въ 499 г. переноситъ сюда свою резиденцію, сдѣлавъ Мцхетъ митрополіею духовной власти. Исторія Тифлиса до конца прошлаго столѣтія печальна. Она не что-иное, какъ рядъ повѣствованій объ опустошеніяхъ и даже совершенныхъ разореніяхъ города. Мало найдется городовъ, которые могли бы послѣ такихъ постоянныхъ бѣдствій и несчастій уцѣлѣть и процвѣтать. Начинается уже съ того, что не успѣлъ юный Тифлисъ отпраздновать столѣтіе своего основанія, какъ въ 570 г., при царѣ Бакурѣ II, Персіяне овладѣваютъ городомъ и даже царствомъ, и Тифлисъ дѣлается мѣстопребываніемъ персидскихъ правителей. Царь долженъ былъ бѣжать въ Колхиду. Такимъ-образомъ городъ находится во власти Салахидовъ персидскихъ до 580 г.; христіанство преслѣдуется и вводится огнепоклонство. Нынѣ мы еще видимъ, выше Бебутовской-улицы, на горѣ, около церкви Петхаинъ, развалины одного изъ капищъ, воздвигнутыхъ въ то время пер-

сидскими огнепоклонниками..... Въ 751 г. Тифлисъ претерпѣваетъ опять опустошеніе отъ военачальника Омара Мурванъ-Абулъ-Казима, желавшаго распространить въ Грузіи ученіе Мухаммеда. Въ 828 г. Тифлисъ разоряется до основанія Хозарами, проходящими Дарьяльское ущелье, которое есть *Porta Caucica* Страбона, *Babi-allan*, или *Dari-allan* восточныхъ писателей, *Даръ-іолы* Татаръ, *Хевисъ-кари* Грузинъ. Полагаютъ, что Тифлисъ обязанъ своимъ возобновленіемъ Емиру, военачальнику персидскаго шаха, посланному симъ послѣднимъ для управленія Иверіею. Емиръ отложился отъ своего шаха, и самъ объявилъ себя независимымъ.... Тифлисъ попеременно видитъ властителями своими то природныхъ своихъ царей, то персидскихъ правителей. Въ 1078 г. Турки-Сельджуки овладѣваютъ Тифлисомъ.... Наконецъ, Небо сжалилось надъ несчастнымъ городомъ. Воцаряется въ Грузіи, въ 1184 г., Тамара, супруга русскаго царевича Георгія Боголюбскаго, побѣждаетъ Турокъ и Персіянъ, и Тифлисъ видитъ въ своихъ стѣнахъ разныя торжества по случаю побѣдъ своей царицы. Городъ ликуетъ, наслаждается миромъ и украшается. Въ Грузіи настаетъ золотой вѣкъ, но Провидѣніе посылаетъ ему новое испытаніе. Царица скончалась 1212 г., и настаютъ для Грузіи вѣка желѣзные, кровавые. Турки, Персіяне, Монголы, другъ у друга мечомъ исторгали Иверію; цари ея часто отступничествомъ отъ вѣры покупали одну лишь тѣнь обладанія престоломъ Тамары, и за этотъ призракъ власти часто губили другъ-друга. Такимъ-образомъ черезъ 10 лѣтъ послѣ Тамары Чингисъ-Ханъ разоряетъ Тифлисъ. Въ 1228 г. султанъ Джеллалединъ овладѣваетъ Тифлисомъ, дѣлаетъ себѣ тронъ изъ купола Сіонскаго кафедральнаго храма. Жители претерпѣваютъ жестокое гоненіе. Святая икона Сіонской Божіей Матери, извѣстная въ Россіи подъ именемъ *Иверской*, выставлена побѣдителями на поруганіе, и Грузины, нерѣшающіеся отречься отъ вѣры Христовой и отъ благоговѣнія къ этой иконѣ, подвергаются мученической смерти. Султанъ любуется истребленіемъ вѣрныхъ Грузинъ.... Въ 1658 г. царь грузинскій Ростомъ воскрешаетъ славу Тифлиса, строитъ въ немъ бани, воздвигаетъ караванъ-серай и великолѣпный дворецъ.... Въ 1724 г., при царѣ Вахтангѣ VI (который содѣйствовалъ Петру Великому въ походѣ на Дагестанъ), Тифлисъ берется Турками; царь окру-

женный большимъ числомъ Грузинъ, удаляется въ Россію. Шахъ-Надиръ, въ 1735 г., выгоняетъ Турокъ изъ Грузіи и передаетъ ее въ управленіе Теймуразу II. Но Джарцы и Дагестанцы опустошаютъ страну.... Ираклій (сынъ Теймураза), учредивъ постоянно чередующееся войско, отстаиваетъ свои владѣнія отъ хищничества. Тифлисъ украшается и привлекаетъ любопытство путешественниковъ; такъ посѣщаютъ его академики, въ 1770 г. Гмелинъ и въ 1772 г. Гильденштедтъ. Но Лезгины иногда спускаются съ горъ и опустошаютъ царство, почему царь принужденъ за 5 т. рублей въ годъ у Омара, хана Аварскаго, купить защиту своей страны. Грабежъ прекращается. Ираклій занимается украшеніемъ своей столицы, устраиваетъ въ ней типографію, монетный дворъ, арсеналъ; но не заплативъ исправно Аварскому хану условленные 5 тысячъ р., видитъ попрежнему ежедневныя вторженія Лезгинъ въ свои владѣнія. Царь, по-примѣру своего отца, ищетъ помощи у Россійскаго Правительства, и въ 1783 г. Императрица Екатерина II приняла царя Кахетіи и Карталиніи съ царствомъ подъ свою власть и покровительство. Въ-слѣдствіе чего полковникъ Бурнашевъ съ двумя батальонами является на помощь царю противъ Омара, хана Аварскаго. По очищеніи страны отъ хищниковъ, Бурнашевъ возвращается на Кавказскую линію. Но испытанія Тифлиса еще непокончены. Шахъ Персидскій Ага-Магометъ, требуетъ отъ Грузіи прежняго вассала Ирана, покорности и дани. Ираклій отказалъ въ томъ и другомъ. Тогда грозный ханъ, 8 сент. 1795 г., является предъ Тифлисомъ съ 50,000 войска. Престарѣлый царь долженъ былъ бѣжать въ Кахетію и уступить свою столицу, почти безъ боя, на разграбленіе грозному шаху. Почетныя семейства Тифлиса и царская фамилія скрылись въ Кайшаурѣ. Съ 11 по 17 сент. ежедневно былъ Тифлисъ опустошаемъ Персіянами, уходившими съ наступленіемъ ночи въ укрѣпленный свой лагерь. Многія церкви разрушены, дома срыты, даже митрополитъ Досифей низверженъ въ Куру. Ага-Магометъ узнаетъ, что вся Грузія вооружается, и что Рускіе спѣшатъ на помощь; онъ покидаетъ Тифлисъ, взявъ съ собою до 30 т. плѣнныхъ... Императрица Екатерина послала графа Валеріана Зубова остановить напоръ Персіянъ. Грузія начала немного отдыхать подъ защитою нашихъ войскъ; Ага-Магометъ былъ убитъ въ Шушѣ, и весною 1797 г.

съ кончиною Императрицы, корпусъ графа Зубова отозванъ въ Россію. 11 янв. 1798 г. царь Ираклій, на 80 году отъ рожденія, послѣ 60 л. царствованія, скончался и оставилъ свою Грузію въ самомъ плачевномъ состояніи. Вездѣ злодѣйствовали Лезгины, народъ бѣдствовалъ еще отъ чумы; и вотъ въ какомъ положеніи старшій сынъ Ираклія, Георгій XIII, вступаетъ на царство. Онъ велѣлъ послу своему въ Петербургѣ, князю Герсевану Чавчавадзе, на основаніи трактата 1783 г.,просить Императора Павла объ утвержденіи себя царемъ Грузіи, и сына своего Давида, наслѣдникомъ престола. Высочайшая грамота 18 апр. 1799 г. утвердила желаніе царя, а 26 ноябр. того же года генералъ Лазаревъ съ 17 егерскимъ полкомъ вступилъ въ Тифлисъ. 25 апр. 1800 г. посланники царя, князья Чавчавадзе, Аваховъ и Палавандовъ,отправились въ Петербургъ благодарить Императора Павла. Послы эти имѣли тайное порученіе вручить царство Грузинское въ полное и совершенное подданство Россіи, на условіяхъ, обезпечивавшихъ царя и его собственное семейство. Рѣшительная мѣра сія была предпринята царемъ въ-слѣдствіе семейной распри многочисленныхъ дѣтей Ираклія, и по случаю его тяжкой болѣзни, приблизившей его къ могилѣ. 22 дек. царь Георгій скончался. Братья царя готовились поднять борьбу съ дѣтьми его за престолонаслѣдіе; но генералъ Лазаревъ поспѣшилъ объявить собранію царевичей, князей и духовенства волю Государя Императора, чтобы до полученія Высочайшаго соизволенія не былъ избираемъ преемникъ престола. Послы Георгія возвратились въ Тифлисъ 8 янв. 1801 г., и подали Давиду, сыну покойнаго царя, Императорскую грамоту съ утвержденіемъ условій подданства Грузіи. 16 февр. 1801 г. въ Сіонскомъ соборѣ всенародно прочитанъ былъ Высочайшій манифестъ о присоединеніи на вѣчныя времена Грузинскаго царства къ Имперіи Россійской, въ видѣ губерніи. Императоръ Александръ, желая достовѣрно знать положеніе страны, поручаетъ первому главнокомандующему въ Грузіи, генералъ-лейтенанту Кнорингу 2 отправиться въ Тифлисъ. Вотъ любопытный отрывокъ Высочайшаго рескрипта на имя генерала Кноринга. «При восшествіи Нашемъ на престолъ, нашли Мы, что царство сіе по всѣмъ государственнымъ актамъ присоединено уже къ Имперіи, и въ семъ качествѣ объемлемо всею святостію учиненной Намъ отъ

всѣхъ Нашихъ вѣрноподанныхъ присяги. Въ такомъ положеніи дѣлъ, при облежащей страну сію Нашей воинской силѣ, могли бы Мы считать власть Нашу въ ней непоколебимо утвержденною, тѣмъ-болѣе, что по дошедшимъ до Насъ предварительнымъ свѣдѣніямъ, удостовѣрены Мы, что желаніе и полномочія возвратившихся посланниковъ съ принятыми мѣрами совершенно сообразны. Не скроемъ Мы также отъ васъ, что достоинство Имперіи, безопасность Нашихъ границъ, виды Порты Оттоманской, покушенія и порывы горскихъ народовъ, всѣ уваженія собственныхъ Россіи пользъ отъ давныхъ временъ заставляли Правительство помышлять о семъ происшествіи и желать сего событія. Измѣряя существо его единственными нашими выгодами, мы не можемъ не признавать всей ихъ силы, но пользамъ царствъ земныхъ въ правилахъ вѣчныхъ предуставлена другая мѣра, единая, истинная и непреложная: *справедливость и неприкосновенность къ общенародному праву*. Во всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ Нашихъ положивъ себѣ сію истину въ неподвижное основаніе, въ-слѣдствіе того и при настоящихъ распоряженіяхъ о Грузіи желаемъ мы прежде всего удостовѣриться: *Первое*. Дѣйствительно ли внутреннее положеніе сей страны таково, что съ едиными силами своими не можетъ она ни противустоять властолюбивымъ притязаніямъ Персіи, ни отразить набѣги облегающихъ ее горскихъ народовъ, ни потушить внутреннія вражды, междоусобной войной ей грозящія; что оставить ее царствомъ отдѣльнымъ и самобытнымъ на произволъ судьбы было бы несвойственно величеству Имперіи, издревле ей покровительствующей, ни нашему великодушію. *Второе*. На собственномъ ли убѣжденіи необходимости и отечественной пользы основано было преклоненіе царства сего подъ Россійскую Державу, и единодушно ли всѣ высшія состоянія и народъ признали поступокъ сей себѣ во спасеніе.... Вы будете имѣть въ виду, что не для Россіи присоединяется сей народъ къ Имперіи, но собственно для него; что не нашихъ пользъ Мы въ немъ ищемъ, но единственно его покоя и безопасности». Главнокомандующій, прибывъ изъ Георгіевска въ Тифлисъ 23 мая, и обозрѣвъ царство, доноситъ Государю объ оказавшемся. Вотъ нѣкоторыя слова его донесенія: «Внутреннее и внѣшнее положеніе страны сей дѣйствительно таково, что съ одними силами своими не можетъ

ни противодѣйствовать властолюбивымъ притязаніямъ Персіи, ни отражать набѣги облегающихъ ее горскихъ народовъ. Всѣ основательно размышляющіе совокупно со всѣми прочими состояніями грузинскаго народа искренно желаютъ быть въ подданствѣ Россіи».... Судьба Грузіи этимъ отвѣтомъ генерала Кноринга была рѣшена. 12 сентября 1801 г. послѣдовалъ манифестъ о присоединеніи царства къ Имперіи, и о преобразованіи Грузіи въ губернію Россійской Имперіи.... 10 сентября 1802 г. былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Грузіи генералъ-лейтенантъ, князь Циціановъ, прибывшій въ Тифлисъ 1 февраля 1803 г. Городъ съ этого времени начинаетъ украшаться строеніями. Жители начинаютъ селиться за городскою стѣною, около оврага (нынѣшняя Эриванская площадь), такъ-что въ 1807 г. нѣкоторыя строенія уже доходили до загороднаго кладбища.... При нынѣшнемъ кавказскомъ намѣстникѣ, свѣтлѣйшемъ князѣ Воронцовѣ (съ 27 дек. 1844 г.) открытъ въ Тифлисѣ первый русскій театръ, въ 1845 г. Въ слѣдующемъ году начинается издаваться въ Тифлисѣ «Газета Кавказъ»; учреждаются конскія скачки; получаетъ начало свое учебное заведеніе св. Нины, образовывается школа кавказскихъ межевщиковъ, и учреждается въ городѣ торговая полиція. Бѣдная деревушка Куки планируется и преобразовывается въ прекрасный городокъ. Въ 1847 г. закладывается на Эриванской-площади большой каменный театръ, который нынѣ служитъ лучшимъ украшеніемъ города; учреждается публичная библіотека; чрезъ Куру строится каменный мостъ. Въ слѣдующихъ годахъ въ Тифлисѣ учреждается Общество сельскаго хозяйства и въ городѣ открывается первая выставка естественныхъ произведеній и образцовъ ремесленной и фабричной промышлености края. Городъ украшается прекрасными строеніями, дѣлается на Головинскомъ-проспектѣ бульваръ, служащій нынѣ мѣстомъ для прогулокъ, улицы мостятся, и кой-гдѣ даже видно газовое освѣщеніе. Въ 1850 г. открывается отдѣлъ Императорскаго С.-Петербургскаго Географическаго Общества.... По статистическимъ даннымъ, въ 1844 г., въ Тифлисѣ считалось 30,070 чел. жителей, муж. пол. 16,938, и жен. пол. 13,132. Нынѣ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, считается тамъ жителей 17,384 муж. пол., и 17,494 жен. пол., всего 34,878 душъ. Православныхъ христіанъ считается 19,561; римско-

католическаго исповѣданія 116 муж. пол., и 85 жен., лютеранскаго и реформатскаго 306 муж. пол., и 239 жен., армяногрекоріанскаго 7,253 муж., и 7,340 жен., армяно-католическаго 2,049 муж., и 2,173 жен., раскольниковъ 203 муж., и 160 жен., нехристіанъ 1,043 чел., именно: мусульманъ 504 муж., и 525 жен.; Евреевъ 9 муж., и 5 жен. Число родившихся въ 1850 г. было 765 муж., и 685 жен.; умершихъ 470 муж.; 379 жен., число браковъ 320. Городской доходъ въ 1850 г. простирался до 115,790 р. с., расходъ 110,973 р. с. Хлѣба въ городѣ употребляется до 180 т. четвертей въ годъ, а вина потребляютъ до 7½ милльон. бутылокъ....

Съ такой же подробностью описаны почти всѣ города въ Кавказскомъ Календарѣ. При немъ находится нѣсколько гравюръ, представляющихъ разныя мѣстныя замѣчательности.

47. **ПОХОДЫ РУМЯНЦЕВА, ПОТЕМКИНА И СУВОРОВА ВЪ ТУРЦІИ.** Составилъ *М. И. Богдановичъ*, членъ Военно-Ученаго Комитета. Императорской Военной Академіи профессоръ; съ тремя планами. С.-П.-б., въ типографіи Эдуарда Веймара. 1852 г. (294 ст. in 8°).

«Сочиненіе, представляемое на судъ просвѣщенныхъ читателей, говоритъ авторъ, заключаетъ въ себѣ описаніе двухъ турецкихъ войнъ, веденныхъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й, и изложеніе характера и образа дѣйствій военачальниковъ, бывшихъ главными виновниками подвиговъ нашего воинства, въ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ исторіи Русскаго Государства. Авторъ старался начертать вѣрную и по возможности полную картину сихъ великихъ событій, и выказать участіе въ нихъ не только главныхъ дѣятелей, но и сподвижниковъ ихъ.

«Первая изъ этихъ войнъ изложена менѣе пространно, нежели вторая, болѣе близкая къ намъ по времени. Къ-тому же — для составленія второй турецкой войны (1787—1791 г.) существуетъ несравненно болѣе достовѣрныхъ источниковъ, нежели для первой (1769—1774 г.)

«Матеріялами для составленія предлагаемой книги бо́льшею частію служили рукописи, планы и подлинные документы, хранящіеся въ архивѣ Военно-Топографическаго Депо, а изъ печатныхъ сочиненій: переписка Императрицы Екатерины II; тру-

ды Бутурлина, Антинга, Баптышъ-Каменскаго, турецкихъисториковъ, Ахметъ-Ресми-Ефенди и Вассифъ-Ефенди, и превосходное сочиненіе соотечественника нашего Смидта: Suworow's Leben.

«Авторъ льстилъ себя надеждою, что читатели найдутъ въ его сочиненіи многія подробности, до-сего-времени остававшіяся неизвѣстными, насчетъ великихъ событій: сраженій при Кагулѣ, Рымникѣ, Мачинѣ; штурмовъ очаковскаго и измаильскаго; завоеваніе Крыма; договоровъ кайнарджискаго и ясскаго. Быть-можетъ, занимательность этихъ предметовъ, возбудивъ сочувствіе соотечественниковъ автора, заставитъ ихъ быть снисходительными цѣнителями новаго труда, предпринятаго на поприщѣ отечественной исторической литературы».

Цѣль, предложенная авторомъ, и объясненная въ предисловіи, выполнена имъ очень хорошо. Прочитавъ книгу, вы получаете довольно ясное понятіе объ обѣихъ турецкихъ войнахъ, объ участвовавшихъ въ нихъ великихъ полководцахъ, о геройскомъ духѣ войска, о подвигахъ, совершенныхъ имъ какъ-бы шутя, но которые однакоже не перестаютъ и не перестанутъ удивлять потомство. Главнѣйшія дѣйствовавшія лица: Румянцевъ, Потемкинъ и Суворовъ, выступаютъ рельефно: вѣрная ихъ характеристика подтверждается добросовѣстнымъ, безпристрастнымъ описаніемъ ихъ дѣйствій. Румянцевъ—это великій полководецъ, благоразумный, разсчетливый, и потому иногда медленный, но тѣмъ неменѣе рѣшительный; мудрый военный администраторъ, съ свѣтлымъ, глубокимъ взглядомъ на предметы, непредоставляющій ничего случаю, дѣйствующій неиначе, какъ по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ шансовъ къ успѣху. Онъ первый постигъ всѣ невыгоды тогдашняго образа веденія войны европейскихъ націй съ Турками, и своими тактическими нововведеніями далъ рѣшительный перевѣсъ регулярнымъ нашимъ войскамъ надъ турецкими полчищами. Прежній неповоротливый боевой порядокъ нашихъ войскъ былъ замѣненъ другимъ, несравненно выгоднѣйшимъ; походныя движенія арміи одною неудободвижимою колонною или однимъ огромнымъ каре облегчились значительно раздробленіемъ этой колонны или каре на нѣсколько мѣньшихъ колоннъ, двигавшихся различными путями; рогатки, которыми въ бою прикрывались фасы нашихъ

кареевъ,—отмѣнены; кавалеріи указано на бѣлое оружіе, какъ на настоящее ея оружіе. Хотя во вторую турецкую войну Репнинъ и Суворовъ ввели новыя улучшенія въ боевомъ построеніи войскъ, но все же честь преобразованія принадлежитъ Румянцеву. Потемкинъ не былъ великимъ полководцемъ; дѣйствія его были нерѣшительны, медленны, лишены той увѣренности въ самого-себя, которая необходима въ войнѣ, для пріобрѣтенія важныхъ результатовъ. При-всемъ-томъ, онъ имѣлъ весьма здравыя понятія о военномъ дѣлѣ, и въ-особенности въ организаціи флота и войскъ, и военно-хозяйственной части; значительно ихъ улучшилъ, и постоянно заботился о нуждахъ и благосостояніи солдатъ. Суворовъ въ-продолженіе этихъ войнъ имѣлъ ограниченный кругъ дѣятельности, и состоялъ подъ начальствомъ сначала Румянцева, потомъ Потемкина. Вездѣ въ его распоряженіи были недостаточныя силы, и несмотря нато, самыя блестящія страницы исторіи второй Турецкой войны—это дѣйствія Суворова. Въ нихъ видна вся его неутомимая дѣятельность, предпріимчивость, скажемъ даже, самонадѣянность, но самонадѣянность разумная, которая, будучи оправдываема постоянными успѣхами, есть вѣрный признакъ геніальности. Искусствомъ дѣйствій онъ превосходилъ самаго Румянцева; для достиженія своей цѣли находилъ средства тамъ, гдѣ другіе ихъ не видали, преодолѣвалъ препятствія силою воли; на солдатъ имѣлъ неограниченное вліяніе, что и доказалъ штурмомъ Измаила, которому (какъ справедливо замѣтилъ авторъ) нѣтъ подобнаго въ военной исторіи другихъ народовъ.

Кромѣ этихъ главныхъ лицъ Екатерининскихъ Турецкихъ войнъ, г. Богдановичъ отчетливо изобразилъ дѣйствія другихъ вождей: Голицына, Долгорукаго, Репнина, Вейсмана и проч. Какъ военныя дѣйствія, такъ и политическій отдѣлъ, написаны съ знаніемъ дѣла и вполнѣ добросовѣстно. Изложеніе автора сжато, но не сухо; читатель найдетъ много любопытныхъ подробностей, служащихъ къ объясненію характера дѣйствующихъ лицъ и взаимныхъ ихъ отношеній, такъ что книга можетъ-быть съ удовольствіемъ прочитана какъ военнымъ, такъ и невоеннымъ человѣкомъ. Здѣсь всякій сколько-нибудь важный фактъ подкрѣпленъ ссылкою на источникъ, изъ котораго

овъ заимствованъ. Особенно краснорѣчиво и подробно описаны взятіе Очакова и Измаила, сраженіе при Рымникѣ.

Въ концѣ книги, въ особомъ приложеніи, помѣщены: мѣры, принятыя Румянцевымъ по части продовольствованія войскъ и въ отношеніи образованія рекрутъ въ первую войну; продовольствованіе войскъ во вторую войну; распоряженіе Потемкина о больныхъ; мысли Румянцева о военномъ дѣлѣ; приказъ Потемкина въ кавалерійскіе полки. Въ концѣ же книги читатель найдетъ карту главнаго театра войнъ, планы сраженій при Кагулѣ, Рымникѣ и измаильскаго штурма; въ послѣднемъ помѣщены даже профили частей крѣпости, на которыя были направлены главныя атакующія колонны. Намъ кажется, что для бо̀льшей наглядности при чтеніи книги, не мѣшало бы прибавить планы нѣкоторыхъ другихъ сраженій, какъ то: при Ларгѣ и при Мачинѣ, штурма Очакова; но въ особенности полезно было бы карту главнаго театра дѣйствій расширить, включивъ въ нее берегъ Чернаго-моря, отъ Днѣпра до Перекопскаго-перешейка, и весь полуостровъ Крымъ, для изображенія дѣйствій кн. Долгорукова и потомъ Суворова (въ 1787 году), описанныхъ авторомъ довольно подробно.

Вообще же книга г. Богдановича составляетъ пріятное явленіе въ русской литературѣ, и, безспорно будетъ имѣть обширный кругъ читателей.

48. **УЧЕБНЫЯ РУКОВОДСТВА ДЛЯ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.** Фортификація. Часть первая, полевая фортификація. Составилъ инженеръ-полковникъ Аркадій Теляковскій на основаніи наставленія для образованія воспитанниковъ сихъ заведеній, Высочайше-утвержденнаго 24 декабря 1848 г. С. П. Б., въ тип. И. И. Глазунова и К°. 1852.

Курсъ полевой фортификаціи г. Теляковскаго выходитъ нынѣ вторымъ изданіемъ. Онъ, по словамъ самого автора, нетолько значительно распространенъ, но, можно сказать, совершенно передѣланъ противъ двухъ прежнихъ изданій. При его передѣлкѣ, авторъ, руководствуясь многими вновь вышедшими военными сочиненіями на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, по-возможности не упускалъ ничего особенно замѣчательнаго и полезнаго, чтобы сдѣлать курсъ близкимъ къ практической цѣли. Въ немъ, для раздѣленія фортификаціи на

полевую и долговременную, принято въ основаніе различіе тактическихъ и стратегическихъ соображеній, которымъ подчиняются соображенія инженера. Это, по убѣжденію автора, нисколько не измѣняя основныхъ правилъ фортификаціи, даетъ ей бо́льшую связь съ тактикой и стратегіей. Къ 53 чертежамъ прежняго изданія, исправленнымъ и передѣланнымъ, авторъ прибавилъ еще пять новыхъ.

49. **ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЯ ПОНЯТІЯ О ГОМЕОПАТІИ** и о способахъ ея употребленія, съ описаніемъ нѣкоторыхъ важныхъ дѣйствій десяти главныхъ гомеопатическихъ средствъ, для убѣжденія тѣхъ, кому угодно будетъ, по этимъ опытамъ, удостовѣриться въ пользѣ лѣ(*е*)ченія Г(*г*)омеопатическими средствами. Сочиненіе Доктора *Яра*. Переводъ съ Ф(*ф*)ранцузскаго *В. С.....ва*. Москва. 1852 г. въ 18 д. л. 140 стр.

По длинному заглавію этой книжонки нельзя догадаться, что что она вся умѣстилась на *четырехъ* печатныхъ листахъ. Но и на этомъ небольшомъ пространствѣ переводчикъ умѣлъ нагромоздить столько чудесъ, что, право, не можешь не дивиться!... Человѣкъ, который, плохо зная рускую грамоту, еще хуже французскую и не имѣя ни малѣйшаго понятія о медицинѣ, берется за переводъ съ французскаго медицинской книги!

По какому поводу явился подлинникъ этой книги въ 1839 году, мы узнаемъ изъ предисловія:

Докторъ Муръ, ревностный распространитель гомеопатическаго ученія, просилъ доктора Яра составить книжку, въ которой бы заключались первоначальныя понятія о гомеопатіи и о способахъ ея употребленія. Г. Яръ сознается, что онъ сперва не рѣшался приступить къ такому дѣлу, опасаясь чтобы неопытные, вслѣдствіе одного удачнаго случая, не возмечтали, что они, безъ глубокихъ познаній, постигли трудное ученіе гомеопатіи. Г. Яръ присовокупляетъ, что онъ не хотѣлъ умножать числа дурныхъ практиковъ, вредящихъ гомеопатіи болѣе, чѣмъ самые непримиримые ея враги.

Далѣе г. Яръ пускается въ развитіе этой мысли, которую мы съ нимъ вполнѣ раздѣляемъ, и затѣмъ, кажется, не для чего бы и писать брошюры, о которой просилъ его г. Муръ. Но г. Яръ разсудилъ иначе, и какъ самъ говоритъ «безъ зазрѣнія совѣсти напечаталъ это сокращенное разсужденіе, для того,

чтобы убѣдить своихъ товарищей прежней школы, * испытать гомеопатическое леченіе, и дать имъ для этого руководство.

Не умѣемъ сказать, въ какой степени авторъ достигъ этой цѣли, но знаемъ, что онъ достигъ другой, о которой умолчалъ въ предисловіи. Благодаря громкому заглавію и легковѣрію людей, брошюрка г. Яра кос-какъ распродалась въ теченіе пяти лѣтъ. Такое пріятное событіе побудило автора напечатать, въ 1844 году, второе изданіе, съ означеніемъ, впрочемъ, въ предисловіи, что онъ остается при прежнемъ своемъ мнѣніи, касательно опасности ввѣрять неопытнымъ книгу, въ которой сокращенно изложены правила науки.

Отдаемъ полную справедливость логичности выводовъ и дѣйствій г. Яра, и благодаримъ Бога за то, что намъ, вѣроятно, никогда не придется прибѣгать къ его медицинскимъ совѣтамъ.

Но если брошюрка г. Яра удостоилась во французкомъ подлинникѣ чести втораго изданія, то, навѣрное, рускій переводъ г. В. С....ва не подвергнется подобной участи. Хотите ли посмотрѣть, какія прекрасныя вещи можно найти почти на каждой страницѣ этой книжонки. Стр. 10 (читай 2) «Во всѣ времена существовало *вѣчное правило*, которому повиновалась природа. Всякой разъ, когда она совершенно искореняла лѣ(*е*)карствами болѣзни; (?) но наука не могла постигнуть этой тайны.

На стр. 14 (читай 6) находимъ непостижимую фразу, что Ганеманъ былъ принужденъ передѣлать капли такимъ же образомъ какъ и первоначальную самобытность вещества. Вслѣдъ затѣмъ сказано, что Ганеманъ прибавлялъ по два грана сахару къ передѣланію (?) по мѣрѣ отъ (?) уменьшенія!?

Но если выписывать всѣ неясности этой книги, то должно будетъ перепечатать ее цѣликомъ. Переводчикъ до того незнакомъ съ медициною, что названіе извѣстной медицинской науки *Matière médicale pure* переводитъ фразою «Разсужденіе о чисто врачебномъ веществѣ».

Рѣдко попадались намъ книжонки до такой степени безграмотно переведенныя.

* То-есть *аллопатовъ*.

50. ГЕОГНОСТИЧЕСКАЯ КАРТА Санктпетеребургской губерніи, профессора *С. Куторги.* С.-П.-б. 1852 г.

Ничего не можетъ быть благоразумнѣе, какъ стремленіе опредѣлить богатство почвы, этого основнаго, неизсякаемаго источника всѣхъ богатствъ; а самое вѣрное, надежное средство къ опредѣленію значенія и богатства страны есть—точная и подробная геогностическая карта.

Палласъ, Севергинъ, Озерецковскій, Германъ, Пандеръ, Соколовъ, Бледе, Энгельгардтъ, Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, Щуровскій, Гельмерсенъ, изъ русскихъ и Странгвейсъ, Дюбуа-де-Монперё, Густавъ Розе, Гумбольдтъ, Лепле, изъ иностранныхъ ученыхъ издали много наблюденій о строеніи почвы Россіи. Отъ слишкомъ огромнаго пространства нашего отечества, всѣ собранные упомянутыми учеными факты оставались разрозненными почти до нашего времени. Въ 1824 году, Странгвейсъ издалъ, въ *Geol. Transactions,* первый, малоудачный опытъ геогностической карты Россіи. Въ 1838 году, Дюбуа-де-Монперё издалъ карту Южнаго Крыма и части Кавказа. Въ 1841 году, полковникъ Гельмерсенъ соединилъ отдѣльныя наблюденія въ своей небольшой картѣ Европейской Россіи.

Въ 1840 и 1841 годахъ, по Высочайшей волѣ Государя Императора и подъ особымъ Его Августѣйшимъ покровительствомъ, знаменитый геологъ сэръ Родерикъ Импей Мурчисонъ, въ сопровожденіи графа Кейзерлинга, Вернейля и Кокшарова, осмотрѣлъ бо̀льшую часть Европейской Россіи, и издалъ, въ 1845 году, свое геогностическое и палеонтологическое описаніе Европейской Россіи и Уральскаго хребта, съ геогностическою картѣ первой. Свѣтлый, вѣрный и объемлющій взглядъ извлекъ существенное изъ всѣхъ предыдущихъ наблюденій и безошибочно опредѣлилъ значеніе формацій, образующихъ Европейскую Россію. Отчетливый и вѣрный трудъ Мурчисона и его товарищей, соотвѣтствующій современному состоянію науки, составляетъ образецъ, побужденіе и исходную точку для всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій на этомъ поприщѣ.

Размѣръ карты г. Мурчисона * не позволялъ точнаго и

* Длина и ширина по 13½ вершковъ. Масштабъ по 140 верстъ на дюймъ или въ $\frac{1}{5,338,000}$ настоящей величины.

подробнаго нанесенія на нее всѣхъ формацій, такъ что площадки изображенныхъ на ней системъ могутъ быть вѣрны только на средпнѣ, а не по всему протяженію, и отнюдь не въ очертаніяхъ. Возьмемъ для примѣра Петербургскую губернію, площадь которой ** въ 2⅓ разъ больше Саксоніи. Она закрывается на картѣ Мурчисона большимъ пальцемъ: есть ли при этомъ возможность помѣстить тутъ съ точностію ея пять геогностическихъ системъ и ихъ ярусы. О составѣ же этихъ формацій вглубь нечего и думать. А такихъ площадей въ Европейской Россіи не менѣе 115.

Карта Мурчисона даетъ намъ только общій обзоръ геогностическаго строенія Европейской Россіи. Для составленія же подробной карты нужны усилія многихъ лицъ и на многихъ мѣстностяхъ, такъ чтобы составить сперва подробныя геогностическія карты отдѣльныхъ губерній. За такое дѣло относительно губерніи Петербургской принялся, съ 1842 года, г. Куторга и при помощи здѣшняго Университета и Минералогическаго Общества блистательно окончилъ свой тяжелый трудъ. Результатомъ его явилась лежащая предъ нами геогностическая карта С.-Петербургской губерніи, отлично гравпрованная на мѣди и раскрашенная пятью красками, по системамъ формацій, и пятью оттѣнками красокъ, для обозначенія площадей, занимаемыхъ ярусами силурійской и девонской почвъ. Рамки карты, напечатанной на слоновой бумагѣ, въ 1 арш. 4 вершка съ В. на З. и въ 1 арш. съ С. на Ю, не считая полей. Масштабъ, по 10 верстъ на дюймъ, или въ $^1/_{420,000}$ настоящей величины. Это вдвое менѣе восьмилистной топографической карты генерала Шуберта.

Какъ для удобства каждаго, желающаго геогнозировать съ этою картою, такъ и для того, чтобы помѣщикамъ доставить средство знать почву своихъ земель, на картѣ обозначены всѣ селенія: рѣчки, озера, дороги и т. п. Чтобы показать, какъ съ геогностическимъ строеніемъ согласуется и гидрографія, на карту нанесены всѣ главнѣйшія болота. Кромѣ-того, условными знаками отмѣчены всѣ плитныя ломки и мѣста, гдѣ можно наблюдать геогностическіе профили, по берегамъ рѣкъ и озеръ и

* 880 квадратн. миль.

дилувіальную политуру съ царапинами на силурійскихъ и девонскихъ известнякахъ.

Такъ какъ карта губерніи не покрываетъ всего листа, то на свободныхъ мѣстахъ награвированы еще слѣдующіе предметы:

1) Объясненіе красокъ геогностическихъ системъ и всѣхъ прочихъ условныхъ знаковъ.

2) Столбецъ, показывающій сводъ напластованія всѣхъ горныхъ породъ губерніи, расположенныхъ по относительной ихъ древности, съ означеніемъ ихъ мѣстъ нахожденія и ихъ отличительныхъ окаменѣлостей.

3) Весьма поучительный примѣръ изогнутыхъ и переброшенныхъ пластовъ силурійской системы, на рѣчкѣ Пулковкѣ, въ окрестностяхъ С.-Петербурга.

4) Разрѣзъ отлично развитыхъ самыхъ нижнихъ пластовъ силурійской системы на рѣкѣ Тоснѣ.

5) Профиль косвенно къ горизонту приподнятыхъ красныхъ девонскихъ песчаниковъ, на Оредежѣ.

6) Умственный разрѣзъ чрезъ всю губернію съ С. на Ю., дающій отчетливое понятіе о видѣ поверхности губерніи и о строеніи почвы ея вглубь земли.

7) Карта окрестностей Гатчины, въ двойномъ противъ общей карты маштабѣ; какъ для того, чтобы яснѣе и точнѣе обозначить границы геогностическихъ системъ, въ этихъ мѣстахъ весьма сложныя, такъ и для того, чтобы нанести каналы, прорытые для осушки болотъ Царско-Сельскаго уѣзда.

Геогностическая карта для страны тоже, что̀ анатомія для нашего тѣла. Надобно знать его строеніе и всѣ органы его составляющіе, чтобы понимать ихъ отправленія и дѣятельность, выводить заключенія о значеніи цѣлаго организма и его производительности. Геогностическая карта, развертывая предъ нами мозаики формацій и представляя ихъ вертикальные разрѣзы вглубь, тотчасъ даетъ удовлетворительное понятіе о составѣ почвы, которая (въ земледѣльческомъ отношеніи) есть ничтоиное, какъ разрыхленная и измельченная поверхностная геогностическая формація. Взглянувъ на такую карту, мы опредѣляемъ и минеральное богатство страны, и расположеніе ея водъ, и даже многіе элементы климата.

Карта г. Куторги составлена такъ хорошо, что удовлетворитъ самаго взыскательнаго критика. Мы вправѣ были ожидать отъ такого первокласснаго ученаго, пользующагося заслуженною извѣстностью, какъ г. Куторга, труда прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ,—и не обманулись въ нашемъ ожиданіи. Изданная имъ карта есть такое явленіе въ ученомъ мірѣ, которое должно пробудить вниманіе и сочувствіе. Давно уже не удавалось намъ говорить о трудѣ по естественнымъ наукамъ столь важномъ, какъ тотъ, о которомъ теперь бесѣдуемъ.

Мы нисколько не сомнѣваемся, что большинство публики, подобно записнымъ ученымъ и любителямъ геогнозіи, достойнымъ образомъ оцѣнитъ превосходный трудъ знаменитаго профессора. Всякій любознательный человѣкъ, особливо же всякій помѣщикъ Петербургскій губерніи, долженъ съ благодарностію спѣшить пріобрѣтеніемъ этой карты.

Геогностическое описаніе губерніи выйдетъ непремѣнно въ теченіе нынѣшняго 1852 года.

Карта г. Куторги, вмѣстѣ съ объяснительною брошюрою, продается по 5 р. сер. за экземпляръ у книгопродавцевъ Ратькова, Глазунова, Базунова и Печаткина.

51. **ЧТЕНІЯ ОПРЕДМЕТАХЪ ФИЗИКИ**, составленныя *М. Пчельниковымъ* для дѣвицъ Патріотическаго Института. Въ Типографіи Эдуарда Веймара. 1852 г, въ 8°, стр. 154. (цѣна 1 р. 25 к. с., съ пересылкою 1 р. 50 к. с.).

Авторъ написалъ свое сочиненіе для дѣвицъ, слѣдовательно, главнымъ достоинствомъ здѣсь должны быть, во-первыхъ, выборъ предметовъ, во-вторыхъ, краткость, при понятномъ изложеніи. Г. Пчельниковъ считаетъ выборъ предметовъ нетруднымъ, а способъ изложенія главнѣйшимъ, на что надо было обратить вниманіе; по нашему мнѣнію, выборъ предметовъ въ этой книгѣ несовсѣмъ удаченъ, хотя самые предметы и хорошо изложены. Вотъ на чемъ основывается наше мнѣніе. Судя по оглавленію, авторъ изложилъ почти всѣ главнѣйшія статьи, находящіеся въ каждой физикѣ, напримѣръ хотя въ курсѣ, изданномъ акад. Ленцомъ, сочиненіи, котораго вліяніе, мимоходомъ сказать, замѣтно въ разсматриваемой нами книгѣ, но прочтя сочиненіе Г. Пчельникова, всякій скажетъ, что иныя статьи изложены уже несоразмѣрно кратко, такъ что о нихъ почти ничего не

сказано. Напримѣръ о паровыхъ машинахъ находимъ: «сильная упругость паровъ употребляется для приведенія машинъ въ движеніе, какъ-то: пароходовъ, паровозовъ и всѣхъ паровыхъ машинъ, употребляемыхъ на фабрикахъ и заводахъ», и только, между-тѣмъ какъ и дѣвицамъ, думаемъ, необходимо дать маленькое понятіе о способѣ движенія машинъ, какъ предметовъ, ежеминутно попадающихся на глаза.

Статья о свѣтѣ изложена на 44 страницахъ, объ электричествѣ на 20, а о галванизмѣ, менѣе чѣмъ на четырехъ. Ученіе о галванизмѣ, безъ сомнѣнія, важнѣе и занимательнѣе статьи объ электричествѣ и должно быть, по-крайней-мѣрѣ, равно ей по объему, что̀ легко было сдѣлать, не увеличивая объема книги: стоило только выпустить въ статьѣ объ электричествѣ недоказанную теорію Вольты объ образованіи града, описаніе электрическихъ игрушекъ, и въ статьѣ о свѣтѣ сократить изслѣдованія объ изображеніяхъ въ стеклахъ и зеркалахъ. Мы полагаемъ, что это можно было сдѣлать, не теряя изъ виду мысли автора «удовлетворить не одному любопытству слушательницъ, но и развивать мыслительную способность».

Изложеніе автора о предметахъ вообще легко и понятно, а иногда и занимательно; такъ напримѣръ очень кстати распространена статья о музыкальныхъ тонахъ, даны нѣкоторыя свѣденія изъ метеорологіи, кое-какія практическія замѣчанія; но, къ сожалѣнію, это невездѣ выдержано. Такъ при объясненіи барометра нелишнее было бы упомянуть, для бо́льшей ясности, что въ двухъ сообщающихся сосудахъ высоты жидкостей обратно пропорціональны плотностямъ; также справедливость требовала сказать, что предсказанія погоды барометромъ въ практикѣ не приносятъ большой пользы. Говоря о числѣ изображеній въ калейдоскопѣ слѣдуетъ помѣстить, для ясности, что уголъ наклоненія зеркалъ долженъ содержаться въ 360° цѣлое число разъ, а иначе придется объяснять новѣйшія изслѣдованія о числѣ изображеній при какомъ угодно наклоненіи. При телескопахъ и микроскопахъ ни слова не сказано объ увеличеніи вообще и о предѣлѣ увеличенія, что̀ никакимъ образомъ не должно быть пропущено.

При книгѣ находятся 10 таблицъ чисто вырѣзанныхъ чертежей.

Вообще о книгѣ г. Пчельникова можно сказать, что хотя она могла быть составлена съ бо̀льшею осмотрительностію, но невѣрностей въ ней нѣтъ, и въ этомъ отношеніи она выше ра̀зныхъ популярныхъ курсовъ, вышедшихъ въ послѣднее время; потому рекомендуемъ это сочиненіе тѣмъ семействамъ, въ которыхъ родители не боятся, что ихъ дочери будутъ *слишкомъ учены*, если получатъ маленькое понятіе о томъ, что̀ происходитъ ежедневно въ природѣ передъ ихъ глазами.

52. **ДАРЕДЖАНА ИМЕРЕТИНСКАЯ**, драма въ пяти дѣйствіяхъ, *Я. П. Полонскаго*. Москва въ типографіи Степановой, 1852 (стр. 348 in 8°, цѣна 1 р. 75. к. сер.)

Эта драма уже была напечатана въ нынѣшнемъ году, въ № 7 Москвитянина, что̀ впрочемъ ей не мѣшаетъ явиться въ свѣтъ отдѣльною книжкою. Хорошо, еслибы всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя произведенія, которыя печатаются въ нашихъ журналахъ издавались потомъ особо; для нихъ всегда будутъ читатели. Драма г. Полонскаго показываетъ въ авторѣ талантъ, который современемъ можетъ намъ подарить много еще лучшаго. Дареджана, имеретинская царица (историческое лицо) это леди Макбетъ, взросшая подъ палящими лучами восточнаго неба; первая красавица, въ цвѣтѣ лѣтъ, и между-тѣмъ чудовищная женщина по своимъ поступкамъ. Если честолюбіе мужчины часто увлекаетъ его весьма далеко, то честолюбіе женщины, когда оно сдѣлается въ ея сердцѣ исключительною страстью, обращаетъ ее въ чудовище; она всѣхъ стремится опутать своими коварными сѣтями, чтобы однихъ совершенно уничтожить, другихъ сдѣлать орудіемъ для своей цѣли. Такова Дареджана. Она—царица, но царица-вдова, которая должна отдать всю царскую власть своему пасынку, и скромно жить въ стѣнахъ своего дворца. Но она сама хочетъ повелѣвать такъ, какъ повелѣвала при покойномъ мужѣ, который исполнялъ всѣ ея малѣйшія прихоти. Теперь же законъ требовалъ, и она должна была отказаться отъ власти; она передала ее, но не отказалась отъ нея въ своей душѣ, сдѣлала ее цѣлью своей жизни, и не задумавшись стала дѣйствовать, какъ восточ-

ная женщина,—пылкая и неудержимая во всѣхъ своихъ страстяхъ. Гдѣ же у нея средства для дѣйствія? Ихъ она находитъ въ самой-себѣ, въ своей ослѣпительной красотѣ, и этою-то красотою хочетъ всѣхъ ослѣплять и опутывать, и дѣлать своими орудіями. Мысль вполнѣ женская, мысль истинно-драматическая! И вотъ молодая вдова-царица притворяется страстно влюбленною въ царя Багратъ-Мирзу, но притворяется только тогда, когда бываетъ съ нимъ наединѣ; втайнѣ оказываетъ, повидимому, любовь молодому князю Вахтангу, втайнѣ бесѣдуетъ за полночь съ другимъ княземъ, Цицелли, и такимъ-образомъ привлекаетъ на свою сторону всѣхъ пылкихъ юношей и мужей; всѣ стали говорить, что у нея глаза темнѣе ночи, ярче солнца и драгоцѣннѣе алмазовъ; всѣхъ она околдовала и всѣ готовы были за нее умереть. Но между ними только одинъ Мингрелецъ, шестидесятилѣтній старецъ, другъ ея покойнаго мужа, по имени Оттія Чхеидзе, проникъ въ ея коварные замыслы и не поддался ей. Онъ имѣетъ сильное вліяніе на юнаго царя Баграта, и раскрываетъ предъ нимъ всѣ дѣйствія этой женщины, которая, подъ видомъ любви, втайнѣ ему готовила кинжалъ или тюрьму. Хитрая Дареджана давно знаетъ своего явнаго врага, столь же хитраго и проницательнаго; она знаетъ, что въ его умѣ таится мысль—склонить царя *навсегда* избавиться отъ нея. Это не страшитъ ее, но заставляетъ дѣйствовать быстро и рѣшительно; она сама хочетъ избавиться отъ глазъ стараго Мингрельца и вооружается всѣми силами своей женской хитрости, слѣдя зоркимъ глазомъ и за своими другими орудіями. Багратъ не вѣритъ ея любви, открываетъ ей, что ему извѣстны ея замыслы, и она, послѣ первой вспыльчивой минуты, тая въ душѣ непобѣдимую злобу, является передъ нимъ покорною, слабою женщиною, которая должна оплакивать свою несчастную любовь. И что́-же? разсчитывая на свое искусство, она дѣйствуетъ вѣрно: немного времени, и Багратъ начинаетъ колебаться, не знаетъ, кому вѣрить, старому ли Мингрельцу, или пылкой Дареджанѣ, которая стала увлекать его:

Она сама заставила меня
Съ ней просидѣть всю ночь наединѣ!
Всю ночь она мнѣ руки жала, —

Смѣялась—плакала,—неизъяснимымъ зноемъ
Усталая дышала грудь ревнивой
Красавицы.—Быть-можетъ, съ каждымъ вздохомъ
Я поглощалъ ея дыханье—и....
И зараженъ....

Но что значитъ это торжество Дареджаны, когда за нею постоянно слѣдитъ глазъ старика Оттіи Чхеидзе! Онъ-то ей важное претятствіе для полнаго успѣха. Но могутъ ли и препятствія остановить ея честолюбивые замыслы! Представляется самое вѣрное средство дѣйствовать: оклеветать юную прекрасную дочь Чхеидзе, разгласить объ ея мнимой связи съ Багратомъ, слѣдственно, разстроить ея свадьбу съ молодымъ княземъ Абашидзе, и тѣмъ самымъ вооружить противъ царя какъ жениха, такъ и отца, перваго привлечь на свою сторону, а втораго навсегда удалить отъ двора, съ пламенной злобой и местью въ груди. И Дареджанѣ легко было совершить все это въ той странѣ, гдѣ страсть не подчиняется разсудку, а дѣйствуетъ по первому впечатлѣнію. Мингрелецъ, въ страшной злобѣ на всѣхъ, удаляется со всею своею свитою на родину, въ Мингрелію. Царь вмигъ узнаетъ о всемъ, посылаетъ за гнѣвнымъ Чхеидзе, увѣряетъ его въ клеветѣ, хочетъ самъ мчаться за нимъ, чтобы оправдаться и воротить его. Здѣсь-то помогаютъ Дареджанѣ ея влюбленные приверженцы, окружающіе царя: они, повидимому, исполняютъ его волю, бѣгутъ въ слѣдъ за Чхеидзе, чтобы удержать его, но въ самомъ-дѣлѣ не передаютъ ему словъ царя, а только еще больше раздражаютъ гнѣвъ озлобленнаго старика. Дареджана торжествуетъ, смотря на удаленіе своего врага, но торжествуетъ только мгновенно; царь наконецъ понялъ всѣ ея поступки, и приказываетъ ей въ минуту оставить дворецъ. Дареджана повинуется и ему и голосу своей страсти. Теперь-то ей нужно употребить въ дѣло своихъ приверженцевъ; но всѣ они благородные князья; кромѣ ихъ, ей нужно еще злодѣевъ, которые, по ея мановенію, не думая рѣшились бы на всякое на злое дѣло. Она нашла и такихъ злодѣевъ,—и вотъ немного времени, и Багратъ въ ея рукахъ, въ темницѣ, ослѣпленъ, а она снова царица, владычица Имеретіи. Но борьба неокончена. Дареджана избрала средствомъ для достиженія цѣли свою красоту, которую она мо-

гла подарить только одному, и подарила ее Вахтангу, избравъ его своимъ супругомъ. И такъ другіе влюбленные приверженцы уже ничѣмъ не могли быть вознаграждены, потому-что другой награды имъ было ненужно. Они не хотятъ повиноваться Вахтангу, своему прежнему товарищу, и дѣлаются мстительными врагами Дареджаны. Въ то же время Оттія Чхеидзе узнаетъ, что его дочь оклеветана напрасно, склоняетъ Мингрелію къ войнѣ и окружаетъ войскомъ Кутаисъ, столицу имеретинской царицы. Такимъ образомъ, всѣ средства, которыми Да реджана достигла своей цѣли, обратились на собственную ея погибель, и она, не въ-силахъ открыто бороться, должна была пасть съ высоты своего величія.—Изъ этого разсказа читатель видитъ, что предметъ въ высшей степени драматическій. Планъ драмы свидѣтельствуетъ о талантѣ автора; но другой вопросъ, какъ онъ исполнилъ этотъ планъ. «Сомнѣваюсь, говоритъ г. Полонскій, чтобы первый драматическій опытъ мой нашелъ сочувствіе въ душѣ моихъ читателей. Многимъ изъ нихъ трудно вообразить себѣ и неизвѣстный край, и незнакомое время, и, вдобавокъ, невесело видѣть на сценѣ варварскіе нравы, чуждые духу и понятіямъ современнаго намъ общества.... Намъ кажется, что г. Полонскій въ этомъ сомнѣвался напрасно; возраженія могутъ сдѣлать мелкіе критики, непонимающіе сущности драмы. Здѣсь мы должны судить не странность народныхъ обычаевъ, не дикій характеръ края и времени, а общечеловѣческую сторону дѣйствующихъ лицъ, психологическое развитіе ихъ характеровъ. Только съ этой стороны авторъ можетъ обратить на драму вниманіе читателя, и въ немъ возбудить сочувствіе. У Шекспира множество неестественностей географическихъ, историческихъ, въ народныхъ нравахъ и прочее, но кто въ его драмахъ не признаетъ высокаго достоинства? Что же въ насъ возбуждаетъ такое горячее къ нимъ сочувствіе, если не та сторона, въ которой психологически вѣрно представляется человѣкъ со своими страстями и стремленіями? Пусть характеръ общества и эпохи можетъ намъ показаться страннымъ, но эта странность будетъ принадлежать къ частному элементу, болѣе къ внѣшней сторонѣ драмы, и нисколько не должна отъ насъ закрывать ея общее начало, въ которомъ мы будемъ искать главный драматическій интересъ.

Въ драмѣ г. Полонскаго только два дѣйствующія лица обращаютъ на себя вниманіе; потому-что въ нихъ почти исключительно выразился этотъ общечеловѣческій интересъ: ихъ страсти принадлежатъ всѣмъ людямъ всѣхъ временъ, хотя въ каждомъ человѣкѣ выказываются и развиваются различно, сообразно съ его характеромъ и внѣшними обстоятельствами. Эти лица—Дареджана и Оттія Чхендзе; всѣ другіе или являются рѣдко и на минуту, такъ что зритель не можетъ высмотрѣть ихъ характеровъ, или являются въ самомъ-дѣлѣ слабыми, съ неопредѣленными характерами, какъ напримѣръ Багратъ и Вахтангъ. Главное вниманіе авторъ обратилъ на лицо Дареджаны, и сдѣлалъ ее точно достойною вниманія. потому-что на ней и сосредоточивается главный интересъ драмы. Но намъ кажется, что здѣсь много вредитъ общему впечатлѣнію неопредѣленность отношеній Дареджаны къ Вахтангу. Она такъ холодно, такъ не хотя слушаетъ его и говоритъ ему о любви, что вы рѣшительно не можете понять, любитъ ли она его въ-самомъ-дѣлѣ, или только притворною любовью хочетъ его сдѣлать своимъ орудіемъ, и даже склоняетесь болѣе на послѣднее. Но въ третьемъ дѣйствіи вы узнаете, что она его дѣйствительно любила. Что же значитъ эта не опредѣленная холодная любовь, которой могъ вѣрить Вахтангъ, но которую вамъ, постороннему зрителю, трудно не назвать притворною, заранѣе обдуманною. И такъ вы рѣшаете, что съ тѣхъ-поръ она могла его разлюбить; можетъ-быть, вспыхнувшая страсть честолюбія вытѣснила изъ ея сердца всѣ другія страсти. Скоро вы слышите собственное сознаніе Дареджаны, что она любитъ Вахтанга только за то, что онъ считаетъ ее своей судьбой, которая по своей волѣ управляетъ имъ и влечетъ его, куда хочетъ, безъ всякаго съ его стороны сопротивленія. Слѣдственно, это не страстная женская любовь, а простая любовь къ своему слѣпому орудію. Далѣе Дареджана торжествуетъ и отдаетъ руку Вахтангу, но изъ любви или изъ благодарности за то, что онъ уже давно отдался въ полную ея волю—это для васъ еще долго загадка. Вы видите, что Вахтангъ, сдѣлавшись супругомъ царицы, совершенно теряетъ свою самостоятельность; вездѣ въ самыя главныя минуты на первомъ планѣ является Дареджана, уже утомленная открытою борьбою, является какъ полная распорядительница, а онъ или

остается въ тѣни, или представляется неболѣе, какъ готовымъ исполнителемъ ея распоряженій. Вы никакъ не можете повѣрить, чтобы такія отношенія могли существовать между лицами, истинно любящими другъ-друга. Отъ того вы неувѣрены въ искренности чувствъ Дереджаны даже тогда, когда она съ сердечнымъ терзаніемъ, повидимому выражающимъ любовь, отпускаетъ Вахтанга въ Истамбулъ. Зная ея хитрый и коварный характеръ, вы думаете, что она притворствуетъ, найдя средство избавиться отъ безхарактернаго и слабаго Вахтанга. Но въ концѣ вы узнаете, что у ней не было этой злой мысли, что она сама была коварно обманута хитрымъ Оттіею Чхендзе. Такая неопредѣленность чувства много ослабляетъ общее впечатлѣніе. Во всѣхъ другихъ случаяхъ Дареджана является истинно трагическимъ лицомъ, особенно въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ. Авторъ прекрасно понялъ ея женскій характеръ: когда она могла дѣйствовать хитростію, коварствомъ, разставлять тайныя сѣти, она была неутомима и рѣшительна; но какъ скоро ей пришлось вступить въ открытую борьбу, она ослабѣла, перестала уже находить въ самой-себѣ силы, пала духомъ и даже вдалась въ обманъ своего стараго врага, Оттіи Чхеидзе. Характеръ этаго Мингрельца во всей драмѣ выдержанъ превосходно, характеръ хитрый, мстительный, неутомимый. Какъ опытный старикъ, Оттія во всякомъ дѣлѣ предпочитаетъ тонкое коварство, скрытность, но въ случаѣ нужды, какъ мужъ, не боится явной борьбы. Со всѣмъ тѣмъ авторъ умѣлъ придать своимъ лицамъ восточный характеръ, представить весьма кстати нѣкоторые восточные обычаи, чѣмъ особенно оттѣнены сцены между простыми людьми, и онѣ намъ весьма нравятся. Что̀ касается до стиха, то здѣсь мы не можемъ не упрекнуть автора: его стихъ составляетъ самую слабую сторону драмы и вредитъ ей весьма много. Пятистопный безрифменный ямбъ, такъ прекрасно обработанный Пушкинымъ и сдѣлавшійся у насъ драматическимъ стихомъ, требуетъ особеннаго вниманія. Многіе изъ нашихъ писателей за него берутся, какъ за стихъ легкій болѣе другихъ, и обманываясь этой легкостью, не вникаютъ въ его составъ. Сравните его со стихомъ рифмованнымъ, и въ обработкѣ слѣдуйте правиламъ этаго послѣдняго, вы избѣгнете многаго того, что̀ дѣлаетъ вашъ стихъ шаткимъ и непріятнымъ. Переносить,

напримѣръ, существительное отъ прилагательнаго въ другой стихъ, или безпрестанно среди стиха и, еще хуже, среди стопы перерывать фразу, или оканчивать стихъ союзами и тому подобные случаи вредятъ всякому рифмованному стиху; такое употребленіе не снесетъ ни одно ухо. Отъ чего жъ не наблюдать того же самаго и въ стихѣ нерифмованномъ, который долженъ строиться такъ же, какъ и первый, только безъ рифмы. Г. Полонскій, подобно многимъ, не обращаетъ вниманія на это условіе, отъ чего его стихъ весьма шатокъ; мѣстами онъ неровенъ, потому-что г. Полонскій не обращаетъ вниманія на равностопность стиховъ: у него пятистопный стихъ часто переходитъ въ шестистопный. Въ настоящее время мы всѣ весьма взыскательны къ стихамъ, потому-что нашъ слухъ уже избалованъ многими превосходными образцами. И такъ посовѣтуемъ г. Полонскому обратить особенное вниманіе на обработку стиха, или перемѣнить его на хорошую прозу; посовѣтуемъ въ тоже время не кончить дѣло первымъ опытомъ, а развивать талантъ въ новыхъ произведеніяхъ.

53. **БЕСѢДЫ МАТЕРИ СЪ ДѢТЬМИ** въ праздникъ Святой Пасхи. Ив. Гл., 52 стр. С. П. Б. въ тип. Опекунскаго Совѣта. 1852 г. (цѣна 30 к. с.)

Цѣль этихъ бесѣдъ дать дѣтямъ полное, по возможности, понятіе о цѣли и причинахъ установленія праздника Пасхи, равно какъ и о тѣхъ особенностяхъ, которыя Церковь придала богослуженію этого праздника. Конечно, цѣль благая, и намъ кажется, что за исключеніемъ немногихъ выраженій, эти разсказы будутъ весьма понятны дѣтямъ, что̀, главное, требуется отъ такихъ книгъ. Замѣтимъ еще, что въ типографическомъ отношеніи въ дѣтскихъ книгахъ болѣе всего нужно стараться, чтобы не было *опечатокъ*: взрослый, встрѣтивъ опечатку, самъ можетъ догадаться и поправить, а отъ ребенка этого нельзя требовать; читая такъ какъ напечатано, онъ не будетъ понимать изуродованнаго слова, а слѣдовательно, и цѣлой мысли, или будетъ неправильно ломать себѣ голову, стараясь угадать, что̀ значитъ это слово. «Бесѣды матери съ дѣтьми» нечужды этихъ погрѣшностей.

54. **О МОЛИТВѢ ХРИСТІАНИНА** Составлено на основаніи священнаго писанія и ученія святыхъ отцевъ, Священникомъ Петромъ Цвѣтковымъ. Въ двухъ частяхъ. Третіе, исправленное изданіе Короблева и Сирякова. С. П. Б., въ тип. Эдуарда Веймара. 1852 г. (стр. I, 254, II, 152 in 8.)

Эта прекрасная книга составлена для дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не безъ интереса и для взрослыхъ.

Книга эта, можетъ быть превосходною даже для *народнаго чтенія.*

СМѢСЬ.

ЗАКУЛИСНЫЯ ТАЙНЫ,

СТАТЬЯ ЧАРЛЬСА ДИККЕНСА.

Настало время праздниковъ Рождества Христова и Новаго Года для нашихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, время пуддинга, жаренаго гуся, индѣйки съ трюфелями, сластей и бузиннаго вина; время семейныхъ игръ, подарковъ, трехмѣсячныхъ счетовъ мясника и булочника, радушныхъ пожатій руки, привѣтствій.... и пантомимы.

Хотя мы знаемъ наизустъ всѣ эти пантомимы, но какъ мы все еще ихъ любимъ! Хотя мы столько разъ видѣли, какъ одни и тѣ же Клоуны приготовляютъ однѣ и тѣже сосиски, и одинъ и тотъ-же Панталонъ спрашиваетъ насъ: «какъ вы поживаете завтра»? и однакожъ тѣ самые Клоуны и тотъ самый Панталонъ еще прельщаютъ насъ! Эстетика ничего не найдетъ въ пантомимѣ; не ищите въ ней ни правилъ единствъ, ни *ris comica* классической комедіи, ни сообразностей настоящаго искусства. А меж-

ду-тѣмъ, въ ней есть что̀-то такое, что̀ заставляетъ насъ смѣяться отъ чистаго сердца, поражаетъ насъ пріятною неожиданностью, возбуждаетъ наше воображеніе; да, есть что̀-то въ этихъ обветшалыхъ развлеченіяхъ, шутовскихъ фарсахъ, волшебныхъ превращеніяхъ и бенгальскихъ огняхъ! Можетъ-быть также, просто вліяніе времени, мимолетнаго возвращенія къ доброй старинѣ, дѣйствующее на всѣхъ насъ, благоразумныхъ отцовъ семейства, трудолюбивыхъ дѣловыхъ людей и пр., и пр., такъ-что заставляетъ насъ забывать наши приходскія ссоры, наши мѣстныя таксы, дисконты, и идти апплодировать *Арлекину лодоньду* или *Фея съ острова Абракадабра*; можетъ-быть, это такъ сообщителенъ хохотъ маленькихъ дѣтей, ихъ рукоплесканія, ихъ торжествующій энтузіазмъ? Послѣ всего, весьма вѣроятно, что шпага и пестрый костюмъ арлекина, платье въ блесткахъ добраго генія, бенгальскіе огни и другія чудеса пантомимы ударяютъ въ насъ по забытымъ струнамъ, возбуждаютъ сокровенныя привязанности, обновляютъ дорогія воспоминанія, переносящія насъ къ эпохѣ, въ которой мы не знали, что̀ такое ссоры, мѣстныя таксы, дисконтъ и лажъ, когда и мы также были дѣтьми, въ курточкахъ, застегнутыхъ до пояса, съ широкими откидными воротничками и длинными голубыми шарфами. Иначе, откуда эта слеза у насъ на рѣсницахъ и душевное волненіе, посреди самой шутовской сцены? Иначе, отчего освѣщеніе рампы, музыка, смѣхъ дѣтей, пестрый костюмъ арлекина и платье въ блесткахъ феи произвели въ насъ этотъ нравственный миражъ, гдѣ мы видимъ возобновляющіеся образы нашихъ первыхъ праздничныхъ ваканцій,—добродушную фигуру нашей бабушки, у которой всегда карманы были полны сластей;—дядю Вильяма, достающаго изъ своего кармана кошелекъ, полный маленькихъ новыхъ монетъ;—нашу бѣдную сестру Дебору, бывшую для насъ, при жизни, второю матерью,—всѣ наши школьныя радости и печали, всѣ наши праздничныя надежды и опасенія, въ лѣто тысяча восемьсотъ.... все-равно, какая бы ни была послѣдняя цифра!

Но оставимъ эти воспоминанія, и да здравствуетъ пантомима! Послѣдуйте со мною за Клоуномъ, по его поприщу; будемъ смѣяться паденію паяца; любоваться его лицомъ, натертымъ мукóю; восхищаться великолѣпіемъ магическаго дворца; войдемъ въ коралловый гротъ морскаго духа, пока, съ ударомъ двѣнадцати часовъ, не опустится медленно на сцену зеленая занавѣсь,

и полотно не покроетъ позолоченной рѣзьбы ложъ. Потомъ, если у васъ есть свободные полчаса, велите лѣтямъ идти спать, и я разскажу вамъ, что происходитъ позади этой самой зеленой занавѣси, предъ тѣмъ, пока Клоунъ начнетъ стряпать сосиски, фея въ платьѣ съ блестками превратитъ дубъ въ храмъ гименея, или бенгальскіе огни освѣтятъ дворецъ Царицы-красоты, на озерѣ Серебряныхъ-лебедей. Я постараюсь разсказать вамъ какъ можно короче, объ огромномъ трудѣ, постоянныхъ заботахъ, замысловатыхъ средствахъ и механическомъ мастерствѣ, необходимыхъ для того, чтобы арлекинъ пришелъ васъ забавлять, клоунъ смѣшить, а геніи или фея уливлять чудесами. Надѣнемъ шляпу Фортуніо, возьмемъ костыли Асмодея, спустимся въ преисподнюю пантомимы, изучимъ дивное произведеніе въ его первоначальныхъ элементахъ; посмотримъ тяжкія усилія, способствующія его началу, успѣхамъ, окончательной отдѣлкѣ; познакомимся съ этими артистами, которыхъ, безъ сомнѣнія, вы мало уважаете.... Еслибъ вы знали, воображаю я, сколько стоитъ актерамъ безсонныхъ ночей, труда, серьознаго размышленія, и терпѣнія, чтобы забавлять насъ, то, конечно, мы благосклоннѣе стали бы смотрѣть на паяца (когда онъ смылъ муку, убѣлившую его лицо)....

При помощи шляпы Фортуніо, мы вошли въ фойе Ковентъ-Гарденскаго театра, въ одно пасмурное ноябрьское утро, въ ту минуту, когда режиссеръ читаетъ программу новой большой пантомимы—*Арлекина Людовда*. Драматическіе актеры не присутствуютъ при этомъ предварительномъ чтеніи, обращенномъ лишь къ второстепеннымъ артистамъ, муравьямъ—труженикамъ театральнаго муравейника. Въ это утро собрались живописецъ декоратёръ, поставщикъ аксессуаровъ, плотникъ машинистъ и капельмейстеръ. Живописецъ декорацій, человѣкъ въ блузѣ, старой шляпѣ и туфляхъ, покрытый съ головы до ногъ пятнами всевозможныхъ цвѣтовъ. Вы удивитесь, когда увидите его, по окончаніи работы, одѣтымъ какъ джентльменъ; однакожъ это одинъ изъ джентльменовъ, и по ловкости пріемовъ, и по платью. Возлѣ него поставщикъ аксессуаровъ, выпачканный и пропитанный запахомъ клея и скипидара. Съ другой стороны плотникъ; онъ мнетъ въ рукахъ широкую войлочную шляпу, а на платьѣ его шитье изъ стружекъ.... Въ капельмейстерѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго. На стулѣ сидитъ авторъ, не въ истертомъ фракѣ, не растрепанный и съ тетрадью, торчащею изъ его кармана, но порядочный человѣкъ, который въ эту ми-

нуту раздраженъ и кусаетъ губы, видя, что присутствующіе слушаютъ съ невозмутимымъ равнодушіемъ его тонкія выходки. Живописецъ думаетъ о своихъ декораціяхъ, и не хочетъ слушать каламбуровъ автора; машинистъ занятъ кулисами; поставщикъ исчисляетъ въ умѣ, сколько надо намалевать комическихъ масокъ и кораловыхъ вѣтвей; между-тѣмъ, какъ костюмеръ и смотрительница за гардеробомъ соображаются, сколько понадобится аршинъ коленкору, газу, шолковой матеріи и бархату.

Послѣ чтенія начинается короткій отрывочный разговоръ.

— Лучше было бы, замѣчаетъ г. Брушъ, живописецъ:—еслибъ первая сцена происходила при лунномъ свѣтѣ, а не въ полдень.

Г. Таксъ, плотникъ—машинистъ, объявляетъ, что ему понадобится множество гвоздей и гаекъ.

Хозяинъ подаетъ экономическую мысль—передѣлать заново костюмы какого-нибудь стараго балета, да украсить ихъ блестками, и сшить сверхъ-комплектнымъ нѣмымъ сюжетамъ платья изъ бархатной занавѣси, снятой въ прошедшемъ году; но проектъ этотъ, по-счастію, опровергнутъ костюмеромъ.

Капельмейстеръ насвистываетъ протяжно народные напѣвы, которыми онъ намѣренъ воспользоваться съ нѣсколькими измѣненіями, и наконецъ режиссеръ, съ карандашомъ въ рукѣ, обозначаетъ автору пропуски, необходимые, по его мнѣнію, для успѣха піесы.

Піеса пойдетъ, заключаютъ всѣ, и каждый артистъ получаетъ записку о томъ, что онъ долженъ изготовить и доставить въ день генеральной репетиціи, то-есть, чрезъ мѣсяцъ, или по бо́льшей мѣрѣ, черезъ шесть недѣль. Г. Брушъ имѣетъ выкрасить условленное число перспективъ, не считая тридцати паръ крыльевъ изъ картона; а г. Таксъ снабдить его рамами и холстами. Г. костюмеръ уноситъ списокъ Фей, геніевъ, тѣлохранителей, вельможъ, костюмы которыхъ ему надо будетъ приготовить. Г. Колофану, капельмейстеру, передана копія съ цѣлой пантомимы, чтобы онъ могъ изучить ея главныя положенія и пригнать къ нимъ характеристическую музыку, а бѣдный Горджетъ, подрядчикъ, уходитъ съ жалобнымъ видомъ, оглушенный множествомъ предметовъ, которые надо будетъ подсунуть въ карманы Пантолона.

— Какъ можно все это приготовить въ мѣсяцъ?—вопіетъ онъ. Однакожъ обѣщаетъ это доставить въ тридцать дней. Режиссеръ уходитъ съ озабоченнымъ лицомъ.... Сходя съ лѣстницы,

онъ встрѣчаетъ Клоуна, совершеннаго комика-оригинала, страстнаго охотника воспитывать всѣ роды животныхъ, начиная отъ гуся, слѣдующаго за нимъ какъ собака, до осленка, живущаго въ его собственной комнатѣ. Режиссеръ и Клоунъ останавливаются поговорить о нѣкоторыхъ сценическихъ подробностяхъ, долженствующихъ поразить публику съ первыхъ представленій.

Мы не назовемъ поимени автора; имя его съ выгодной стороны является на афишѣ, но, къ несчастію, оно является также на всѣхъ обязательствахъ. Ему представленъ открытый кредитъ у банкира.

Въ послѣдующіе дни хотя еще не приступаютъ къ дѣлу слишкомъ горячо, однакожъ уже начинаютъ готовиться. Цѣлые лѣса привезены ко входу театра; также огромные тюки холста и бочки красокъ для г. Бруша; узлы матеріи для костюмера; мѣшки гвоздей и гаекъ для г. Такса, машиниста; огромное количество клея, золоченной бумаги, блестокъ и пр., и пр. Еще нѣсколько дней, и муравьи примутся всѣ за работу за занавѣсью, чтобы поставить пантомиму «*Арлекинъ-людоѣдъ*».

Уцѣпимся за фалды режиссера, который въ одно время и здѣсь, и тамъ, вездѣ наблюдаетъ за всѣми приготовленіями. Плотники-машинисты работали съ шести часовъ утра: посмотримъ, что̀ они сдѣлали.

Мы проходимъ чрезъ театръ, освѣщенный сумрачнымъ свѣтомъ, и поднимаемся по узенькой лѣстницѣ, ведущей насъ въ область между небомъ и землею, похожую на корабельные деки или канатный заводъ: чего тутъ нѣтъ—кабестаны, канаты, веревки, цѣпи, блоки и пр. Берегитесь, не то упадете въ вѣяльную машину, которая подражаетъ шуму вѣтра, близъ широкаго мѣднаго листа, производящаго громъ. Внизу красуется жестяной цилиндръ съ горохомъ: это градъ. Вотъ веревки, на которыхъ улетаютъ Феи.... Пойдемте выше, по лѣстницѣ. Другой этажъ; здѣсь опять кабестаны, блоки, газовые рожки и раскрашенные экраны, проливающіе печальный лунный свѣтъ на сцены убійства или пожара, когда нѣтъ нужды въ бенгальскихъ огняхъ. Другая лѣстница (веревочная) ведетъ подъ стропила театра и въ мастерскую машинистовъ.

Какой шумъ отъ пилъ, струговъ, молотковъ! Мастерская обширна. Двадцать или тридцать работниковъ собираютъ части обширной рамы, и обиваютъ ее холстомъ; другіе обдѣлываютъ длинные цилиндры или брусья для занавѣси; далѣе, нѣсколько человѣкъ, стоя на колѣняхъ, вышиливаютъ профиль скалы или

дерева, начертанныхъ живописцемъ на драни или тонкой доскѣ. Г. Таксъ торжествуетъ посреди гвоздей и гаекъ, и поймавъ режиссера, осаждаетъ его новыми требованіями. Режиссеръ успокоиваетъ его обѣщаніемъ.... Посторонитесь, господа!... Вотъ четверо здоровыхъ плотниковъ тащутъ на плечахъ «Пагоду наслажденій».

Театральные плотники — народъ замѣчательный въ своемъ родѣ. Они знаютъ всѣ преданія Ковентъ-Гардена или Дрюриленскаго-театра, при которыхъ служили ихъ отцы и дѣды— также плотниками. Люди эти работаютъ отъ шести часовъ утра до шести часовъ вечера и болѣе, если дѣло къ спѣху. Когда зажигаютъ газъ во всѣхъ этажахъ подъ ихъ мастерской, жаръ иногда бываетъ нестерпимый. Если представленіе началось, вамъ стоитъ только наклониться надъ поломъ, и вы услышите, сквозь щели, музыку оркестра, и увидите тамъ и сямъ актеровъ, кажущихся точками. Но теперь утро; идетъ репетиція. Голосъ кричитъ снизу: «Да велите имъ не стучать молотками, пока разучиваютъ роли.» Но другой голосъ велитъ плотникамъ не терять времени.

Теперь пойдемъ въ другую мастерскую, нестоль огромную, расположенную на той же высотѣ, и занимающую помѣщеніе соотвѣтственно полукруглому плафону залы. Мы находимся надъ зрителями. Въ центрѣ этой мастерской сдѣлана деревянная башенка, выступающая надъ крышею. Это вентиляторъ театра и въ то же время мѣсто для люстры. Отворивъ маленькую дверь, мы можемъ замѣтить, въ полумракѣ, что эта башенка имѣетъ желѣзный полъ и открывается посредствомъ люка на шарнирѣ; мы замѣчаемъ также веревки и блоки, поддерживающіе люстру, которую поднимаютъ каждый понедѣльникъ, для чистки, въ ея нишу. Другіе плотники работаютъ, пилятъ, стругаютъ, приправливаютъ и пр. Что это за шумъ? Они переносятъ пару декорацій въ мастерскую живописца. Пойдемъ и мы въ эту мастерскую.

Мы входимъ въ комнату узкую, длинную, но очень высокую, въ которой до половины ея высоты идетъ стеклянная рама. Около стѣны вдоль комнаты идетъ по полу отверзтіе, шириною въ полфута и глубиною до семидесяти футовъ, въ которомъ повѣшена деревянная рама. На этой рамѣ полагается декорація для окраски, поднимающаяся и опускающаяся, посредствомъ противовѣса и кабестана, по волѣ живописца, такимъ-образомъ, что всѣ части картины, на заднемъ и перед-

немъ планѣ, небо и низшіе аксессуары, приближались бы послѣдовательно къ его кисти. Артистъ кончилъ. Кричатъ «берегись»! клинъ кабестана вынутъ, и рама быстро спускается до уровня сцены. Тамъ, плотники снимаютъ декорацію, и рама поднимается вновь въ мастерскую живописи.

Г. Брушъ, выпачканный въ краскахъ, машетъ двойною кистью по холсту волшебный дворецъ *Арлекина-людоѣда*. Пять или шесть учениковъ, или воспитанниковъ помогаютъ ему создавать это чудесное зданіе. Одинъ изъ нихъ сидитъ за столомъ, на которомъ стоитъ что-то, похожее на игрушечный театръ—забаву и счастіе нашего дѣтства! Ученикъ г. Бруша вырѣзаетъ и склеиваетъ изъ папки разныя части декораціи, и отдаетъ ихъ плотнику, вмѣсто масштаба. Другой выдѣлываетъ колонны кистью и линейкой. Частности декораціи поручаются различнымъ артистамъ; Брушъ поправляетъ ихъ, и довершаетъ цѣлое.

Не хотите ли узнать, какъ рисуютъ прекрасныя перепективы, которыми вы восхищаетесь при освѣщеніи сцены? Пойдемте за г. Брушемъ. Сначала кладутъ на раму широкій и высокій холстъ похожій на гигантскій листъ толстой сѣрой бумаги. Брушъ вооружается длинною палкою, въ раздвоенную оконечность которой вставленъ кусокъ угля, и этимъ инструментомъ быстро чертитъ первый абрисъ, и отдѣлываетъ его кистью, омоченною въ чернила, которыя, помѣрѣ того, какъ высыхаютъ, дѣлаются темнѣе, и отчетливѣе представляютъ эскизы; потомъ приходитъ помощникъ, вооруженный огромными кистями, и покрываетъ холстъ густою краской; г. Брушъ набрасываетъ тѣни, и доканчиваетъ картину, съ отчетливостью, которая удивитъ васъ, если вы полагали, что декорацію рисуютъ щеткою, и ставили декораціонныхъ живописцевъ наряду съ малярами. Погодите; еще надо нарисовать карнизъ декораціи, на протяженіи, можетъ-быть, пятидесяти футовъ. Два работника, по одному съ каждой стороны, держатъ между указательнымъ и большимъ пальцами веревку, протянутую на высотѣ, гдѣ должна быть обозначена рельефная линія. Эта веревка натерта толченымъ углемъ, и будучи сильно прижата къ холсту, оставляетъ на немъ длинный чорный слѣдъ, который затѣмъ обводятъ чорною краской. Вотъ великолѣпная зала, стѣны которой должно покрыть богатыми обоями. Думаете ли вы, что все это дѣлается отъ руки? Нѣтъ; вдоль декораціи растягиваютъ листъ коричневой бумаги, истыканный булавками. Надъ этимъ листомъ трясутъ потихоньку сито, наполненное угольнымъ порош-

комъ, и порошокъ, проходя чрезъ отверзтія, оставляетъ рисунокъ, который можно повторять до безконечности, передвигая листъ бумаги. Это называется *понсировкой*. Нѣкоторыя части декораціи рисуютъ по модели, но листья и скалы, цвѣты и воду, Брушъ чертитъ и рисуетъ своею рукою. Для пантомимы такой роскошной, какъ *Арлекинъ-людоѣдъ*, иногда золотятъ декораціи. Полюбуйтесь на скорость, съ какою дѣлаютъ это украшеніе. Сначала одинъ помощникъ нарѣзываетъ перочиннымъ ножемъ узенькія полоски золотой бумаги; другой проворно беретъ эти полоски, и покрываетъ клеемъ; третій накладываетъ ихъ на холстъ. Г. Брушъ приноситъ горшокъ, наполненный составомъ изъ смолы, клея и воска, ставитъ этотъ горшокъ надъ спиртовою лампой, обмакиваетъ въ него кисть изъ верблюжьяго волоса и обводитъ профили частей, которыя хочетъ позолотить, и въ минуту готовы три четверти декораціи. Посторонніе частицы снимаютъ сухою щеткою, и посреди настоящаго золотаго дождя, подобно низпадающему въ башнѣ Данаи, контуры, къ которымъ приклеился металлъ, постепенно становятся блестящею сѣтью.

По стѣнамъ мастерской развѣшены *понсы* и *выкройки* изъ крашеной бумаги, напоминающіе мастерскую портнаго. На просторномъ очагѣ кипитъ котелъ съ красками. Передъ столомъ, поддерживающимъ широкую каменную доску, работникъ растираетъ румяна мраморною скалкою. Палитра г. Бруша не овальная, какъ у живописцевъ, но столъ о четырехъ ножкахъ, раздѣленный по краямъ на части, съ особенною въ каждой краскою; средина стола служитъ для соединенія различныхъ цвѣтовъ. Стѣны, выбѣленныя известкой, всѣ выпачканы рисунками углемъ; но тамъ и сямъ дорогая гравюра, ящикъ акварелей, нѣсколько нѣжныхъ цвѣтовъ въ залѣ и бархатная драпировка показываютъ вамъ, что въ этой мастерской безъ потолка, безъ обой, безъ ковровъ и пропитанной запахомъ клея, живетъ не только ремесло, но и искусство.

Несмотря на шляпу Фортуніо, обратившую насъ въ невидимокъ, мы долго мѣшали Брушу. Спустимся по разрушенной лѣстницѣ изъ его мастерской въ нижній этажъ. Тише, идите ощупью.... здѣсь царствуетъ чорная ночь.... Теперь, когда я отопру дверь, зажмурьтесь наминуту, чтобы не ослѣпнуть отъ внезапнаго свѣта.

Это *магазинъ* театра. Въ этомъ обширномъ магазинѣ приготовляются всѣ аксессуары, мебель и украшенія, необходимыя

для постановки піесъ. Полюбуйтесь. На стѣнахъ и на потолкѣ, на полу и на столахъ развѣшаны, разбросаны: всѣ принадлежности:—ножъ и вѣсы Шейлока, гробъ Офеліи, зонтикъ Павла Прайя, скипетръ Макбета, котелъ вѣдьмъ, шпага арлекина, серпъ Нормы, шишакъ Мамбрина, шпаги, сабли, фонари, филей деревяннаго быка, кресла вѣка Людовика XIV, чаши изъ папьемаше, маски, золотые и серебряные кошельки, пики, лютни, фляжки, плоды, трещетки, рыбы, барабаны, шляпы, шпоры, охотничьи рога. У стѣны стоитъ столъ съ мраморною доскою и золочеными ножками. За этотъ столъ сядутъ благородные кавалеры и благородныя дамы вкушать деревянную дичь и картонные пироги, опоражнивать стаканы хересу, разбавленнаго водою, или, можетъ-быть, золотые кубки безъ воды и вина. Къ самому столу навсегда пригвождено нѣсколько кубковъ, тарелокъ съ плодами, обманчивыми, какъ яблоки Мертваго-моря, потому-что въ нихъ нѣтъ даже пепла. Въ торжественныхъ случаяхъ, кубки обвязываются по краямъ бѣлою шерстью, представляющею пѣну, и кушанья дымятся.... облакомъ гипсоваго порошка. Какой пріятный обманъ театральные пиры и театральные клады! Свита восхваляетъ холодные пироги и жареныхъ каплуновъ, которые они съ радостью промѣняли бы на холодную телятину! Господарь, щедрый на дары, бросаетъ пригоршнями червонцы и флорины, между-тѣмъ, какъ въ партерѣ сидитъ сапожникъ, которому онъ полгода обѣщаетъ заплатить за единственную пару сапоговъ.... Роскошныя яства—мечта.... вино—фантазія.... червонцы—воображеніе!... Но не станемъ, друзья мои смѣяться: мечта на одномъ ли театрѣ? Развѣ не приходилось вамъ, какъ мнѣ, обѣдать за воображаемымъ столомъ краснаго дерева, при воображаемыхъ огняхъ небывалыхъ свѣчей? Развѣ не пили за ваше воображаемое здоровье воображаемые друзья? Признаюсь, не одинъ разъ награждали меня такимъ же воображаемымъ золотомъ, какое сыпалъ на сцену великодушный герой.

Есть одна театральная піеса, единственная, въ которой подаютъ дѣйствительный обѣдъ. Эта піеса называется: «*No song, no supper*»: *(Нѣтъ пѣсни, нѣтъ ужина)* *. Какъ ни малъ театръ, какъ ни бѣдна казна директора, преданіе уважается; настоящая баранья нога подается на столъ. Однажды, разсказываетъ хроника, нашлось чудовище безъ сердца, которое замѣнило исто-

* Піеса эта, оставшаяся въ репертуарѣ, есть комическая опера «Принцъ Гоардъ», игранная на Дрюри-Ленскомъ театрѣ въ 1790 г.

рическую баранью ногу бараньими котлетами. Этотъ подлогъ сдѣлалъ его предметомъ общаго негодованія. Любопытное противорѣчіе! между-тѣмъ-какъ баранья нога въ «*Пять пѣсни, пять ужина*», постоянно дѣйствительная баранья нога, пирогъ, подаваемый въ той же самой піесѣ также неизмѣнно воображаемый пирогъ.... старый деревянный пирогъ! Причина этой аномаліи еще надолго останется неразрѣшимою загадкой.

Возвратимся въ магазинъ Ковентъ-Гарденскаго-театра. Г. Горджетъ, поставщикъ, или «properties-master», трудится съ лихорадочнымъ жаромъ. На головѣ у него надѣтъ, для просушки, вновь вызолоченный вѣнецъ; на столѣ лежитъ куча сырой глины, изъ которой онъ лѣпитъ проворными и гибкими пальцами страшную человѣческую маску, съ приплющеннымъ носомъ, огромнымъ ртомъ и морщинистыми щеками. Когда маска уже вылѣплена, помощникъ г. Горджета обводитъ алою краской носъ, чорною брови, а бѣлою зрачки. Между-тѣмъ, мистрисъ Горджетъ украшаетъ блестками каску, придѣлываетъ къ маскѣ парикъ изъ пеньки и лошадиныхъ волосъ, рыжихъ и чорныхъ. Другіе работники золотятъ чаши, приготовляютъ для Клоуна рыбу, сосиски, яйца и проч. Даже дѣти не остаются безъ дѣла: дѣвочка, съ рѣзвыми глазами, меньшая дочь г. Горджета, пестритъ съ важностью пломпуддингъ, между-тѣмъ какъ ея братъ, мальчикъ одиннадцати лѣтъ, сидя на табуретѣ, съ горшкомъ охры въ одной рукѣ и кистью въ другой, наводитъ богатый золотистый глянецъ на двѣнадцать паръ сапогъ съ отворотами. Сапоги эти заблестятъ вечеромъ на ногахъ рыцарей, которые начнутъ топтать мураву, потрясая надъ головами оловянные стаканы съ воображаемымъ рейнвейномъ.

Г. Горджету хватитъ работы еще на три недѣли; и ему придется рано вставать и поздно ложиться до перваго представленія *Арлекина-людопьда*. За все это онъ получаетъ пятдесятъ шиллинговъ въ недѣлю.

Выйдемъ изъ магазина, бросивъ взглядъ въ темный уголъ, налѣво, куда сбираютъ негодную драматическую рухлядь; посмотримъ мимоходомъ театральный арсеналъ, гдѣ расположены каски, пики, сабли, латы... время идетъ, а надо еще намъ заглянуть въ мастерскую костюмера.

Г. Бастеръ шьетъ, подавая собою примѣръ баталіону швей. Тѣснота страшная, потому-что комната загромождена шкафами. Г. Бастеръ осмотрѣлъ костюмы, чтобы знать, какіе еще годятся и какіе должно подновить. Онъ осмотрѣлъ бархатныя

мантіи, саржевыя платья, нагрудники, коленкоровыя тюники невольниковъ, воротнички и кружева во вкусѣ среднихъ вѣковъ; осмотрѣлъ, на свѣтъ, прошлогодній костюмъ Клоуна, и печально покачалъ головою, видя, что блестящее платье почти въ лохмотьяхъ отъ многочисленныхъ зацѣповъ. Первая мастерица нашиваетъ блестки на куртку арлекина, а другія чинятъ костюмы геніевъ, фей, демоновъ, сиренъ, наядъ, домовыхъ.... Г-жа Мецданина, которая будетъ играть Коломбину, приходитъ сказать, чтобъ какъ можно лучше сшили ей юпку и корсажъ.

Г. Таксъ носитъ въ карманахъ жилета винты и гайки; Горджесъ весь въ клею; руки его помощниковъ блестятъ золотою бумагою, а по лѣстницѣ г. Бруша шныряютъ съ тарелками слуги изъ ближайшей таверны: онъ завтракаетъ въ мастерской, чтобы непотерять минуты. Директоръ радуется, узнавъ, что уже начинаютъ разбирать ложи, а потомъ вдругъ озабочиваетъ его мысль о новыхъ расходахъ; машинистъ, живописецъ, плотникъ, всѣ, какъ нарочно, осаждаютъ его требованіями; одному надо гвоздей, другому сѣры, румянъ, клею и проч.

Не думайте, чтобы актеры оставались праздными; никто изъ нихъ не сидитъ, сложа руки, ни Клоунъ, ни арлекинъ, ни Панталонъ, ни Коломбина, ни Фея, ни привидѣнья....

Работайте, работайте, работайте: ибо завтра канунъ Рождества Христова; работайте, гвозди, молотки, кисти, иголки и человѣческіе мускулы! У г. Бруша восемь дней нечищены сапоги.... восемь дней, какъ онъ забылъ, къ-чему служатъ простыни и одѣяла!... Нѣтъ покоя отъ трудовъ для г. Такса; нѣтъ семейнаго праздника для г. Горджета; нѣтъ пудинга для дѣтей машиниста; репетиторъ не щадитъ ни одного артиста: танцуйте, прыгайте, скачите, господа и госпожи! Въ фойе тѣснота: повсюду, между кулисами, вы задѣваете за декорацію; берегитесь, чтобы не упасть въ полуоткрытый люкъ....

Наконецъ представленіе назначено на сегодняшній вечеръ. Да, мой маленькій Билли, да, мой маленькій Тамми, да, моя маленькая Мери, мы взяли ложу, и повеземъ васъ въ театръ, потому-что вы были умники. Джонъ, лакей, пойдетъ съ служанкою въ партеръ, и они узнаютъ въ галереѣ торговку плодами, которыя также захотѣла полюбоваться съ мужемъ на *Арлекина-людоѣда*.

Молотокъ умолкъ, иголка остановилась; г. Брушъ сдѣлалъ послѣдній штрихъ кистью; директоръ любуется на аффишу, которая громко возвѣщаетъ о чудесахъ спектакля. Шесть часовъ.

Клоунъ (синьоръ Броунавини) велѣлъ приготовить бутыль ячменной воды, его единственное питье между двумя опасными прыжками. Семь часовъ: все готово!

Тамми, Билли, Мери и ихъ мама пріѣхали въ каретѣ. Уже лакей и горничная сидятъ въ партерѣ. Джоe Баррикинъ помѣстился, вмѣстѣ съ г-жою Баррикинъ, въ галереѣ, и жалуется на жажду.—«Музыка! музыка!» «Начинайте! начинайте!»—«Сядьте! сядьте!» – Занавѣсъ поднимается: играютъ Георга Барневелля или Джонъ Шоръ; но публика едва слушаетъ драму: всѣ пришли для одной пантомимы. Тс! занавѣсъ поднимается для

АРЛЕКИНА-ЛЮДОѢДА,

или

ВОЛШЕБНИЦЫ СЪ ОСТРОВА АБРАКАДАБРЫ.

Громъ рукоплесканій; продолжительные раскаты смѣха .. Какія великолѣпныя декораціи! сколько веселости! сколько неожиданностей! сколько остроумія! «Какъ вы поживаете *завтра*»? Станемъ апплодировать; это стóитъ рукоплесканій, и театръ будетъ набитъ биткомъ до половины февраля, чего отъ души желаю автору, директору и актерамъ королевскаго Ковентъ-Гарденскаго-театра....

О СМОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

въ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Съ какого времени введено смолокуреніе въ Архангельской губерніи, свѣдѣній о томъ неоткрыто еще и по настоящее время. При взглядѣ на мѣстность, гдѣ только оно производилось и производится, представляются значительныя пространства, обнаженныя отъ лѣсовъ, изъ чего можно заключить, что оно введено съ временъ давнихъ. Смолокуреніе преимущественно производится въ уѣздахъ Холмогорскомъ, Шенкурскомъ, Онежскомъ и отчасти Пинежскомъ. Такая вѣтвь промышленности,

кажущаяся съ перваго взгляда довольно обширною, едва доставляетъ рабочему 1½ коп. сер. въ день задѣльной платы. Главная фабрикація смолы производится въ Шенкурскомъ уѣздѣ.

Царь Петръ Великій торговлю смолою и поташомъ причислилъ къ казеннымъ регаліямъ, и торги, производившіеся этими продуктами, назывались *царскими торгами*. По сохранившимся современнымъ свѣдѣніямъ, отпускъ за границу этихъ произведеній представляется въ слѣдующихъ видахъ:

Въ 1699 г. отпущ. поташу	80,156 пуд. 29 ф.;	смолы 4,621 боч.
— 1702 — — —	64,794 — 23 —	— 4,621 —
— 1703 — — —	3,334 — 19 —	— 2,039 —
— 1704 — — —	21,492 — 22 —	— 1,302 —
— 1705 — — —	22,298 — 27 —	— 1,405 —
— 1706 — — —	22,309 — 35 —	— 3,788 —
— 1707 — — —	—— — — —	— 4,899 —
— 1708 — — —	25,498 — 27 —	— 2,890 —
Да сверхъ-того за собственный счетъ Государя.	17,703 — — —	— 2,239 —
— 1709 — — —	20,018 п. 35 ф.	— 1,734 —

Съ 1713 года, на основаніи заключеннаго Царемъ Петромъ Великимъ торговаго договора съ англійскими купцами Робинсономъ и Гарценомъ, торговля важеской смолою была отдана имъ на три года. По истеченіи срока торговому договору, между договорившимися возникли разныя недоумѣнія, которыя окончены распоряженіями князя Куракина.

Въ концѣ 1716 года повелѣно было архангелогородскому губернатору постоянно заготовлять, для заморскаго отпуска, по 2,000 бочекъ смолы, составлявшихъ собственность Государя, которая отправлялась въ Венецію.

Мудрый преобразователь Россіи, въ предупрежденіе лѣсоистребленія, отъ 1 іюля 1718 г. именнымъ указомъ повелѣлъ передать торговлю смолою и поташомъ въ вѣдомство казны, даровавъ съ тѣмъ вмѣстѣ купечеству право производить торгъ всѣми другими товарами.

Въ двадцати-четырехъ лѣтній періодъ, современный царствованію Великаго Петра, приходъ иностранныхъ кораблей къ архангельскому порту былъ слѣдующій:

Въ	1694	году	49 кораблей
—	1695	—	40 — —
—	1696	—	20 — —
—	1697	—	52 — —
—	1698	—	54 — —
—	1700	—	64 — —
—	1701	—	106 — —
—	1702	—	149 — —
—	1703	—	112 — —
—	1704	—	122 — —
—	1705	—	135 — —
—	1706	—	47 — —
—	1707	—	133 — —
—	1708	—	206 — —
—	1709	—	163 — —
—	1710	—	159 — —
—	1711	—	184 — —
—	1712	—	132 — —
—	1713	—	169 — —
—	1714	—	155 — —
—	1715	—	130 — —
—	1716	—	233 — —
—	1717	—	146 — —
—	1718	—	116 — —

Съ 1726 по 1740 годъ, смоляная торговля не составляла казенной регаліи, но снова предоставлена на волю купечества, а въ 1740 г. опять сдѣлана казенною. Въ 1760 г., Императрица Елисавета Петровна повелѣла изъять этотъ торгъ изъ казеннаго вѣдомства, и передать генералъ-аншефу Нарышкину, который обязывался платить казнѣ, сверхъ пошлинъ, добавочную сумму, составлявшую 8,396 руб., что̀ продолжалось по 1768 годъ, т. е. до времени уничтоженія архангельскихъ монополій,

Въ настоящее время, въ предѣлахъ Архангельской губерніи каждогодно смолы выкуривается до 660,000 и до 80,000 пудовъ пека. Кромѣ заграничнаго отпуска, продуктъ сей находитъ сбытъ для архангельскаго адмиралтейства и для судостроенія въ губерніи. Въ 1813 г. бочка смолы, заключающая 8 пудовъ узаконеннаго вѣса, стоила отъ 3 до 4 руб. ассигн., а въ 1815 году цѣна на смолу возвысилась, вслѣдствіе значительныхъ требованій за границу, до 4 р. 30 к. сер., въ настоящее же время цѣна бочки немногимъ выше 1 р. 10 к. сер. Здѣсь пред-

ставляется видъ хода этой торговли въ послѣднее восьмилѣтіе:

Въ 1841 г.	отп.	загр.	101,108 п.	12,638 боч.	на сум. 285,555 р. с.
— 1842	—	—	63,295 —	7,911 —	— — 165,258 —
— 1843	—	—	84,697 —	10,587 —	— — 195,436 —
— 1844	—	—	77,215 —	9,650 —	— — 211,592
— 1845	—	—	99,412 —	12,462 —	— — 158,618 —
— 1846	—	—	92,132 —	11,516 —	— — 205,646 —
— 1847	—	—	175,157 —	21,894 —	— — 407,118 —
— 1848	—	—	175,798 —	21,974 —	— — 406,729 —

Изъ сего явствуетъ, что самый большой отпускъ составляетъ 175,798 пуд. (21,974 боч.), на сумму 407,118 р.; мѣньшій 63,295 пуд. (7911 боч.) на сумму 165,258 руб. сер.; средній 119,546 пуд. (14,943 боч.) на сумму 268,188 руб. сер.

Для покупки смолы архангельское и вологодское купечество съѣзжается въ Шенкурскій уѣздъ, на Евдокіевскую-ярмарку, бывающую въ началѣ марта, въ Благовѣщенскомъ Приказѣ, покупка производится по контрактамъ, заключаемымъ съ смолопромышленниками, подъ предварительные задатки. Въ настоящее время такого рода торговля начала упадать; причиною чего суть, вѣроятно, малыя требованія этого продукта за границу. Смоляной торговлей преимущественно занимается купечество Вологодской губерніи: верховажское и вельское. Верховажскій купецъ Ириней Давыдовъ, имѣющій собственные пековаренные и скипидарные заводы, можетъ быть поставленъ въ число главныхъ производителей этой промышленности при архангельскомъ портѣ. Бракъ смолы и пека производится въ Архангельскѣ чрезъ двухъ браковщиковъ.

Неизлишнимъ считаю сообщить здѣсь и о самыхъ способахъ выдѣлки смолы, чтобы указать, какъ тлетворно эта промышленость дѣйствуетъ на лѣсоводство. Лѣсъ для гонки смолы преимущественно употребляется сосновый. Съ наступленіемъ весны, когда сосна начинаетъ наполняться сокомъ, крестьяне отправляются сдирать съ нея кожу, что̀ называется *соченіемъ*. Кора облупляется, въ разстояніи около аршина отъ корня, со всего ствола, и оставляется одна только узенькая полоска для обращенія древесныхъ соковъ. Деревья для сего избираются молодыя, вершковъ 2 и 3 въ отрубѣ. Послѣ такого пріема дерево оставляется на корню отъ 2 до 4 лѣтъ, и чѣмъ болѣе оно остается въ такомъ положеніи, тѣмъ болѣе получается смолы. Когда

дерево осочится совершенно, тогда его срубаютъ, очищаютъ отъ вѣтвей, раскалываютъ на плахи, футовъ въ 12 длиною, и свозятъ на смольныя ямы, что̀ также дѣлаютъ весною. Вѣтви и корни совершенно пропадаютъ.

По доставленіи на смольную яму, *майданъ*, чурки колются пополамъ; потомъ расщепываются въ лучину и складываются въ костры. Послѣ такого видоизмѣненія чурки получаютъ названіе смолья. Костры эти бываютъ длиною отъ 60 до 120 футовъ, и сожигаются впродолженіе 5, или 7 дней.

Смольныя ямы копаются въ глубину аршинъ до 4, куда спускается круглый или четырехъ-угольный деревянный чанъ, вышиною аршина въ полтора. Края его покрываются застилкою изъ толстыхъ досокъ, толщиною дюйма въ три, и на помостѣ, по такому способу устроенномъ, просверливается отверзіе, въ разрѣзѣ вершковъ около трехъ. Доски эти застрамбовываютъ землею, въ видѣ воронки, оставляя и въ послѣдней подобное вышеупомянутому отверзтіе. Такая настилка не превосходитъ объема ларя. Лари не имѣютъ опредѣленной величины; ихъ устройство зависитъ совершенно отъ воли хозяина, при чемъ соображается число рабочихъ. Когда нужно гнать (*выснживать*) смолу, то на воронкообразное отверстіе накладываются нѣсколько нетолстыхъ деревянныхъ чурочекъ, придавливаемыхъ круглымъ камнемъ, равнаго съ отверзтіемъ объема, который при подгорѣніи чурочекъ, своею тяжестію закрываетъ отверзтіе. Это дѣлается для того, чтобъ ни огонь, ни угли не попадали въ ларь. Получаемая такимъ образомъ смола, по охлажденіи разливается въ бочки продолговатой фигуры, приготовляемыя самими смолопромышленниками изъ сосны.

По разливѣ, смола грузится на поты, дѣлаемые изъ еловаго лѣса, въ видѣ рѣшотокъ, называемые *ведилами*. Бочки располагаются рядами и погружаются до половины въ воду. Плаваніе отъ Усть-Ваги до Архангельска довольно медленное, потому-что плоты идутъ на греблѣ, не употребляютъ парусовъ, и при малѣйшемъ вѣтрѣ или волненіи причаливаютъ въ становища. Крушенія случаются довольно часто; но смертные случаи бываютъ рѣдко.

Соченіе молодыхъ сосновыхъ деревъ для смолокуренія многихъ жителей сдѣлало безъ лѣса, и въ настоящее время подсачиваніе производится въ значительномъ разстояніи отъ селеній. Извѣстно, что сосна въ 40 лѣтній періодъ дѣлается деревомъ годнымъ на кораблестроеніе.

Не безполезно было бы производить смолокуреніе по шведскому способу, и существующія нынѣ смольныя ямы замѣнить печами, въ которыхъ смолы получается несравненно болѣе и сверхъ-того остается въ экономіи хорошій уголь. Шведы употребляютъ для смолокуренія корни лиственичной сосны, произрастающей по болотистымъ мѣстностямъ. Такого рода печи выкапываются бо̀льшею частію въ холмахъ и покрываются дерномъ, въ нихъ вставляется желѣзный лотокъ, для стока въ чанъ или кадку смолы, которая сбѣгаетъ по мѣрѣ истлѣнія корней.

Такіе способы замѣнятъ хлопотливое подсачиваніе деревьевъ, сохранятъ время, употребляемое на устройство смольныхъ ямъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ будутъ содѣйствовать сохраненію самыхъ лѣсовъ, столь необходимыхъ для другихъ, болѣе важныхъ потребностей.

В. ЧЕРНЫШОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЕ О Н. И. ГНѢДИЧѢ.

Онъ жилъ и умеръ *благородно*!

Державинъ.

Лѣтомъ 1836 года, я часто ходилъ рано утромъ прогуливаться на Невское-кладбище. Здѣсь, когда природа и люди еще спали, мнѣ было какъ-то особенно пріятно и сладостно бродить и мечтать. Никто не тревожилъ печальныхъ думъ моихъ;—я былъ одинъ—и потому счастливъ.

Обыкновенная прогулка моя была на новомъ кладбищѣ. Это мѣсто находится, когда вы войдете въ ограду Невскаго монастыря, на правой сторонѣ. Новое кладбище я предпочитаю старому потому, что здѣсь схороненъ прахъ незабвеннаго Н. М. Карамзина. Съ дѣтства я привыкъ находить въ имени Карамзина что̀-то священное, родное моему сердцу. Я, не зная его, любилъ и почиталъ, какъ отца, какъ друга. Новое кладбище я люблю еще потому, что здѣсь покоится еще одинъ человѣкъ,

драгоцѣнный русскому сердцу. Это Гнѣдичъ, передавшій намъ безсмертныя пѣсни Омира. Посмотрите на могильный памятникъ Гнѣдича. Кто соорудилъ его? Друзья и почитатели поэта. Прекрасный гранитный камень съ лавровымъ вѣнкомъ стоитъ надъ прахомъ Гнѣдича. Скромная надпись: «Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира, отъ друзей и почитателей», и внизу стихи:

Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ
Сладчайшія меду лилися ...

Это дань, достойная поэта. У насъ Русскихъ память добраго и умнаго человѣка не умретъ. Есть люди, которые умѣютъ быть благодарными.

Однажды, это было 2-го іюля 1836 года, я, вмѣсто обыкновенной утренней прогулки, зашелъ на Невское-кладбище вечеромъ часу въ десятомъ. Вечеръ былъ прекрасный, наше сѣверное небо было чисто, безоблачно. На кладбищѣ было тихо и спокойно; два—три монаха бродили по могиламъ усопшихъ, и нѣсколько малютокъ рѣзвились и бѣгали вокругъ крестовъ и памятниковъ. Счастливое дѣтство! ему вездѣ пріятно. Поклонившись праху Карамзина, я пришелъ на могилу Гнѣдича. Долго сидѣлъ я, задумавшись, на могилѣ поэта; время летѣло; было уже около половины одиннадцатаго. Ко мнѣ подошелъ монахъ. Черты лица его были благородны;—ему едва было двадцать-пять лѣтъ.

— Я часто вижу васъ у этой могилы. Позвольте узнать, не родственникъ ли вы покойному Николаю Ивановичу?—спросилъ монахъ.

— Желалъ бы быть родственникомъ, братомъ этого человѣка, но судьба не дала мнѣ этого счастія. Я только простой почитатель его прекраснаго таланта. Я лично не зналъ его.

— Жаль, очень жаль, что вы, кромѣ литературной славы покойника, не знали еще прекрасной души его. Онъ былъ истинно-добрый человѣкъ. Царство ему небесное! Я никогда не забуду Николая Ивановича. Онъ былъ благодѣтелемъ моей бѣдной матери и двухъ малютокъ, сестеръ моихъ.

— Сердечно радуюсь, что къ имени извѣстнаго писателя прибавляется еще имя добраго человѣка.

— Когда-нибудь посѣтите мою скромную келью. Я разскажу вамъ одну благородную черту изъ жизни покойнаго Гнѣдича.

Происшествіе это достойно вниманія. Вы увидите, какъ добръ и чувствителенъ былъ покойникъ. Въ Лаврѣ, у привратника, спросите отца Іоанна. Прощайте!

Три дня спустя послѣ этого, я посѣтилъ отца Іоанна. Въ тихой и уединенной кельи юный монахъ сидѣлъ задумчиво у небольшаго столика, вперивъ глаза на изображеніе Спасителя. На столикѣ лежала раскрытая книга: «Путешествіе ко святымъ русскимъ мѣстамъ».

— Здравствуйте! очень благодаренъ, что вы не забыли посѣтить отшельника, сказалъ мнѣ монахъ. До всенощной еще три часа, а въ это время мы успѣемъ много, очень много поговорить. Садитесь.

— Я сѣлъ; молодой монахъ прекрасно и краснорѣчиво говорилъ о многихъ предметахъ, относящихся до христіанской религіи, отзывался съ отличной стороны о книгѣ: «Путешествіе ко святымъ русскимъ мѣстамъ», прочиталъ двѣ три страницы изъ этой книги, которыя называлъ высокою духовною поэзіею, и наконецъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

«Я родился въ Лифляндіи. Отецъ мой былъ бѣдный священникъ русской деревни Н. На четырнадцатомъ году я поступилъ въ здѣшнюю Духовную Академію. Время летѣло—я былъ уже въ риторическомъ классѣ, какъ по одному непріятному дѣлу отецъ мой долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ. Спустя годъ, дѣло кончилось въ пользу отца моего; но онъ не дожилъ до этого, и переселился въ вѣчность. Осталась бѣдная, горестная мать, съ двумя малолѣтными дѣтьми, отъ двухъ до трехъ лѣтъ. Мать моя, женщина великой души, не умѣла и не могла просить. Живя на Выборгской-сторонѣ, она работала день и ночь; но что могла выработать слабая женщина, обремененная семействомъ! Она страдала—и къ довершенію несчастія заболѣла. Это положеніе было ужасно. Не дай Богъ никому испытать его. —Къ намъ въ Академію, къ Ректору Н. Н., ходилъ одинъ благородный, лѣтъ пятидесяти мужчина. Я часто встрѣчалъ его, но не зналъ, кто онъ. При встрѣчѣ, я всегда привѣтствовалъ его поклономъ, и онъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ-же. Въ свободное отъ ученія время я ходилъ на старое кладбище. Тамъ у богатаго, огромнаго памятника гражданина Кусова, я всегда молился Тому, Которому я предназначенъ былъ на служеніе. Я плакалъ; да, я плакалъ, какъ дитя, объ участи моей матери. Однажды, когда я, предавшись слезамъ, усердно молился Спасителю міра, ко мнѣ подошелъ незнакомецъ. Онъ подалъ мнѣ руку,

спросилъ съ участіемъ о моей горести. Я разсказалъ ему въ коротких словахъ о состояніи моей матери. Онъ спросилъ меня, гдѣ она живетъ, совѣтовалъ успокоиться, надѣяться на Бога—и ушелъ. Послѣ я узналъ, что это былъ незабвенный Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.

Чрезъ четыре дня, въ воскресенье, отпросившись у Ректора, я пошелъ на Выборгскую-сторону, къ матери. Мнѣ сказали, что она переѣхала. Отыскавъ квартиру ея, я крайне удивился, увидѣвъ, что она поселилась въ прекрасной, чистой и свѣтлой квартиркѣ, вмѣсто того смраднаго, темнаго уголка, гдѣ она дотого жила. Во всемъ было замѣтно довольство: малютки дѣти были одѣты опрятно. Мать моя здоровьемъ стала оправляться. Поздоровавшись, я спросилъ, кто виновникъ этой счастливой перемѣны. Мнѣ со слезами благодарности сказали имя генія-утѣшителя. Это былъ Гнѣдичъ. Онъ отыскалъ прежнюю квартиру моей матери, удостовѣрился въ ея несчастномъ положеніи, самъ нанялъ для нея другую квартиру, самъ озаботился о переѣздѣ больной, пригласилъ знакомаго врача для пользованія, одѣлъ и обулъ малютокъ сестеръ моихъ—и каждый день навѣдывался о здоровьѣ больной. Богъ да благословитъ его въ Царствѣ небесномъ! Первая моя молитва къ Богу есть о благодѣтелѣ моей несчастной матери. Но постойте, мало еще этого: незабвенный Гнѣдичъ выхлопоталъ бѣдной матери моей у одного добраго вельможи, по смерть ея, пенсіонъ, и пристроилъ дѣтей ея въ казенныя заведенія. Все это сдѣлано было тихо, скромно,—родные и друзья его, вѣроятно, объ этомъ не знали и не знаютъ. Вотъ черта великая, благородная, изъ жизни любимаго нами поэта. Послѣ-того я часто видѣлъ Гнѣдича—и онъ подарилъ мнѣ безсмертный переводъ Омира....

Такъ кончилъ монахъ.

Два мѣсяца я не былъ въ Невскомъ-монастырѣ. 30-го августа, въ день праздника благовѣрнаго князя Александра Невскаго, я зашелъ въ Лавру, отслушалъ обѣдню, и по окончаніи службы, пошелъ къ отцу Іоанну, но къ удивленію, вмѣсто юнаго монаха, встрѣтилъ въ его кельѣ почтеннаго, сѣдовласаго старца.

Я спросилъ объ отцѣ Іоаннѣ, и старикъ, вздохнувъ, сказалъ мнѣ:

— Молодой братъ нашъ приказалъ долго жить—13-го августа, онъ скончался».

Поговоривъ съ почтеннымъ старцемъ, я пошелъ на могилу юнаго монаха:—онъ схороненъ недалеко отъ Гнѣдича.

А. ГРЕНЪ.

МЫСЛЬ И УЛЫБКА.

Уважая всякое совершенствованіе, всякое стремленіе къ улучшенію, мы съ намѣреніемъ молчали объ *Пантеонѣ*, перемѣнившемъ въ нынѣшнемъ году свою *наружную* форму, и украсившемъ свою обертку новыми украшеніями, между которыми есть и вазы, и тарелки, и блюда, и флейты, и балалайка, и зеркало, и горшокъ съ кистями, и волынка, и столбики. Между-тѣмъ, какъ мы ожидали терпѣливо *внутренняго* улучшенія Пантеона, онъ напечаталъ въ своемъ *Петербургскомъ Вѣстникѣ* строгую критику на «Сынъ Отечества».

Замѣтимъ *Вѣстнику* Пантеона, что было время, когда журналъ могъ ожидать успѣха отъ справедливыхъ или несправедливыхъ нападковъ на другіе журналы. Но это время прошло: наступила пора критики дѣльной, справедливой, и, главное, приличной. Только такую критику признаетъ образованное большинство.

Судъ Вѣстника рѣшителенъ: все въ «Сынѣ Отечества» слабо, дурно, никуда не годится.

Благодаримъ за вниманіе.

* * *

Говорятъ, что первое условіе хорошей критики—справедливость, точность показаній.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ исполняетъ это условіе *Вѣстникъ*. На всѣ критики «Сынъ Отечества» не отвѣчалъ и небудетъ отвѣчать пустыми фразами, облеченными въ пышное названіе *возраженій*. Мы всегда представляли *доказательства*, и такъ же поступимъ и въ настоящемъ случаѣ.

* * *

Вѣстникъ говоритъ:

Прошлогодній *зеленый* цвѣтъ своей обертки, цвѣтъ надежды, онъ (С. О.) перемѣнилъ на желтый.

Прошлогодній цвѣтъ обертки «Сына Отечества» былъ *спро-*

голубой, а не *зеленый*. Доказательство на лицо. Вставленное критикомъ острое словцо—*цвѣтъ надежды*—не оправдалось.

* *
*

За оберткой первой книжки вклеено маленькое объявленіе о томъ, что январская книга выйдетъ 1-го февраля, февральская—1-го марта, и т. д. Этотъ способъ издавать журналъ въ срокъ — вѣроятно, совершенно новое изобрѣтеніе.

Способъ этотъ очень *логиченъ*. Изъ всѣхъ ежемѣсячныхъ журналовъ одинъ «Сынъ Отечества» имѣетъ отдѣлъ *Политики*, въ которомъ онъ представляетъ отчетъ, такъ-сказать, о политическихъ событіяхъ истекшаго мѣсяца. Слѣдовательно — не справедливѣе ли назвать январскою ту книгу, которая заключаетъ въ себѣ политическій обзоръ за январь, нежели ту, которая говоритъ о томъ, что было въ декабрѣ?

Во всякомъ случаѣ, лучше предупредить подписчиковъ о выпускѣ журнала въ концѣ мѣсяца, нежели выпускать 28 числа журналъ, опредѣливъ ему срокъ выхода отъ 15 до 20 числа, какъ обѣщано въ программѣ Пантеона.

* *
*

Затѣмъ *Вѣстнику* не нравится разсказъ г. Фурманна, подъ заглавіемъ: «Еще эпилогъ къ роману: Лѣсной Бродяга». Вотъ слова *Вѣстника* по поводу этого разсказа:

Складочные магазины города, по словамъ г. Фурманна, представляютъ изумительное зрѣлище: полы ихъ завалены кучами золота, серебра, платины, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней.... Изумительный въ-самомъ-дѣлѣ городъ: все это валяется по полу магазиновъ!

Немногія вступительныя слова разсказа г. Фурманна заимствованы изъ любопытной статьи, напечатанной въ Revue Brittanique, о городѣ Соутемптонѣ.

Переводъ этой статьи напечатанъ въ № 94 Сѣверной Пчелы, и вотъ тѣ же слова:

«....Тогда полъ обширной кладовой бываетъ, *въ буквальномъ смыслѣ, загроможденъ* грудами золота, платины и жемчуга....»

Не знаемъ, кому въ этомъ случаѣ должно повѣрить: сотруднику ли Revue Brittanique, описывающему то, что видѣлъ, или *Вѣстнику* Пантеона, сомнѣвающемуся въ томъ, чего не видѣлъ. Кромѣ-того слово *завалены* вовсе не одно и то же, что слово *валяться*.

* *
*

Далѣе:

Габріель Ферри смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ находилась Франція, но взглядъ его обращался въ другую, куда лежалъ путь его (какъ онъ могъ смотрѣть разомъ въ двѣ стороны, не будучи косоглазымъ—неизвѣстно), и улыбка надежды радостнаго свиданія, разгоняла облачко грусти.

Если повѣрить критикѣ *Вѣстника*, то въ этомъ мѣстѣ разсказа г. Фурманна дѣйствительно выходитъ несообразность.

А между-тѣмъ, вотъ въ чемъ дѣло, ясно и опредѣлительно высказанное.

Когда Габріель Ферри смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ находилась Франція, лицо его оттѣнялось легкою грустію; но — взглядъ его обращался въ другую сторону, туда, куда лежалъ путь его, и улыбка надежды радостнаго свиданія, разгоняла облачко грусти.

* * *

Далѣе:

Габріелю Ферри было невыразимо скучно и тяжело, *хотя тотъ* (?!) сидѣлъ одинъ на палубѣ....

Этого мы не нашли въ разсказѣ г. Фурманна.

* * *

.....Тутъ вы встрѣтите Индѣйца, въ *чашкѣ* изъ древесной коры....

Исторія слова, напечатаннаго курсивомъ, очень забавна. Прежде всего мы должны сказать, что во всемъ разсказѣ г. Фурманна мы не нашли ни одного Индѣйца въ *чашкѣ* изъ древесной коры. Въ разсказѣ «Еще эпилогъ» напечатано, на 86 стр., «въ *чаллѣ* изъ древесной коры», а отъ автора этого разсказа мы узнали, что это ошибка наборщика и корректора, и что слѣдовало напечатать «*въ челнокѣ*». Опечатку эту можно бы поставить въ вину издателю «Сына Отечества», еслибъ Пантеонъ не оказалъ ему важной услуги, превративъ первобытный *челнокъ* изъ ошибочной *чаллы* въ безсмысленную *чашку*.

Душевно благодаримъ издателя Пантеона.

* * *

Кстати о словѣ *издатель*.

Въ той же самой рецензіи, о которой мы говоримъ, *Вѣстникъ* восклицаетъ иронически:

На оберткѣ, послѣ названія журнала, выставлено: изданіе П. Р. Фурманна; о редакторѣ, какъ о лицѣ второстепенномъ въ журналѣ, не упоминается.

Это замѣчаніе относится столько же къ Сыну Отечества, какъ и къ Пантеону: на заглавномъ листѣ этого журнала читаемъ: «Пантеонъ».

«Журналъ литературно-художественный, издаваемый Федоромъ Кони.»

Прибавимъ словами *Вѣстника:*

О редакторѣ, какъ о лицѣ второстепенномъ въ журналѣ—не упоминается.

* * *

Далѣе:

Часть экипажа и часть пассажировъ *Америки* спасены.

Въ разсказѣ г. Фурманна напечатано:
«Часть экипажа и часть пассажировъ *Амазонки* спасены.»
Это, вѣрно, опечатка *Вѣстника*.

* * *

Между послѣдними нѣтъ г. де-Бельмара.

(Большое тире и промежутокъ строкъ въ десять.)

Напечатанное курсивомъ есть замѣчаніе *Вѣстника*.

Большое тире ограничивается небольшою черточкою —.

Промежутокъ строкъ въ десять ограничивается ровно промежуткомъ *въ четыре строки*, и то только потому, что этими словами оканчивается разсказъ.

* * *

Вотъ еще замѣчаніе:

Не странно ли заставлять дѣйствительно существовавшее лицо говорить и думать то, чего онъ никогда, *можетъ-быть*, (!!!) не думалъ и не говорилъ?

Послѣ такого вопроса всѣ историческія драмы Шекспира и Шиллера странны, всѣ историческіе романы—странны!

* *
*

Продолжаемъ выписывать:

Въ первыхъ двухъ книгахъ (С. О.) напечатанъ переводъ послѣдняго романа Сю: «Миссъ Мери», появившійся *еще прежде* въ «Библіотекѣ для чтенія», подъ названіемъ «Гувернантка.»

Опять неточность. Въ «Сынѣ Отечества» романъ Сю напечатанъ въ двухъ книгахъ: январской и февральской, а въ Библіотеки для чтенія въ четырехъ: январской, февральской, мартовской и апрѣльской. Какимъ же образомъ романъ этотъ появился *еще прежде* въ Библіотекѣ для чтенія?

* *
*

Весьма любопытно разсужденіе Пантеона о статьѣ г. Петра Тибо: «Разборъ нѣкоторыхъ явленій природы, на основаніи законовъ физики и химіи».

Замѣчанія на эту статью мы помѣстимъ отдѣльно.

* *
*

Еще:

Критика въ Сынѣ Отечества *соединена вмѣстѣ* (?) съ Библіографіей, которая *въ свою очередь* (?) состоитъ изъ незначительныхъ статеекъ. *Нечего* и говорить о неполнотѣ этого отдѣла.

Не говоря уже о томъ, что выраженіе *соединить вмѣстѣ* довольно странно, мы укажемъ на нѣкоторыя критическія статьи, помѣщенныя въ вышедшихъ нумерахъ «Сына Отечества».

1. Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ.
2. Описаніе пути отъ Иркутска до Москвы.
3. Общая судебно-медицинская и полицейская химія.
4. Физическая географія.
5. Указатель замѣчательныхъ открытій по физическимъ и естественнымъ наукамъ.
6. Общепонятная физика.
7. Физика для популярнаго чтенія.
8. Описаніе привилегированной сушильни.
9. Изслѣдованіе о производительныхъ силахъ Россіи.
10. Математическая географія и первыя начала космографіи.
11. Курсъ химической технологіи.
12. Вспомогательное средство.
13. Изслѣдованіе о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго-моря.
14. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи....

Не хотимъ болѣе выписывать заглавія серьозныхъ критическихъ статей, и отъ души желаемъ, чтобы въ Пантеонѣ печатались подобныя статьи.

* *
*

Говоря о «Смѣси», *Вѣстникъ* увѣряетъ, что въ «Сынѣ Отечества» напечатана:

«*Оска*» Диккенса (,) также хорошая *вещь* (!), но переведенная уже во многихъ (?) журналахъ.

Оски, хорошей *вещи* Диккенса, мы не нашли ни въ одной изъ книгъ «Сына Отечества». Есть статья (не вещь) Диккенса, подъ заглавіемъ: *Елка*, но *Оски* нѣтъ.

Желательно бы знать, въ какихъ именно *многихъ* журналахъ переведена *вещь Оска*?

* *
*

Въ этой же замѣткѣ *Вѣстникъ* говоритъ, что *вся* Смѣсь состоитъ изъ *большихъ* статей, а далѣе:

«Прогулка по окрестностямъ Архангельска» *очень коротка*.

* *
*

Далѣе:

Въ Смѣси же, въ концѣ каждаго номера помѣщаются подъ названіемъ «Мысль и Улыбка» статейки самаго издателя....

Отъ чего же извѣстно Вѣстнику, что это статейки *самаго издателя?* Развѣ подъ нимп есть или была когда-нибудь подпись?

* *
*

Вѣстникъ, желая поймать «Сынъ Отечества» на словѣ, продолжаетъ:

.....авторъ говоритъ, «Мысль и Улыбка» отличается отъ разныхъ «Писемъ» тѣмъ, что вовсе не говоритъ о Сынѣ Отечества, предполагая въ читателяхъ столько вкуса и ума, что они сами съумѣютъ оцѣнить произведенія, напечатанныя въ «Сынѣ Отечества.»—Черезъ двѣ страницы, авторъ говоритъ: «Въ массѣ разнородныхъ пьесъ меня поразила маленькая піеска: *И дружба и любовь.* Это граціозное произведеніе молодой писательницы, г-жи Тальцевой.... Въ будущемъ мѣсяцѣ, Сынъ Отечества познакомитъ читателей поближе со свѣжимъ и граціознымъ талантомъ г-жи Тальцевой.» — *Спрашиваемъ* (?), что-же это такое? сначала въ читателяхъ предполагается и вкусъ и умъ, а потомъ *расхваливается заранѣе повѣсть*, помѣщенная въ третьей книгѣ, хоть *прежде и говорилось* (!), что Мысль и Улыбка вовсе не упоминаетъ о Сынѣ Отечества.

Мысль и Улыбка хвалитъ піесу ***И дружба и любовь,*** и вслѣдъ за тѣмъ объявляетъ, что въ будущемъ мѣсяцѣ познакомитъ читателей съ талантомъ г-жи Тальцевой — ergo, изъ этого слѣдуетъ, что «Сынъ Отечества» себя хвалитъ. не логично, воля ваша!

Еслибы «Сынъ Отечества» напечаталъ статью, и потомъ бы сталъ расхваливать ее,тогда замѣчаніе ***Вѣстника*** было бы справедливо. Но—«Сынъ Отечества», признавая, по своему крайнему разумѣнію, талантъ въ г-жѣ Тальцевой, извѣщаетъ только читателей, что познакомитъ ихъ съ этимъ талантомъ.

Не таковъ Пантеонъ: Въ *январской же книгѣ* онъ хвалитъ всѣ свои статьи, напечатанныя въ *январской же книгѣ!*

Говоря такимъ-образомъ о «Сынѣ Отечества», *вѣстникъ* останавливается на драмѣ Н. В. Кукольника, «Денщикъ.» Весьма наивно сознается онъ, что *въ дарованіи* г. Кукольника, конечно никто *не будетъ сомнѣваться*....

Вѣстникъ признаетъ *дарованіе* въ авторѣ такихъ произведеній, каковы: Торквато Тассо», «Рука Всевышняго Отечество спасла», «Князя Скопина Шуйскаго», «Джуліо Мости», «Князя Холмскаго», «Ивана Рябова», «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова», «Евелины де-Вальероль», «Ж. Б. Людо», «Капустинъ», «Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ», «Часовой», «М. С. Березовскій» и множество другихъ произведеній, прочитанныхъ, читаемыхъ и любимыхъ всею Россіею!...

* *
*

Затѣмъ *Вѣстникъ*, соблаговолившій признать дарованіе въ Н. В. Кукольникѣ, приступаетъ къ *ближайшему разбору* его піесы.

Посмотримъ, какъ *вѣстникъ* разбираетъ драму Н. В. Кукольника: «Денщикъ».

* *
*

Первый *темный отливъ на брилліантѣ*, (слова *Вѣстника*, немилосердно преслѣдующаго *фигуральныя* выраженія въ драмѣ Н. В. Кукольника):

...Играетъ сердцемъ капитана Саксе, какъ мячикомъ.
Сердце даже и формою не похоже на мячикъ, и играть имъ довольно неудобно.

Это замѣчаніе не требуетъ возраженій. Счастливъ тотъ авторъ, произведеніе котораго подвергается только подобнымъ критикамъ!

* *
*

Чтобы доказать, какъ удобно и легко писать *подобныя* критики, открываемъ наудачу, 4 нумеръ Пантеона:

Смѣсь стр. 10.

Что̀ это! Не Афродита ли выказывается, какъ снѣжная пѣна изъ прозрачныхъ водъ бездоннаго моря?

Вникните въ эту *фразу*, и вы увидите всю неясность ея.

Начнемъ съ конца:

Наука не открыла еще до-сихъ-поръ *бездоннаго моря*.

Извѣстно, что о *прозрачности воды* можно судить только тамъ, гдѣ *дно неглубоко*. Какъ же *бездонное море* можетъ имѣть *прозрачныя воды?* Какъ узнать, что онѣ прозрачны?

Что́ за выраженіе СНѢЖНАЯ ПѢНА на *прозрачныхъ* водахъ *бездоннаго* моря?

Видѣлъ ли кто-нибудь *пѣну* снѣга?

Можетъ ли *снѣгъ* выказываться въ *прозрачныхъ* водахъ *бездоннаго* моря?

Хороша наконецъ *Афродита, выказывающаяся* какъ *снѣжная пѣна изъ* (!) *прозрачныхъ* водъ *бездоннаго* моря!!!

Спрашиваемъ наконецъ: можно ли *критиковать* общепринятое выраженіе *играть сердцемъ какъ мячикомъ*, въ журналѣ, въ томъ же самомъ нумерѣ котораго *Афродита выказывается* какъ *снѣжная пѣна* и прочее, и прочее, и прочее....

Приводимъ этотъ примѣръ только для того, чтобы доказать, какъ легки подобныя критики.

* *
*

Собирая тщательно всѣ замѣчанія, даже до него и не имъ сдѣланныя, *Вѣстникъ* не преминулъ упомянуть и о томъ, что молодой Тузловъ, *со своимъ французскимъ языкомъ*, лицо неестественное.

Почему *неестественное*, о томъ *Вѣстникъ* умалчиваетъ.

* *
*

Перепечатываемъ, *безъ всякихъ измѣненій*, стихи, приводимыя *Вѣстникомъ:*

И страхомъ озабоченной Европы
Ростъ русскаго величья измѣрять.
И слиткомъ олова упало сердце (куда?)
Желчь ищи въ устахъ. Уподленное сердце
Въ пустой груди шелохнуться не смѣетъ,
Гдѣ двадцать лѣтъ моей *отрадной* службы?
Въ одно мгновеніе какъ прахъ сгорѣли (лѣта-то)!
Ихъ оставы *торчатъ* на пепелищѣ....
....*Я собственнаго чувства* не увидѣлъ
Въ *скудельномъ* сердцѣ дѣвушки невинной.

Читатель, незнакомый съ драмой П. В. Кукольника (ихъ, къ чести нашей образованной публики, немного), съ изумленіемъ остановится на этихъ стихахъ. Въ нихъ нѣтъ ни связи, ни смысла.

Неужели ихъ написалъ П. В. Кукольникъ?

Посмотримъ.

* *
*

Книга II Сына Отечества, Отдѣлъ Русской Словесности, стр. 60, строки 9 и 10 сверху:

И страхомъ озабоченной Европы
Ростъ Русскаго величья *измѣряетъ*.

Дѣйствительно, эти два *прекрасные* стиха мы находимъ въ Денщикѣ, только *Вѣстникъ* Пантеона, вмѣсто *измѣряетъ* напечаталъ *измѣрять*.

Это еще *опечатка Вѣстника*.

* *
*

Но какъ же вдругъ, послѣ этихъ звучныхъ и сильныхъ стиховъ, слѣдуетъ, безъ всякаго отдѣленія, слѣдующій:

И слиткомъ олова упало сердце...?

Мы поискали, и нашли этотъ стихъ, только не на 60 же, а на 74 страницѣ.

Зачѣмъ же онъ стоитъ рядомъ съ двумя предшествующими?

Вѣстникъ спрашиваетъ: *куда* упало сердце? Мы, со своей стороны, не считаемъ нужнымъ пояснять этаго: потому-что всякій благонамѣренный читатель пойметъ выразительность этого стиха....

И слиткомъ олова упало сердце....

Не слышится ли въ этихъ словахъ тяжелое горе, проникнувшее, такъ-сказать, сердце?...

* *
*

Послѣ этого стиха, пропущено три, и *Вѣстникъ*, не отдѣливъ его даже точкою, продолжаетъ, какъ бы выписывая сряду и безъ пропусковъ:

Желчь лжи въ устахъ. Уподленное сердце,
Въ пустой груди шелохнуться не смѣетъ, (....)
Гдѣ двадцать лѣтъ и т. д.

Что это за стихъ:

Желчь лжи въ устахъ. Уподленное сердце....?!!

Мы справились съ подлинникомъ, и нашли:

ЖЕЛЧЬ ЛЖИ въ устахъ.

* *
*

Далѣе опять пропущенъ стихъ, и слѣдуетъ:

....Я собственнаго чувства не увидѣлъ
Въ *скудельномъ* сердцѣ дѣвушки невинной.

Въ первомъ стихѣ выставляется курсивомъ на судъ читателей:

Я собственнаго чувства....

Обыкновеннымъ шрифтомъ напечатано:

не увидѣлъ....

Мы вынуждены сдѣлать небольшое измѣненіе: первыя три слова оставить обыкновеннымъ шрифтомъ, а послѣднія два: *не увидѣлъ*, поставить курсивомъ, потому-что они чистое изобрѣтеніе *Вѣстника*.

Въ подлинникѣ напечатано:

Я собственнаго чувства НЕ УВАЖИЛЪ.... а не—*не увидѣлъ*.

* *
*

Вотъ все,—*говоритъ Вѣстникъ*—что мы нашли достойнаго охужденія въ драмѣ г. Кукольника.

Мы желали бы, чтобы онъ исправилъ замѣченные нами недостатки во второмъ изданіи своего Денщика....

Мы, кажется, достаточно доказали, что недостатки существуютъ не въ Денщикѣ, а въ искаженіи, допущенномъ *Вѣстникомъ* Пантеона.

Но вотъ окончаніе критики:

....во второмъ изданіи своего Денщика, который *очень скоро* войдетъ въ полное собраніе *его* сочиненій, издаваемое теперь *имъ самимъ*.

* *
*

Н. В. Кукольникъ, писатель и человѣкъ, котораго мы любимъ и уважаемъ, разсказалъ намъ, въ простой бесѣдѣ, что Денщикъ выйдетъ въ полномъ собраніи его сочиненій *никакъ не ранѣе декабря*. Это вовсе не условіе, заключенное съ издателемъ «Сына Отечества», а собственный разсчетъ Н. В. Кукольника. Число сочиненій его такъ велико, что послѣднее созданіе его и не можетъ выдти ранѣе назначеннаго имъ срока.

Что же касается до издателя «Сына Отечества», то мы знаемъ навѣрное, что онъ былъ бы очень радъ встрѣтить хоть завтра Денщика въ полномъ собраніи сочиненій Н. В. Кукольника, безъ всякаго ущерба своему изданію, потому-что у него осталось весьма немного экземпляровъ * «Сына Отечества» нынѣшняго года.

Два прошедшіе года, 1850 и 1851, и начало нынѣшняго, возвратили «Сыну Отечества» довѣріе публики, а Денщикъ, прекрасное произведеніе Н. В. Кукольника и многія другія замѣчательныя статьи обратили на него особенное вниманіе просвѣщенной Россіи.

* *
*

* *ДВАДЦАТЬ-СЕМЬ* экземпляровъ. Прим. содержателя типографіи.

Довольно.

Читатели «Сына Отечества» знаютъ, что мы никогда не вдаемся въ пустыя и скучныя пренія, и всегда предпочитали имъ какой-либо легкій, остроумный и шуточный разсказъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могли оставить безъ возраженія критики, основанной, какъ мы показали выше, на измѣненіи словъ въ текстѣ, на произвольныхъ и превратныхъ разсужденіяхъ о такомъ прекрасномъ явленіи въ литературѣ, какова драма: «Денщикъ»—Г. Кукольника.

—

МОДЫ.

Въ модномъ мірѣ нѣтъ особенно замѣчательныхъ новостей. Платья *радуги*, *альбанезки* и *баядерки* въ большомъ ходу. Въ бальныхъ нарядахъ цвѣты играютъ главную роль и, право, они очаровательнѣе брилліантовъ и всевозможныхъ драгоцѣнныхъ уборовъ. Гирлянды, которыми украшаютъ головы, довольно велики; часто отъ нихъ идутъ вѣтви, опускающіяся до самыхъ плечъ. Это въ высшей степени граціозно.

Еще носятъ полутуалетныя тафтяныя платья, съ шотландскими полосками или усыпанныя мелкими крапинками. Барежевыя платья съ воланами также очень нравятся.

Между шалями появились новыя, называемыя *Египетскими*. Это самая новая новость. Эти шали очень длинны, поле ихъ одного цвѣта, а края украшены широкимъ бордюромъ, самаго изящнаго рисунка и прелестныхъ цвѣтовъ. Бордюръ вышитъ шелкомъ, перемѣшаннымъ мѣстами съ золотою нитью. Тѣ, на которыхъ нѣтъ золота, нравятся намъ болѣе.

Шляпки очень милы въ нынѣшнемъ году. Соломенные цвѣты очень нравятся, но такъ-какъ они съ виду очень скромны, то употребляются только въ полутуалетахъ. Бархатъ и чорныя кружева также весьма изящны для украшенія соломенныхъ шляпокъ. Внутренность простыхъ соломенныхъ шляпокъ, для утреннихъ визитовъ и прогулокъ подбивается тафтой.

Мы слышали, что въ будущемъ мѣсяцѣ Парижъ пришлетъ намъ множество новостей. Ждемъ съ нетерпѣніемъ.

ВЪ МАГАЗИНѢ РУССКИХЪ КНИГЪ

В. ПОЛЯНОВА,

Въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ-дворѣ, по Суконной-линіи, подъ № 67.

ПРОДАЮТСЯ:

Цѣны на серебро.

О КОМНАТНЫХЪ ДАМСКИХЪ СОБАЧКАХЪ. Соч. М. А В. С.Пб. 1852 г. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к.

НЕОБХОДИМЫЯ ЖИЗНЕННЫЯ ПОТРЕБНОСТИ ВСЯКАГО ЧЕЛОВѢКА, или о томъ, когда нужно человѣку ѣсть, пить, ложиться спать и вставать. Соч. М. Данилова. С.Пб. 1852 г. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к.

ИСТОРІЯ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. Соч. Сергѣя Соловьева. Томъ второй. Москва. 1852 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Тожъ, томъ первый. Москва. 1851 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

МИССЪ МЕРИ ИЛИ ГУВЕРНАНТКА, романъ Евгенія Сю. Двѣ части. С.Пб. 1852 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ЧТЕНІЯ О ПРЕДМЕТАХЪ ФИЗИКИ, составленныя для дѣвицъ старшаго курса Патріотическаго Института, М. Пчельниковымъ С.Пб. 1852 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к

О ВЕСЕННЕМЪ ЛЕЧЕНІИ БОЛѢЗНЕЙ, или наставленіе, какъ весною и лѣтомъ лечиться травами, травяными соками, молокомъ, сывороткою, холодными и теплыми ваннами, естественными и искусственными минеральными и морскими водами, озерною и морскою грязью, начертанное докторомъ медицины Александромъ Никитинымъ. Изданіе третье, исправленное. С.Пб. 1852 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Евгенія Гребенки. Восемь частей. С.Пб. 1847 г. Цѣна 2 р., съ перес 2 р. 50 к.

ИСКУССТВО ПРОДЛИТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ (Макробіотика). Сочиненіе Христофора Вильгельма Гуфеланда, перевелъ и дополнилъ многими замѣчаніями и жизнеописаніемъ автора П. Заблоцкій С.Пб. 1852 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р 75 к.

ДАРЕДЖАНА имеретинская, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Я. П. Полонскаго. Москва 1852 г. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

ПОТЕМКИНЪ какъ казакъ войска Запорожскаго. Соч. Николая Симантовскаго. Въ двухъ частяхъ, съ картинками. С.Пб. Цѣна 1 р. 50 к.

ЕКОНОМИЧЕСКІЙ ЛЕКСИКОНЪ городскаго и сельскаго хозяйства. Составл. К. Авдѣевою и А. Авдѣевымъ. С.Пб. Въ 2 частяхъ. Цѣна 2 р.

СОЧИНЕНІЯ ЛЕРМАНТОВА. Въ двухъ частяхъ. С.Пб. Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

АЛЬМОНАХЪ ГАСТРОНОМОВЪ, заключающій въ себѣ 30 полныхъ обѣдовъ, означенныхъ записками русскими и французскими, правила для накрытія стола, служенія за онымъ, порядокъ винъ, т. е. какое именно за которымъ кушаньемъ подается, и Практическое руководство для кухни. Сост. И. М. Радецкимъ. С.Пб. Цѣна 1 р. 50 к.

ВСТУПЛЕНІЕ МОЛОДОЙ ДѢВИЦЫ ВЪ СВѢТЪ, или наставленіе, какъ должна поступать молодая дѣвица при визитахъ, на балахъ, обѣдахъ и ужинахъ, въ театрѣ, концертахъ и собраніяхъ. Перев. съ нѣмец. баронессы Юліи фонъ Икскюль. С.Пб. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к.

МАЛЕНЬКІЕ НАТУРАЛИСТЫ, или семейныя бесѣды о животныхъ, растеніяхъ и минералахъ. Соч. Г-жи Ульякъ Тремадеръ, перев. Г-жи Ротчевой. Въ 2 частяхъ С.Пб. Цѣна: съ чорн. картинк. 3 р. 50 к., съ раскрашенн. 4 р. 50 к., за пересылку прилагается 50 к.

РАФАЭЛЬ, страницы двадцатаго года жизни А. Ламартина. Москва. Цѣна 1 р. 50 к.

ТЕОРІЯ И МИМИКА СТРАСТЕЙ. Соч. В. Классовскаго. Съ литографированною картинкою. С.Пб. Цѣна 75 к.

ПОВАРЕННАЯ КНИГА. 1102 наставленія. Изд. третье, въ 3 частяхъ, съ дополненіемъ по наставленіямъ Яра. Москва, 1 р. 50 к.

МЕТОДА РОБЕРТСОНА. Практическіе уроки французскаго языка, съ грамматическимъ ихъ обзоромъ и краткимъ изложеніемъ (ключомъ) оной методы. Въ пользу русскаго юношества. Сост. Яковъ Лангенъ С.Пб. Цѣна 75 к.

Гг. завѣдывающіе полковыми и другими библіотеками могутъ высылать свои требованія съ частью причитающейся по смѣтѣ суммы.

Гг. иногородные, желающіе имѣть книги въ переплетѣ, платятъ за каждую книгу: въ простомъ кожанномъ корешкѣ 20 к. сер., въ сафьянномъ французскомъ корешкѣ 40 к. Если книги встрѣтятся форматомъ въ 4-ю долю листа или въ листъ, то плата за переплетъ удвоивается.

Гг. иногородные благоволятъ адрессоваться за всѣми вообще, какъ прежде изданными, такъ и вновь выходящими замѣчательными произведеніями русской литературы, по всѣмъ отраслямъ наукъ и изящной словесности, находящимися въ моемъ магазинѣ, въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ.

Всѣ требованія будутъ выполняемы безостановочно, съ уступкою, соразмѣрною достоинству и количеству требуемыхъ книгъ.